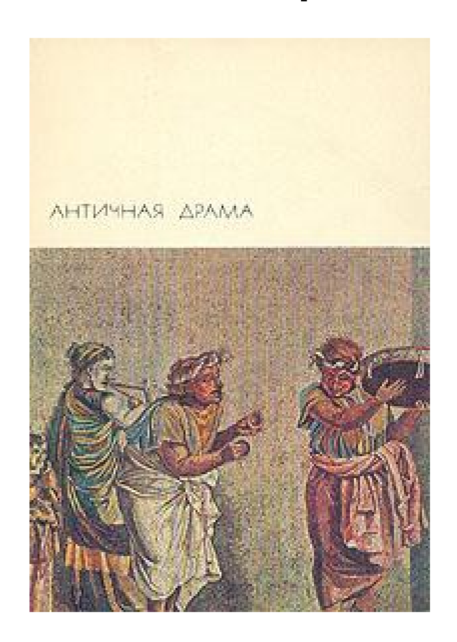
Эсхил Софокл Еврипид Аристофан Менандр Тит Макций Плавт Публий Теренций Афр Луций Анней Сенека
Античная драма

2.01 — дополнительная вычитка, земена иллюстраций — час
«Античная драма»: "Художественная литература"; Москва; 1970

Аннотация

В том вошли шедевры античной драмы. Здесь представлены произведения Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана и других авторов

АНТИЧНАЯ ДРАМА

Античная драма

От Эсхила, которым открывается этот том, до Сенеки, который его завершает, прошло добрых пять веков — время огромное. И в сознании любого, кто мало-мальски знаком с крупнейшими писателями разных эпох и народов, два этих имени обладают, конечно, далеко не одинаковым весом. Когда говорят: «Эсхил», — сразу возникает у одних смутный, у других более или менее четкий образ «отца трагедии», образ почтенно-хрестоматийный, даже величественный, представляются мрамор античного бюста, свиток рукописи, актерская маска, залитый южным, средиземноморским солнцем амфитеатр. И сразу же память подсказывает еще два имени: Софокл, Еврипид. Но Сенека? Если тут и возникнут какие-то ассоциации, то, во всяком случае, не театральные: «Ах да, это тот, который вскрыл себе вены по приказу Нерона…». Справедлива ли такая несоизмеримость посмертной писательской славы Эсхила и Сенеки? Да, справедлива, вне всяких сомнений. После проверки веками — а тем более тысячелетиями — произвола в отборе самых значительных культурных ценностей в общем-то не бывает.

Почему же, несмотря на то, что Эсхил жил в V веке до н. э. в Греции, а Сенека в I веке н. э. в Риме, и несмотря на то, что один оставил в памяти потомства очень глубокий след, а другой как драматург — след слабый, поверхностный, оба оказались под одним переплетом? По праву ли они встретились? Да, по праву. Книга наша называется «Античная драма», а античная драма, если смотреть на нее нашими, сегодняшними глазами, с расстояния в две тысячи лет, — это все-таки одно целое, спаянное не только общими историческими

предпосылками — рабовладельческим строем, языческой мифологией, — но и чисто литературной преемственностью, которая состояла в заимствовании и развитии технических приемов, в подражании предшественникам или их пародировании, в полемике с ними и порой даже, говоря нынешним языком, в «личных контактах». Известно, например, что Эсхил и Софокл выступали со своими трагедиями на одних и тех же состязаниях и оспаривали друг у друга первый приз. При всех различиях эпох и талантов, расцвета и упадка, при диаметральной, казалось бы, противоположности трагедии и комедии, при разноязычии греков и римлян, при том, что от одних авторов до нас дошла лишь малая часть написанного, а от других вообще ничего не дошло, — при всем при этом античная драматургия представляется нам сегодня тугим клубком, где скрыты концы нитей, тянущихся ко всем позднейшим победам европейского драматургического гения — и к Шекспиру, и к Лопе де Вега, и к Мольеру, и к Островскому.

Как завязался этот клубок, с чего все началось? Достаточно один раз прочесть любую трагедию Эсхила, чтобы почувствовать в ней какую-то старую культуру зрелищ и лицедейства. Прежде всего бросается в глаза непременное присутствие хора — особенность, на современный взгляд, странная. А потом, вчитываясь, замечаешь, что без хора, пожалуй, и действие не двигалось бы: в одном случае не получилось бы диалога, в другом — не было бы необходимой для понимания происходящего экспозиции, в третьем — и это самое поразительное — вообще не было бы главного действующего лица, потому что хор как раз и есть тот герой, вокруг которого вертится драма. И еще замечаешь, читая Эсхила, что партии хора подчинены каким-то своим композиционным правилам и правила эти разработаны весьма изощренно. Хор поет и в начале, когда появляется перед зрителями, и в середине пьесы, когда актеры уходят, и в конце ее, покидая свою площадку — орхестру. Все эти выступления хора имеют даже особые названия — парод, стасим, эксод. — Бросается в глаза и еще одна закономерность: песни хора обычно состоят из парных частей, и вторая («антистрофа») повторяет ритм первой («строфы») на новом тексте. Такая тонкая механика не возникает на голом месте. За ней легко угадывается традиция, и даже если бы мы не располагали античными свидетельствами о происхождении трагедии и о Фринихе, предшественнике Эсхила, первостепенная роль хора и сложная система хоровых партий в эсхиловском театре натолкнули бы нас на мысль, что «первым» Эсхила можно назвать только условно, и указали бы нам на хор как на отправную точку для поисков, которые привели бы к истокам трагической драмы. А сравнивая огромное значение хора в эсхиловских трагедиях с его ролью у поэтов следующего поколения — Софокла и особенно Еврипида, — о которых кто-то, пусть с долей преувеличения, сказал, что их можно без всякого ущерба для понимания смысла читать, пропуская хоровые партии, — еще отчетливее видишь, что хор в трагедии — это ее самое древнее, самое архаичное, самое близкое к началам драмы ядро.

Театр, оживающий на страницах нашего сборника, даже и самый ранний, эсхиловский, — это театр людей уже цивилизованных, обладающих и письменностью, и высокой литературной и музыкальной культурой. Именно культура и сделала возможным тот качественный скачок, каким был переход от обрядовых песен в честь бога Диониса к профессионально подготовленному представлению. Слово «трагедия» значит в переводе «козлиная песнь». Сам по себе перевод еще ничего не объясняет, и поныне существуют разные его толкования, в основе которых, однако, всегда лежит идущая от греков убежденность в том, что родил трагедию культ Диониса, считавшегося покровителем виноградарства и символом животворных сил природы. В честь Диониса издавна устраивались пьяные шествия. Участники этих процессий изображали пастухов — свиту Диониса, они надевали козьи шкуры, вымазывали себе лица виноградным суслом, пели, плясали, славили своего хмельного бога, которого иногда тоже представлял один из ряженых, и завершали обряд жертвоприношением козла. Козьи шкуры на бедрах и спинах «пастухов», козел как традиционный дар Дионису, не говоря уж об известных мифических спутниках этого бога — козлоногих сатирах, — о да, если все началось с дионисийского

культа, то, право же, было достаточно причин, чтобы древнейший жанр драматургии получил свое не очень-то на поверку красивое имя.

Как выделились из хора ряженых запевалы-солисты, как вместо Диониса главными фигурами действа становились другие боги, а вместо богов и наряду с ними — герои мифов, как усложнялось, все больше удаляясь от культовой своей первоосновы, драматическое представление, это не так уж трудно вообразить, а это и есть путь от обрядовых песен к литературной трагедии, зачинателем которой считается Феспид (VI в. до н. э.). Однако, и став литературой, трагедия продолжает развиваться в том же направлении: она становится все более светской, хоровое пенье занимает в ней сравнительно с диалогом все меньше места, среди ее персонажей появляются не только мифические герои, но и реальные исторические лица, такие, например, как персидские цари Ксеркс и Дарий. Она почти обрывает пуповину, связывающую ее с дионисийскими песнями, с религиозным культом.

Но только почти! Если пристальней к ней приглядеться, то полностью она этой пуповины на греческой почве так и не оборвет. Вплоть до Еврипида обязательной принадлежностью театрального реквизита останется жертвенник, а непременной темой трагедийного хора — величание богов; вплоть до Еврипида, и даже чаще всего именно у него, герои и боги будут прибывать к месту действия на колесницах, происходящих от той полуповозки-полуладьи, на которой в особые праздники приезжал в Афины «сам» Дионис, так же примерно, как приезжает сегодня у нас в какой-нибудь детский сад «сам» дед-мороз. И всегда, всегда представления в античных Афинах будут даваться только по праздникам в честь Диониса, два раза в году, зимой и весной, даже если темы драм не будут иметь к этому богу уже ни малейшего отношения.

То, во что нам сегодня нужно пристально вглядываться, было у современников трех великих греческих трагиков всегда на виду. И косность, с какой театральные зрелища допускались лишь на Дионисии и Леней, родила в Афинах пословицу: «При чем тут Дионис?» Насмешливый этот вопрос удивительно меток и заразителен. Он ясно указывает на то, что в эпоху расцвета трагедии сохраненные ею следы богослужебного ритуала воспринимались как пережиток, а нас, отделенных от мира, где верили в богов и героев, толщей веков, этот вопрос прямо-таки призывает расширить его смысл и увидеть за туманной подчас мифологической оболочкой трагедии живую, земную жизнь.

С самой начальной поры греческой драмы земные дела входили в нее и без посредничества мифологии. Афинский театр V века до н. э., и трагический — Эсхила, Софокла, Еврипида, и комический — Аристофана, всегда занимался самыми животрепещущими вопросами политики и морали, это был очень гражданственный, очень тенденциозный театр, сознававший свою воспитательную, наставническую роль и гордившийся ею. И есть, нам кажется, какая-то поучительная закономерность в том факте, что первой доэсхиловской драмой, о которой до нас дошли более или менее связные и подробные сведения, оказалась трагедия Фриниха «Взятие Милета», написанная на злободневную тему, под свежим впечатлением только что отшумевших событий.

История с Фринихом заслуживает того, чтобы ее здесь рассказать, потому что она предвосхищает важные черты театральной жизни своего века. В 494 году до н. э. персы разрушили город Милет — греческую колонию в Малой Азии, восставшую против их господства. Через год, в 493 году до н. э., Фриних поставил в Афинах трагедию о разгроме милетцев и был оштрафован афинскими властями на тысячу драхм на том основании, что своим сочинением довел зрителей до слез, напомнив им о, так сказать, общенациональной беде. А трагедию эту запретили когда-либо ставить. Сентиментальная и наивная, казалось бы, мотивировка запрета в действительности маскировала страх перед агитационной силой пьесы, страх тех, кто чувствовал себя ответственным за недостаточную помощь милетцам и вообще за неподготовленность к отпору персам в момент, когда угроза их вторжения в Грецию приобретала все большую реальность. В тот год, когда Фриних поставил «Взятие Милета», на высокий пост архонта в Афинах был избран Фемистокл, государственный деятель, понимавший неизбежность войны с персами и ратовавший за строительство

военного флота. Но Фемистокла вскоре отстранили от власти, он приобрел политический вес лишь через десять лет, и тогда началось усиленное строительство афинского флота, который и победил персов при острове Саламине в 480 году до н. э. А еще через четыре года, уже в зените своей политической славы, Фемистокл на собственные средства поставил трагедию того же Фриниха «Финикиянки», где воспевалась эта победа при Саламине. «При чем тут Дионис?»

Ни «Взятие Милета», ни «Финикиянки» до нас не дошли; первым по времени трагиком, чьи драмы мы можем читать и сейчас, был Эсхил (524–456 гг. до н. э.), от произведений которого, как и от произведений Софокла (496–406 гг. до н. э.) и Еврипида (480–406 гг. до н. э.), хоть малая часть, а все-таки сохранилась. Фриних, следовательно, — лишь предыстория трагического театра, но предыстория знаменательная, основополагающая. Этот театр теснейшим образом связан с общественной жизнью своего времени, с идейными его веяниями и политическими передрягами.

Что же это была за эпоха в Элладе, прославленный V век до н. э.? Мы уже знаем, что начиналась она под знаком войны. Греция представляла собой тогда не единое государство, а несколько самостоятельных городов, каждый из которых возглавлял примыкавшую к нему область как ее административный и торговый центр. Говорили во всех этих городах-государствах (их называли и называют полисами) на разных диалектах одного и того же языка — греческого. У каждого города имелись свои, местные предания, свои боги-покровители и герои, но система религиозно-мифологических представлений была в общем везде одна, запечатленная с наибольшей полнотой гомеровскими поэмами. Самой развитой общественной и культурной жизнью по сравнению с другими полисами жили в то время Афины, крупнейший греческий порт, столица богатой оливковым маслом и вином Аттики. Афины и возглавили общеэллинскую войну с персами и, выиграв ее, еще пышнее отстроились, демократизировали свои политические учреждения, достигли огромных успехов в развитии искусств. Разумеется, афинская демократия была демократией рабовладельческой, и если вождь ее, Перикл, говорил, что государственный строй афинян «называется демократическим потому, что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве народа», что афиняне «живут свободной политической жизнью в государстве и не страдают подозрительностью в повседневной жизни», то, читая эти патетические слова, не следует забывать, что рабов в Афинах было куда больше, чем свободных граждан. Демократизация политических учреждений означала лишь более широкое участие в них мелких свободных собственников, постепенно избавившихся от гнета знати. Но духовный климат Афин был все же совершенно иным, чем, например, в Спарте с ее более суровым бытом и более грубыми нравами, не говоря уж о Персии, где принято было падать ниц перед царями и их сатрапами.

Общеэллинский патриотический подъем, сопровождавшийся в Афинах расцветом культуры, не уничтожил, естественно, всякого рода противоречий ни внутри полисов, в том числе и внутри Афин, ни издавна существовавших между полисами, особенно между Афинами и Спартой; и внутренние противоречия, как это всегда бывает, становились из-за внешнеполитического неблагополучия только острее и обнаженнее. Начавшаяся в 431 году до н. э., через неполные пятьдесят лет после саламинской победы над персами, внутриэллинская, названная Пелопоннесской, война разбила Грецию на два, как мы теперь сказали бы, блока — афинский и спартанский. Война эта затянулась надолго, она закончилась через два года после смерти Еврипида, в 404 году до н. э., поражением Афин и нанесла греческой демократии сильнейший удар. По требованию спартанского военачальника Лисандра вся власть в Афинах перешла к комитету тридцати, установившему жестокий террористический режим. Сильнейший удар был нанесен и искусству, и в первую очередь самому доступному и самому гражданственному его виду — театру.

Даже этот краткий набросок исторических событий V века до н. э. позволяет выделить в них три этапа: становление греческих городов-государств и эллинского самосознания в ходе патриотической войны с Персией; затем, главным образом в Афинах, расцвет

общественной жизни и культуры и в связи с этим нравственное развитие личности; наконец, утрата национальной сплоченности, идейный разброд и неизбежные при таких условиях ослабление моральных устоев, переоценка казавшихся незыблемыми этических норм.

И так как великих греческих трагиков тоже три и Эсхил старше Софокла, а Софокл — Еврипида, то, пожалуй, довольно-таки соблазнительно «увязать» каждого с соответствующим этапом, тем более что материал в пользу такой схемы в трагедиях всех троих можно найти. Часто историки литературы и поддавались этому соблазну симметрии и стройности. Но в реальной жизни, к которой художник всегда чутко прислушивается, разные, порой даже противоположные тенденции существуют одновременно, и Еврипид, например, как мы увидим, был не меньшим греческим патриотом, чем Эсхил, хотя и жил во времена внутригреческой распри, а Эсхил, хотя и изображал главным образом волевых, несгибаемо сильных людей, не был глух и к темным, патологическим сторонам человеческой натуры, которые вообще-то считаются специальностью Еврипида. Мало того что симметричная схема не учитывает ни многогранности жизни, ни индивидуальных особенностей дарования, которые определяют интерес писателя к тем, а не к другим ее граням, механическое распределение трех трагиков по трем ступеням истории требует и известной хронологической натяжки. В год смерти Эсхила Софоклу исполнилось сорок лет, а этот возраст, надо заметить, считался у греков вершиной развития человеческих способностей, так что назвать двух первых трагиков современниками есть все основания. Правда, нам могут возразить, что Софокл пережил Эсхила на целых пятьдесят лет. Но ведь и Еврипид пережил его ровно на столько же и умер, кажется, даже чуть раньше Софокла, однако герои Софокла, как мы увидим, гармоничны, величественны и благородны, а еврипидовские истерзаны страстями, поглощены иногда семейными неурядицами и обитают порою не во дворцах, а в хижинах. Конечно, время неизбежно вторгается в книги и накладывает на них свой отпечаток. Но, говоря о художниках, нужно, помимо общеисторических перемен, помнить и о своеобразии каждого таланта, о том, что на смену одним литературным приемам, развивая и совершенствуя их, приходят другие, что искусство не терпит повторения уже сказанного предшественниками.

Возникновению этой стройной трехступенчатой схемы в оценке великих трагиков очень способствовала скудость наших фактических данных об их жизни и творчестве, несоизмеримость малого числа дошедших до нас драм с числом ими написанных. Из античных источников известно, например, что победа молодого Софокла во время его выступления на состязании трагиков в 468 году до н. э. настолько обидела Эсхила, что тот вскоре уехал из Афин на остров Сицилию. Такое свидетельство дает как будто пищу для умозаключений, подтверждающих распространенную схему: «Ну конечно, иные времена — иные нравы, Эсхил уже устарел, он не сумел откликнуться на новые запросы зрителей, и ему ничего не оставалось, как уступить дорогу Софоклу». Но вот в 1951 году среди других текстов Оксиринхского папируса был опубликован фрагмент, из которого явствует, что Эсхилу все-таки удалось победить и Софокла: он получил первый приз за свою трагедию «Просительницы» на том же состязании, где Софоклу достался только второй. И сразу рушатся всякие поспешные построения, и лишний раз обнаруживается уязвимость и хрупкость всяческих схем.

Что было, при всех их различиях, несомненно присуще всем драматическим поэтам V века до н. э. — и трагикам и Аристофану? Убежденность в том, что поэт должен быть учителем народа, его наставником. Воспитательно-просветительную роль театра в те времена сейчас трудно даже себе представить. Не было книгопечатания, не существовало ни газет, ни журналов, и если не считать официальных народных собраний и неофициальных рыночных сборищ, театр представлял собой единственное средство массовой информации. Афинский театр Диониса вмещал около семнадцати тысяч зрителей — столько людей, сколько сегодня средней руки стадион, почти все взрослое население тогдашних Афин. Никакой оратор, никакая рукопись не могли рассчитывать на такое количество слушателей и читателей. При Перикле для беднейшего населения было введено государственное пособие

на оплату театральных мест, так называемое «теорикон» (в переводе: «зрелищные деньги»). Представления происходили, правда, только по праздникам, но начинались утром, а кончались с заходом солнца и растягивались на несколько дней. Искусство авторов оценивалось специально избираемыми судьями, первый приз означал для поэта победу, второй — умеренный успех, а третий — провал. Перечень таких красноречивых подробностей можно продолжить, но не ясно ли уже и так, что каждое драматическое состязание было событием не только для виновников торжества — авторов, но и для всего города, что само значение, сама постановка театрального дела обязывали поэта к величайшей взыскательности, к сознанию своей высокой гражданской миссии?

Что греческие драматурги действительно относились к своей работе как к педагогическому служению, подтверждается рядом античных свидетельств. «Как наставники учат мальчишек уму, так людей уже взрослых — поэты», — этот стих в своей комедии «Лягушки» вложил в уста Эсхила Аристофан, его почитатель и сам великий театральный поэт. Об Еврипиде античность сохранила одну историю, может быть, и анекдотическую, но, как всякий хороший анекдот, схватывающую самую суть явления. Зрители будто бы потребовали от Еврипида, чтобы он выкинул из своей трагедии какое-то место, и тогда поэт вышел на сцену и заявил, что пишет не для того, чтобы учиться у публики, а чтобы ее учить. Что касается Софокла, то он, по сведениям Аристотеля, говорил, что «изображает людей такими, какими они должны быть, а Еврипид такими, каковы они на самом деле». «Какими они должны быть»! В самой этой волеизъявительной формуле слышится назидание, и если Еврипид называл себя учителем народа, то Софокл, судя по этим словам, считал себя им в еще более точном и более требовательном смысле.

Уроки, которые давали поэты зрителям, от автора к автору усложнялись, опираясь на преподанное предшественниками. До Эсхила, как утверждают, кроме хора и предводителя хора, в действии участвовал только один актер, а Эсхил ввел второго, после чего Софокл — третьего. Идеи перенимались, обогащались и развивались, разумеется, не так просто и непосредственно, как чисто профессиональный технический опыт, но определенная преемственность, безусловно, существовала и тут.

Эсхил будто бы назвал свои трагедии крохами с пиршественного стола Гомера. Скромную эту самооценку нужно, по-видимому, понимать только так, что сюжеты для своих произведений Эсхил, как затем и другие трагики, черпал в мифологии, а самым обильным источником мифологических историй были «Илиада» и «Одиссея». Ведь мифологические образы гомеровского эпоса трагедия переосмыслила, соотнеся их с эпохой куда более сложных и развитых общественных отношений. Не патриархально-пастушеской Грецией, какую можно представить себе по поэмам Гомера, были Афины Эсхила, Софокла и Еврипида, а развитым городом-государством (подчеркиваем вторую часть этого термина), где процветали земледелие, ремесла и торговля, но — главное для искусства — сложился совершенно другой, в силу этих отличий, тип человека. Индивидуальные особенности человека, его нрав и способности приобрели в его собственных глазах и в глазах общества больший вес, его представление о себе и богах изменилось. Наивно-антропоморфная гомеровская религия, где боги отличались от людей только бессмертием и сверхъестественным могуществом, а вообще-то вели себя как добрые или злые люди, сменилась теперь, когда человек стал мерилом вещей, более сложным религиозным сознанием. Унаследовав от своего прошлого внешнее человекоподобие, боги стали также олицетворением и носителями высоких нравственных норм, людских этических идеалов. И если мы говорим о преемственности — от трагика к трагику — идей, то прежде всего мы имеем в виду непрестанное развитие идеи человеческой личности как основы любых размышлений о мире и жизни, непрестанное углубление в тайники человеческой души.

Раскроем книги, почитаем сначала первого из великой тройки, потом второго и третьего. Ни одна из дошедших до нас трагедий, не только эсхиловских, но и вообще всех сохранившихся, не имеет таких реальных, немифических персонажей, как «Персы». Атосса, Дарий, Ксеркс — это исторические фигуры, правители Персидского государства, а не герои

троянского или фиванского цикла мифов. Время действия — не седая гомеровская древность, а 480 год до н. э., когда персидское морское и сухопутное войско потерпело сокрушительное поражение в Греции, сам автор, Эсхил, — современник изображаемых им событий, участник сражений при Марафоне, при Саламине и при Платеях, и пройти мимо такого откровенного, единственного в своем роде слияния поэзии греческого трагика с его правдой значило бы упустить прекрасную возможность проникнуть в его умонастроение.

Действие происходит в стане врагов Греции, в персидской столице Сузах. О величайшем триумфе Греции мы узнаём здесь только из уст ее врагов. Эти враги называют себя «варварами» — несообразность, вызывающая у нас улыбку, ведь так именовали всех неэллинов лишь сами греки, хотя и не вкладывали в это слово всей полноты его нынешнего отрицательного смысла. Действительно, ничего варварского в современном понимании, то есть дикого, нечеловеческого, изуверского, ни в убитой горем Атоссе, ни в рассудительных персидских старейшинах, ни тем более в мудром, с точки зрения Эсхила, царе Дарий нет. Единственному «отрицательному» герою, неразумному и наказанному за свое неразумие царю Ксерксу можно поставить в вину только его непомерную гордость и дерзость, жертвой которых пали тысячи его соотечественников. Но гордыня и наглость для Эсхила вовсе не специфически чужеземные черты — этими недостатками страдают и греки, например, Полиник («Семеро против Фив»), Эгист («Орестея») и даже главный бог греков Зевс, покуда он не утратил своего первобытного человекоподобия («Прометей Прикованный»). Нет, гордыня, не гнушающаяся насилием, — это для Эсхила порок общечеловеческий, это как бы полярная противоположность нравственности. И все-таки именно контекст «Персов» настойчиво оживляет в нашем сознании нынешнее значение слова «варвар», и правы, нам кажется, переводчики Эсхила, не заменяющие здесь «варваров» никакими «иноземцами», «чужеземцами» или «персами». Не в том дело, что персы в этой драме то и дело исступленно плачут, бьют себя в грудь и вообще не стесняются неумеренного проявления горя и отчаяния. Плач, стоны, даже вопли — общее место трагедий, жанровая особенность, связанная, вероятно, с происхождением от обрядовых плачей. В какой трагедии нет рыданий и криков? Ассоциация с «варварством» идет не отсюда.

Атосса рассказывает старейшинам свое зловещее сновидение. «Мне две нарядных женщины привиделись: //Одна в персидском платье, на другой убор //Дорийский был». Приснившиеся царице женщины — символические фигуры, олицетворяющие Персию и Грецию. Когда, продолжает Атосса, ее сын, царь Ксеркс, попытался надеть на обеих женщин ярмо и впрячь их в колесницу, «Одна из них послушно удила взяла, //Зато другая, взвившись, упряжь конскую //Разорвала руками, вожжи сбросила// И сразу же сломала пополам ярмо». Сами эти образы — ярмо, сбруя — уже достаточно многозначительны. Дальше противопоставление греков и персов становится еще яснее. «Кто же вождь у них и пастырь, кто над войском господин?» — спрашивает, имея в виду греков, персидская царица, не представляющая себе никакой другой формы правления, кроме автократической. И получает от хора ответ, поразительно напоминающий уже известную нам речь Перикла: «Никому они не служат, не подвластны никому». И когда выясняется, что сон Атоссы сбылся, что Ксеркс наголову разбит греками, Эсхил, опять-таки устами персидского хора, делает из этого настолько общие и далеко идущие выводы, что можно уже говорить о противопоставлении двух укладов жизни, один из которых — «варварский» и в нынешнем смысле, а другой — достойный человека, цивилизованный: люди больше не будут падать в страхе наземь и держать язык за зубами, потому что — «Тот, кто свободен от ига, // Также и в речи свободен».

В трагедии «Просительницы», действие которой происходит в легендарной для Эсхила древности, есть эпизод, где царь Аргоса Пеласг ведет переговоры с глашатаем грозящих вторжением на его территорию сынов Египта. Антагонистами здесь выступают, таким образом, эллин и египтянин. Пеласг заручился поддержкой народного собрания, он силен единодушием со своими подданными и издевается над законодательствами восточных деспотий, над их, мы сказали бы, бюрократизмом: «Невысекали мы на плитах каменных, //

Не заносили на листы папируса // Своих постановлений — нет, свободное // Ты ясно слышишь слово: Убирайся вон!». Не похоже ли отношение Пеласга к египтянам на отношение Эсхила к персам? В «Орестее», мифологической по материалу, трагедии, как и «Просительницы», в словах царя Агамемнона снова звучит знакомый мотив: «Не нужно предо мной, как перед варваром, // С отверстым ртом сгибаться в три погибели, // Не нужно, всем на зависть, стлать мне под ноги // Ковры».

Настойчивость, с которой этот мотив повторяется, показывает, что для Эсхила он очень важен. Персия для поэта не просто конкретный политический враг, но и воплощение отсталого, менее гуманного, чем в родных Афинах, общественного устройства, но и прототип при изображении внешнего врага как угрозы самым глубоким корням греческой цивилизации. В трагедии, например, «Семеро против Фив», где дело происходит, как и в «Просительницах», в легендарные времена, на греческий город Фивы наступают не персы и не египтяне, а греки-аргосцы, то есть соотечественники того самого Пеласга, который обращался к египетскому глашатаю с таким гордым чувством своего превосходства. Но, глядя на события глазами фиванцев, Эсхил словно бы забывает, что и аргосцы — греки. Фиванцы называют их «воинством речи чужой» и молят богов не допустить, «…чтобы взят был приступом //И сгинул город, где звенит и льется речь //Эллады». Патриотическая гордость за Афины, за Грецию перерастает у Эсхила в гордость за демократический принцип государственной жизни, за свободолюбивого человека вообще.

Отмечая, что в «Персах» Эсхил не упоминает об ионийских греках, сражавшихся на стороне Ксеркса, то есть против своих соплеменников, и умалчивает о раздорах в самом греческом лагере накануне решающей битвы, некоторые исследователи объясняют это чисто политическим расчетом автора, тем, что какие бы то ни было укоры представляются ему тактически неуместными в момент, когда нужно создать прочный союз греческих государств. Но дело, нам кажется, не просто в узкополитическом расчете. Эсхил не официозный историк, а поэт, художник, он обобщает события, толкует их широко, противопоставляет, отталкиваясь от них, целые мировоззрения; да, он политик, но политик, как всякий настоящий художник, по большому счету, а не по малому. Среди имен персидских полководцев, перечисляемых в «Персах», много вымышленных. Но какое значение имеет это для нас сейчас? Ровно никакого. Какое значение имело бы для нас и упоминание, скажем, правительницы ионийского города Галикарнаса, гречанки Артемисии, заслужившей благодарность самого Ксеркса? Ровно никакого, если бы оно не стало толчком для размышлений о предательстве, о войне между людьми, говорящими на одном языке, то есть если бы оно не было идейно, художественно продуктивно. Вполне возможно, что такие размышления стали темой других, не дошедших до нас трагедий Эсхила. Но «Персы» не о том. Именно по поводу «Персов», единственной известной нам «исторической» трагедии, хочется напомнить крылатые слова из «Поэтики» Аристотеля: «Поэзия философичее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история — о единичном» (гл. 9, 1451).

Гордость за победоносную Грецию перерастала у Эсхила, мы сказали, в гордость за человека. Нет ли уже в самом осознании человеческого величия какого-то посягательства на авторитет богов, известного богоборчества? Как понимать замечание Маркса о том, что боги Греции были «ранены насмерть» (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 389.*) в «Прометее» Эсхила? Если сравнить Зевса, каким он предстает в трагедии «Прометей Прикованный» (мы имеем в виду монологи Прометея и Ио) с образом этого верховного бога в хоровых песнях других эсхиловских трагедий, нельзя не заметить странного противоречия. Зевс в «Прометее» — настоящий тиран, жестокий коварный деспот, презирающий людей, «чей век как день», похотливый насильник, виновник безумия несчастной Ио, злобный и мстительный правитель, подвергающий своего врага Прометея изощреннейшим пыткам. А в «Орестее» это божество по существу доброе, которое пусть «через муки, через боль», но «ведет людей к уму, к разумению ведет», божество, за силой которого скрывается милосердие, а в «Просительницах» хор уповает на справедливый суд Зевса, чья воля «и во мраке ночном черной судьбы перед взором смертных светочем ярким горит». Как

согласовать одно с другим?

Прометей, похитивший для людей огонь, научивший их всяческим искусствам и ремеслам, — это, несомненно, олицетворение человеческого разума, цивилизации, прогресса. Пытливый дух Прометея вступает в конфликт с косностью, самовластием, приспособленчеством — всем тем, что олицетворяют Зевс и его присные — Гермес, Гефест, Сила, Власть, старик Океан. Но и пороки, которые они олицетворяют, — это ведь тоже пороки человеческих отношений, и Прометей — а с Прометеем Эсхил — восстает не против богов вообще, а против богов, вобравших в себя худшие качества людей. Боги, «насмерть» здесь раненные, — это примитивные человекоподобные боги, пережиток гомеровских или даже еще более древних времен.

Эсхил — не богоборец в смысле отрицания религии. Но его религия есть прежде всего верность этическому началу, олицетворяемому богиней Правды. В «Просительницах» поэт называет три заповеди Правды, три элементарных требования нравственности: почитание богов, почитание родителей, гостеприимное отношение к чужеземцам. Первый пункт самый расплывчатый, но в него, безусловно, входит убежденность в том, что боги воздают злом за зло, что злое дело не остается безнаказанным, — ведь все трагедии Эсхила как раз и показывают цепную реакцию зла при нарушении этих простейших правил. Более или менее сходные правила, в частности, принцип «зло за зло» были и в Ветхом завете, и в вавилонском законодательстве, и в римских законах Двенадцати таблиц. Религия Эсхила — это разновидность этического кодекса развитых древних цивилизаций, сложившаяся на родине поэта в его эпоху и получившая традиционно греческое оформление.

Мы знаем, что «Прометей Прикованный» — лишь часть трилогии, куда входили еще трагедии «Прометей Освобожденный» и «Прометей Огненосец». Ни порядка частей, ни содержания двух других мы не знаем. Но даже сравнение «Прометея Прикованного» со всеми остальными сохранившимися трагедиями Эсхила, где красной нитью проходит религиозная идея нравственного в своей основе мироустройства, наводит на мысль, что в «Прометее» поэт делает своего рода экскурс в историю современной ему религии, в историю, если можно так выразиться, цивилизации богов, обусловленной цивилизацией человека. В пользу такого многое объясняющего, предположения говорит и явное пристрастие Эсхила, который, как и другие трагики, всегда ставил перед собой воспитательно-просветительские задачи, ко всякому, с его точки зрения, научному материалу. Обратим внимание на длинные географические пассажи в том же «Прометее» или в «Агамемноне», на перечисление, устами Дария в «Персах», персидских царей. Поэт словно бы открывает зрителям мир во всей возможной пространственной и временной широте.

Но хотя в центре этого мира уже стоит человек — гордый своим свободолюбием, совершенствующий себя и своих богов царь природы, мы еще почти не можем разглядеть в эсхиловском человеке тех тонких черт, которые превращают монументальную фигуру в психологический портрет, носителя доброго или злого начала — в полнокровный образ. Нет, Эсхила нельзя упрекнуть в рассудочной отвлеченности, в невнимании к противоречивым движениям человеческой души, даже к ее иррациональным порывам. Его Клитемнестра, его Орест, совершая убийство, правы или не правы не абсолютно. Его безумные Ио и Кассандра написаны художником, которого интересует и патологическая сторона жизни, а не философом, облекающим свои положения в форму диалога. Философский диалог, философская драма придут в литературу позднее, Эсхил для этого писатель слишком ранний. И вот именно потому, что он еще только прокладыватель путей, пионер, его персонажи похожи на исполинские статуи, смело высеченные из каменной глыбы, едва обработанные резцом, нелощеные, но вобравшие в себя всю скрытую силу и тяжесть камня. И пожалуй, «Прометей», где действие происходит на краю света, среди первозданного хаоса скал, вдали от человеческого жилья, трагедия, где по замыслу перед зрителем появляются не люди, а только сказочные существа, только лики, не лица, таким своим внешним построением особенно впечатляюще соответствует этой характерной для Эсхила грубоватой

контурности персонажей.

Когда, читая «Антигону» Софокла, доходишь до песни хора: «Много есть чудес на свете…» — возникает ощущение чего-то знакомого. Человек — поет хор — это величайшее чудо. Он владеет искусством мореходства, приручил животных, умеет строить дома, лечиться от болезней, он хитроумен и силен. В этом перечне человеческих возможностей, способностей и умений некоторые пункты кажутся заимствованными из Эсхила, из его списка прометеевских благодеяний. Прямого заимствования тут, конечно, нет. Просто у обоих поэтов один источник — мифы о божествах, научивших человека всяким полезным искусствам. Но, вчитываясь в ту же «Антигону», обнаруживаешь преемственность более глубокую, более содержательное продолжение эсхиловской традиции, чем незатейливый перепев.

Сюжет трагедии очень несложен. Антигона предает земле тело своего убитого брата Полиника, которого правитель Фив, дядя Антигоны Креонт, запретил хоронить под страхом смерти — как изменника родины и виновника междоусобной войны. За это Антигону казнят, после чего ее жених, сын Креонта, и мать жениха, жена Креонта, кончают жизнь самоубийством.

При такой своей сюжетной простоте эта софокловская трагедия дала богатую пищу для размышлений и споров далеким потомкам. Каких только толкований «Антигоны» не предлагало ученое остроумие! Одни усматривали в ней конфликт между законом совести и законом государства, другие — между правом рода (глава рода — брат) и требованием государства, Гете объяснял действия Креонта его личной ненавистью к убитому, Гегель считал «Антигону» совершеннейшим образцом трагического столкновения государства и семьи. Все эти толкования находят более пли менее твердую опору в тексте трагедии. Не вдаваясь в разбор их, поставим перед собой вопрос — почему вообще оказалось возможным так по-разному толковать драму с таким небольшим числом действующих лиц и так экономно построенную. Прежде всего, нам кажется, потому, что у Софокла спорят рельефно изображенные люди, сталкиваются характеры, индивидуумы, а не голые идеи, тенденции. Ведь и в жизни каждый поступок, каждый конфликт, не говоря уж о таком крайнем проявлении воли, как самопожертвование, подготовляется множеством предпосылок — воспитанием человека, его убеждениями, его особым психологическим складом, отчего так и трудно объяснить исчерпывающе любую житейскую Драму.

Софокл, как и Эсхил, полон интереса к человеку. Но у Софокла люди пластичнее, чем у его предшественника. Рядом с главной героиней выведена ее родная сестра Исмена. То, что Антигона и Исмена родные сестры, ставит их в совершенно одинаковое положение относительно Креонта и Полиника. Пожалуй, как у невесты сына Креонта, у Антигоны могло бы быть даже больше внутренних побуждений для «соглашательства», чем у Исмены. Но мирится с жестоким приказом Креонта все-таки Исмена, а не Антигона. Такое же точно сопоставление двух персонажей в момент, требующий решительных действий, мы находим в другой софоклрвской трагедии — «Электре». Перед нами опять, как и в «Антигоне», две родные сестры — Электра и Хрисофемида. Обеими помыкает их мать Клитемнестра, которая вместе со своим любовником Эгистом убила мужа — Агамемнона и боится мести от рук сына — Ореста, брата Электры и Хрисофемиды. Но Хрисофемида, в отличие от Электры, не способна возненавидеть убийц отца достаточно сильно, чтобы отомстить им с риском для собственной жизни. И неустрашимой помощницей Ореста в час мести оказывается поэтому именно Электра, а не Хрисофемида.

При подобных сопоставлениях двух фигур каждая поневоле оттеняет другую. У Эсхила были контрасты лишь самые резкие — между добром и злом, цивилизацией и дикостью, гордыней и благочестием. Софокловская контрастность богаче оттенками, и богаче оттенками софокловский человек.

В «Электре» Софокла речь идет совершенно о том же, о чем в эсхиловской «Жертве у гроба», — о мести Ореста матери и ее любовнику за убийство отца. И у Эсхила среди действующих лиц важное место занимает Электра. Но у Софокла она становится

центральным персонажем, и не будет преувеличением сказать, что этим выдвижением на роль главной героини Электра обязана своей вялой, робкой, готовой к компромиссу сестре, которой в трагедии Эсхила вообще не было. Только в сравнении с Хрисофемидой видна вся самобытность и недюжинность характера Электры, а у Эсхила Электре ничего не оставалось, как довольствоваться продиктованной мифом ролью пассивной союзницы брата.

В софокловском сравнении Антигоны с Исменой и Электры с Хрисофемидой заложен глубокий воспитательный смысл. Да, человек царь природы, да, дела человека чудесны, да, он способен спорить с самими богами. Но каким он должен быть, чтобы осуществить эту свою способность? Максимально требовательным к себе, готовым во имя своего нравственного идеала поступиться личным благополучием и даже пожертвовать жизнью.

Вершина такой педагогической требовательности к человеку — софокловский «Эдип-царь». Когда говорят, что греческая трагедия — трагедия рока, что она показывает беспомощность человека перед предопределенной ему злой судьбой, имеют в виду главным образом эту драму. Но распространенное представление о том, что рок — это движущая сила греческих трагедий, сложилось прежде всего из-за сюжетов, которые поражают нынешнего читателя своей диковинностью гораздо сильнее, чем то психологическое искусство, с каким они разработаны, потому что: к психологическим тонкостям литературы он, в отличие от античного грека, привык, а от ее обязательной связи с мифами, в том числе с мифами, восходящими к древнейшим временам кровосмесительных браков и отцеубийств, внутренне давно отрешился. Иными словами, в восприятии греческой трагедии как трагедии преимущественно рока есть доля модернизации, и убедиться в этом легче всего как раз на примере «Эдипа-царя».

Современный Софоклу зритель был достаточно хорошо знаком с мифом об Эдипе, который убил своего отца, не зная, что это его отец, а затем занял престол убитого и женился на его вдове, собственной матери, не подозревая опять-таки, что это его родная мать. В сюжете трагедии Софокл следовал общеизвестному мифу, и поэтому внимание зрителя, да и автора, не было сосредоточено на сюжете, который так поражает нас поистине роковым стечением обстоятельств. Волновал трагика и публику не вопрос «что?», а вопрос «как?». Как узнал Эдип, что он отцеубийца и осквернитель материнского ложа, как дошло дело до того, что он должен был об этом узнать, как вел он себя, узнав это, как вела себя его мать и жена Иокаста? Ответить на это психологически точно, показать именно в переходе от незнания к знанию благородный и цельный характер героя и научить на его примере зрителя мужественной готовности к любым ударам судьбы — вот какую гуманистическую задачу ставил перед собой Софокл. «Ничего противного смыслу не должно быть в ходе событий; или же оно должно быть вне трагедии, как в Софокловом «Эдипе»,» — писал Аристотель. И в самом деле, ничего «противного смыслу», ничего такого, что было бы нелогично, немотивированно, не вязалось бы с характерами персонажей, в развитии действия «Эдипа» найти нельзя. Если что «противно смыслу», так это явная незаслуженность обрушивающихся на Эдипа ударов, слепое упрямство рока, то есть все связанное с мифом, на котором построен сюжет. Слова Аристотеля о том, что в «Эдипе» «противное смыслу» находится «вне трагедии», дают, нам кажется, ключ к античному восприятию этой драмы: мифологический сюжет, где року принадлежала важнейшая роль, как бы выносился за скобки, принимался как непременная условность, служил поводом для разговора о нравственной ответственности человека за свои поступки, для психологически верной картины достойного поведения в самых трагических обстоятельствах.

В другой софокловской трагедии («Эдип в Колоне»), написанной поэтом в старости, когда у него начались нелады с сыновьями из-за имущества, причина ухода Эдипа из Фив называется другая, чем в «Эдипе-царе», который кончался прощанием героя с родиной и родными и его собственным решением уйти в изгнание: здесь Эдип — изгнанник поневоле, царя лишили престола его сыновья и рвущийся к верховной власти Креонт. Не говорит ли и это об условном и вспомогательном значении мифа для трагика? Ведь пользуясь разными вариантами известного мифологического сюжета и представляя одно и то же

мифологическое лицо в разных обстоятельствах, поэт лишь подчеркивал то, что его особенно волновало и занимало. В этом смысле он работал по тому же принципу, что, например, живописцы эпохи Возрождения, для которых привычные библейские сюжеты служили формой, вбиравшей в себя современный жизненный материал и глубокое знание человека.

Сплошь мифологические персонажи действуют и в трагедиях самого младшего поэта прославленной триады — Еврипида. Однако произведения Еврипида кажутся нынешнему читателю написанными намного позднее, чем трагедии двух его старших современников. Они, как правило, вполне понятны и без особых объяснительных комментариев, и наше воображение отзывается на них живее и непосредственней. Почему так? Прежде всего, наверно, потому, что темы, на которые писал Еврипид, ближе нам, чем, скажем, архаичная космография Эсхила или его религиозные представления, чем исключительные обстоятельства, в какие попадают софокловские Эдип или Антигона. О главной теме Еврипида можно судить по двум его самым известным и лучшим трагедиям, включенным в наш сборник, — «Медее» и «Ипполиту». Тема эта — любовь и внутрисемейные отношения. О том же — о любви, о ревности, об обольщенных девушках и внебрачных детях — идет речь и почти во всех остальных дошедших до нас еврипидовских трагедиях.

Но дело не только в темах. Еврипид смело вводил в трагедию, говорившую возвышенным, а порой и выспренним языком, самые реальные бытовые подробности. У Эсхила и Софокла рабы если и появлялось на сцене, то лишь в небольших, «проходных» ролях, а чаще как статисты. Место рабов в еврипидовском театре куда больше соответствовало их месту в современном поэту быту. В трагедии «Ион» старик раб, воспитатель Креусы, фигура, так сказать, «не запрограммированная» мифом, — одно из главных действующих лиц. Еврипидовская Электра из одноименной трагедии оказывается к моменту появления Ореста выданной замуж за простого крестьянина. Ни Эсхил, ни Софокл не уготавливали дочери Агамемнона такой прозаической участи, оба сказали лишь, что Электрой помыкают в родном доме и что она живет в нем чуть ли не на положении служанки. Еврипид дал этой ситуации житейски земное развитие, и с мифологической героиней случилось то, что вполне могло бы при подобных домашних обстоятельствах случиться с какой-нибудь афинской девушкой из родовитой семьи: Электру выдали замуж за крестьянина против ее воли. Поэт словно бы предлагал более созвучное обыденности прочтение мифа.

Стремление Еврипида к максимальному правдоподобию трагедийного действия видно и в психологически-естественных мотивировках поведения персонажей. Трудно перечесть — настолько их много у Еврипида — случаи, когда герой, выходя на сцену, объясняет причину своего появления. Кажется, что поэту претит всякая сценическая условность. Даже сама форма монолога, речи без собеседников, адресованной только зрителям, то есть условность, с которой театр и поныне не расстается, — даже она, на взгляд Еврипида, иной раз нуждается, по-видимому, в логическом оправдании. Прочтите внимательно начало «Медеи». Кормилица произносит монолог, вводящий зрителя в курс дела и в общих чертах намечающий дальнейшее развитие действия. Но вот экспозиция дана, и монолог, выполнив свою задачу, закончился. Однако внутренне поэт еще не «разделался» с ним, потому что еще не мотивировал этой ни к кому формально не обращенной речи. Когда на сцене появляется старый раб с детьми Медеи, первые же его слова прокладывают путь к заполнению логического пробела: «О старая царицына раба!// Зачем ты здесь одна в воротах? Или // Самой себе ты горе поверяешь?» И кормилица объясняет эту речь к «самой себе» как следствие горестного умопомрачения: «До того // Измучилась я, веришь, что желанье, // Уж и сама не знаю как, во мне// Явилось рассказать земле и небу// Несчастия царицы нашей».

Эти особенности драматургии Еврипида, подчиненные общей его установке на приближение трагедии к быту, к житейской практике и житейской логике, установке, новаторскую плодотворность которой показала вся последующая история античного, а потом и всего европейского театра, по-видимому, и создают впечатление, что Еврипид

отделен от нас куда более короткой временной дистанцией, чем Эсхил и Софокл, что «пыли веков» на его писаниях гораздо меньше.

При таком «бытовизме» трагедий Еврипида участие в их действии не подвластных земным законам богов, полубогов и всяких чудодейственных сил кажется особенно неуместным. На фоне вселенских стихий крылатая колесница Океанид в эсхгатовском «Прометее» не вызывает особого удивления, а волшебная колесница, на которой улетает от Ясона Медея, как-то озадачивает в трагедии с очень реальной человеческой проблематикой. Нынешний читатель, пожалуй, сочтет эту черту еврипидовской драматургии просто архаическим пережитком, сделает извинительную скидку на древность. Но ведь уже и Аристофан порицал Еврипида за негармоническое смешение высокого с низким, уже Аристотель упрекал его за пристрастие к приему «бог из машины», состоявшему в том, что развязка трагедии не вытекала из фабулы, а достигалась вмешательством бога, появлявшегося на сцене с помощью театральной машины.

Ни простая ссылка на древность, ни столь же простое согласие с мнением античных критиков Еврипида, считавших, что ему не хватало вкуса и композиционного мастерства, не помогут нам проникнуть в глубь этого эстетического противоречия, которое не помешало Еврипиду остаться в памяти потомства художником такого же ранга, как Эсхил, Софокл. Поэт действительно старался изображать людей такими, каковы они на самом деле. Он смело вводил в трагедию бытовой материал и так же смело включал в ее поле зрения темные страсти. Показывая в «Ипполите» гибель героя, самоуверенно противящегося слепой силе любви, а в «Вакханках» — героя, чрезмерно полагающегося на могущество рассудка, он предупреждал об опасности, которую таит в себе для норм, установленных цивилизацией, иррациональное начало в людской природе. И если для развязки конфликта ему так часто требовалось неожиданное вмешательство сверхъестественных сил, то дело тут не просто в неумении найти более убедительный композиционный ход, а в том, что поэт не видел в современных ему реальных условиях разрешения многих запутанных человеческих дел. Еврипиду иной раз важнее было поставить проблему, задать вопрос, чем дать на него ответ, — ведь смелая постановка новой проблемы и сама по себе воспитывает и учит.

Уже самая ранняя из дошедших до нас трагедий Еврипида — «Алкеста» — показывает, насколько больше, чем развязка драмы, заботила этого поэта постановка проблемы, проблемы в данном случае нравственно-философской, ибо «Алкеста» — это трагедия о смерти.

Богини судьбы обещали Аполлону избавить царя Адмета от смерти, если кто-либо из его близких согласится сойти в преисподнюю вместо него. «Царь испытал всех присных: ни отца, // Ни матери не миновал он старой, //Но друга здесь в одной жене обрел,//Кто б возлюбил Аидов мрак за друга». Как раз когда Адмет оплакивает умирающую Алкесту, в его дом приходит гостем Геракл. Несмотря на траур, Адмет оказывается хлебосольным хозяином, и в награду за это Геракл, победив демона смерти, возвращает Адмету живой уже похороненную жену.

Если судить только по фабуле и развязке, то «Алкеста» с ее недвусмысленно счастливым концом — произведение как будто совсем другого жанра, чем «Ипполит» или «Медея». Кстати сказать, в «Алкесте» счастливая развязка достигается без помощи приема «бог из машины», она вытекает из сюжета: Геракл появляется не в конце действия, а почти в середине, да и услуга, оказанная им Адмету, мотивирована вполне реалистически — благодарностью за гостеприимство. Но, вчитываясь в «Алкесту», видишь, что Еврипид уже и здесь — «трагичнейший из поэтов», хотя Аристотель назвал его так за то, что «многие из его трагедий кончаются несчастьем» («Поэтика», гл. 13, 1453 а).

Обрабатывая по всем правилам драматургической техники миф с благополучным исходом, Еврипид сделал идейным центром тяжести своего произведения разговор Адмета с отцом. Адмет корит Ферета за то, что тот цепляется за жизнь в преклонном возрасте и не хочет пожертвовать ею ради него, сына. Поведение Ферета тем неприглядfestivalнее, что на самопожертвование согласилась его невестка Алкеста, и зритель уже склонен стать на

сторону Адмета. Но тут слово берет Ферет и возвращает Адмету, который соглашается купить жизнь ценой жизни жены, упрек в трусости: «Молчи, дитя: мы все жизнелюбивы». И сразу ясно, что Адмет не менее эгоистичен, чем его отец, что это еще вопрос — стоит ли ради такого человека жертвовать жизнью, более того — что никаких объективных критериев правомерности самопожертвования нет. Благородный поступок Алкесты, как бы говорит нам поэт, не снимает проблему, а ставит ее, не давая никаких общих решений, и перед лицом этой неразрешимости уместно только молчанье. Вот она, истинно трагическая коллизия, при которой благополучная развязка кажется такой же театральной условностью, как волшебная колесница, уносящая Медею от неразрешимых проблем семьи.

Поэт скептичен, у него нет твердой, эсхиловско-софокловской убежденности в высшей нравственной правоте богов, устраивающих человеческие дела. Приверженец патриархальной старины Аристофан недолюбливал за это Еврипида и всячески противопоставлял ему Эсхила, как певца мужественного поколения марафонских бойцов. И все же Еврипид был настоящим преемником Эсхила и Софокла. Такой же гражданственный поэт, как и они, он так же сознательно служил самой гуманной политической системе своего времени — афинской демократии. Да, Еврипид многое подвергал сомнению и касался вопросов, которые до него в компетенцию трагиков не входили. Но сомнения в величайшей ценности демократических традиций родной Греции не возникало у него никогда. Невозможно перечислить все стихи, в которых поэт прославляет Афины, — так их много в его трагедиях. Чтобы не выходить за пределы нашего сборника, обратим внимание читателя только на то место в «Медее», где грек Ясон заявляет своей покинутой жене — колхидянке, что вполне рассчитался с ней за все, что она для него сделала, — а ей он, заметим, обязан жизнью. «Я признаю твои услуги. Что же // Из этого? Давно уплачен долг, // И с лихвою. Во-первых, ты в Элладе // И больше не меж варваров, закон// Узнала ты и правду вместо силы, // Которая царит у вас». Что говорить, Ясон лицемерит, юлит, но все равно чего стоит это «во-первых» даже в его устах! Тонкий психолог, Еврипид едва ли вложил бы в них прежде всего такой довод, если бы перикловско-эсхиловская гордость за свой свободолюбивый народ не была органична для него самого. Нет, Еврипид, как и Софокл, — родной брат Эсхила, только брат самый младший, наименее косный, критически относящийся к опыту старших.

Однако критика стала настоящей стихией афинского театра с расцветом другого жанра и благодаря другому автору, которого Белинский назвал «последним великим поэтом Древней Греции». Жанр этот — комедия, так называемая древнеаттическая, автор — Аристофан (приблизительно 446–385 гг. до н. э.). Когда Аристофан родился, комические поэты уже лет сорок регулярно участвовали в дионисийских состязаниях наряду с трагиками. Но о предшественниках Аристофана Хиониде, Кратине и о его сверстнике Эвполиде мы мало что знаем, от их произведений сохранились в лучшем случае только фрагменты. В том, что время сберегло нам от века расцвета античной драмы — V века до н. э. — произведения лишь гениальных трагиков и лишь гениального комедиографа, сказывается, должно быть, какой-то закономерный отбор.

Критика Аристофана — прежде всего политическая. Аристофан жил в годы внутригреческой Пелопоннесской войны, которая велась в интересах богатых афинских торговцев и ремесленников и разоряла мелких землевладельцев, отрывая их от труда, а порой и опустошая их виноградники и поля. После Перикла главным должностным лицом в Афинах стал Клеон, владелец кожевенной мастерской, сторонник самых решительных военных, политических и экономических мер в борьбе со Спартой, человек, чьи личные качества не снискали одобрительной оценки ни у одного из античных авторов, о нем писавших. Аристофан занимал прямо противоположную, антивоенную позицию и начал свою литературную карьеру с упорных нападок на Клеона, сатирически изображая его как демагога и лихоимца в ранних своих комедиях. Не дошедшая до нас комедия двадцатилетнего Аристофана «Вавилоняне» заставила Клеона возбудить против автора судебное дело. Поэта обвинили в том, что он дискредитирует должностных лиц в присутствии представителей военных союзников. Политического процесса Аристофан

каким-то образом избежал и оружия не сложил. Через два года он выступил с комедией «Всадники», где изобразил афинский народ в виде слабоумного старика Демоса («демос» по-гречески — народ), целиком подчинившегося своему пройдохе-слуге Кожевнику, в котором нетрудно было узнать Клеона. Есть свидетельство, что ни один мастер не решался придать комедийной маске сходство с лицом Клеона и что Аристофан хотел играть роль Кожевника сам. Смелость? Несомненно. Но в то же время эта история с Клеоном показывает, что в начале деятельности Аристофана демократические нравы и учреждения были в Афинах еще очень сильны. За нападки на главного стратега поэта надо было привлекать к открытому суду, а избежав суда, поэт мог снова, и в условиях войны, высмеивать перед многотысячной аудиторией первое лицо в государстве. Конечно, успех театральной сатиры не означал еще политического краха для того, против кого эта сатира направлена, и прав был Добролюбов, когда писал, что «Аристофан… не в бровь, а в самый глаз колол Клеона, и бедные граждане рады были его колким выходкам; а Клеон, как богатый человек, все-таки управлял Афинами с помощью нескольких богатых людей». Но если бы Клеон был уверен, что никто не посмеет публично «кольнуть» его, то он, при своих задатках демагога, правил бы Афинами, пожалуй, еще круче и еще меньше считался бы со своими противниками… Последние годы деятельности поэта — после военного поражения Афин — протекали в иных условиях: демократия потеряла былую силу, и злободневная, полная личных выпадов сатира, столь характерная для молодого Аристофана, сошла в его творчестве почти на нет. Поздние его комедии — это утопические сказки. Политические страсти, волновавшие Аристофана, давно ушли в прошлое, многие его намеки нам непонятны без комментариев, его идеализация аттической старины кажется нам теперь наивной и неубедительной. Впрочем, картины мирной жизни, которую поэт, как противник Пелопоннесской войны, прославлял, трогают нас и теперь, и в 1954 году аристофановский юбилей широко отмечался по инициативе Всемирного Совета Мира. Но истинное эстетическое наслаждение, читая Аристофана, мы испытываем от его неистощимой комической изобретательности, от гениальной смелости, с какой он извлекает смешное из всего, чего ни коснется, будь то политика, быт или литературно-мифологические каноны.

Сама внешняя форма аристофановской комедии — с ее непременным хором, песни которого делятся на строфы и антистрофы, с использованием театральных машин, с участием в действии мифических персонажей — дает возможность пародировать структуру трагедии. В дни драматических состязаний зрители с утра смотрели трагедию, а под вечер, сидя в том же театре, на тех же местах, — представление, призванное очищать душу не «страхом и состраданием» (так определял задачу трагедии Аристотель), а весельем и смехом. Мог ли при этих условиях комический поэт удержаться от насмешливого подражания трагикам? Словно выпущенный из бутылки внешним сценическим сходством, дух пародии захватывал разные сферы трагедии. В комедии «Мир» земледелец Тригей поднимается в небеса на навозном жуке. Это уже пародия на трагедийный сюжет: известно, что не дошедшая до нас трагедия Еврипида «Беллерофонт» строилась на мифе о Беллерофонте, пытавшемся достигнуть Олимпа на крылатом коне. Но и на сюжетах пародирование трагедии не кончается, оно идет дальше, распространяется на язык и стиль. Когда старик Демос во «Всадниках» отнимает венок у своего слуги Кожевника и передает его Колбаснику, Кожевник, прощаясь с венком, перефразирует слова, которыми в трагедии Еврипида прощается со своим брачным ложем умирающая за мужа Алкеста. Подобных примеров множество. Такое последовательное высмеивание технологии трагедии находится на грани посягательства на театральную условность вообще. И грань эту Аристофан переходит в так называемых парабасах.

Парабаса — особенная, неведомая трагедии хоровая партия. Здесь участники хора снимают с себя маски и обращаются не к другим актерам, а прямо к зрителям. Прервав действие ради лирически-публицистического отступления, поэт устами хора рассказывает публике о себе, перечисляет свои заслуги, нападает на своих политических и литературных противников. Разговор со зрителем, по-видимому, не аристофановское изобретение, а

древнейшая хоровая основа обличительной комедии. Но на широком фоне пародийных выдумок Аристофана парабаса воспринимается как одна из них — как пародия на театральную условность, как намеренное разрушение сценической иллюзии, предвосхищающее все дальнейшие — от Плавта до Брехта — шаги мировой драматургии на этом пути.

Как бы выходя из «цеховых» пределов, где он родился, аристофановский дух пародии не ограничивался трагедийным театром, а непринужденно вторгался в самые разные области культуры и быта, если только это шло на пользу политическому умыслу автора. Заставляя в «Облаках» Сократа и Стрепсиада беседовать о том, как избавиться от долгов, то есть на тему отнюдь не философскую, Аристофан пародировал форму сократовского диалога и уже этим одним выставлял в смешном свете Сократа, которого считал софистом, расшатывающим устои демократического афинского государства и патриархальной нравственности. Дух пародии не отступал даже перед почтенной тенью Гомера. В комедии «Осы» одержимого страстью к сутяжничеству старика Клеонолюба (красноречивое имя!) запирает в доме его сын Клеонохул, и Клеонолюб выбирается на свободу тем же способом, что Одиссей из пещеры циклопа, — под брюхом, правда, не барана, а выводимого для продажи осла. Что Гомер! Аристофан, не смущаясь, пародирует молитвы, статьи законов, религиозные обряды, — те самые, которые действительно были в ходу в его времена. Дух пародии не знает поистине никаких «табу».

Что же это, безудержное издевательство надо всем и всеми, отрицание, возведенное в абсолют? Ведь даже и тот аристофановский персонаж, чьим торжеством завершается соответствующая комедия, тоже всегда смешон. Любителя спокойной деревенской жизни Стрепсиада, поджигающего в конце концов сократовскую «мыслильню», Аристофан то и дело безжалостно ставит в ситуации, которые должны вызвать у зрителей насмешливое отношение и к этому антагонисту Сократа: то его едят клопы, то он плутует с кредиторами, то его колотит собственный сын. Поднявшись в воздух на навозном жуке, герой «Мира», крестьянин Тригей, кричит театральному механику, который управляет приспособлением для «полета»: «Эй ты, машинный мастер, пожалей меня!.. // Потише, а не то я накормлю жука!» В комедии «Ахарпяне» аттический земледелец Дикеополь, — а имя это значит «справедливый город», — заключающий в итоге сепаратный, для одного себя, мир со Спартой, предстает перед публикой в откровенно-фарсовых, изобилующих балаганным юмором сценах. Но как ни смешны эти персонажи, мы не сомневаемся в том, что симпатии автора на их стороне. Холодом всеотрицания от аристофановского смеха не веет.

В том-то и гениальность этого поэта, что у него нет застрахованных от насмешек «положительных» резонеров, а положительный герой есть, Герой этот — крестьянский здравый смысл, а здравый смысл всегда человечен и добр. Благодаря такой гуманной основе аристофановского юмора творения его долговечны, и мы, для которых Пелопоннесская война и ее последствия давно уже стали древней историей, читаем комедии Аристофана с сочувственным интересом и эстетическим удовольствием.

О том, как развивалась греческая драматургия непосредственно после Аристофана, мы мало что знаем. Кроме имен шести десятков авторов, от так называемой среднеаттической комедии ничего не осталось. Судить о ней мы можем лишь умозрительно, по последним аристофановским комедиям («Женщины в народном собрании» и «Плутос»), где среди героев нет конкретных политических фигур, где публицистические парабасы отсутствуют и где хор почти не участвует в действии. Перед нами пробел протяженностью почти в столетие, и если бы не счастливые находки XX века, — в 1905 и 1956 годах были обнаружены тексты Менандра, — пробел в нашем знании античной драмы оказался бы еще больше и насчет следующего, так называемого новоаттического этапа в развитии комедии нам тоже только и оставалось бы строить догадки.

При Менандре (342–292 гг. до н. э.) Афины уже не главенствовали в Греции. После военной победы македонян над афинянами и фиванцами в 338 году до н. э. эта роль прочно закрепилась за Македонией, и по мере расширения державы Александра Афины становились

все более провинциальным городом, хотя и долго еще пользовались славой в античном мире, как неостывший очаг культуры. Жизнь здесь текла теперь без политических бурь, гражданские чувства заглохли, людей уже не связывала, как прежде, их принадлежность к одному городу-государству, человеческая разобщенность усилилась, и круг интересов афинянина замыкался теперь, как правило, личными, семейными, бытовыми заботами и делами. Новая аттическая комедия все это отразила, больше того, она сама была порождением этой новой действительности.

Еще до находок 1905 и 1956 годов были известны слова Аристофана Византийского, ученого критика III века до н. э.: «О Менандр и жизнь, кто из вас кому подражал!» При знакомстве с тем, что уцелело от произведений Менандра, такая восторженная оценка может удивить. Уже Аристофан не брал сюжетов из мифологии, а сам их придумывал, относя действие своих комедий к настоящему времени, уже Еврипид смело вводил в трагедию чисто бытовой материал. Эти особенности драматургии Менандра не так уж, скажем мы, оригинальны. И непомерно большую, на наш взгляд, роль играют в комедиях Менандра всякие счастливые совпадения. В «Третейском суде» по воле случая молодой человек женится на девушке, не зная, что именно она была незадолго до этого изнасилована им и что ее ребенок — это их общий ребенок. В «Брюзге» — опять-таки случайно — попадает в колодец старик Кнемон, и это дает возможность влюбленному в его дочь Сострату оказать старику помощь и завоевать его расположение. Такие случайности кажутся нам слишком наивными и нарочитыми, чтобы построенные на них пьесы — с сюжетом к тому же непременно любовным — можно было назвать самой жизнью. Да и персонажи Менандра сводятся в общем к нескольким типам и лишь слегка варьируют одни и те же образцы. Из комедии в комедию переходят богатый юноша, скупой старик, повар и уж непременно раб, который при этом не всегда расстается со своим именем, — настолько слилось, например, имя Дав с маской раба. Нам и тут хочется сказать: «Нет, это еще далеко не вся жизнь тогдашних Афин».

Но как ни преувеличенно выразил свое восхищение Менандром Аристофан Византийский, он восхищался им искренне и был лишь одним из многих его античных поклонников. Овидий назвал Менандра «восхитительным», а Плутарх засвидетельствовал огромную популярность этого комедиографа. Мы читаем Менандра, уже зная и Мольера, и Шекспира, и итальянскую комедию XVIII века. Скряга-старик, плутоватый слуга, путаницы и недоразумения, завершающиеся счастливым примирением влюбленных, две любовные пары — главная и второстепенная — все это нам уже знакомо, и, находя все это у Менандра, мы, в отличие от его античных почитателей и подражателей, не можем проникнуться живым ощущением новизны. А между тем именно к Менандру — через римлян Плавта и Теренция — восходит позднейшая европейская комедия характеров и положений. Из-за того, что Менандр «открыт» только недавно, даже историки литературы еще не оценили по заслугам его новаторства.

Новаторство Менандра состояло не только в том, что он выработал продуктивнейшие, как показало будущее, приемы построения бытовой комедии и создал галерею человеческих портретов такой реалистической естественности, какой ни мифологическая трагедия с ее величавыми героями, ни гротескная аристофановская комедия еще не знали. Менандр первый в европейской литературе художественно запечатлел особый тип отношений между людьми, родившийся в рабовладельческом обществе и существовавший затем в феодальные времена, — сложных отношений хозяина и слуги. Когда один человек подчинен другому, находится при нем почти неотлучно и во всем от него зависит, но посвящен во все, даже интимные подробности его жизни, знает его привычки и нрав, он может, если от природы неглуп, обратить это знание себе на пользу и, умело играя на слабостях своего господина, в какой-то мере управлять его действиями, что родит в слуге чувство своего превосходства над ним. Со смесью преданности и неприязни, доброжелательности и злорадства, уважения и насмешливости разговаривают со своими патронами параситы и рабы у Плавта и Теренция, слуги и служанки у Гольдони, Гоцци и Бомарше, Лепорелло с. Дон Гуаном в «Каменном

госте» Пушкина. В речах менандровских рабов-наперсников без чьих советов и помощи, обычно не могут обойтись их хозяева ни в любовных, ни в семенных делах, этот тон довольно отчетливо слышен, и, говоря о новаторстве Менандра, нельзя не отметить такой его психологической чуткости.

Мы уже немного забежали вперед, упомянув о римских подражателях Менандра. Римская драма, — во всяком случае, в ее сохранившейся до нашего времени части, — вообще подражательна и тесно связана с греческой, но как все цветы греческой культуры, пересаженные на почву другой страны, другого языка, другой эпохи, и этот ее цветок, приспособляясь к новой среде, изменил свою окраску, приобрел иной аромат.

Скажем сразу — цветок этот захирел. Театральное дело в Риме всегда находилось в неблагоприятных условиях. Власти боялись идеологического влияния сцены на массы. До середины I века до н. э. в Риме вообще не было каменного театра. В 154 году до н. э. сенат постановил сломать только что выстроенные места для зрителей, «как сооружение бесполезное и развращающее общество». Правда, и это, и другие официальные запрещения (приносить с собой скамьи, чтобы не стоять во время спектакля; устраивать места для зрителей ближе, чем в тысяче шагах от черты города) всячески нарушались, но они влияли на умы, заставляли смотреть на театр как на что-то подозрительное и предосудительное. К актерам в Риме относились с презрением, театральных авторов тоже не очень жаловали. Поэт Невий (III в… до н. э.), попытавшийся было говорить со сцены «вольным языком» — это его собственное выражение, — угодил за это в тюрьму, так и не став римским Аристофаном. Примечательно, что крупнейшие римские комедиографы были людьми низкого общественного положения. Невий — плебей, Плавт (ок. 250–184 гг. до н. э.) — из актеров, Теренций (род. ок. 185 г. до н. э.) — вольноотпущенник, бывший раб. Подражательство грекам господствовало в Риме не только в силу общей ориентации тамошней более молодой культуры на старую и утонченную, но и потому, что учить публику собственной, вольной и злободневной песней ни в республиканском, ни в императорском Риме театральный поэт просто не смел.

Отсюда и совсем другое, чем в Греции V века до н. э., отношение римского автора к себе и своему творчеству. Аристофан гордился тем, что он первый учил в комедии сограждан добру. Как оценивал себя Невий, мы не знаем, от его поэзии уцелели лишь отдельные стихи. Для самоощущения же Плавта и особенно Теренция характерно сознание их эпигонства, их вторичности. Они на большое не притязали, все их честолюбие было направлено на то, чтобы развлечь зрителей. В одном из своих прологов Теренций с трогательным простодушием объяснял публике, почему он заимствовал сюжет и вообще весь материал у Менандра: «В конце концов не скажешь ничего уже, // Что не было б другими раньше сказано». Предпосылая пролог каждой комедии, Теренций отвечал в нем своим литературным противникам, и из этих его ответов видно, как чужд был дух первородства обеим полемизирующим сторонам — и самому Теренцию, и его критикам, — трудно сказать, кому больше. Те обвиняли его в том, что он не просто переводит на латинский язык какую-либо комедию Менандра или другого новоаттического автора, а переделывает ее или даже прибегает к контаминации, то есть соединяет в одно целое два греческих образца. А Теренций говорил в свое оправдание, что не он первый так поступает что он лишь идет по стопам своих римских предшественников — Невия, Плавта.

Что касается Плавта, то он был гораздо талантливее Теренция. Жанр Плавта — тоже «комедия плаща» (это название произошло оттого, что актеры, выступая в переложениях комедий Менандра, Дифила и других греков, надевали греческие плащи — гиматии). Однако Теренций остался, как метко назвал его Юлий Цезарь, «Полу-Менандром», а Плавт сумел по-своему оживить старые формы. Действие у Плавта всегда происходит в греческих городах — в Афинах, Фивах, Эпидавре, Эпидамне и других, но плавтовский город откровенно условен, это какая-то особая комедийная страна, где номинально живут греки, но несут службу римские должностные лица — квесторы и эдилы, где в ходу римские монеты — нуммы, где есть и клиенты, и форум, и прочие атрибуты римского быта. Да и юмор у

Плавта не менандровский, тонкий и сдержанный, а грубоватый, более доступный римской публике, порой балаганный, и язык у него не литературно-гладкий, «переводной», а богатый, сочный, народный. Полу-Менандром Плавта не назовешь.

И все-таки Плавт не отрывался от греческих образцов настолько, чтобы чувствовать себя оригинальным автором, а не переводчиком. В плавтовском Риме жизнь была куда суровее, чем в эллинистических Афинах. А приметы римского быта в комедиях Плавта призваны были только сделать его переводы более доходчивыми, более понятными публике, но в широкую картину современности не складывались, не уводили зрителя из мира театральных условностей, никаких злободневных обобщений в себе не несли. Человек умный и талантливый, Плавт сам говорил о своей скованности «правилами игры» с веселой насмешкой: «Так все поэты делают в комедиях: // Всегда в Афины помещают действие, // Чтоб все казалось непременно греческим». Но такое подтрунивание над традицией уживалось у Плавта, стоявшего еще у самых истоков латинской словесности, с некоторым недоверием к собственным ее возможностям. Плавт назвал Невия «варварским поэтом», а свою комедию «Ослы», где помимо примет римского быта есть блестки чисто италийского юмора, — всего-навсего «переводом на варварский язык» комедии грека Дифпла.

Плавт и Теренций подражали грекам в эпоху, когда Рим, одерживая победы над Карфагеном и крупнейшими эллинистическими государствами — Македонией, Сирией, Египтом, — только становился сильнейшей державой мира. Ко времени Сенеки (конец I в. до н. э. — 65 г. н. э.).

Рим ею уже давно был, пережив и восстания рабов, и войны в непокорных провинциях, и гражданскую войну, и смену республиканского строя империей. Комедиографы Плавт и Теренций принадлежали к низам общества. Сенека носил в лучшие годы своей карьеры звание консула и был очень богат. Кроме философских трактатов и сатиры на смерть императора Клавдия, этот «первый интриган при дворе Нерона» (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 607.*), как назвал Сенеку Энгельс, сочинил несколько трагедий, оказавшихся единственными дошедшими до нас образцами римской трагедии, так что судить о ней мы можем только по ним. От произведений римских предшественников Сенеки в этом жанре — Ливия Андроника, Невия, Пакувия, Акция, поэтов III и II веков до н. э. — ничего не осталось.

Итак, перед нами произведения, написанные в другую эпоху, совсем в другом жанре и человеком совсем другого социального положения, чем плавтовские и Теренциевы переделки греческих пьес. Тем не менее у первых есть одна общая со вторыми черта — формальное следование канонам соответствующего вида греческой драмы. Здесь, однако, необходима оговорка. Плавт и Теренций писали для сцены, в расчете на то, что их комедии будут играть актеры и смотреть зрители. Сенека же, как считают исследователи его творчества, не был театральным автором, его трагедии предназначались для чтения вслух в узком кругу, Эта их особенность, чем бы она ни была вызвана, сама по себе принципиально отличает Сенеку от всех его предшественников — и греков или римлян — и делает его имя, образно говоря, заметнейшей вехой, а еще точнее — памятником в истории античной драмы. Именно памятником — потому что отказ драмы от спектакля — это свидетельство ее смерти. При всей их несамостоятельности, комедии Теренция были еще органическим продолжением традиции, бытовавшей в античности со времен древнейшего дионисийского действа. А у Сенеки традиция выродилась в ученую стилизацию.

Не нужно понимать это в том смысле, что в своих мифологических, трагедиях Сенека вообще не касался современной ему римской действительности. Напротив. Мотивы всех этих трагедий — кровосмешение («Эдип»), чудовищные злодеяния тирана («Тиэст»), убийство царя женой и ее любовником («Агамемнон»), патологическая любовь («Федра») и т. п. достаточно актуальны для дворцового быта династии Юлиев-Клавдиев, для круга, к которому принадлежал Сенека. Намеки, разбросанные по тексту этих трагедий, часто весьма прозрачны. Но у Сенеки нет той высокой поэзии, в которую претворяла правду жизни трагедия греков, нет эсхиловской окрыленности гуманной идеей, нет софокловской

пластичности персонажей, нет еврипидовской аналитической глубины. Обобщения Сенеки не идут дальше общих мест стоической философии — холодно-назидательных рассуждений а покорности судьбе, неубедительной в его устах проповеди безразличия к благам жизни, дальше отвлеченно-риторических выпадов против самовластия. Внешне у Сенеки все как у греческих трагиков, местом действия служат дворцы, монологи и диалоги перемежаются хоровыми партиями, герои в конце погибают, — а внутреннее отношение к мифу у него совершенно иное — миф не служит в его трагедиях почвой для искусства, он нужен Сенеке для иллюстрации ходячих стоических истин и для маскировки чреватых неприятностями намеков на современность.

Кроме девяти мифологических трагедий, под именем Сенеки до нас дошла одна — «Октавия», написанная на римском историческом мате-, риале. Автором «Октавии» Сенека, безусловно, не был. Трагедия, где в форме предсказания приводятся подлинные подробности гибели Нерона, который к тому же изображен деспотом и злодеем, сочинена, конечно, после смерти этого цезаря, пережившего Сенеку — тот по его приказу вскрыл себе вены — на целых три года. Но по композиции, по языку и стилю «Октавия» очень похожа на другие девять трагедий. Это произведение той же школы, и сам Сенека выведен здесь не просто сочувственно, а как некий идеал мудреца. У греков единственная известная нам историческая трагедия — «Персы» Эсхила, у римлян это — «Октавия», отчего именно ее мы и выбрали для нашего сборника.

Сюжетом здесь служат действительные события 62 года н. э. По приказу Нерона, вздумавшего жениться на своей любовнице Поппее Сабине, его жена Октавия была сослана на остров Пандатрию и там убита. Соответствуют действительности и частые в этой трагедии упоминания о других злодействах Нерона — о его матереубийстве, об умерщвлении брата Октавии Британика, об убийстве мужа и сына Поппеи Сабины. Речь идет не о легендарных Эдипах, Медеях и Клитемнестрах, не о туманной древности, как в греческих трагедиях, а о реальных людях, о делах, которые делались на памяти автора.

Греческие трагики «очеловечивали» миф, они смотрели на него сквозь призму более поздней культуры и вкладывали в его толкование свое мироощущение, свои представления о нравственном долге и справедливости, даже свои ответы на конкретные политические вопросы. Автор «Октавии», наоборот, мифологизирует современность, подчиняя драматическое повествование об изуверствах цезаря греческим трагедийным канонам. Поппея рассказывает приснившийся ей зловещий сон — рассказывает своей кормилице. Мать Нерона Агриппина появляется на сцене в виде призрака. О недовольстве народа Поппее сообщает вестник. Как тут не вспомнить сон Атоссы, тень Клитемнестры, кормилицу Федры, вестников и глашатаев Эсхила, Софокла и Еврипида! Сходство с греческой трагедией довершается участием в действии двух хоров римских граждан.

И опять сходство здесь только внешнее. После смерти Нерона и смены династии Юлиев-Клавдиев династией Флавиев, когда говорить о нероновских преступлениях не было уже опасно, автор «Октавии» позволяет себе коснуться этой наболевшей темы. Но как! С начетническим педантизмом и эстетской холодностью препарирует он кровавую быль, укладывает ее в прокрустово ложе литературного подражания, превращая ее тем самым в абстракцию, в миф. Никакого нравственного осмысления реальных событий, никакого душевного очищения подобный отклик на них в себе не несет. В этом и состоит коренное отличье римской трагедии от греческой. Это и есть несомненный признак смерти детища языческой мифологии — античной драмы.

С. Апт

ЭСХИЛ

Эсхил (525–456 гг. до н. э.) родился в Элевсине, неподалеку от Афин, умер в Геле, на острове Сицилия. Из нескольких десятков трагедий Эсхила целиком сохранилось семь: «Просительницы», «Персы», «Прометей Прикованный», «Семеро против Фив» и три

трагедии («Агамемнон», «Жертва у гроба» и «Эвмениды»), образующие трилогию «Орестея».

Эсхил происходил из аристократического рода. Он участвовал в войне с персами, сражался при Марафоне, Саламине, Платеях и тринадцать раз получал первый приз на состязаниях поэтов-трагиков. Сведения об эмиграции Эсхила в Сицилию, как, впрочем, и все биографические сведения о нем, скудны и противоречивы.

ПЕРСЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Атосса.
Гонец.
Тень Дария.
Ксеркс.
Хор персидских старейшин.

ПАРОД

Площадь перед дворцом в Сузах. [1] *Видна гробница Дария.* [2]

Хор

Все персидское войско в Элладу ушло.
А мы, старики, на страже стоим
Дворцов золотых, домов дорогих
Родимого края. Сам царь велел,
Сын Дария, Ксеркс,[3]
Старейшим, испытанным слугам своим
Беречь эту землю свято.
Но вещей тревогой душа смущена,
Недоброе чует. Вернется ль домой
С победою царь, вернется ли рать,
Блиставшая силой?
Весь Азии цвет в чужой стороне
Воюет. О муже плачет жена.
А войско не шлет ни пеших гонцов,
Ни конных в столицу персов.
Отовсюду — из Суз, Экбатан, от ворот[4]
Башен древних киссийских[5] —
И в строю корабельном, и в конном строю,
И в рядах пехотинцев, потоком сплошным
Уходили бойцы на битву.
Их вели в поход Амистр, Артафрен,
Мегабат и Астасп — четыре царя[6]
При царе величайшем,

---

1 ***Сузы*** *— столица Сузианы, зимняя резиденция персидских царей.*

2 ***Дарий*** *— Дарий I, сын Гистаспа, персидский царь, подавивший в 494 г. восстание ионийских греков и потерпевший в войне с европейскими греками поражение при Марафоне в 490 г.*

3 **Ксеркс** — сын Дария, вступил на престол после смерти отца, в 485 г. до н. э.

4 **Экбатаны** — главный город Мидии, летняя резиденция персидских царей.

5 **Башен древних киссийских…** — Киссия — область, где находились Сузы

6 ***Амистр, Артафрен, Мегабат и Астасп*** *— Здесь и ниже подлинные, упоминаемые и в других источниках имена персидских полководцев перемежаются выдуманными Эсхилом.*

Персов славных вожди, бойцов главари,
Стрелки-силачи на быстрых конях,
Суровы на вид, в бою горячи,
Непреклонны душой, отваги полны,
Лихой овеяны славой.
Затем Артембар, верхом на коне,
Масист и лучник меткий Имей,
Славный боец, затем Фарандак
И конник Состав за ними.
Других послал плодоносный Нил,
Могучий поток. Пошел Сусискан,
Пошел египтянин Пегастагон,
Пошел священного Мемфиса царь,
Великий Арсам, и Ариомард,
Владыка и вождь вековечных Фив,
И гребцы, что в болотах. Дельты живут,
Несметной пошли толпою.
За ними — лидийцы, изнеженный люд,
У них под пятою весь материк.
А лидийскую рать в поход повели
Митрогат и Арктей, вожди и цари.
И от Сард золотых по воле владык[7]
Колесницы с бойцами помчались вдаль,
То четверки коней, то шестерки коней,
Поглядишь — и замрешь от страха.
И Тмола, священной горы, сыны[8]
На Элладу ярмо пожелали надеть —
Мардон, Тарибид, копьеметная рать
Мисийцев. И сам Вавилон золотой,
Разномастное войско свое собрав,
Послал на войну — и в пешем строю
Стрелков, и суда, одно за другим.
Так Азия вся по зову царя
Взялась за оружье, и с места снялась,
И в Грецию двинулась грозно.
Так мощь и красу Персидской земли
Война унесла.
Вся Азия-мать о тех, кто уже
Тоскует в слезах, тревогой томясь.
Родители, жены считают дни.
И тянется, тянется время.

Строфа 1

Вторглось войско царя в страну соседей,
Что на том берегу пролива Геллы,[9]
Афамантиды, канатом плоты связав,[10]

---

7 **И от Сард золотых…** — Сарды — столица Лидии.

8 **Тмол** — гора, на северном склоне которой находились Сарды.

9 **Пролив Геллы (Геллеспонт)** — Дарданеллы.

10 **Афамантпида** — дочь Афаманта. Согласно мифу, Гелла, дочь царя Афаманта и богини облаков Нефелы, убегая от мачехи на золоторунном баране, утонула в проливе, который поэтому и назван ее именем.

Морю взвалив на шею
Тяжким ярмом крепкозданный мост.

Антистрофа 1

Гонит войско по суше и по морю,
Полон ярости, Азии владыка,
Людом усеянной. Верит в своих вождей,
Сильных, суровых, стойких,
Отпрыск Данаи, равный богам.[11]

Строфа 2

Он глядит иссиня-черным
Взглядом хищного дракона,
С ассирийской колесницы
Кораблями и бойцами
Управляя, и навстречу
Копьям вражьим стрелы шлет.

Антистрофа 2

Нет преграды, чтоб сдержала
Натиск полчищ многолюдных,
Нет плотины, чтобы в бурю
Перед морем устояла.
Непреклонно войско персов,
Одолеть его нельзя.

Строфа 3

Но какой способен смертный
Разгадать коварство бога?
Кто из нас легко и просто
Убежит из западни?

Антистрофа 3

Бог заманивает в сети
Человека хитрой лаской,
И уже не в силах смертный
Из сетей судьбы уйти.

Строфа 4

---

11 ***Отпрыск Данаи*** *— В Греции существовало предание о том, что предком персов был Персей — сын Данаи, одной из возлюбленных Зевса, на которую он сошел в виде золотого дождя.*

Так богами решено и судьбою,
Так издревле заповедано персам:
Воевать, сметая стены,
Упиваясь конной сечей,
Занимая с налета города.

Антистрофа 4

И привык народ глядеть без боязни
На седую, разъяренную ветром
Даль морскую, научился
Плесть причальные канаты,
Наводить над пучинами мосты.

Строфа 5

Потому-то черный страх
И щемит мне грудь, увы! —
Страх, что, войско потеряв свое,
Опустеют Сузы вдруг
И столица от боли завопит.

Антистрофа 5

И киссийцы воплю Суз
Будут вторить, и — увы! —
Толпы женщин, плача и крича,
В клочья будут на себе
Тонкотканое платье раздирать.

Строфа 6

Кто верхом, кто пешком
За вождем пустился в путь,
Роем пчел бросил дом весь народ,
Чтоб, упряжкой одной
Берег с берегом связав,
Перебраться за пролив, где мысы
Двух земель разделены волнами.

Антистрофа 6

А в подушки пока
Жены персов слезы льют,
По мужьям дорогим истомясь,
Тихо плачут о тех,

Кто ушел на смертный бой.
И оставил бедную супругу
Тосковать на ложе опустелом.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Предводитель хора

Что ж, персы, пора! Мы сядем у стен
Вот этих старинных
И ум напряжем: настала нужда
В нелегких и важных решеньях.
Что с Ксерксом-царем? Где Дария сын,
Чей предок, Персей,
Название племени нашему дал?
Сразил ли врага натянутый лук,
Или вражье копье
Острием одержало победу?

Появляется Атосса в сопровождении прислужниц.

Но вот, как сиянье очей божества,
Царица, царя великого мать,
Предстает нам. Скорее падите ниц
И все, как один, царицу свою
Приветственной речью почтите!

Хор

О, привет тебе, царица персов, Дария жена,
Перепоясанная низко Ксеркса матерь, госпожа!
Ты была супругой бога, богу Персии ты мать,
Если верен демон счастья войску нашему, как встарь.

Атосса

Потому-то я и вышла, дом покинув золотой
И покой, который спальней мне и Дарию служил.
И меня тревога гложет. Откровенно я, друзья,
Говорю: отнюдь не чужды опасения и мне
Я боюсь, в пыли похода все богатства, что собрал
Дарий с помощью бессмертных, обратятся сами в пыль,
Потому двойной заботой несказанно я казнюсь:
Ведь богатство не почетно, если силы нет за ним,
Но и в силе мало славы, если в бедности живешь.
Да, у нас достаток полный, но за Око страх берет —
Оком дома и достатка я хозяина зову.
Вы теперь, о старцы персы, слуги верные мои,
Помогите мне советом, рассудите, как тут быть.
Вся на вас моя надежда, ободренья жду от вас.

Хор

О, поверь, царица, дважды не придется нас просить,
Чтобы словом пли делом в меру сил своих тебе
Помогли мы: мы и вправду слуги добрые твои.

Атосса

Все время сны мне снятся по ночам с тех пор,
Как сын мой, войско снарядив, отправился
Опустошать и грабить Ионийский край.
Но не было еще такого ясного
Сна, как минувшей ночью. Расскажу его.
Мне две нарядных женщины привиделись:
Одна в персидском платье, на другой убор
Дорийский был, и обе эти нынешних
И ростом, и чудесной красотой своей
Превосходили, две единокровные
Сестры. Одной в Элладе постоянно жить
Назначил жребии, в варварской стране — другой.
Узнав, — так мне приснилось, — что какие-то
Пошли у них раздоры, сын, чтоб спорящих
Унять и успокоить, в колесницу впряг
Обеих и надел обеим женщинам
Ярмо на шею. Сбруе этой радуясь,
Одна из них послушно удила взяла,
Зато другая, взвившись, упряжь конскую
Разорвала руками, вожжи сбросила
И сразу же сломала пополам ярмо.
Упал тут сын мой, и стоит, скорбя, над ним
Его родитель Дарий. Увидав отца,
Ксеркс рвет одежды на себе неистово.
Вот это нынче ночью и приснилось мне.
Затем я встала, руки родниковою
Водой ополоснула и, неся в руках
Лепешку, жертву отворотным демонам,
Как требует обычай, к алтарю пришла.
Гляжу: орел у жертвенника Фебова
Спасенья ищет. Онемев от ужаса,
Стою и вижу: ястреб на орла, свистя
Крылами, с лету падает и в голову
Ему вонзает когти. И орел поник,
И сдался.
Если страшно было слушать вам,
То каково мне видеть!
Вы же знаете:
Одержит сын победу — все в восторг придут,
А не одержит — городу и спроса нет
С царя: он остается, если жив, царем.

Хор

Ни пугать тебя чрезмерно, ни чрезмерно ободрять,
Матерь наша, мы не станем. Если знак недобрый ты
Увидала, то несчастье отвратить моли богов
И проси себе, и сыну, и державе, и друзьям
Даровать одно лишь благо. Возлияние затем
Сотвори земле и мертвым и смиренно попроси,
Чтоб супруг твой Дарий — ночью ты увидела его —
Из глубин подземных сыну и тебе добро послал,
А недоброе упрятал в мраке черном дольних недр.
Вот тебе совет смиренный прозорливого ума.
Но надеяться мы будем на счастливую судьбу.

Атосса

Этой речью доброй, первый толкователь моего
Сновиденья, мне и дому ты услугу оказал.
Да свершится все ко благу! А богов, как ты велишь,
И любимых наших тени мы обрядами почтим,
В дом вернувшись. Но сначала я узнать хочу, друзья,
Где находятся Афины, далеко ли этот край?

Хор

Далеко в стране заката, там, где меркнет Солнца бог.

Атосса

Почему же сын мой жаждет этот город захватить?

Хор

Потому что вся Эллада подчинилась бы царю.

Атосса

Неужели так огромно войско города Афин?

Хор

Это войско войску мидян причинило много бед.

Атосса

Чем еще тот город славен? Не богатством ли домов?

Хор

Есть серебряная жила в том краю, великий клад.

Атосса

Эти люди мечут стрелы, напрягая тетиву?

Хор

Нет, с копьем они предлинным в бой выходят и щитом.

Атосса

Кто же вождь у них и пастырь, кто над войском господин?

Хор

Никому они не служат, не подвластны никому.

Атосса

Как же сдерживают натиск иноземного врага?

Хор

Так, что Дариеву даже погубить сумели рать.

Атосса

Речь твоя страшна для слуха тех, чьи дети в бой ушли.

Хор

Скоро, впрочем, достоверно ты узнаешь обо всем:
По походке торопливой судя, перс идет сюда
И надежную несет нам весть на радость иль беду.

Входит гонец.
Гонец

О города всей Азии, о Персия,
Великого богатства средоточие,
Одним ударом наша жизнь счастливая
Разбита. Увядает цвет земли родной.
Хоть мне и горько горя быть глашатаем,
Я должен вам поведать правду страшную,
О персы: войско варваров погибло все.

Хор

Строфа 1

Новость ужасная! Горе, боль!
Плачьте, персы!
Пусть реки слез
Будут ответом вашим.

Гонец

Да, все там завершилось, все закончилось,
И я уже не верил, что вернусь домой.

Хор

Антистрофа 1

Слишком он долог, мой долгий век,
Если мне, старику, пришлось
Горе узнать такое.

Гонец

Все видел сам воочью,
Не со слов чужих
Я расскажу вам, персы, как стряслась беда.

Строфа 2

Горе! Не в добрый час,
Вооруженная до зубов,
Двинулась Азия на Элладу,
В землю страшную вторглась!

Гонец

Телами тех, кто принял смерть плачевную,
Сейчас покрыто взморье Саламина сплошь.

Хор

Антистрофа 2

Горе! По воле волн
Среди прибрежных скал, говоришь,
Мечутся трупы любимых наших,
Пеной белой одеты!

Гонец

Что пользы было в стрелах?
Нас таранили.
Все наше войско корабельный бой сгубил.

Хор

Строфа 3

Плачьте, кричите горестно,
Участь свою кляня!

Достался персам злой удел,
На гибель войско послали боги.

Гонец

О Саламин, о имя ненавистное!
Как вспомню я Афины, так вопить готов.

Антистрофа 3

Будут Афины в памяти
Вечным проклятьем жить:
Так много в Персии теперь
Безмужних жен, матерей бездетных!

Атосса

Давно уже молчу я, оглушенная
Ударом этим. Слишком велика беда,
Чтобы промолвить слово иль задать вопрос.
Однако горе, что богами послано,
Должны сносить мы, люди. Все поведай нам,
Превозмогая стоны, совладав с собой.
Скажи, кто жив остался и о ком рыдать
Из полководцев? Кто из тех, что носят жезл,
Убитым пал в сраженье, оголив отряд?

Гонец

Сам Ксеркс остался жив и видит солнца свет.

Атосса

Твои слова — как солнце дому нашему,
Как после мрака ночи — лучезарный день.

Гонец

Но Артембара — десять тысяч конников
Он вел — прибой качает у Силенских скал.
И с корабля Дедак, начальник тысячи,
Слетел пушинкой, силе уступив копья.
И Тенагон отважный, житель Бактрии,[12]
На острове Аянта[13] ныне дом обрел.

Лилей, Арсам, Аргест расшибли головы
Себе о камни берега скалистого
Той островной, кормящей голубей земли.[14]

---

12 ***Бактрия*** *— одна из северных персидских провинций.*
13 ***Остров Аянта*** *— Саламин, где существовал культ этого героя Троянской войны.*
14 ***…кормящей голубей земли.*** *— Имеется в виду остров Саламин.*

Из египтян, в верховьях Нила выросших,
Арктей, Адей и третий щитоносный вождь,
Фаюнух, — погибли все на корабле одном.
Погиб Маталл, что правил многотысячным
Хрисийским войском,[15] — алой краской бороду
Свою густую залил, испуская дух.
Араб-магиец[16] и Артам из Бактрии,
Что тридцать тысяч чернокожих конников
В сраженье вел, навеки в том краю легли.
И Амфистрей, копейщик наш испытанный,
С Аместром, и Ариомард-смельчак (о нем
Заплачут в Сардах), и Сисам из Мизии,[17]
И вождь двух с половиной сот судов Тариб,
Лирнессец родом, — ах, какой красавец был! —
Все, бедные, погибли, всех настигла смерть.
И Сиенесс, храбрейший из отважнейших,
Вождь киликийцев[18] — он один и то грозой
Был для врага великой — смертью славных пал.
Вот скольких полководцев я назвал тебе.
Бед было много, а доклад мой короток.

Атосса

О, горе, горе! Я узнала худшее.
Позор нам, персам! Впору и рыдать и выть!
Но ты скажи мне, возвращаясь к прежнему,
Неужто кораблей такое множество
У греков было, что в сраженье с персами
Они решились на морской таран идти?

Гонец

О нет, числом — в том нет сомненья — варвары
Сильнее были. Около трехсот всего
У греков оказалось кораблей, да к ним
Отборных десять. А у Ксеркса тысяча
Судов имелась — это не считая тех
Двухсот семи, особой быстроходности,
Что вел он тоже. Вот соотношенье сил.
Нет, мы слабей в сраженье этом не были,
Но бог какой-то наши погубил войска
Тем, что удачу разделил не поровну.

Атосса

Афинян город, значит, и поныне цел?[19]

---

15 ***Хрисийским войском…*** *— Хриса — город в Троаде (Малая Азия).*

16 ***Араб-магиец*** *— Магийцы — азиатское племя.*

17 ***Мизия*** *— северо-западная провинция Малой Азии.*

18 ***Вождь киликийцев…*** *— Киликия — страна на юго-восточном берегу Малой Азии.*

19 ***Афинян город, значит, и поныне цел?*** *— Вопрос Атоссы и ответ Гонца намекают на то, что персы сожгли Афины незадолго до саламинского морского боя.*

Гонец

У них есть люди. Это щит надежнейший.

Атосса

Паллады крепость силою богов крепка.
Но как, скажи мне, разыгрался бой морской?
Кто завязал сраженье — сами эллины
Иль сын мой, кораблей своих числом гордясь?

Гонец

Всех этих бед началом, о владычица,
Был некий демон, право, некий злобный дух.
Какой-то грек из воинства афинского[20]
Пришел и Ксерксу, сыну твоему, сказал,
Что греки сразу, как наступит мрак ночной,
Сидеть не станут больше, а рассыплются
По кораблям и, правя кто куда, тайком
Уйдут подальше, чтобы только жизнь спасти.
Коварства грека так же, как и зависти
Богов, не чуя, царь, едва тот кончил речь,
Своим кораблеводам отдает приказ:
Как только солнце землю перестанет жечь
И мраком ночи небосвод покроется,
Построить корабли тремя отрядами,
Чтоб все пути отрезать отплывающим,
Аянтов остров плотным окружив кольцом.
А если вдруг избегнут греки гибели
И тайный выход кораблям найдут своим,
Начальникам заслона не сносить толов.
Так приказан он, одержим гордынею,
Еще не знал, что боги предрешили все.
Приказу подчинились, как положено.
Был приготовлен ужин, и к уключинам
Приладить весла каждый поспешил гребец.
Затем, когда последний солнца луч погас
И ночь настала, все гребцы и воины
С оружьем, как один, на корабли взошли,
И корабли, построясь, перекликнулись.
И вот, держась порядка, что указан был,
Уходит в море и в бессонном плаванье
Несет исправно службу корабельный люд.
И ночь минула. Но нигде не сделали
Попытки греки тайно обойти заслон.
Когда же землю снова белеконное
Светило дня сияньем ярким залило,
Раздался в стане греков шум ликующий,

20 ***Какой-то грек из воинства афинского…*** *— Геродот говорит, что этого грека послал к персам Фемистокл (см. вступительную статью). Описание саламинского сражения у Эсхила совпадает с рассказом Геродота лишь в общих чертах.*

На песнь похожий. И ему ответили
Гремящим отголоском скалы острова,
И сразу страхом сбитых с толку варваров
Прошибло. Не о бегстве греки думали,
Торжественную песню запевая ту,
А шли на битву с беззаветным мужеством,
И рев трубы отвагой зажигал сердца.
Соленую пучину дружно вспенили
Согласные удары весел греческих,
И вскоре мы воочью увидали всех.
Шло впереди, прекрасным строем, правое
Крыло, а дальше горделиво следовал
Весь флот. И отовсюду одновременно
Раздался клич могучий: «Дети эллинов,
В бой за свободу родины! Детей и жен
Освободите, и родных богов дома,
И прадедов могилы! Бой за все идет!»
Персидской речи нашей многоустый гам
На клич ответил. Медлить тут нельзя было,
Корабль обитым медью носом тотчас же
В корабль ударил. Греки приступ начали,
Тараном финикийцу проломив корму,
И тут уж друг на друга корабли пошли.
Сначала удавалось персам сдерживать
Напор. Когда же в узком месте множество
Судов скопилось, никому никто помочь
Не мог, и клювы направляли медные
Свои в своих же, весла и гребцов круша.
А греки кораблями, как задумали,
Нас окружили. Моря видно не было
Из-за обломков, из-за опрокинутых
Судов и бездыханных тел, и трупами
Покрыты были отмели и берег сплошь.
Найти спасенье в бегстве беспорядочном
Весь уцелевший варварский пытался флот,
Но греки персов, словно рыбаки тунцов,
Кто чем попало, досками, обломками
Судов и весел, били. Крики ужаса
И вопли оглашали даль соленую,
Покуда око ночи не сокрыло нас.
Всех бед, веди я даже десять дней подряд
Рассказ печальный, мне не перечислить, нет.
Одно тебе скажу я: никогда еще
Не гибло за день столько на земле людей.

Атосса

Увы! На персов и на всех, кто варваром
На свет родился, море зла нахлынуло!

Гонец

Но ты еще не знаешь половины бед.
Еще несчастье нам такое выпало,
Что вдвое тяжелее остальных потерь.

Атосса

Какое горе может быть еще страшней?
Какая же такая, отвечай, беда
Случилась с войском, чтобы зло удвоилось?

Гонец

Все персы, силой молодой блиставшие,
Отваги безупречной, рода знатного,
Вернейшие из верных слуг властителя
Бесславной смертью пали — на позор себе.

Атосса

О, доля злая! Горе мне, друзья мои!
Какая же постигла их судьба, скажи.

Гонец

Есть возле Саламина остров маленький,[21]
К нему причалить трудно. Там по берегу
Крутому часто водит хороводы Пан.
Туда-то и послал их царь, чтоб если враг,
С обломков кораблей спасаясь, к острову
Вплавь устремится, греков бить без промаха
И выбраться на сушу помогать своим.
Царь был плохим провидцем! В тот же день, когда
В морском бою победу грекам бог послал,
Они, в доспехах медных с кораблей сордя,
Весь окружили остров, так что некуда
Податься было персам, и не знали те,
Что делать. Камни градом в наступающих
Из рук летели, стрелы, с тетивы тугой,
Слетая, убивали наповал бойцов.
Но вторглись греки все же дружным натиском
На этот остров — и пошли рубить, колоть,
Покуда всех не истребили дочиста.
Ксеркс зарыдал, увидев глубину беды:
Он на холме высоком возле берега
Сидел, откуда обозреть все войско мог.
И, разодрав одежды и протяжный стон
Издав, пехоте приказал он тотчас же
Бежать напропалую. Вот еще одна

---

21 ***Есть возле Соломина остров маленький…*** *— Имеется в виду остров Пситталея. Геродот: «Афинянин Аристид… взял с собой много тяжеловооруженных воинов из числа расставленных вдоль саламвиского берега… и высадился с ними на остров Пситталею. Они перебили всех персон, находившихся на этом острове».*

Беда тебе в придачу, чтоб заплакать вновь.

Атосса

О злобный демон, как ты посрамить сумел
Надежды персов! Сын расплатой горькою?
Афинам славным воздал. Мало ль варваров
Уже и прежде марафонский бой сгубил?
Сын за убитых отомстить надеялся
И только тьму несчастий на себя навлек!
Но корабли, скажи мне, уцелевшие
Ты где оставил? Ясного ответа жду.

Гонец

Предавшись воле ветра, беспорядочно
Бежали уцелевших кораблей вожди.
А остального войска часть в Беотии[22]
Погибла, возле ключевой, живительной
Воды от жажды мучась. Мы ж, едва дыша,
Пришли в Фокею, пробрались, усталые,
В Дориду,[23] дотянулись до Мелийского
Залива, где поля река Сперхей поит.
Оттуда мы, не евши, снова двинулись
Искать приюта в городах Фессалии,[24]
В ахейских землях. Большинство погибло там —
Одни от жажды, голод убивал других.
В край магнесийский мы затем направились
И в землю македонян и, аксийский брод
Пройдя и Больбы[25] топи, в Эдониду[26] мы,
К горе Пангею вышли. Бог не вовремя
Послал мороз той ночью, и сковало льдом
Поток священный Стримон. И не чтившие
Богов дотоле тут с молитвой истовой
К земле и небу в страхе принялись взывать.
Молились долго. А когда закончило
Молитву войско, реку перешло по льду.
Кто перебрался прежде, чем рассыпал бог
Лучи дневные, тот из нас и спасся там.
Ведь вскоре солнца пламя светозарное
Палящим жаром хрупкий растопило мост.
Валились люди друг на друга. Счастливы
Те, что, не мучась долго, испустили дух.
А остальные, все, кто уцелел тогда,
Прошли с трудом великим через Фракию
И к очагам родимым возвращаются
Ничтожной горстью. Слезы лей, оплакивай,
Столица персов, юный цвет отечества!

---

22 ***Беотия*** *— область в Средней Греции.*
23 ***Дорида*** *— небольшая область в Средней Греции.*
24 ***Фессалия*** *— восточная часть Северной Греции.*
25 ***Больба*** *— озеро в Македонии.*
26 ***Эдонида*** *— местность в Македонии.*

Все это правда. Но еще о множестве
Бед умолчал я, что на нас обрушил бог.

Предводитель хора

О ненавистный демон, ты тяжелою
Весь наш народ персидский растоптал пятой.

Атосса

О, горе мне несчастной! Войска нет уже.
О, сновиденье этой ночи вещее,
Как недвузначен был его недобрый смысл
И как неверно ваше толкованье сна!
И все же, слову подчиняясь вашему,
Сначала помолиться я пойду ботам,
А помолившись, снова выйду из дому
И в дар земле и мертвым хлебы вынесу.
Я знаю, жертвой не исправить прошлого,
Но будущее может и отрадней стать.
А вы советом в этих обстоятельствах
Мне, как и прежде, добрым помогать должны.
И если сын мой раньше здесь появится,
Чем я, его утешьте и направьте в дом,
Чтоб новой болью старую не множил боль.

Атосса с прислужницами и гонец уходят.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Ты персов, о Зевс, огромную рать,
Что силой тверда и славой горда
Была, погубил,
Ты ночью беды, ты мраком тоски
Покрыл Экбатаны и Сузы.
И матери рвут дрожащей рукой
Одежды свои,
И льются потоком слезы на грудь
Измученных женщин.
И юные жены, уже овдовев,
Горюют о тех, с кем ложе любви,
Отраду и счастье цветущих лет,
Делили, на мягких нежась коврах,
И плачут в тоске неизбывной.
Я тоже скорблю о павших бойцах,
О доле их горестной плачу.

Строфа 1

Вся стонет Азия теперь,
Осиротевшая земля:
«Повел их за собою Ксеркс,
Их гибели виною Ксеркс,
Все это горе неразумный Ксеркс
Уготовил кораблям.
Почему, не зная бед,
Правил Дарий, древних
Суз Повелитель дорогой,
Славных лучников начальник?»

Антистрофа 1

С пехотой вместе моряки
На темногрудых шли судах,
На быстрокрылых шли судах,
Навстречу смерти — на судах,
Врагу навстречу, прямо на клинок
Ионийского меча.
Царь — и тот, нам говорят,
Чудом спасся и бежал
По фракийским, полевым,
Стужей скованным дорогам.

Строфа 2

Бедные те, кто по воле злой
Рока погибли первыми там,
У берегов Кихрейских![27] Вопи,
Плачь безудержно, скули, рыдай,
К небу пронзительный стон вздыми
Боли и скорби, тоску излей
Криком протяжным, терзай сердца
Жалобным воем!

Антистрофа 2

Носит волною морской тела,
Жадно немые чада пучин
Трупы зубами рвут на куски!
Полон тоски опустевший дом,
Горем убиты мать и отец,
Сына-кормильца у стариков
Отняли. Вот и до них дошли
Страшная новость.

Строфа 3

---

27 ***…у берегов Кихрейских!*** *— Кихрей — мифический царь острова Саламина.*

Азия больше не будет
Жить по персидской указке.
Больше не будут народы
Дань приносить самодержцам,
В страхе не будут люди
Падать наземь. Не стало
Царской власти сегодня.

Антистрофа 3

Люди язык за зубами
Сразу держать перестанут:
Тот, кто свободен от ига,
Также и в речи свободен.
Остров Аянта, кровью
Залитый, стал могилой
Счастья гордого персов.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Из дворца выходит Атосса в сопровождении прислужниц, которые несут жертвенные дары.

Атосса

Кто побывал в несчастье, тем по опыту,
Друзья, известно, что когда накатятся
Несчастья валом, всё уже пугает нас,
А если жизнь спокойна, то надеемся,
Что так, с попутным ветром, будем вечно жить.
И вот сегодня все в меня вселяет страх.
Глазам везде враждебность божья видится,
В ушах не песнь победы — громкий плач звенит.
Так потрясен ударом оробевший дух.
Я не в повозке, не в привычной роскоши
Сюда вернулась, нет, я из дворца пришла
Пешком, чтобы того, кем сын мой зачат был,
Почтить надгробной жертвой. Молоко несу
Я от коровы безупречной белое,
И мед прозрачный, пчел трудолюбивых дар,
И, воду ключевую, беспорочную,
И этот благородный, неразбавленный,
Лозой, когда-то дикой, порожденный сок.
И золотые, спелые, душистые
Вечнозеленых масличных дерев плоды,
И вот еще цветов, детей земли венок.
В честь этой жертвы мертвым вы теперь, друзья,
Пропойте песню и на помощь Дария
Тень призовите! Я же возлияние
Потороплюсь подземным сотворить богам.

Хор

О царица, о Персии госпожа,
Ты дары в подземельный покой пошли,
Мы же будем, песню запев, просить,
Чтоб вожатые душ
В преисподней милость явили.
Божества священные дольних недр,
Гея, и Гермес, и над тенями царь,
Отпустите дух из темных глубин.
Один только он способен помочь
Беде многослезной советом.

Строфа 1

Слышишь ли ты, равный богам,
Мертвый наш царь, стоны мои,
Варварские плачи?
Громко кричу, скорбно зову,
Рыдаю, жалуюсь, воплю,
Надрывно умоляю, вою.
Слышишь ли в преисподней?

Антистрофа 1

Гея и вы, прочие все
Мрака вожди, главы глубин,
Выпустите на свет
Гордую тень бога-царя,
Питомца Суз. Пусть выйдет он!
Еще не хоронили персы
Равных ему, владыке.

Строфа 2

Царь дорогой! Холм дорогой,
Где дорогое сокрыто сердце!
Аидоней, на дневной на свет
Выведи ты, Аидоней,[28]
Дария только из царства ночи!

Антистрофа 2

Он не губил в войнах людей,
Не посылал их навстречу смерти,
Он, богомудрым царем слывя,

---

28 ***Аидоней*** *— поэтическая форма имени бога преисподней Аида.*

Был богомудр, ибо умел
Войском персидским разумно править.

Строфа 3

Баал,[29] о древний Баал, приди, приди,
На этот курган поднимись высокий,
Тиарой блестящей своей сияя,
Шагая в шафрановых эвмаридах,
Царь незлобивый, Дарий-отец, явись!

Антистрофа 3

О новом горе услышать, о беде,
Владыка владык, ты приди сегодня.
Над нами стигийская ночь нависла:
Вся юная наша погибла поросль.
Царь незлобивый, Дарий-отец, явись!

Эпод

Царь, твоя смерть —
Вечная рана для близких твоих.
Если б державой поныне ты
Правил, нам не пришлось бы
Нынче рыдать от боли двойной.
Ведь не плавают больше
Корабли, корабли мои.

Появляется Тень Дария.
Тень Дария

Вернейшие из верных, юных лет моих
Товарищи седые! Что стряслось в стране!
Она в рыданьях бьется, и трещит земля.
Свою жену со страхом вижу около
Могилы, — благосклонно, впрочем, принял дар, —
А вы, столпившись у надгробья, плачете
И скорбно, заклинаньями и воплями,
Меня зовете. Выйти же на свет дневной
Не так-то просто: боги преисподние
Предпочитают брать, чем отдавать назад.
Но я и там в почете, и поэтому
Я вышел. Торопись же, чтоб не мешкать мне.
Какая персов новая печаль гнетет?

Хор

29 ***Баал*** *, или «бален» — фригийское слово, означающее «царь».*

Строфа

Страшно тебя мне увидеть,
Страшно мне слово промолвить,
Дрожу пред тобою, как прежде.

Тень Дария

Если, вняв твоим заклятьям, вышел я из царства мглы,
Ты без долгих отступлений, покороче обо всем
Расскажи, отбросив робость пред особою моей.

Хор

Антистрофа

Нет, не могу подчиниться
Нет, не могу я решиться
Сказать несказанное другу.

Тень Дария

Что ж, коль скоро страх, как прежде, разум сковывает ваш,
Ты, почтенная подруга, сопостёльница моя.
Перестань рыдать и плакать и хоть слово мне скажи
Толком! Такова уж участь смертных — горести терпеть.
Ведь на суше и на море бед немало суждено
Испытать любому, если заживется на земле.

Атосса

О счастливейший из смертных, доброй взысканный судьбой,
Если в дни, когда на солнце ты глядел, достоин был
Только зависти твой жребий, богоравный персов царь,
То и смерть твоя завидна: ты не дожил до беды.
Все случившееся, Дарий, краткой речью охвачу
И скажу, не обинуясь: мощи персов нет как нет.

Тень Дария

Что стряслось? Мятеж ли, мор ли государство погубил?

Атосса

Не мятеж, не мор. В Афинах наше войско полегло.

Тень Дария

Кто ж пошел туда войною из сынов моих, скажи.

Атосса

Ксеркс неистовый и целый материк опустошил.

Тень Дария

Он пустился в сухопутный иль морской поход, глупец?

Атосса

И в морской и в сухопутный. Он двумя фронтами шел.

Тень Дария

Как такая тьма пехоты переправиться смогла?

Атосса

Мост навел, чтоб через волны Геллы посуху пройти.

Тень Дария

Неужели умудрился Боспор мощный запереть?

Атосса

Умудрился. Демон, видно, дело сделать пособил.

Тень Дария

И могуч же этот демон, если свел с ума царя!

Атосса

По исходу видно, сколько зла он может натворить.

Тень Дария

Что же с ними приключилось? Почему вы все в слезах?

Атосса

Принесло пехоте гибель пораженье сил морских.

Тень Дария

Значит, вражеские копья истребили всех бойцов?

Атосса

Потому и стонут Сузы: город славный опустел.

Тень Дария

Жаль мне доблестного войска, ополченцев наших жаль.

Атосса

И несчастные бактрийцы полегли, всё молодежь.

Тень Дария

О безумец, погубил он самый цвет союзных войск!

Атосса

Ксеркс, оставшись, как сказали, с небольшим числом бойцов…

Тень Дария

Где и как пропал? Надежда, что спасется, есть иль нет?

Атосса

Он прошел, по счастью, к мосту, две связавшему земли.

Тень Дария

И на этот, значит, вышел материк. Верна ли весть?

Атосса

Да, вполне. Сомнений в этом никаких не может быть.

Тень Дария

О, как быстро подтвердились предсказанья! Сына Зевс
Предреченною судьбою покарал. А я-то мнил,
Что еще нескоро боги волю выполнят свою.
Но того, кто сам стремится к яме, бог уж подтолкнет.
Пасть пред близкими моими распахнул колодец бед,
Сын же мой, того не видя, юной дерзостью блеснул:
Геллеспонта ток священный, божий Боспора поток,
Он связать решил цепями, как строптивого раба,
И ярмом оков железных преградив теченью путь,
Многочисленному войску путь широкий проложил.
В слепоте тщеславья, смертный, он с богами и самим
Посейдоном вздумал спорить! Не безумья ли недуг
Поразил его? Боюсь я, что трудов моих плоды,
Что богатства наши сможет первый встречный захватить.

Атосса

Ксеркс, оплошно вняв советам подстрекателей дурных,
Это сделал. Те твердили, что богатство сыновьям

Ты копьем добыл, а он, мол, труса празднует, сидит
Сиднем дома и не множит обретенного отцом.
И, упреки эти часто из недобрых слыша уст,
Он в конце концов решился с войском в Грецию идти.

Тень Дария

Вот как оно свершилось, дело страшное.
О нем навек запомнят. Никогда еще
Такого разоренья в Сузах не было,
С тех пор как Зевс-владыка ниспослал закон,
Чтоб всей землей стада растящей Азии
Всегда один лишь правил скиптроносный вождь.
Мид первым нашим был военачальником,[30]
Затем на эту должность Мидов сын пришел,
Свое умевший сердце подчинять уму.
А третьим Кир был, человек счастливейший,
Он мир, достигши власти, даровал друзьям.
Завоевал он Лидию и Фригию[31]
И покорил насильем Ионийский край.
Умен был очень, боги с ним не ссорились,
И Кира сын четвертым нашим стал вождем.
А пятым правил Мардис, опозоривший
Престол свой древний и отчизну. Этого
Достойный Артафрен с друзьями верными
Хитро убили во дворце, как долг велел.
Шестым был Марафис, и Артафрен — седьмым.
И я, я тоже поприща желанного
Добился и в походы с войском хаживал,
Но бед подобных я не приносил стране.
А Ксеркс, мой юный сын, по легкомыслию,
Обычному у юных, мой завет забыл.
Кому-кому, а вам, мои ровесники,
Известно, что никто из нас, правителей
Державы этой, стольких не наделал бед.

Предводитель хора

К какому же, владыка Дарий, речь свою
Ведешь итогу? Как народу Персии
Благополучней выйти из такой беды?

Тень Дария

Войной на греков не ходите в будущем,
Каким бы сильным войско наше ни было:
Сама земля их с ними заодно в бою.

Предводитель хора

---

30 ***Мид первым нашим был военачальником…*** *— Следующая далее история персидских царей совпадает с рассказом Геродота лишь отчасти.*

31 ***Фригия*** *— область в Малой Азии.*

Но как же может бой сама земля вести?

Тень Дария

Голодной смертью тьмы и тьмы врагов казня,

Предводитель хора

Бойцов отборных снарядим получше мы.

Тень Дария

Что толку? Даже те бойцы, что в Греции
Сейчас остались, в отчий не вернутся край.

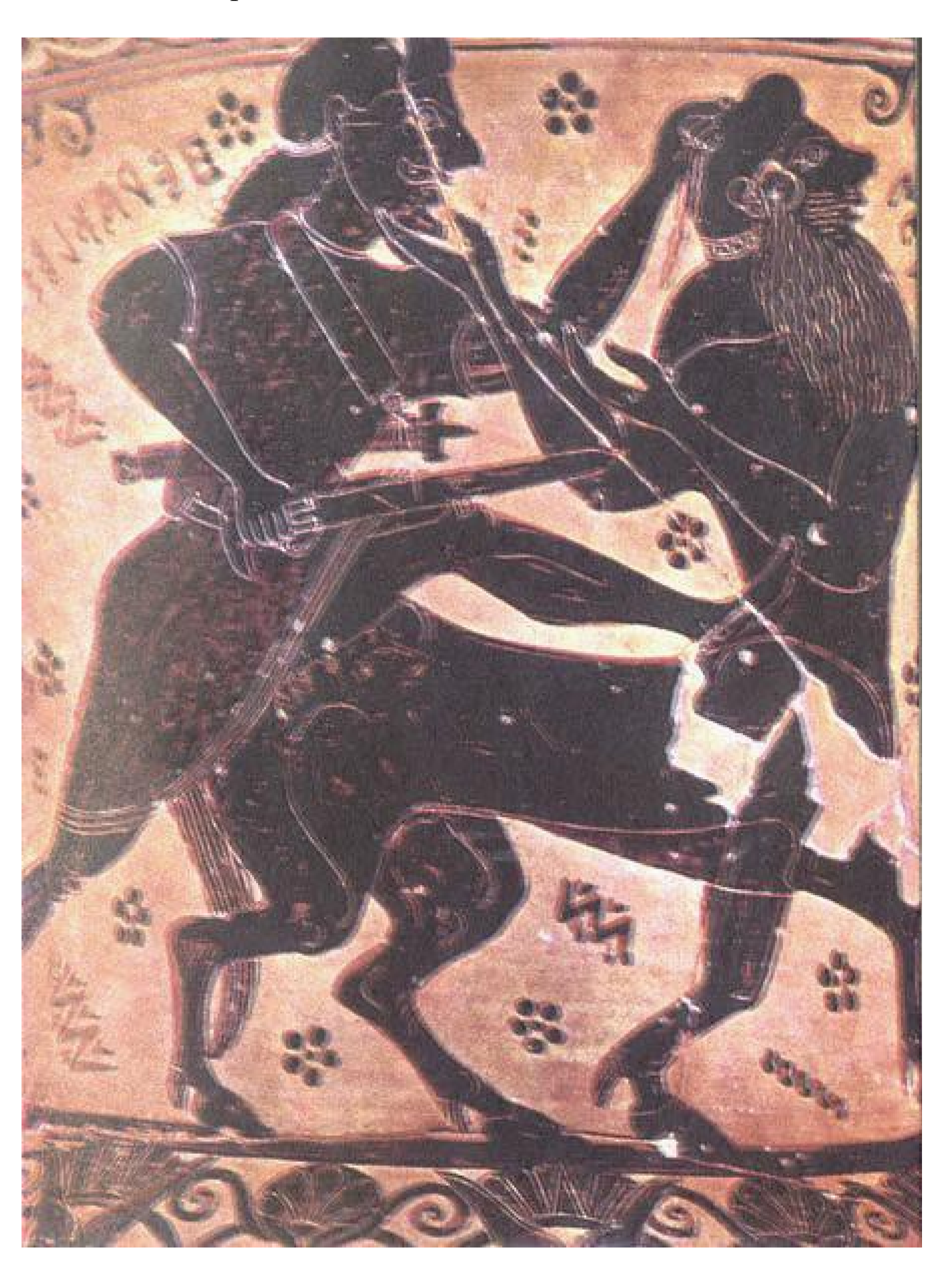
Предводитель хора

Как? Значит, из Европы не воротятся,
Не перейдут пролива Геллы варвары?

Тень Дария

Лишь горсть вернется. Божьим прорицаниям
Должны мы верить, судя по событиям:
Коль что-то подтвердилось, подтвердится все.
А это значит — воинство отборное,
Пустой надежде веря, там оставил сын.
Оно на той равнине, где Асоп течет,
Поилец добрый беотийских пажитей,
И где в расплату за мечты безбожные
И за гордыню горе ожидает тех,
Кто, в Грецию явившись, позволял себе
Кумиры красть святые или храмы жечь.
До основанья алтари разрушены,
С подножий сбиты и разбиты статуи.
Так вот, не меньшим злом за это воздано
Теперь злодеям будет. Не исчерпана
Страданий чаша. Бед еще полным-полно.
И возлиянье совершат кровавое
Копьем дорийским греки под Платеями,
И цепь могил пребудет вплоть до третьего
Колена молчаливым назиданием:
Не заносись, мол, смертный, не к лицу тебе.
Вины колосья — вот плоды кичливости,
Расцветшей пышно. Горек урожай такой.
Возмездье это видя, вечно помните
Элладу и Афины. Своего добра
Не расточайте и, богатством собственным
Довольствуясь, не зарьтесь на чужой кусок.
Карает за гордыню карой грозною
Судья крутого нрава, беспощадный Зевс.

Так убедите сына — он нуждается
В совете дельном, в мудром поучении —
Заносчивостью дерзкой не гневить богов.
А ты, седая Ксеркса мать и милая
Моя подруга, в дом ступай и вынеси
Наряд пристойный сыну. Ведь лохмотьями
Висит на нем одежда разноцветная,
Которую он в клочья разодрал, скорбя.
Его речами успокой ты кроткими:
Тебя лишь, знаю, согласится выслушать,
А я спущусь под землю, удалюсь во мрак.
Прощайте, старцы! Даже среди горестей
Душе дарите радость каждодневную.
Ведь после смерти счастья и в богатстве нет.

Геракл, убивающий кентавра Несса. Роспись вазы. Конец VII века до н. э. Афинский музей.

Тень Дария удаляется.

Предводитель хора

О, сколько горя выпало и выпадет
На нашу долю. Слушал и страдал душой.

Атосса

О боги, сколько на меня обрушилось
Несчастий! Но всего больнее было мне
О том услышать, что позорным рубищем
Сын прикрывает нынче наготу свою.
Ну, что же, в дом направлюсь и, с одеждами
Нарядными вернувшись, встречу сына я.
Нам не пристало близких оставлять в беде.

(Уходит.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа 1

Жизнью счастливой, по добрым обычаям
Жили мы, свято законы державы чтя,
В дни, когда правил
Всеми любимый, во всех побеждавший боях
Богоподобный старец, Дарий кроткий.

Антистрофа 1

Славой себя покрывали в походах мы,
Правопорядок повсюду, как башня, был
Нашим оплотом.
Без поражений, не зная ни бед, ни забот,
Домой мы приходили с поля битвы.

Строфа 2

Взял он тьму городов, хоть ни разу царь
Не ходил за Галис-реку,[32]
Свой очаг не покидал.
Но и те, что живут у стримонских вод.
Сопредельники — соседи
Фракии равнинной,

Антистрофа 2

32 ***Галис*** *— река в Малой Азии, впадающая в Черное море, ныне Кзыл-Ирмак.*

Как и те, что вдали от приморских мест
Крепостным укрыты валом,
Были Дарию верны.
И селенья у волн Геллы, и простор
Пропонтийского пролива,[33]
И ворота Понта,

Строфа 3

И еще острова у рокочущих мысов
Нашего материка,
В рощах масличных Самос, и Лесбос, и Хиос,
Парос, Миконос, Наксос
И Андрос, лежащий
Близ Теносской земли.

Антистрофа 3

И владел островами открытого моря
Царь: Икар ему и Книд[34]
Подчинялись, и Лемнос, и Родос, и в долах
Кипра Пафос и Солы,
И родоначальник
Наших бед, Саламин.

Эпод

И в Ионийском краю городами греков
Людными, пышными
Мудро правил наш царь Дарий. И тогда
Мощь бойцов разноплеменных,
Рать союзная была
В миг любой к его услугам.
А теперь боги всё повернули так,
Что, морское сраженье
Проиграв, проиграли войну мы.

ЭКСОД

Появляется Ксеркс с небольшим числом воинов.
Ксеркс

Горе, горе мне! Как нежданно пал
На меня удар, как жестока судьба!
Это демон злой сегодня казнит

---

33 ***Пропонтийский пролив*** *— Мраморное море.*
34 ***Книд*** *— собственно, не «остров открытого моря», а мыс и город в Карий (Малая Азия).*

Персидский народ. О, беда, беда!
Ослабев, на ногах едва держусь,
Боюсь я взглянуть старикам в глаза.
О Зевс, пусть бы рок унес и меня
В ту темную ночь,
Что убитых бойцов поглотила.

Предводитель хора

Жаль тебя мне, о царь, войска доброго жаль,
Жаль славы былой персидских владык
И лучших жаль,
Косою скошенных рока!
Рыдает страна о цвете страны.
Его убил ты, о Ксеркс, Аид
Персами набив. Ведь ушли туда
Краса и мощь родной земли,
Тысячи туда молодых бойцов,
Лучников лихих, ушли навек.
Как жаль, как жаль отважных мне!
Азия моя — вымолвить боюсь —
Падет, падет на колени, господин!

Ксеркс

Строфа 1

Вот он я, страдалец горький,
Рожденный роду на беду
И отчизне родной!

Хор

Печальной песнью встречу тебя,
Услышишь ты стон, услышишь ты вопль,
Мариандинский слезный напев,[35]
Пронзительный плач услышишь!

Ксеркс

Антистрофа 1

Да, начните песню скорби,
Кричите, плачьте. Это мне
Демон яростный мстит.

Хор

Почтим же плачем города боль,
Своих дорогих, которые смерть

---

35 ***…мариандинский слезный напев…*** *— то есть напев, бытовавший у мариандинов (племя на северо-западе Малой Азии).*

Встретили в море, горьких детей
Несчастной страны помянем!

Ксеркс

Строфа 2

Грек убил их в сраженье,
Грек, в бою корабельном
Одержавший победу
И на ниве прибрежной, ночной
Жатву смерти собравший.

Хор

Голоси, кричи, обо всем спроси!
Где же друзей верных толпа?
Где ж окольные твои?
Где, скажи нам, Фарандак,
Где Суз, Датам и Пелагон,
Где Псаммискан и где Агбат,
Боец из Экбатаны?

Ксеркс

Антистрофа 2

Всех оставил. С тирийских
Кораблей[36] на твердыни
Саламинских утесов
Их швыряло. Их волны несли
На скалистые мысы.

Хор

О, беда, беда! Где Фарнух, скажи,
Доблестный где Ариомард,
Где Севалк, отважный вождь,
Благородный где Лилей?
Где Мемфис, Тарибид, Масистр?
Где Артембар и где Гистехм?
Ответь мне и на это.

Ксеркс

Строфа 3

О, горе, горе!
На древние глядя Афины,
Город проклятый,

---

36 ***С тирийских кораблей…*** *— Тир — приморский город в Финикии (береговая страна между Сирией и Палестиной).*

Бедные, все, как один,
Игралищем волн полегли на взморье.

Хор

Неужто и Альписта,
Что верным оком был твоим.
Под чьим началом шли в поход
Десятки тысяч персов, сына
Батаноха, отпрыска Мегабата,
Из рода Сизамова тоже, и Парфа
С Эбаром ты тоже оставил там?
О, участь жалкая! Персам гордым
Горе за горем приносишь, царь.

Ксеркс

Антистрофа 3

Во мне ты будишь
Тоску по товарищам добрым,
Больно мне, больно,
Сердце рыдает мое,
Тоской неуемной казнится сердце.

Хор

И о других мы плачем:
О Ксанфе, за которым шли
Мардийцы тысячами в бой,
О Диаиксе, об Арсаме
С Анхаром храбрейшим, что персов конных
Водили в сраженья. Где Толм, неустанный
В копейной страде, Кегдадат, Литимн?
За колесницей, тебя принесшей,
Царь, я не вижу друзей твоих.

Ксеркс

Строфа 4

Смерть унесла полководцев и вождей.

Хор

Смерть, и бесславная.

Ксеркс

Горе мое, горе мое!

Хор

Горе! Нежданной бедой
Нас наказала судьба.
Перст я увидел богини Аты.

Ксеркс

Антистрофа 4

Страшный удар — и на долгие века!

Хор

Страшный, сомненья нет.

Ксеркс

Новая боль, новая боль!

Хор

Мы на погибель свою
С греками в море сошлись:
Не было счастья в сраженье персам.

Ксеркс

Строфа 5

Не было. Войско громадное в прах разбито.

Хор

Мало того, и держава погибла персов.

Ксеркс

Вот все, что осталось от мощи моей, гляди.

Хор

Гляжу, гляжу.

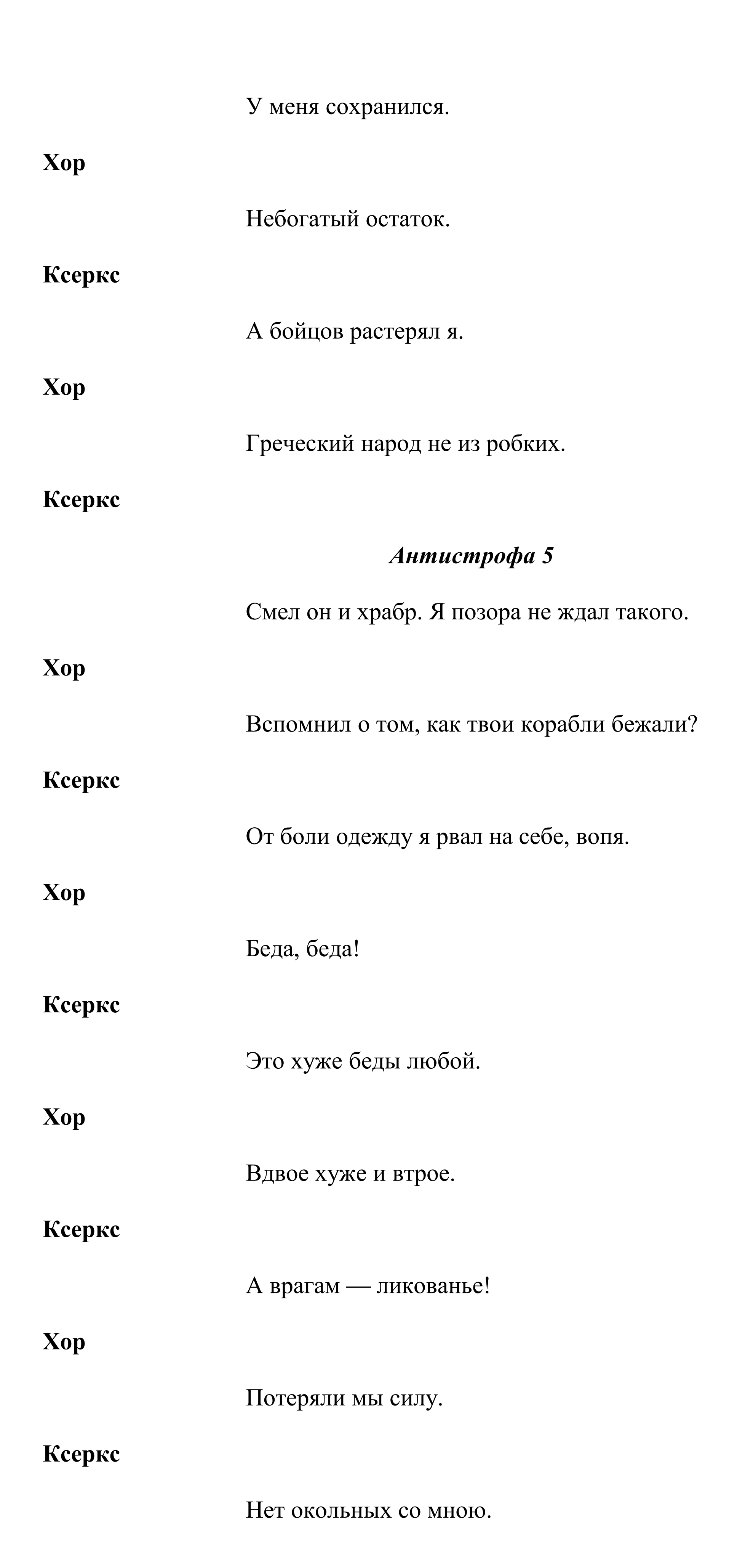
Ксеркс

Только этот колчан еще…

Хор

Это все, что сберег ты?

Ксеркс

У меня сохранился.

Хор

Небогатый остаток.

Ксеркс

А бойцов растерял я.

Хор

Греческий народ не из робких.

Ксеркс

Антистрофа 5

Смел он и храбр. Я позора не ждал такого.

Хор

Вспомнил о том, как твои корабли бежали?

Ксеркс

От боли одежду я рвал на себе, вопя.

Хор

Беда, беда!

Ксеркс

Это хуже беды любой.

Хор

Вдвое хуже и втрое.

Ксеркс

А врагам — ликованье!

Хор

Потеряли мы силу.

Ксеркс

Нет окольных со мною.

Хор

Море поглотило их, бедных.

Ксеркс

Строфа 6

Кричи, кричи от боли и домой ступай!

Хор

Какой удар, какая боль!

Ксеркс

На вопли воплем отвечай!

Хор

Вот горю горьких горький дар!

Ксеркс

Со мною вместе плач пропой!

Хор

Я плачу, я кричу,
Я бремя тяжкое беды
Несу с великой болью.

Ксеркс

Антистрофа 6

Бей в грудь себя и плачь, плачь обо мне навзрыд!

Хор

И плачу я, и слезы лью!

Ксеркс

На вопли воплем отвечай!

Хор

Я повинуюсь, господин!

Ксеркс

Кричи же громче, голоси!

Хор

Я плачу, я кричу,
Я колочу руками в грудь,
Вопя и причитая.

Ксеркс

Строфа 7

Под плач мисийский ударяй сильнее в грудь!

Хор

Горе нам, горе!

Ксеркс

Рви на себе серебряную бороду!

Хор

Я рву, я рву, я плачу громко!

Ксеркс

Кричи протяжней!

Хор

Да, кричу я!

Ксеркс

Антистрофа 7

Руками рви одежду на груди своей!

Хор

Горе нам, горе!

Ксеркс

Рви на себе, скорбя о войске, волосы!

Хор

Я рву, я рву, я плачу громко!

Ксеркс

Пусть льются слезы!

Хор

Слезы льются!

Ксеркс

На вопли воплем отвечай!

Хор

Кричу, воплю!

Ксеркс

Иди, подавленный, долой!

Хор

Иду, казнясь!

Ксеркс

О, Персия наша!

Хор

Ты плачешь сегодня!

Ксеркс

Плачет горько столица!

Хор

Плачет родина горько!

Ксеркс

Скорбным шествием — по домам!

Хор

………………………………

Ксеркс

О, Персия наша!

Хор

Ты плачешь сегодня!

Ксеркс

Память о тех, кто пал в битве морской, горька!

Хор

Я за тобою, царь, с плачем иду вослед.

ПРОМЕТЕЙ ПРИКОВАННЫЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Власть и Сила, слуги Зевса.[37]
Гефест.[38]
Прометей.
Океан.[39]
Ио, дочь Инаха.[40]
Гермес.[41]
Хор Океанид.

ПРОЛОГ

Пустынные скалы на берегу моря. Гефест, Власть и Сила вводят закованного в цепи Прометея.

Власть

Ну, вот мы и на месте, у конца земли,
В безлюдном скифском, дальнем и глухом краю.
Пора, Гефест, исполнить, что наказано
Тебе отцом, и святотатца этого
К скалистым здешним кручам крепко-накрепко
Железными цепями приковать навек.
Твою ведь гордость, силу всех ремесл — огонь
Похитил он для смертных. За вину свою
Пускай теперь с богами рассчитается,
Чтоб наконец признал главенство Зевсово
И чтоб зарекся дерзостно людей любить.

Гефест

---

37 ***Власть, Сила*** *- В поэме Гесиода «О происхождении богов» (VIII в. до н. э.) об этих демонах сказано, что они рождены дочерью Океана богиней Стикс.*

38 ***Гефест*** *— бог огня и кузнечного искусства.*

39 ***Океан*** *— брат Фемиды, матери Прометея.*

40 ***Ио*** *— дочь речного бога Инаха; согласно мифу, в нее влюбился Зевс, и за это жена Зевса Гера обратила Ио в корову и приставила к ней сторожем стоглавого Аргуса (Аргоса). Когда Гермес, по приказанию Зевса, убил Аргуса, Ио стал преследовать посланный Герои овод (или слепень).*

41 ***Гермес*** *— В роли гонца и слуги Зевса этот бог всякого плутовства выступал уже у Гомера.*

Вы, Власть и Сила, все, что поручил вам Зевс,
Уже свершили, ваше дело сделано.
А я — ужель я бога, мне подобного,
К суровым этим скалам приковать решусь?
Увы, решусь. Ведь нет другого выхода:
Всего опасней словом пренебречь отца.
Фемиды мудрой сын высокомыслящий,[42]
Я против воли и твоей и собственной
Тебя цепями к голой прикую скале,
Где голосов не слышно человеческих
И лиц людских не видно. Солнце жгучее
Тебе иссушит тело. Будешь ночи рад,
Что звездным платьем жаркий закрывает свет,
И солнцу, что ночную топит изморозь.
Не будет часа, чтобы мукой новою
Ты не томился. Нет тебе спасителя —
Вот человеколюбья твоего плоды.
Что ж, поделом; ты бог, но гнева божьего
Ты не боялся, а безмерно смертных чтил.
И потому на камне этом горестном,
Коленей не сгибая, не смыкая глаз,
Даль оглашая воплями напрасными,
Висеть ты будешь вечно: непреклонен Зевс.
Всегда суровы новые правители.

Власть

Что медлишь и зачем ты богу этому,
Врагу богов, беззлобно соболезнуешь?
Ведь он же отдал смертным и твои права.

Гефест

Родство и дружбу не могу не чтить, пойми.

Власть

Я понимаю. Но отца ослушаться
Неужто можешь? Это ль не всего страшней?

Гефест

Ни мягкости не знаешь, ни сочувствия.

Власть

О нем скорбеть что толку? Где помочь нельзя,
Там и напрасно убиваться нечего.

Гефест

---

42 ***Фемиды мудрой сын…*** *— Богиня справедливости и правосудия Фемида отождествлена у Эсхила с матерью титанов Геей (Землей).*

О, как мне ненавистно ремесло мое!

Власть

Оно при чем? Ведь разум говорит тебе,
Что не твое искусство эту боль родит.

Гефест

По мне б, им лучше кто-нибудь другой владел.

Власть

Все тяжко, только над богами властвовать
Не тяжко, и свободен только Зевс один.

Гефест

Я знаю. Да и кто не знает этого?

Власть

Поторопись же приковать преступника,
Чтоб не увидел вдруг отец, как медлишь ты.

Гефест

Гляди-ка, вот и кольца приготовлены.

Власть

Надень ему их на руки и молотом
К скале прибей покрепче, не жалея сил.

Гефест

Я не сижу, и дело, видишь, движется.

Власть

Сожми потуже, чтоб зазоров не было,
А то искать лазейки не его учить.

Гефест

Ну, этою рукою он не вырвется.

Власть

Так закрепи ж и эту, чтобы помнил впредь,
Что, как он ни искусен, Зевс искуснее.

Гефест

Лишь Прометей и вправе побранить мой труд.

Власть

Теперь шипом железным и безжалостным
Ему с размаху, с силой грудь насквозь проткни.

Гефест

Ах, Прометей, я плачу о беде твоей!

Власть

Опять жалеешь Зевсовых ты недругов
И стонешь? Не пришлось бы пожалеть себя.

Гефест

Глаза боятся видеть то, что видишь ты.

Власть

Я вижу лишь возмездье справедливое.
Теперь кольцом железным охвати бока!

Гефест

Не нужно понуканий. Все я сделаю.

Власть

Нет, понукать я буду и покрикивать.
Спустись теперь и скуй покрепче голени.

Гефест

Покончено и с этим. Был недолог труд.

Власть

Теперь покрепче гвозди вбей в отверстия,
Работу будет строгий принимать судья.

Гефест

Слова твои ужасны, как и облик твой.

Власть

Изволь, будь мягок сам. Но не брани меня
За мой суровый, твердый и жестокий нрав,

Гефест

Уйдем! Железом тело сплошь опутано.

Власть
(Прометею)

Вот здесь теперь и буйствуй, и права богов
Букашкам однодневным отдавай. Но кто
Из смертных сможет муки прекратить твои?
Нет, имя прозорливца незаслуженно[43]
Дано тебе богами: как избавишься
От этих пут надежных, предскажи пойди!
Власть, Сила и Гефест уходят.

Прометей

О свод небес, о ветры быстрокрылые,
О рек потоки, о несметных волн морских
Веселый рокот, и земля, что все родит,
И солнца круг, всевидец, — я взываю к вам:
Глядите все, что боги богу сделали!
Глядите, какую меня обрекли
Муку терпеть тысячи лет,
Вечную вечность!
Эту позорную казнь изобрел
Блаженных богов новоявленный вождь.
От боли кричу, которой сейчас
Казнюсь, и от той, что завтра придет.
Мученью конца я не вижу.
Напрасен ропот! Все, что предстоит снести,
Мне хорошо известно. Неожиданной
Не будет боли. С величайшей легкостью
Принять я должен жребий свой. Ведь знаю же,
Что нет сильнее силы, чем всевластный рок.
Но ни молчать, ни не молчать об участи
Своей нельзя мне. Я в ярме беды томлюсь
Из-за того, что людям оказал почет.
В стволе нартека искру огнеродную[44]
Тайком унес я: всех искусств учителем
Она для смертных стала и началом благ.
И вот в цепях, без крова, опозоренный,
За это преступленье отбываю казнь.
Но что я слышу!
И шорох какой-то, и ветром пахнуло.

---

43 ***Нет, имя прозорливца незаслуженно дано тебе…*** *— «Прометей» по-гречески значит «предусмотрительный», «осмотрительный», «прозорливый».*

44 ***Нартек*** *— растении из семейства зонтичных. Сердцевина его медленно тлеет и потому долго храпит огонь.*

То боги, или люди, или, может быть,
Те и другие к утесам далеким
Пришли, чтоб казнь увидеть? Для чего ж еще?
Глядите, вот я, скованный, несчастный бог!
Да, я ненавистен и Зевсу, и всем
Богам, что при Зевсовом служат дворе.
Они ненавидят меня потому,
Что меры не знал я, смертных любя.
О, горе, что слышу? Не стая ли птиц
Шумит надо мною? От рокота крыл,
От мерного шелеста воздух дрожит.
Что б ни было это, мне страшно.

ПАРОД

Со стороны моря, в крылатой колеснице, появляется хор Океанид.
Хор

Стофа 1

Ободрись! Не бойся! Ведь с любовью наша стая
Взапуски, на крыльях быстрых,
К этой скале прилетела. Отец
Просьбам дочерним внял.
Гнали меня легкие ветры.
Грохот железа проник и в глубь
Наших пещер, и, скромность забыв, босиком,
Я в колеснице крылатой сюда метнулась.

Прометей

Увы, увы!
Дети лона Тефии[45], которых она
Родила Океану, что воду струит,[46]
Извиваясь, и землю потоком своим
Омывает бессонно!
Поглядите, какими цепями меня
Приковали к скале
И какую, обрыва отвесного страж,
Незавидную службу несу я!

Хор

Антистрофа 1

Прометей, я вижу.
Пеленой тумана слезы
Мне окутывают очи:

---

45 ***Тефия*** *— дочь Урана (Неба) и Геи, жена Океана, мать Океанид и речных божеств.*

46 ***…Океану, что воду струит, извиваясь…*** *— По представлению древнейших греков, океан, как река, опоясывал плоский круг земли.*

Горько глядеть мне, как тело твое
Сохнет в цепях стальных,
К камню прикованное позорно.
В новых сегодня руках Олимп,
Правит на нем, законов не ведая, Зевс.
Те, что великими слыли, ничтожны стали.

Прометей

Пускай бы меня под землю, в Аид.
Упрятал он, в Тартар низвергнул глухой,
Пускай бы в темницу бросил меня,
Где мертвые мраком сокрыты!
Тогда б никого, ни богов, ни людей,
Потешить страданье мое не могло.
Ведь я на потеху заклятым врагам
Игралищем ветров повешен!

Хор

Строфа 2

Кто из богов так тверд и зол,
Чтоб радостью была ему
Твоя беда? Кто боль твою
Не разделяет? Зевс один. Упрям и дик,
Он Урановых детей
Злобно душит. Он уймется,
Лишь когда насытит сердце
Или кто-то, изловчившись,
Власть у него отнимет силой.

Прометей

Сегодня в оковах железных томлюсь,
Но время придет, и правитель богов
Попросит меня указать и раскрыть
Тот заговор новый, который его
Державы лишит и престола.
Но будет он тщетно меня обольщать
Своим сладкоречьем, и тщетны тогда
Любые угрозы его — ни за что
Не выдам я тайны, покуда с меня
Не снимет безжалостных этих оков,
Покуда за этот позорный мой плен
Сполна не заплатит!

Хор

Антистрофа 2

Ты дерзок, не сдаешься ты,

Под пыткой на своем стоишь.
Не лучше ль придержать язык?
Томит, изводит душу мне сверлящий страх.
За тебя страшусь, пойми.
Где, плывя по морю муки,
Берег мирный увидал ты?
Непреклонно сердце Зевса,
Тверд и жесток рожденный Кроном.

Прометей

Я знаю, суров он и волю свою
Считает законом. Но время придет —
Согнется и он,
Смягчится, уступит. Заставит нужда.
Уймет он тогда безумный свой гнев
И сам поспешит, союзник и друг,
Ко мне как к союзнику-другу.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Предводительница хора

Будь откровенен с нами, расскажи нам все.
В чем уличен ты Зевсом и за что тебя
Такой позорной он карает мукою?
Скажи нам, если это не грозит ничем.

Прометей

Рассказывать мне тяжко, но и тягостно
Молчать об этом. Боль моя всегда со мной.
Когда среди бессмертных распря вспыхнула
И меж собою боги перессорились,
Одни с престола Крона сбросить чаяли,
Чтоб Зевс царил, другие же владычества
Над божествами не желали Зевсова,
Тогда титанам, неба и земли сынам,
Помочь советом добрым я хотел. Но мой
Совет отвергли. Презирая вкрадчивость
И всякое лукавство, те надеялись,
Что грубой силой без труда захватят власть,
А мать моя — и Геей и Фемидою
Она зовется — много раз, заранее
Исход той распри зная, говорила мне,
Что победитель победит не силою,
А хитростью, коварством он одержит верх.
Но тщетно убеждал я и доказывал,
Меня тогда и слушать не хотел никто.
И, видя это, я почел за лучшее
По доброй воле и в союзе с матерью

Пойти на помощь Зевсу. Помощь принял он.
Моим стараньем в черной пасти Тартара
Бесследно сгинул древний Крон и все, кто с ним
Сражался рядом. Вот какой услугою
Обязан мне великий властелин богов.
И вот как он за это наградил меня!
Болезнь такая, видно, всем правителям
Присуща — никогда не доверять друзьям.
Но вы спросили, за какую мучит Зевс
Вину меня. Извольте, и о том скажу.
Едва успевши на престол родительский
Усесться, сразу должности и звания
Богам он роздал, строго между ними власть
Распределил, А человечьим племенем
Несчастным пренебрег он. Истребить людей
Хотел он даже, чтобы новый род растить.
Никто, кроме меня, тому противиться
Не стал. А я посмел. Я племя смертное
От гибели в Аиде самовольно спас.
За это и плачусь такими муками,
Что их и видеть больно, — каково ж терпеть!
Жалел я смертных, только самого меня
Не пожалели. Пытка беспощадная —
Удел мой. Зевсу славы не прибавит он.

Предводительница хора

Железным сердцем и душою каменной
Тот обладает, Прометей, кто мирится
С твоим страданьем. Лучше бы не видеть мне,
Как мучишься, но вижу и скорблю с тобой.

Прометей

Меня увидев, даже недруг сжалится.

Предводительница хора

Ни в чем ты больше не был виноват? Скажи.

Прометей

Еще у смертных отнял дар предвиденья.

Предводительница хора

Каким лекарством эту ты пресек болезнь?

Прометей

Я их слепыми наделил надеждами.

Предводительница хора

Благодеянье это, и немалое.

Прометей

Вдобавок я же и огонь доставил им.

Предводительница хора

И пламенем владеют те, чей век — как день?

Прометей

Оно научит их искусствам всяческим.

Предводительница хора

За эти, значит, преступленья Зевс тебя…

Прометей

Карает и вовеки не помилует.

Предводительница хора

Ужель мученью этому и срока нет?

Прометей

Один лишь срок: покуда не смягчится Зевс.

Предводительница хора

Надеешься — смягчится? Иль не видишь ты,
Что виноват был? Не хочу вины твоей
Касаться: это больно и тебе и мне.
О ней — ни слова. Думай, как помочь беде!

Прометей

Легко тому, кто сам в беду не впутался,
Увещевать и поучать увязшего
В несчастье. Это все ведь я и раньше знал.
О да, о да, прекрасно знал, что делаю,
И, людям помогая, сам на пытку шел,
Не думал, правда, что такая выпадет
Мне пытка — чахнуть на утесе каменном,
Над пропастью повиснув, средь пустынных скал.
Но не тужите о моих сегодняшних
Невзгодах, а спуститесь и о будущих
Услышьте судьбах, чтобы всё, как есть, узнать.

Молю, молю вас, будьте сострадательны,
Беду чужую видя. Ведь без устали
Кочует злополучье от одних к другим.

Хор

Мы с готовностью просьбу исполним твою,
Поверь, Прометей.
Легким шагом покинем, к тебе спеша,
Быстролетный престол,
Воздух чистый, где птицы свой путь вершат,
И на эту скалистую землю слетим,
Чтобы все до конца
Узнать о твоих злоключеньях.

Хор спускается к скале. Со стороны моря, на крылатом коне, появляется Океан.

Океан

Вот он, долгой дороги моей предел.
Я у цели. Меня, Прометей, к тебе
Эта птица примчала. Не удила
Направляли полет ее — помысел мой.
Состраданье к печальной твоей судьбе
Внушено мне, должно быть, нашим родством.
Но пускай бы и кровь
Не роднила нас — знай, все равно никого
Нет на свете, кто был бы мне дорог, как ты.
Что правду сказал я, увидишь. Чужда
Речам моим лесть. Ты лишь намекни,
Как можно помочь тебе, чем услужить,
И скажешь ты сам, что не знаешь друзей
Вернее меня, Океана.

Прометей

О, что я вижу! Ты среди свидетелей
Моих мучений? Как же ты покинуть смел
Поток, что назван по тебе, и скрытые
В камнях пещеры, чтоб в железородную
Явиться землю?[47] Поглядеть на жребий мой
Сюда пришел ты, горю посочувствовать?
Что ж, погляди. Смотри, как друга Зевсова,
Его державной власти содобытчика,
Чудовищною мукой истязает Зевс.

Океан

Да, Прометей, я вижу и совет благой
Тебе я дал бы, хоть и сам ты опытен.
С собою справься и повадку новую
Усвой. Ведь новый нынче над богами царь.

---

47 ***…в железородную явиться землю?*** *— Скифия славилась месторождениями железа, меди и золота.*

Не нужно больше злобные и резкие
Бросать слова: их Зевс, хоть высоко сидит,
Услыщать может, и тогда покажется
Тебе забавой нынешняя боль твоя.
Так не упорствуй в гневе, бедный мученик,
А постарайся выход из беды найти.
Сочтешь, возможно, речь мою ты старческой,
Но сам ведь видишь. Прометей, как дорого
Приходится за дерзкий свой язык платить.
А ты все не смирился, все упорствуешь.
Зачем? Чтоб к прежней новую прибавить боль?
Послушайся совета моего, не лезь
Ты на рожон упрямо. Сам же видишь ведь:
У власти непреклонный и жестокий царь.
Я удаляюсь. Коль смогу, попробую
Тебя избавить от твоих ужасных мук.
А ты молчи, ты вольных не веди речей.
Тебе ль, такому мудрецу, неведомо,
Что бит бывает всякий, кто болтать горазд?

Прометей

Сухим ты вышел из воды, — завидую, —
Хоть в стороне и не был от моих затей.
Но успокойся, хлопоты оставь теперь.
Его ты не упросишь. Он ведь к просьбам глух.
Будь осторожен, сам не попади в беду.

Океан

Гораздо лучше ты другим, чем сам себе,
Даешь советы, судя по твоим делам.
Но моего порыва ты не сдерживай:
Я верю, твердо верю: эту милость мне
Окажет Зевс и муку прекратит твою.

Прометей

Благодарю за это. И признателен
Тебе всегда я буду за отзывчивость.
Но труд оставь свой: все твои усилия
Не принесут мне пользы, сколько сил ни трать.
Не вмешивайся лучше, отойди, уймись.
Да, я страдаю. Только из-за этого
Я на других не стану навлекать беду.
О нет, меня и так уж вечно мучает
Судьба Атланта-брата,[48] что опорный столб
Земли и неба, тяжесть непомерную,
В краю вечернем держит на плечах своих.

---

48 ***…судьба Атланта-брата…*** *— По древнему мифу, титан Атлант поддерживал на своих плечах свод неба. Местопребыванием Атланта считался нынешний Гибралтарский пролив, то осmь крайний запад известного грекам мира.*

Еще мне больно думать, что дитя земли,
Стоглавый обитатель Киликийских гор,
Злосчастный великан, Тифон неистовый,[49]
Побит и сломлен. Челюстями страшными
Он скрежетал, бунтуя против всех богов.
Глаза его сверкали диким пламенем,
Вот-вот, казалось, Зевсову низвергнет власть,
Но Зевс в него стрелу свою бессонную
Направил, громом и огнем разящую,
И вмиг с его бахвальством и надменностью
Покончил. Прямо в грудь стрела ударила,
Испепелила силу, мощь дотла сожгла.
И нынче, дряблой распластавшись тушею,
Подножьем Этны накрепко придавленный,
Близ узкого пролива он лежит, Тифон,
А на высоких кручах раскаленное
Кует Гефест железо. Хлынет некогда
Поток огня отсюда, и в зубах огня
Исчезнут нивы тучные Сицилии.[50] Так гнев
Тифона шквалом огнедышащим
Вскипит и страшной изольется бурею,
Хоть и перуном Зевса опален гордец.
Да ты и сам все знаешь. Не нужны тебе
Мои советы. Думай, как себя спасти
А я уж буду все терпеть, что выпадет.
Покуда в сердце Зевса не утихнет гнев.

Океан

Иль ты не знаешь, Прометей, что вылечить
Способно слово бурный, нездоровый гнев?

Прометей

Да, если ты смягчаешь сердце вовремя,
А не смиряешь силой раздраженный дух,

Океан

Не понимаю, что тебе не нравится
В отзывчивой отваге? Объясни, прошу.

Прометей

Пустое рвенье, простодушье глупое.

Океан

Упрек не страшный. Это очень выгодно —
Глупцом казаться, если ты совсем не глуп.

---

49 ***Тифон неистовый*** *— мифологическое олицетворение вулканических сил.*
50 ***Исчезнут нивы тучные Сицилии*** *— Эсхил был современником извержения Этны в 478 г. до н. э.*

Прометей

Боюсь я, что твой промах мне вменят в вину.

Океан

Отправиться велишь ты восвояси мне?

Прометей

Чтоб сам врага не нажил, обо мне скорбя.

Океан

В том, кто недавно на престол верховный сел?

Прометей

Его остерегайся, не дразни его.

Океан

Твое несчастье, Прометей, наука мне.

Прометей

Ступай и будь, как прежде, рассудителен.

Океан

Да, я и в самом деле собираюсь в путь.
Дрожит тропа эфира: то крылами бьет
Летучий конь мой. Как ему не терпится
Домой вернуться, в стойле отдохнуть, прилечь.

Океан улетает.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа 1

О жребии горьком твоем скорблю, Прометей.
Слезы бегут из глаз
И катятся по щекам
Печальным потоком.
Зевс владычествует грозно,
По своим законам правит,
Свысока копьем всевластным
Он грозит отставным богам.

Антистрофа 1

Рыдает и стонет земля. Она о твоей
Славе скорбит былой,
О кровниках о твоих,
Могучих когда-то.
Все, чей дом в краях соседних
Азии, страны священной,
О твоей тоскуют доле,
Соболезнуют, верь, тебе.

Строфа 2

Плачут дочери Колхиды,[51]
Что не знают страха в битве,
Плачут скифские кочевья
На далеком краю земли,
Возле вод Меотийских.[52]

Антистрофа 2

Плачут Арии герои,[53]
Что живут вблизи Кавказа,
В городах на склонах скал,
Ратоборцы, и вторит им
Острых копий бряцанье.

Строфа 3

В такой беде мне только одного
Случилось видеть бога: титан Атлант,
Силой безмерной своею славный.
Под землю и свод небесный спину,
Плача, подставил.

Антистрофа 3

Шумит, ревет морской прибой…
…ошибаясь, гремят валы.
Черные недра гудят Аида
И стонут потоки рек священных
От состраданья.

---

51 ***Дочери Колхиды*** *— амазонки, сказочные девушки-воительницы.*
52 ***…возле вод Меотийских*** *— Меотида — нынешнее Азовское море.*
53 ***Плачут Арии герои…*** *— Ария — одна из восточных областей древней Персии.*

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Прометей

Ни спеси, ни зазнайства нет, поверьте мне,
В моем молчанье. Сердце мне терзает боль,
Когда я вижу, как меня унизили.
Ведь кто же, как не я, всем этим нынешним
Богам в удел назначил и почет и власть?
Об этом, впрочем, помолчу: всё знаете
И так прекрасно. Лучше вы послушайте
О бедах человеков. Ум и сметливость
Я в них, дотоле глупых, пробудить посмел.
Об этом не затем, чтоб их кольнуть, скажу,
А чтоб понять вам, как я к людям милостив.
Они глаза имели, но не видели,
Не слышали, имея уши. Теням снов
Подобны были люди, весь свой долгий век
Ни в чем не смысля. Солнечных не строили
Домов из камня, не умели плотничать,
А в подземельях, муравьями — юркими,
Они без света жили, в глубине пещер.
Примет не знали верных, что зима идет,
Или весна с цветами, иль обильное
Плодами лето, — разуменья не было
У них ни в чем, покуда я восходы звезд
И скрытый путь закатов не поведал им.
Премудрость чисел, из наук главнейшую,
Я для людей измыслил и сложенье букв,
Мать всех искусств, основу всякой памяти.
Я первый, кто животных приучил к ярму,
И к хомуту, и к вьюку, чтоб избавили
Они людей от самой изнурительной
Работы. А коней, послушных поводу,
Красу и блеск богатства, я в повозки впряг,
Не кто иной, как я, льняными крыльями
Суда снабдил и смело по морям погнал.
Вот сколько ухищрений для людей земных
Придумал я, злосчастный. Мне придумать бы,
Как от страданий этих самому спастись.

Предводительница хора

Позорной мукой сломлен, растерялся ты
И духом пал, как скверный врач пред собственной
Болезнью. Ты найти не в силах снадобья,
Которое тебя же исцелить могло б.

Прометей

Еще не так ты удивишься, выслушав

Других искусств, открытых мною, перечень.
Важнейшее сначала. Прежде не было
Спасенья от болезней. Ни травы такой,
Ни мази, ни питья не знали смертные
И гибли без лекарства до тех пор, пока
Я всяких смесей болеутоляющих
Не указал им, чтоб любой пресечь недуг.
Я ввел разнообразные гадания
И первый распознал, какие сбудутся
Сны и какие — нет. И темных знамений,
И знаков придорожных объяснил я смысл.
Полет когтистых птиц я людям тщательно
Растолковал: какие предвещают зло,
Какие — благо, каковы обычаи
У каждой, как враждуют меж собой они,
Как любят птицы, как летают стаями,
Какого цвета, гладкости какой богам
Угодны потроха и виды разные
И печени и желчи — все открыл я им.
Огузки в туке и огромный окорок
Я сжег, чтоб смертных труднопостижимому
Искусству вразумить, и знаков огненных
Смысл, непонятный прежде, объяснить сумел.
Вот как все было. А богатства, скрытые
В подземных недрах — серебро и золото,
Железо, медь, — кто скажет, что не я, а он
Их обнаружил первым и на свет извлек?
Короче говоря, одну ты истину
Запомни: все искусства — Прометеев дар.

Предводительница хора

О людях непомерно не пекись теперь,
А о своих подумай бедах. Верю я,
Что день настанет — ты из плена вырвешься
И будешь так же, как сегодня Зевс, могуч.

Прометей

Еще не хочет Мойра всевершащая
Исполнить это. Только после тысяч мук
И после тысяч пыток плен мой кончится.
Умение любое — пред судьбой ничто.

Предводительница хора

А кто же правит кормовым веслом судьбы?

Прометей

Три Мойры[54] да Эринии,[55] что помнят все.

Предводительница хора

Так что же, Зевс им уступает силою?

Прометей

И Зевс от предрешенной не уйдет судьбы.

Предводительница хора

Что, кроме вечной власти, суждено ему?

Прометей

На это не отвечу, не выспрашивай.

Предводительница хора

Наверно, это тайна, и священная.

Прометей

К другому лучше перейди. Об этом речь
Вести еще не время. Чем уклончивей
Отвечу я, тем лучше. Лишь молчанием
От плена, от позора и от мук спасусь.

---

54 ***Мойры*** *— богини судьбы.*
55 ***Эринии*** *— богини мести.*

Дионис в ладье. Роспись чаши. Конец VI века до н. э. Мюнхен. Государственный музей древностей

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа 1

Зевс, что над миром царит,
Сердце мне да не полнит строптивой силой.
Да не устану вовек дарами,
Мясом тельцов, ублажать бессмертных
Там, где отца Океана вечный плещет поток.
Да не унижу хулой
Уст моих. Этим желаньям вовек да буду верна.

Антистрофа 1

Сладкая доля — всю жизнь
Жить, согревая душу надеждой твердой,
Счастьем безоблачным и весельем.
Но содрогаюсь, когда я вижу
Тысячи мук и терзаний, бездну бедствий твоих.
Страх перед Зевсом забыв,
Смертных ты чтил непомерно, ты был строптив,

Прометей.

Строфа 2

Кто ж за услугу заплатит, скажи, откуда, скажи мне, милый,
Помощи ждать? От тех ли, чей век, как день?
Ты ли не видел, как слеп и бессилен
Род человечий, немощью, словно сном,
Скованный? Нет, во веки веков не сможет
Воля людей нарушить законы Зевса.

Антистрофа 2

Этому зрелище учит меня твоих, Прометей, страданий,
Песню иную пела я в день, когда
Мылась невеста твоя Гесиона,[56]
К свадьбе готовясь, — в день, когда ты, жених,
Девичье сердце к браку склонив дарами,
В дом ее ввел и с нею взошел на ложе.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Вбегает Ио, превращенная Герой в корову.
Ио

Чей край, что за племя, кто предо мной
На камне, в оковах, томясь, висит
Игралищем бурь?
За какую вину гибнешь, ответь.
Скажи мне, куда
Меня, злополучную, занесло?
Горе, о, горе!
Опять слепень впился в меня. Беда мне!
Вот, вижу. Аргус, сын земли.
Долой, долой!
Вот он опять, пастух тысячеглазый,
По пятам за мною, во взгляде — ложь.
Его и смерть не скрыла в преисподней.
Вышел из царства мертвых, рыщет, как ловчий пес,
И неотступно за мною, голодной, жалкой,
Мчится по взморью, песок топча.

Строфа

Воском скрепленная, песню поет свирель,
Хочется сном забыться.
Горе мне, горе! В какие дали

56 ***Гесиона*** *— одна из дочерей: Океана, жена Прометея.*

Дальний мой путь ведет?
Крона дитя, в чем ты меня мог уличить.
Кару за что такую,
Горькой, послал? Словно слепень,
Страх и безумье жалят.
Огнем сожги меня, землей засыпь меня,
Плоть мою гадам морским скорми!
Слезной молитве, прошу,
Внемли, владыка!
Вдоволь скиталица наскиталась.
Ведать не ведаю, где конец
Этой муке великой.
Слышишь ли ты волнорогой девушки речь?

Прометей

Как не услышать дочери Инаховой,
Слепнем гонимой, той, что сердце Зевса жжет
Любовью и в скитаньях нескончаемых
По воле Геры гневной коротает век?

Ио

Антистрофа

Кто тебе имя отца моего открыл?
Кто ты, ответь мне, сжалься.
Кто тебе, бедный, о бедах Ио
Верную весть принес?
Назван тобой посланный мне богом недуг:
С места на место гонит,
Мучит меня жало мое.
Вскачь я сюда бежала.
Голод глодал меня, Гера гнала меня,
Мстительной злобой дыша, гнала.
Кто тот несчастный, чья боль
С этой сравнится?
Ясно скажи мне, какие муки
Ждут меня. Как побороть недуг,
Если знаешь, поведай.
Девушке бедной ответ, умоляю, дай.

Прометей

Все, что узнать ты хочешь, расскажу тебе,
На все отвечу без загадок, попросту,
Как принято с друзьями разговаривать.
Я Прометей, который людям дал огонь.

Ио

На благо ты явился человечеству.

За что же, бедный Прометен, страдаешь так?

Прометей

Я лишь недавно выплакал печаль свою.

Ио

Мне, значит, не окажешь этой милости?

Прометей

О чем узнать ты хочешь? Все скажу тебе.

Ио

Кто к этому утесу приковал тебя?

Прометей

Рука — Гефеста, а решенье — Зевсово.

Ио

А за какие платишься провинности?

Прометей

Довольно! Хватит и того, что сказано.

Ио

Еще открой несчастной, чем окончатся
Ее скитанья и какой им срок сужден.

Прометей

Не знать об этом лучше бы тебе, чем знать.

Ио

Нет, не скрывай мучений, предстоящих мне.

Прометей

Не откажу тебе я в этой милости.

Ио

Так почему же медлишь все как есть сказать?

Прометей

Сказать не жаль мне. Только огорчить боюсь.

Ио

Не будь ты так заботлив. Это лишнее.

Прометей

Твое желанье выполняю. Слушай же.

Предводительница хора

Постой, мое желанье тоже выполни:
Сначала мы узнаем, в чем недуг ее.
Пускай сперва расскажет о беде своей,
А о дальнейших муках скажешь после ты.

Прометей

Их просьбу, Ио, отклонять не следует.
Они же сестры твоего отца.[57] Где плач
О жребии несчастном слезы горькие
И состраданье слушателей вызовет,
Там и помешкать можно, там и слов не жаль.

Ио

Не в силах вашей просьбе я противиться.
Из речи ясной все, что вы хотите знать,
Узнаете сейчас вы, хоть рассказывать
О том стыжусь я, как меня, несчастную,
Застигла буря божьего неистовства
И как она сгубила красоту мою.
Из ночи в ночь в мои покои девичьи
Сны приходили, и виденья вкрадчиво
Шептали мне: «О девушка счастливая,
Зачем хранишь ты девственность? Высокого
Сподобишься ты брака. Воспылал к тебе
Сам Зевс желаньем и Киприды сладкий труд
Делить с тобою хочет. Ложа Зевсова,
Дитя, не отвергай ты, а на сочный луг
Лернейский выйди, к стойлам и стадам отца,
Чтоб пламя страсти в Зевсовых очах унять».
Такими снами я томилась, горькая,
Все ночи напролет, и вот осмелилась
Отцу об этих призраках ночных сказать.
Тогда к Додону и Пифо гонцов своих
Стал посылать отец мой:[58] он узнать хотел,

---

57 ***Они же сестры твоего отца.*** *— Отец Ио, речной бог Инах, считался сыном Океана.*

58 ***Тогда к Додону и Пифо гонцов своих стал посылать отец мой…*** *— В Додоне (северо-западная Греция, Эпир) жрецы предсказывали будущее но шелесту священных дубов. Пифо — древнее название местности у*

Как делом или словом угодить богам.
Гонцы, однако, приносили темные
Ответы, и неясен был вещаний смысл.
Но наконец понятного оракула
Инах дождался, твердый получил приказ
Прогнать меня, чтоб, отчий дом и родину
Покинув, я скиталась на краю земли.
А не прогонит — огнеглазой молнией
Ударит Зевс, и сгинет весь Инахов род.
И вот, поверив прорицанию Локсия,[59]
Отец, несчастный сам, меня, несчастную,
Прогнал с порога дома. Покорился он
Узде, в которой держит нас всесильный Зевс.
И тотчас облик мой, как и душа моя,
Преобразился — видите рога? — слепень
Меня ужалил, и прыжками буйными
Я побежала к чистым водам Керхнии,[60]
К кринице Лерны.[61] А за мной, бесчисленных
Глаз не сводя с моих следов, неистовый
Пастух, землей рожденный, по пятам гнался.
Его внезапно жребий неожиданный из жизни вырвал.
А меня из края в край
Слепень безумья гонит. Это божий бич.
Теперь ты все услышал. Если что-нибудь
О предстоящем знаешь, не щади меня,
Скажи всю правду. Ничего постыднее
Неискренних, нечестных слов на свете нет,

Хор

О, погоди, помолчи!
Сниться не снилось мне, что таким
Странным рассказом смутят мой слух,
Невыносимо, невыразимо
Сердце мне, словно мечом, ледяным, двуострым,
Горечью, жалостью, ужасом, болью пронзят.
Доля ты, доля, горе ты, горе!
С дрожью на муки Ио гляжу.

Прометей

Пугаешься и стонешь преждевременно:
Сначала остальное ты узнать должна.

Предводительница хора

Так говори же. Облегченье страждущим
Всю боль, что суждена им, наперед узнать.

Парнаса в Фокиде, где находился город Дельфы со знаменитым храмом Аполлона. Жрица этого храма Пифия предсказывала будущее и давала советы.

59 ***Локсий*** *— Аполлон.*

60 ***Керхния*** *— источник в Арголиде.*

61 ***Лерна*** *— город в Арголиде.*

Прометей

Легко мне было просьбу вашу прежнюю
Исполнить. Вы хотели от нее самой
Сперва услышать повесть об ее беде.
Теперь о том, что волей Геры вытерпеть
Отроковице этой предстоит, скажу. А ты,
Инаха семя, ты слова мои
Впивай душою, чтоб конец пути узнать.
Отсюда ты сначала, на восток свернув,
Ступай вперед по землям нераспаханным
К кочевьям скифов, что в плетеных коробах,
Высоких, на колесах, с дальнострельными
Не расставаясь луками, привыкли жить.
Не подходи к ним, а скалистым берегом,
Где волны гулко стонут, дальше путь держи.
Там слева кузнецы, с железом дружные,
Живут, халибы.[62] Этих опасайся ты:
Народ суровый, круты с чужеземцами.
К реке Дикарке выйдя[63], — та и впрямь дика, —
Вброд не пускайся: брода не найти тебе,
Покуда до Кавказа, всем горам горы,
Не доберешься, где поток неистово
С вершины хлещет. Кручи, что у самых звезд,
Перемахнув, дорогой прямо на полдень
Спуститься надо. К амазонкам, воинству,
Враждебному мужчинам, ты придешь (они
Близ Териодонта, в Темискире,[64] некогда
Осядут, где коса у Салмидесса[65] путь
Судам закрыла, мореходам мачеха).
Дорогу там покажут, не чинясь, тебе.
Ты выйдешь к перешейку Киммерийскому,
К воротам узким моря, безбоязненно
Пересечешь теснину меотийских вод,
И вечно среди смертных славной памятью
Об этой переправе будет имя жить —
«Боспор»[66] — «Коровий брод».
На материк придешь Азийский из Европы.
Не находите ль, что царь богов во всех своих деяниях
Равно жесток? Желая с этой смертною
Совокупиться, бог в такое странствие
Погнал ее. Поклонник грозный, девушка,
Тебе достался. Все, что ты услышала,
Еще и не начало даже мук твоих.

---

62 ***Халибы*** *— племя в Малой Азии, славившееся, своими изделиями из стали.*

63 ***К реке Дикарке выйдя…*** *— Географические описания областей, лежащих за пределами собственно Греции, у Эсхила путаны и порой фантастичны.*

64 ***Близ Термодонта, в Темискире…*** *— Темискира — область в восточной части черноморского побережья, где якобы находилось царство амазонок. Териодонт — река в Темискире.*

65 *Салмидесс — город на черноморском побережье Фракии.*

66 ***Боспор*** *— в переводе значит «коровья переправа», «коровий брод». Здесь речь идет о Боспоре Киммерийском — Керченском проливе. Нынешний Босфор назывался Боспором Фракийским.*

Ио

Горе мне, горе мне!

Прометей

Опять кричишь и стонешь. Что же сделаешь,
Когда узнаешь меру и дальнейших бед?

Предводительница хора

Ты, значит, ей предскажешь беды новые?

Прометей

Бушующее море неизбывных мук.

Ио

На что мне жизнь? Зачем же я не бросилась
Без долгих сборов с этой вот скалы крутой,
Чтоб, рухнув наземь, навсегда избавиться
От всех печалей? Смерть принять единожды
Милей, чем каждый день в сплошном страданье жить.

Прометей

Мои мученья ты едва ли б вынесла:
Ведь смерть и та судьбой мне не дарована,
А смерть освободила бы меня от мук.
Увы, конца терзаний не приходится
Мне ждать, покуда власти не лишится Зевс.

Ио

Возможно ль, что лишится Зевс владычества?

Прометей

Ты, думаю, была бы рада этому.

Ио

Еще бы! Ведь от Зевса и беда моя.

Прометей

Так знай же: это сбудется воистину.

Ио

Но кто отнимет у него державный жезл?

Прометей

Сам и отнимет безрассудным замыслом.

Ио

Каким? Скажи мне, если не опасно знать.

Прометей

Он вступит в брак, и в этом он раскается.

Ио

С богиней или смертной — если тайны нет?

Прометей

Не все ль едино? Это разглашать нельзя.

Ио

Его жена с престола свергнет, может быть?

Прометей

Сын у нее родится посильней отца.

Ио

И Зевс никак от этой не уйдет судьбы?

Прометей

Если свободу мне не возвратят, то нет.

Ио

Кто ж против воли Зевса это сделает?

Прометей

Он из твоих потомков, избавитель мой.[67]

Ио

Что говоришь ты? Отпрыск мой спасет тебя?

---

67 ***Он из твоих потомков, избавитель мой.*** *— Намек на Геракла, который был, по-видимому, героем не дошедшей до нас трагедии Эсхила «Прометей Освобожденный».*

Прометей

Да, в третьем поколенье от десятого.

Ио

Еще неясно мне твое пророчество.

Прометей

Узнать свой жребий не старайся более,

Ио

Того, что посулил мне, не лишай меня.

Прометей

Из двух пророчеств можешь услыхать одно.

Ио

Но из каких же двух? Скажи, дай выбрать мне.

Прометей

Изволь, вот выбор: либо то, что вытерпишь,
Скажу тебе я, либо — кто спасет меня.

Предводительница хора

Ей лучше окажи услугу первую,
А мне вторую, просьбе благосклонно вняв:
Ты ей поведай о дальнейших странствиях,
А я б узнать хотела, кто спаситель твой.

Прометей

Коль вы того хотите, я противиться
Не стану, все, что вам угодно знать, скажу.
Начну с твоих метаний, Ио. В памяти
Души твоей ты это записать должна.
Поток у кромки двух материков проплыв,
К восходу солнца, на восток пылающий,
Ступай от моря шумного, и ты придешь
К полям Кистены,[68] в край горгон, где древние
Живут Форкиды.[69] Три на вид как лебеди,
Но с общим глазом, и один-единственный
У каждой зуб. Лучами никогда на них
Не смотрит солнце, месяц не глядит в ночи.

---

68 ***Кистена*** *— где именно находился этот «край горгон» — неясно.*
69 ***Форкиды*** *— Горгоны считались дочерьми морского бога Форкия.*

А рядом — три горгоны змеекудрые,
С крылами, сестры этих, людям страшные:
На них как взглянет смертный — так и дух долой.
Об этом для острастки говорю тебе.
Теперь о страхе о другом сказать хочу.
Кусливых бойся грифов, Зевса бешеных
Собак, и бойся одноглазых конников
Из рати аримаспов,[70] у Плутонова
Потока золотого обитающих.
Ты к ним не приближайся. В дальний край затем
Придешь, где племя черных возле утренней
Живет зари. Течет там Эфиоп-река.[71]
Ее высоким берегом дойди потом
До водопада, где с отрогов Библоса
Нил многочтимый чистую струю стремит.
Тебя он в треугольную и выведет[72]
Ту землю, Ио, где тебе с потомками
Вдали от мест родимых суждено осесть.
Коль непонятна иль туманна речь моя,
Переспроси, отвечу вразумительней:
Досуг, увы, мне больший, чем хотел бы, дан.

Предводительница хора

Что ж, если ты не кончил или что-нибудь
Забыл сказать ей о злосчастном странствии,
То говори. Но если все сказал, тогда
Припомни, что просили мы, и выполни.

Прометей

Все о скитаньях ей поведал полностью,
Но чтобы убедилась, что не вздор мелю.
Я расскажу, что было с нею, прежде чем
Сюда явилась, — в подтвержденье слов моих.
Большую часть событий, впрочем, выпущу
И о конце блужданья твоего скажу.
Итак, когда ты вышла на Молосскую[73]
Равнину и к высотам у Додоны, где
Феспрота Зевса дом[74] стоит пророческий
И вещие, о диво, те дубы растут,
Которые, не обинуясь, явственно
Тебя супругой Зевсовою будущей
Назвали славной, — что за честь, не правда ли? —
Ты в исступленье вдруг метнулась к берегу,
К заливу Реи ринулась огромному
И вспять от взморья снова понеслась бегом.
Настанет время — будет Ионическим

---

70 ***Аримаспы*** — *сказочное племя одноглазых людей.*
71 ***Эфиоп-река*** — *верхнее течение Нила.*
72 ***Тебя он в треугольную и выведет ту землю…*** — *То есть к дельте Нила.*
73 ***Молосская равнина*** — *местность в Эпире.*
74 ***…Феспрота Зевса дом…*** — *иными словами: храм Зевса в Эпире. Феспроты — южноэпирское племя.*

Залив тот называться, — знай доподлинно, —
В напоминанье людям о твоем пути.
Вот ты и получила доказательство,
Что ум мой видит больше, чем увидит глаз.
Теперь и остальное вам и ей скажу,
На прежнюю вернувшись колею речей.
Каноб — такой есть город на краю земли,
Близ устья Нила, у наносов илистых.
Там от безумья Зевс тебя и вылечит,
К тебе рукою прикоснувшись ласково,
И ты родишь Эпафа темнокожего,[75]
Дитя прикосновенья. И землею всей,
Что Нил поит широкий, будет править он.
И пять колен пройдет, и пятьдесят сестер
Вернутся в Аргос,[76] не желая с братьями
Двоюродными, крови той же, в брак вступить.
А те, пылая страстью и преследуя,
Как ястребы голубок, беглых девушек,
Свою добычу схватят, но не радостной
Добыча будет эта. Бог расстроит брак.
Земля пеласгов[77] примет женихов. Арес[78]
Руками дев убьет их в ночь бессонную.
Да, каждая из жен у мужа каждого
Отнимет жизнь, двуострый в горло нож всадив.
Любовь такую и моим бы недругам!
Томясь желаньем, лишь одна из девушек
Растает, мужа не убьет. Погаснет в ней
Ее решимость. Слабой предпочтет прослыть,
Но никаким убийством не запятнанной,
И от нее аргосский царский род пойдет.
Рассказывать подробней — дело долгое.
Но семя это даст того отважного
Стрелка из лука, что меня от мук моих
Избавит. Вот что мать давнорожденная
Фемида Титанида предсказала мне.
А как и где — об этом много времени
Речь заняла б, да и тебе что проку в том.

Ио

О, беда, о, беда!
Снова жгучая боль помутила ум,
Я опять бешусь, и горит в душе жаркое жало.
Сердце в страхе стучит, колотится в грудь,
Вкруговую, блуждая, пошли глаза,
Вихрь безумья с дороги гонит меня,
Языком не владею, бессвязная речь
Захлебнулась и тонет в волнах беды,

---

75 ***Эпаф*** *— Это имя происходит от греческого глагола со значением «прикасаться».*

76 ***…и пятьдесят сестер вернутся в Аргос…*** *— Миф о пятидесяти дочерях Даная обработан Эсхилом в трагедии «Просительницы».*

77 ***Земля пеласгов*** *— Аргос.*

78 ***Арес*** *— бог войны.*

В исступленном прибое бреда.

(Убегает.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

Строфа

Мудр, о, поистине мудр
Тот, кто впервые понял и вслух произнес:
С равными нужно
В браки вступать, чтоб счастье свое найти.
Если ты нищ и убог, то богатых, пресыщенных
И родовитых, надменных, напыщенных
Обходить старайся стороной.

Антистрофа

О, никогда, никогда
Пусть не увидят Мойры на ложе меня
Зевсовой страсти
Или женой другого сына небес.
Страшно глядеть мне, как Ио, стыдливую девушку,
Топчет, и мучит, и гонит на бедствия
Геры сокрушительная злость.

Эпод

Нисколько мне не страшно с равным в брак вступить,
Но не взглянул бы на меня
С неумолимой страстью бог высокий!
Безнадежна тут надежда, безвыходен выход.
Я не знаю, как жить тогда,
И не вижу, как мне уйти
От Зевсовой мудрой власти.

ЭКСОД

Прометей

При всем его тщеславье даже Зевс еще
Научится смиренью. Он готовится
К такой женитьбе, что во мрак безвестности
Его с престола сбросит. Тут и сбудется
Проклятье Крона полностью, которое,
С престолом расставаясь, произнес отец.
Как этих бед избегнуть, из богов никто

Сказать не может Зевсу. Только я бы мог.
Я знаю — как. Пускай же он упорствует,
Кичась громами в небесах и пламенем
Пылающие стрелы с высоты меча.
Все это не поможет, от бесславного
И страшного паденья не спасется Зевс:
Непобедимо сильного противника,
Врага на диво сам себе готовит он.
Противник этот пламя жарче молнии
Придумает и грохот посильней, чем гром,
И в море он трезубец посейдоновский
Швырнет, который землю, как болезнь, трепал.
И Зевсу будет худо, и узнает Зевс,
Как непохоже рабство на владычество.

Предводительница хора

Отводишь душу, Зевса проклиная всласть.

Прометей

О том твержу, что будет и чего хочу.

Предводительница хора

Неужто сладить с Зевсом сможет кто-нибудь?

Прометей

Ему грозят мученья тяжелей моих.

Предводительница хора

Не страшно ли такие говорить слова?

Прометей

Чего бояться? Смерть не угрожает мне.

Предводительница хора

А вдруг еще больнее мучить вздумает?

Прометей

Пускай больнее. Я ведь ко всему готов.

Предводительница хора

Тот мудр, кто Немезиду чтит безропотно.

Прометей

Робей пред всякой властью, льсти, заискивай,
А мне до Зевса дела никакого нет.
Пусть правит как угодно в свой короткий срок,
Ему недолго над богами властвовать.
Но вот я вижу, Зевсов к нам гонец спешит,
Прислужник верный самодержца нового.
Какую-нибудь новость сообщит сейчас.

Появляется Гермес.

Гермес

К тебе, проныра и брюзга брюзгливейший,
Богов предатель, а людей, чей век, как день,
Заступник-благодетель, огнекрад, спешу.
Отец велит о браке, упомянутом
Тобой хвастливо, браке, что владычества
Его лишит, поведать не намеками,
А ясно и подробно, чтобы мне сюда
Не возвращаться, Прометей. Уступчивей
От этого, ты знаешь, ведь не станет Зевс.

Прометей

Полны высокомерья и надменности
Твои слова. На то ты и слуга богов.
Вам, новым, внове править и незыблемой
Твердыней власть сдается вам. Не два ль царя
С твердыни той упали на моих глазах?[79]
А третьим, вскоре я увижу, нынешний
Падет позорно. Так ужели стану я
Богов бояться новых, трепетать, робеть?
Как бы не так! Дорогой, по которой ты
Сюда явился, возвратись назад скорей:
Ни на один вопрос твой не отвечу я.

Гермес

Такая же строптивость безоглядная
Тебя уже метнула в эту гавань мук.

Прометей

Но на твое холопство тяжкий жребий мой
Я променять, знай твердо, не согласен, нет.

Гермес

Наверно, быть холопом камня этого
Милей, чем Зевсу преданным гонцом служить.

---

79 ***Не два ль царя с твердыни той упали…*** *— Имеются в виду Уран и Крон. Уран был свергнут Кроном, а Крон — Зевсом.*

Прометей

За оскорбленья платят оскорбленьями.

Гермес

Ты рад, гляжу, такому обороту дел.

Прометей

Я рад ему? Такой же точно радости
Врагам своим желаю, в их числе — тебе.

Гермес

В своих ты бедах, значит, и меня винишь?

Прометей

Всех, говоря по правде, ненавижу я
Богов, что за добро мне отплатили злом.

Гермес

Великим, вижу, болен ты безумием.

Прометей

Да, болен, если ненависть к врагам — болезнь.

Гермес

Тебе бы да удачу — ты б несносен был.

Прометей

О, горе!

Гермес

Зевс не знает слова этого.

Прометей

Что ж, время, старясь, может научить всему.

Гермес

Но ты умнее все еще не сделался.

Прометей

А то б с тобой, холопом, говорить не стал.

Гермес

Отцу, я вижу, отвечать не думаешь.

Прометей

Я так ему обязан, так признателен…

Гермес

Как над мальчишкой, надо мной глумишься ты.

Прометей

Глупее ты мальчишки, коль надеешься
Хоть что-нибудь для Зевса от меня узнать.
Ни хитрости, ни пытки нет, которыми
Меня склонить удастся к откровенности,
Пока с меня он мерзких не сорвет цепей.
Пускай он мечет огненные молнии,
Пусть белокрылым снегом сыплет, громы пусть
На Землю рушит, все перевернет вверх дном —
Ничем он не добьется, чтобы выдал я,
Кто тот, который у него отнимет власть.

Гермес

Какая польза в том тебе, подумал ты?

Прометей

Все взвешено давно уж и продумано.

Гермес

Пора, глупец, пора же наконец тебе
Разумно, трезво на свою беду взглянуть.

Прометей

В ушах твоя навязла речь, как моря шум.
Не смей и думать, что решенья Зевсова
По-женски устрашусь я и, как женщина,
Заламывая руки, ненавистного
Просить начну тирана, чтоб от этих пут
Меня освободил он. Не дождется, нет!

Гермес

Я много говорил, но, видно, попусту.
Не тронешь никакими увещаньями
Твоей души. Так сбрую необъезженный
Конь сбросить норовит и удила прогрызть.
Но как бессильно все твое неистовство!
Когда в упрямстве нет расчета трезвого,
Оно не стоит ровно ничего, пойми.
Совет мой отвергая, ты представь себе,
Какая буря и лавина бед каких
Неотвратимо грянет. Ведь сперва отец
Утес вот этот огнекрылой молнией
И громом раздробит и под обломками
Твое схоронит тело, навалив камней.
Когда же время истечет огромное,
Ты выйдешь на свет. И крылатый Зевсов пес,
Орел, от крови красный, будет с жадностью
Лоскутья тела твоего, за кусом кус,
Терзать и рвать и клювом в печень черную
Впиваться каждодневно, злой, незваный гость,
Конца страданьям этим до тех пор не жди,
Покуда некий бог великих мук твоих
Преемником не станет, в недра Тартара
И в мрак Аида черный пожелав уйти.
Вот и решайся. Это не хвастливые
Угрозы, нет, а твердое условие.
Лгать не умеет Зевс, и что уста его
Произнесли, свершится. Так размысли же,
Раскинь умом. Не думай, что упрямый нрав
Достойнее и лучше осторожного.

Предводительница хора

Мне речь Гермеса, право же, не кажется
Нелепой: призывает не упрямиться
И защищает осторожность мудрую.
Послушайся! Ведь промах мудреца срамит.

Прометей

Я знал наперед, о чем возвестит
Мне этот гонец. Но муки терпеть
Врагу от врага — совсем не позор.
Змеей расщепленной молния пусть
Метнется на грудь мне, пусть воздух дрожит
От грома, от бешенства бури, пускай
Земля содрогнется до самых глубин,
До самых корней под ветром тугим!
Пусть море, бушуя, взъярит валы
И хлынет на тропы небесных звезд,
Пускай в преисподнюю, в Тартар пусть
Во мрак непроглядный тело мое
Безжалостным вихрем швырнет судьба —

Убить меня все же не смогут!

Гермес

Безумную речь услышали мы,
Рассудка туманного странный язык.
С ума он сошел. Его похвальба
Похожа на бред. Он болен душой!
А вы, о печальницы, горю его
Сочувствия полные, вы теперь
Из этих недобрых уйдите мест
Быстрее, не то оглушит вас удар
Небесного грозного грома.

Хор

Другой нам какой-нибудь дай совет,
Мы примем его. А эти слова
Не к месту. Несносна такая речь.
Как смеешь ты низости нас учить?
Что вытерпеть должно, вытерпим с ним.
Предателей мы ненавидим, и нет
Порока для нас
Гнусней и мерзей вероломства.

Гермес

Что ж, помните, загодя вас остерег,
И, роком настигнутые, судьбу
Уже не кляните. Сказать, что Зевс
Нежданно обрушит на вас удар,
Теперь вы не вправе. О нет, себя
Вы губите сами, зная, на что
Идете. Беды безысходна сеть.
Но вас не манили в нее тайком.
Запутало вас безумье.

Гермес удаляется. Раздается гром и подземный грохот.
Прометей

Уже дела пошли, не слова
Земля закачалась,
Гром грохочет, в глубинах ее глухим
Отголоском рыча. Сверкают огнем
Волны молний. Вихри взметают пыль
К небу. Ветер на ветер идет стеной,
И сшибаются, встретившись, и кружат,
И друг другу навстречу, наперерез
Вновь несутся. И с морем слился эфир.
Это явно Зевса рука меня
Буйной силой силится запугать.
О святая матерь, о всех и вся

Заливающий светом небес эфир,
Без вины страдаю — глядите!

Удар молнии. Прометей проваливается под землю.

СОФОКЛ

Софокл (496–406 гг. до н. э.) родился в Колоне, афинском предместье, в семье богатого владельца оружейной мастерской. Получил хорошее музыкальное образование и на семнадцатом году жизни участвовал в исполнении благодарственного гимна на торжествах по поводу победы при Саламине. Был близок к Периклу и занимал ряд государственных должностей.

Софоклом написано не менее восьмидесяти трагедий, из которых до нас дошло семь: «Эдип-царь», «Эдип в Колоне», «Антигона», «Трахинянки», «Аянт», «Филоктет», «Электра».

ЭДИП-ЦАРЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдип.
Жрец.
Креонт.
Тиресий.
Иокаста.
Вестник.
Пастух Лая.
Домочадец Эдипа.
Хор фиванских старейшин.

ПРОЛОГ

Эдип

О деда Кадма юные потомки![80]
Зачем сидите здесь, у алтарей,
Держа в руках молитвенные ветви,
В то время как весь город фимиамом
Наполнен, и моленьями, и стоном?
И потому, желая самолично
О всем узнать, я к вам сюда пришел, —
Я, названный у вас Эдипом славным.
Скажи мне, старец, — ибо речь вести
Тебе за этих юных подобает, —
Что привело вас? Просьба или страх?
С охотой все исполню: бессердечно
Не пожалеть явившихся с мольбой.

Жрец

80 ***О деда Кадма юные потомки!*** *— Основателем Фив считался мифический герой Кадм.*

Властитель края нашего, Эдип!
Ты видишь — мы сидим здесь, стар и млад:
Одни из нас еще не оперились,
Другие годами отягчены —
Жрецы, я — Зевсов жрец, и с нами вместе
Цвет молодежи. А народ, в венках,
На торге ждет, у двух святынь Паллады
И у пророческой золы Исмена.[81]
Наш город, сам ты видишь, потрясен
Ужасной бурей и главы не в силах
Из бездны волн кровавых приподнять.
Запахли в почве молодые всходы,
Зачах и скот; и дети умирают
В утробах матерей. Бог-огненосец —
Смертельный мор — постиг и мучит город.
Пустеет Кадмов дом, Аид же мрачный
Опять тоской и воплями богат.
С бессмертными тебя я не равняю, —
Как и они, прибегшие к тебе, —
Но первым человеком в бедах жизни
Считаю и в общении с богами.
Явившись в Фивы, ты избавил нас[82]
От дани той безжалостной вещунье,
Хоть ничего о нас не знал и не был
Никем наставлен; но, ведомый богом,
Вернул нам жизнь, — таков всеобщий глас.
О наилучший из мужей, Эдип,
К тебе с мольбой мы ныне прибегаем:
Найди нам оборону, вняв глагол
Божественный иль вопросив людей.
Всем ведомо, что опытных советы
Благой исход способны указать.
О лучший между смертными! Воздвигни
Вновь город свой! И о себе подумай:
За прошлое «спасителем» ты назван.
Да не помянем впредь твое правленье
Тем, что, поднявшись, рухнули мы вновь.
Восстанови свой город, — да стоит он
Неколебим! По знаменью благому
Ты раньше дал нам счастье — дай и ныне!
Коль ты и впредь желаешь краем править,
Так лучше людным, не пустынным правь.
Ведь крепостная башня иль корабль —
Ничто, когда защитники бежали.

Эдип

---

81 ***И у пророческой золы Исмена.*** *— Исмен — протекающая через Фивы река, на берегу которой находилось святилище, где жрецы предсказывали будущее но пеплу сожженных жертв.*

82 ***Явившись в Фивы, ты избавил нас…*** *— Придя в Фивы, Эдип, согласно мифу, разгадал загадку Сфинкса, крылатого чудовища, которое убивало всех, кто не мог ее отгадать. Тогда чудовище бросилось со скалы и погибло, а Эдипа фиванцы посадили на царский престол и женили на своей овдовевшей царице.*

Несчастные вы дети! Знаю, знаю,
Что надо вам. Я вижу ясно: все
Страдаете. Но ни один из вас
Все ж не страдает так, как я страдаю:
У вас печаль лишь о самих себе,
Не более, — а я душой болею
За город мой, за вас и за себя.
Меня будить не надо, я не сплю.
Но знайте: горьких слез я много пролил,
Дорог немало думой исходил.
Размыслив, я нашел одно лишь средство.
Так поступил я: сына Менекея,
Креонта, брата женина, отправил
Я к Фебу, у оракула узнать,
Какой мольбой и службой град спасти.
Пора ему вернуться. Я тревожусь:
Что приключилось? Срок давно истек,
Положенный ему, а он все медлит.
Когда ж вернется, впрямь я буду плох,
Коль не исполню, что велит нам бог.

Жрец

Ко времени сказал ты, царь: как раз
Мне знак дают, что к нам Креонт подходит,

Эдип

Царь Аполлон! О, если б воссияла
Нам весть его, как взор его сияет!

Жрец

Он радостен! Иначе б не украсил
Свое чело он плодоносным лавром.

Эдип

Сейчас узнаем. Он расслышит нас.
Властитель! Кровный мой, сын Менекея!
Какой глагол от бога нам несешь?

Креонт

Благой! Поверьте: коль указан выход.
Беда любая может благом стать.

Эдип

Какая ж весть? Пока от слов твоих
Не чувствую ни бодрости, ни страха.

Креонт

Ты выслушать меня при них желаешь?
Могу сказать… могу и в дом войти…

Эдип

Нет, говори при всех: о них печалюсь
Сильнее, чем о собственной душе.

Креонт

Изволь, открою, что от бога слышал.
Нам Аполлон повелевает ясно:
«Ту скверну, что в земле взросла фиванской,
Изгнать, чтоб ей не стать неисцелимой».

Эдип

Каким же очищеньем? Чем помочь?

Креонт

«Изгнанием иль кровь пролив за кровь, —
Затем, что град отягощен убийством».

Эдип

Но чью же участь разумеет бог?

Креонт

О царь, владел когда-то нашим краем
Лай, — перед тем, как ты стал править в Фивах.

Эдип

Слыхал, — но сам не видывал его.

Креонт

Он был убит, и бог повелевает,
Кто б ни были они, отмстить убийцам.

Эдип

Но где они? В каком краю? Где сыщешь
Неясный след давнишнего злодейства?

Креонт

В пределах наших, — он сказал: «Прилежный

Найдет его, но не найдет небрежный».

Эдип

Но дома у себя, или на поле,
Или в чужом краю убит был Лай?

Креонт

Он говорил, что бога вопросить
Отправился, и больше не вернулся.

Эдип

А из тогдашних спутников царя
Никто не даст нам сведений полезных?

Креонт

Убиты. Лишь один, бежавший в страхе,
Пожалуй, нам открыл бы кое-что.

Эдип

Но что? Порой и мелочь много скажет.
Когда б лишь край надежды ухватить!

Креонт

Он говорил: разбойники убили
Царя. То было делом многих рук.

Эдип

Но как решились бы на то злодеи,
Когда бы здесь не подкупили их?

Креонт

Пусть так… Но не нашлось в годину бед
Отмстителя убитому царю.

Эдип

Но если царь погиб, какие ж беды
Могли мешать разыскивать убийц?

Креонт

Вещунья-сфинкс. Ближайшие заботы
Заставили о розыске забыть.

Эдип

Все дело вновь я разобрать хочу.
К законному о мертвом попеченью
Вернули нас и Аполлон и ты.
Союзника во мне вы обретете:
Я буду мстить за родину и бога.
Я не о ком-нибудь другом забочусь, —
Пятно снимаю с самого себя.
Кто б ни был тот убийца, он и мне
Рукою той же мстить, пожалуй, станет.
Чтя память Лая, сам себе служу.
Вставайте же, о дети, со ступеней,
Молитвенные ветви уносите, —
И пусть народ фиванский созовут.
Исполню все: иль счастливы мы будем
По воле божьей, иль вконец падем.

Жрец

О дети, встанем! Мы сошлись сюда
Спросить о том, что царь и сам поведал.
Пусть Аполлон, пославший нам вещанье,
Нас защитит и уничтожит мор.

Уходит.

ПАРОД

Хор

Строфа 1

Сладкий Зевса глагол!
От златого Пифона[83]
Что приносишь ты ныне
В знаменитые Фивы?
Трепещу, содрогаюсь смущенной душой.
Исцелитель Делиец![84] Вопрошаю почтительно:
Нового ль ждешь ты служения
Иль обновленного прежнего
По истечении лет?
О, поведан, бессмертный,
Порожденный златою
Надеждой глагол!

Антистрофа 1

---

83 ***Пифон, или Пифо*** *— древнее название местности у Парнаса в Фокиде, где находился город Дельфы со знаменитым храмом Аполлона. Жрица этого храма Пифия предсказывала будущее и давала советы.*

84 ***Исцелитель Делиец*** *— бог Аполлон, родиной которого считался остров Делос.*

Ныне первой тебя призываю, дочь Зевса,
Афина бессмертная!
И сестру твою, деву
Артемиду, хранящую нашу страну,
Чей на площади главной
Трон стоит достославный,
И Феба, стрелка несравненного!
Три отравителя смерти!
Ныне явитесь! Когда-то
Отогнали вы жгучий мор, напавший на город!
Явитесь же вновь!

Строфа 2

Горе! Меры нет напастям!
Наш народ истерзан мором,
А оружья для защиты
Мысль не в силах обрести.
Не взрастают плоды нашей матери Геи,
И не в силах родильницы вытерпеть мук.
Посмотри на людей, — как один за другим
Быстрокрылыми птицами мчатся они
Огненосного мора быстрей
На прибрежья закатного бога.

Антистрофа 2

Жертв по граду не исчислить.
Несхороненные трупы,
Смерти смрад распространяя,
Неоплаканы лежат.
Жены меж тем с матерями седыми
Молят, припав к алтарям и стеная,
Об избавленье от тягостных бед.
Смешаны вопли с пеанами светлыми.
О златая дочь Зевса, явись
Ясноликой защитой молящим!

Строфа 3

Смерти пламенного бога,[85]
Что без медного щита
Нас разит под крики бранные, —
Молим: в бегство обрати
Из земли родной и ввергни
В бездну Амфитриты![86]

---

85 ***Смерти пламенного бога…*** *— то есть Ареса, бога не только войны, но и всякой гибели, в данном случае — чумы.*

86 ***Амфитрита*** *— жена бога морей Посейдона.*

Иль умчи к берегам без пристаниц,
Где бушует фракийский прибой,
Ибо мочи не стало:
Что ночь закончить не успеет,
То, встав, заканчивает день.
Ты, держащий в руке мощь пылающих молний,
Зевс-отец, порази его громом своим!

Антистрофа 3

Ты мечи, о царь Ликейский,[87]
С тетивы, из злата скрученной,
Стрелы тучей на врага!
Да метнет и Артемида
Пламена, что в дланях держит,
Мчась в горах Ликийских![88]
И его призываем мы — Вакха,
Соименного с нашей землей,
Со златою повязкой,
С хмельным румянцем, окруженного
Толпой восторженных Менад, —
Чтоб приблизил и он свой сияющий факел,
С нами бога разя, всех презренней богов!

Входит Эдип.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Эдип

Вы молите? Отвечу вам: надейтесь,
Себе на пользу речь мою уважив,
Защиту получить и облегченье.
Речь поведу, как человек сторонний
И слухам и событий. Недалеко
Уйду один — нет нитей у меня.
Я стал у вас всех позже гражданином.
К вам ныне обращаюсь, дети Кадма:
Кто знает человека, чьей рукой
Был умерщвлен когда-то Лай, тому
Мне обо всем сказать повелеваю.
А если кто боится указать
Сам на себя, да знает: не случится
Худого с ним, лишь родину покинет.
А ежели убийца чужестранец
И вам знаком, — скажите. Награжу
Казною вас и окажу вам милость.
Но если даже вы и умолчите,
За друга ли страшась иль за себя, —

87 ***Царь Ликейский*** *— Аполлон.*
88 ***…мчась в горах Ликийских!*** *— Ликия — область в Малой Азии.*

Дальнейшую мою узнайте волю:
Приказываю, кто бы ни был он,
Убийца тот, в стране, где я у власти,
Под кров свой не вводить его и с ним
Не говорить. К молениям и жертвам
Не допускать его, ни к омовеньям, —
Но гнать его из дома, ибо он —
Виновник скверны, поразившей город.
Так Аполлон нам ныне провещал.
И вот теперь я — и поборник бога,
И мститель за умершего царя.
Я проклинаю тайного убийцу, —
Один ли скрылся, много ль было их, —
Презренной жизнью пусть живет презренный!
Клянусь, что если с моего согласья
Как гость он принят в доме у меня,
Пусть первый я подвергнусь наказанью.
Вам надлежит исполнить мой приказ,
Мне угождая, богу и стране,
Бесплодно обреченной гневным небом.
Но если б даже не было вещанья,
Вам очищенье все же подобало б,
Затем что славный муж и царь погиб.
Итак, начните розыски! Поскольку
Я принял Лая царственную власть,
Наследовал и ложе и супругу,
То и детей его — не будь потомством
Он обделен — я мог бы воспитать…
Бездетного его беда настигла.
Так вместо них я за него вступлюсь,
Как за отца, и приложу все силы,
Чтоб отыскать и захватить убийцу
Лабдака сына, внука Полидора,
Чей дед был Агенор и Кадм — отец.
Молю богов: ослушнику земля
Да не вернет посева урожаем,
Жена не даст потомства… Да погибнет
В напасти нашей иль в иной и злейшей!
А вам, потомкам: Кадма, мой приказ
Одобрившим, поборниками вечно
Да будут боги все и Справедливость.

Хор

На клятву клятвенно отвечу, царь:
Не убивал я Лая и убийцу
Бессилен указать; но в помощь делу
Виновного объявит Аполлон.

Эдип

Ты судить верно. Но богов принудить

Никто не в силах против воли их.

Хор

Скажу другое, лучшее, быть может.

Эдип

Хотя б и третье, — только говори.

Хор

Тиресий-старец столь же прозорлив,
Как Аполлон державный, — от него
Всего ясней, о царь, узнаешь правду.

Эдип

Не медлил я. Совету вняв Креонта,
Я двух гонцов подряд послал за старцем
И удивлен, что долго нет его.

Хор

Но есть еще давнишняя молва…

Эдип

Скажи, какая? Все я должен знать.

Хор

Царя, толкуют, путники, убили.

Эдип

Слыхал я; хоть свидетеля не видел.

Хор

Но если чувствовать он может страх,
Твоих проклятий грозных он не стерпит.

Эдип

Кто в деле смел, тот не боится слов.

Хор

Но вон и тот, кто властен уличить:
Ведут богам любезного провидца,
Который дружен с правдой, как никто.

Входит Тиресий.

Эдип

О зрящий все Тиресий, что доступно
И сокровенно на земле и в небе!
Хоть темен ты, но знаешь про недуг
Столицы нашей. Мы в тебе одном
Заступника в своей напасти чаем.
Ты мог еще от вестников не слышать, —
Нам Аполлон вещал, что лишь тогда
Избавимся от пагубного мора,
Когда отыщем мы: цареубийцу
И умертвим иль вышлем вон из Фив.
И ныне, вопросив у вещих птиц
Или к иным гаданиям прибегнув,
Спаси себя, меня спаси и Фивы!
Очисти нас, убийством оскверненных.
В твоей мы власти. Помощь подавать
Посильную — прекрасней нет труда.

Тиресий

Увы! Как страшно знать, когда от знанья
Нет пользы нам! О том я крепко помнил.
Да вот — забыл… Иначе не пришел бы.

Эдип

Но что случилось? Чем ты так смущен?

Тиресий

Уйти дозволь. Отпустишь, — и нести
Нам будет легче каждому свой груз.

Эдип

Неясные слова… Не любишь, видно,
Родимых Фив, когда с ответом медлишь.

Тиресий

Ты говоришь, да все себе не впрок.
И чтоб со мной того же не случилось…

Хор

Бессмертных ради, — зная, не таись,
К твоим ногам с мольбою припадаем.

Тиресий

Безумные! Вовек я не открою,
Что у меня в душе… твоей беды…

Эдип

Как? Знаешь — и не скажешь?
Нас предать замыслил ты и погубить свой город?

Тиресий

Себя терзать не стану, ни тебя.
К чему попрек? Я не скажу ни слова.

Эдип

Негодный из негодных! Ты и камень
Разгневаешь! Заговоришь иль нет?
Иль будешь вновь упорствовать бездушно?

Тиресий

Меня коришь, а нрава своего
Не примечаешь — все меня поносишь…

Эдип

Но кто бы не разгневался, услышав,
Как ты сейчас наш город оскорбил!

Тиресий

Все сбудется, хотя бы я молчал.

Эдип

Тем более ты мне сказать обязан.

Тиресий

Ни звука не прибавлю. Волен ты
Пылать теперь хоть самым ярым гневом.

Эдип

Я гневаюсь — и выскажу открыто,
Что думаю. Узнай: я полагаю,
Что ты замешан в деле, ты — участник,
Хоть рук не приложил, а будь ты зряч,
Сказал бы я, что ты и есть убийца.

Тиресий

Вот как? А я тебе повелеваю
Твой приговор исполнить — над собой.
И ни меня, ни их не трогать, ибо
Страны безбожный осквернитель — ты!

Эдип

Такое слово ты изверг бесстыдно
И думаешь возмездья избежать?

Тиресий

Уже избег: я правдою силен.

Эдип

За эту речь не ожидаешь кары?

Тиресий

Нет, — если в мире есть хоть доля правды.

Эдип

Да, в мире, не в тебе, — ты правде чужд:
В тебе угас и слух, и взор, и разум.

Тиресий

Несчастный, чем меня ты попрекаешь,
Тем скоро всякий попрекнет тебя.

Эдип

Питомец вечной ночи, никому,
Кто видит день, — и мне, — не повредишь!

Тиресий

Да, рок твой — пасть не от моей руки:
И без меня все Аполлон исполнит.

Эдип

То умысел Креонта или твой?

Тиресий

Нет, не Креонт, а сам себе ты враг.

Эдип

О деньги! Власть! О мощное орудье,
Сильней всех прочих в жизненной борьбе!
О, сколько же заманчивости в вас,
Что ради этой власти, нашим градом
Мне данной не по просьбе, добровольно,
Креонт, в минувшем преданный мне друг,
Подполз тайком, меня желая свергнуть,
И подослал лукавого пророка,
Обманщика и плута, что в одной лишь
Корысти зряч, в гаданьях же — слепец!
Когда, скажи, ты верным был пророком?
Скажи мне, ты от хищной той певуньи
Избавил ли сограждан вещим словом?
Загадок не решил бы первый встречный, —
К гаданиям прибегнуть надлежало.
Но ты не вразумился птиц полетом,
Внушением богов. А я пришел,
Эдип-невежда, — и смирил вещунью,
Решив загадку, — не гадал по птицам!
И ты меня желаешь выгнать вон,
Чтоб ближе стать к Креонтову престолу?
Раскаетесь вы оба — ты и он,
Ревнитель очищенья!.. Я бы вырвал
Признанье у тебя, не будь ты стар!

Хор

Мне думается — произнес он в гневе
Свои слова, а также ты, Эдип.
Нет, как исполнить божье повеленье, —
Вот мы о чем заботиться должны.

Тиресий

Хоть ты и царь, — равно имею право
Ответствовать. И я властитель тоже.
Я не тебе, а Локсию слуга
И в милости Креонта не нуждаюсь.
Мою ты слепоту коришь, но сам,
Хоть зорок ты, а бед своих не видишь —
Где обитаешь ты и с кем живешь.
Ты род свой знаешь? Невдомек тебе,
Что здесь и под землей родным ты недруг
И что вдвойне — за мать и за отца —
Наказан будешь горьким ты изгнаньем.
Зришь ныне свет — но будешь видеть мрак.
Найдется ли на Кифероне место,[89]
Которое не огласишь ты воплем,
Свой брак постигнув — роковую пристань
В конце благополучного пути?

---

89 ***Киферон*** *— гора на границе Аттики и Беотии.*

Не чуешь и других ты бедствий многих:
Что ты — и сын, и муж, и детям брат!..
Теперь слова Креонта и мои
В грязь втаптывай. Другой найдется смертный,
Кого бы гибель злейшая ждала?

Эдип

Угрозы эти от него исходят? О, будь ты проклят!
Вон ступай отсюда! Прочь уходи от дома моего!

Тиресий

Я не пришел бы, если б ты не звал.

Эдип

Не знал я, что улышу речь безумца.
Иначе не послал бы за тобой.

Тиресий

По-твоему, безумец я? Меж тем
Родителям твоим казался мудрым.

Эдип

Кому? Постой… Кто породил меня?

Тиресий

Сей день родит и умертвит тебя.

Эдип

Опять слова неясны, как загадки.

Тиресий

В отгадыванье ты ли не искусник?

Эдип

Глумись над тем, чем возвеличен я.

Тиресий

Но твой успех тебе же на погибель.

Эдип

Я город спас, о прочем не забочусь.

Тиресий

Иду… Ты, мальчик, уведи меня.

Эдип

И пусть уводит… Мне невмоготу
Терпеть тебя. Уйдешь — мне станет легче.

Уходят.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа 1

Но кто же он? О ком скала вещала в Дельфах?
Ужаснейшим из дел кто руки обагрил?
Верно, он бежал быстрее
Вихрем мчащихся коней:
На него, во всеоружье,
Налетели в блеске молний
Зевсов сын и сонм ужасных,
Заблужденья чуждых Кер.[90]

Антистрофа 1

С Парнаса снежного нам просияло слово.
Злодея нам велит безвестного искать.
Бродит в чащах он, в ущельях,
Словно тур, тоской томим,
Хочет сбросить рок вещаний
Средоточия земного,[91] —
Но вещанья роковые
Вечно кружатся над ним.

Строфа 2

Страшным, вправду страшным делом
Нас смутил вещатель мудрый,
Согласиться я не в силах
И не в силах отрицать.
Что скажу? Душа в смятенье.
Тьма в былом и тьма в грядущем.
Никогда — ни теперь
Не слыхал я, ни прежде,

---

90 ***Керы*** *— богини рокового конца.*
91 ***…средоточия земного…*** *— Мраморный конус, стоявший в дельфийском храме, называли «пупом земли».*

Чтобы род Лабдакидов
И Полибом рожденный
Друг от друга страдали.
Ныне против Эдипа
Я не вижу улик
И отмстить не могу
Неизвестному Лая убийце!

Антистрофа 2

Но у Зевса с Аполлоном
Остры мысли. Им известны
Все деяния людские.
Вряд ли я скуднее знаньем
Прочих смертных, хоть различна
Мера мудрости у всех.
До улик несомненных
Не осудим Эдипа:
Ведь крылатая дева
На глазах у народа
Подступила к нему,
И признали Эдипа
Наши Фивы, заслугу
Оценили его.
Нет, его не считаю преступным.

Входит Креонт.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Креонт

Сограждане! Узнал я, что Эдип
Меня в делах ужасных обвиняет.
Я не стерпел и к вам явился. Если
Он думает, что в общем злополучье
Стараюсь я словами и делами
Ему вредить, — то не мила мне жизнь
С подобной славой. Мне в таком попреке
Урон немалый, — нет, большой урон!
Плохое дело, коль меня злодеем
И город назовет и вы, друзья!..

Хор

Нет, без сомненья, спорили они
Во власти гнева, здраво не размыслив.

Креонт

Он утверждает, что мои советы

Заставили гадателя солгать.

Хор

Сказал, но я не разумею цели.

Креонт

Бессовестный! Посмел в рассудке здравом
Меня таким наветом очернить!

Хор

Не знаю, нам темны дела царей…
Но вот и сам он из дому выходит.

Эдип

Как? Это ты? Явиться смел? Неужто
Ты до того бесстыден, что под кров
Вошел ко мне — царя убийца явный
И власти нашей несомненный вор?
Скажи мне, ради бога, ты, решаясь
Так действовать, считал меня глупцом
Иль трусом? Или думал — не замечу,
Как ты подполз, и не оборонюсь?
И не безумное ли предприятье —
Борьба за власть без денег и друзей?
Тут надобны сторонники и деньги!

Креонт

Ты лучше на слова свои другому
Дай возразить — и лишь тогда суди!

Эдип

Ты говоришь искусно, но тебя
Не стану слушать: ты мне злейший враг.

Креонт

Нет, слушай, — вот что я тебе скажу.

Эдип

Но только не тверди мне, что невинен.

Креонт

Коль полагаешь ты, что самомненье
Бессмысленное впрок, — ты неразумен.

Эдип

Коль полагаешь ты, что без возмездья
Родным вредить мы можем, — ты не прав.

Креонт

Пусть так, согласен. Но скажи, какой
Через меня ты потерпел убыток?

Эдип

Скажи, ты мне советовал иль нет
Послать за тем пророком пресловутым?

Креонт

Я мнения того же и сейчас.

Эдип

А много ль лет прошло с тех пор, как Лай…

Креонт

С тех пор как Лай?.. Я не пойму тебя…

Эдип

…Исчез, повержен гибельным ударом?..

Креонт

Прошло с тех пор немало долгих лет.

Эдип

Тогда уже был в силе вага гадатель?

Креонт

И столь же мудр, и столь же почитаем.

Эдип

Он поминал в те годы обо мне?

Креонт

Нет, никогда не приходилось слышать.

Эдип

Разыскивали вы тогда убийцу?

Креонт

Конечно, да. Но не могли дознаться,

Эдип

А почему ж тогда молчал мудрец?

Креонт

Не знаю; а не знаю, так молчу.

Эдип

Но вот что знаешь, ты и скажешь ясно…

Креонт

Что именно? Не умолчу, коль знаю.

Эдип

…Что, если б вы не сговорились, вряд ли
Он гибель Лая приписал бы мне.

Креонт

Что молвил он, то лучше знаешь ты,
Но сам на мой вопрос теперь ответствуй,

Эдип

Спроси. Меня не уличишь в убийстве.

Креонт

Послушай: ты — супруг моей сестры?

Эдип

Того, что ты спросил, не отрицаю.

Креонт

Над Фивами ты делишь с нею власть?

Эдип

Я исполняю все ее желанья.

Креонт

А вам двоим не равен ли я — третий?

Эдип

Вот тут-то и сказался ложный друг.

Креонт

Нет. Ты в мои слова поглубже вникни.
Сам посуди: зачем стремиться к власти,
С которой вечно связан страх, тому,
Кто властвует и так, тревог не зная?
Я никогда не жаждал стать царем,
Предпочитал всегда лишь долю власти.
Так судит каждый, кто здоров рассудком.
Твои дары без страха принимаю,
А правь я сам, я делал бы не то,
Чего хочу. Ужели царство слаще
Мне беззаботной власти и влиянья?
Еще не столь я оскудел умом,
Чтоб новых благ и пользы домогаться.
Все счастья мне желают, все с приветом —
Кто с просьбою к царю — идут ко мне,
В своих руках держу я их желанья.
И это все мне променять на что?
Не станет заблуждаться здравый разум.
Такого поведенья сам я чужд.
И не дерзну в том помогать другому.
Чтоб убедиться, сам спроси ты в Дельфах,
Тебе я верно ль передал глагол
Богов? Коль убедиться, что вступил
Я в заговор с гадателем, — казни:
И сам себя приговорю я к смерти.
Нельзя винить, едва лишь заподозрив,
Затем что нам не подобает звать
Злых добрыми, равно и добрых злыми.
Отвергнуть друга преданного — значит
Лишиться драгоценнейшего в жизни,
Ты в этом скоро убедишься сам.
Нам честного лишь время обнаружит, —
Довольно дня, чтоб подлого узнать.

Хор

Разумные одобрят речь его:
Поспешное решенье ненадежно.

Эдип

Но если враг мне спешно строит козни,
Поспешно должен действовать и я.
А если буду медлить, он достигнет,
Чего хотел, и я ни с чем останусь.

Креонт

Чего же хочешь ты? Изгнать меня?

Эдип

Нет, больше: умертвить, а не изгнать,
Тогда поймешь ты, что такое зависть.

Креонт

Настаиваешь, значит, и не веришь?

Эдип

Нет: ты доверья мне внушить не мог.

Креонт

Безумен ты!

Эдип

В своих делах — я здрав.

Креонт

Но о моих подумай.

Эдип

Ты — изменник!

Креонт

Затмился, что ли, ум твой?

Эдип

Власть — моя!

Креонт

Дурная власть — не власть.

Эдип

О Фивы, Фивы!

Креонт

Не ты один, — я тоже властен в Фивах.

Хор

Довольно, государи. Вижу: кстати
К нам из дворца выходит Иокаста.
Она поможет кончить спор добром.

Иокаста

Из-за чего, несчастные безумцы,
Вы ссоритесь? Когда страдает город,
Не стыдно ль счеты личные сводить?
Иди домой, Эдип… и ты, Креонт, —
Зло малое великим да не станет.

Креонт

Сестра, Эдип грозит мне страшной карой:
Я к одному из двух приговорен —
К изгнанию или к позорной казни.

Эдип

Все так, жена: его я уличил, —
Замыслил он сгубить меня коварно.

Креонт

Будь вечно я несчастлив, будь я проклят,
Коль справедливо ты винишь меня.

Иокаста

Бессмертных ради верь ему, Эдип,
Благочестивой ради клятвы, ради
Меня и всех, стоящих пред тобой.

КОММОС

Хор

Строфа 1

Молю, послушайся, подумай, уступи.

Эдип

Но в чем мне уступить, скажи?

Хор

О царь, он отроду был честен,
А ныне клятву дал, — молю,
Прости его!

Эдип

Ты понимаешь; О чем ты просишь?

Хор

Да.

Эдип

Скажи.

Хор

Твой шурин чист, Эдип, — из-за пустой молвы
Винить своих друзей не следует напрасно.

Эдип

Я цель твою прозрел: стремишься ты
Сгубить меня иль выгнать вон из града.

Хор

Строфа 2

О вождь небожителей, Гелий, молю:
Коль мыслю я злое,
Пусть, богом отвержен,
Друзьями отринут,
Постыдно умру.
Нет. Родины, беды —
О них я болею.
Что будет, коль ряд
Стародавних несчастий
Умножим чредой
Новоявленных бед?

Эдип

Пусть прочь идет — хотя бы мне пришлось
Быть изгнанным постыдно иль погибнуть.

Я тронут речью жалобной твоей,
А не словами этого злодея.

Креонт

Ты уступил со злобой. Но едва
Остынет гнев, раскаянье придет.
С подобным нравом: сам себе ты в тягость.

Эдип

Уйдешь ты наконец?

Креонт

Я удалюсь, Тобой отвергнут, но для них я — прежний.

(Уходит.)
Хор

Атнтистрофа 1

Что медлишь во дворец ввести его, царица?

Иокаста

Нет, все разведаю сперва.

Хор

От слов родилось подозренье…
А может быть, навет и ложен, —
Несправедливость тяжела.

Иокаста

Бранились?

Хор

Да.

Иокаста

О чем шла речь?

Хор

По мне, разумнее — при бедствии всеобщем
Не возвращаться вновь к их прерванным речам.

Эдип

Вот до чего ты с честностью своей
Дошел. Мой гнев ты погасить стремишься.

Хор

Антистрофа 2

О царь, я не раз
В том клялся тебе!
Я был бы и вправду
Безумцем, глупцом,
Когда бы решился
Покинуть тебя.
Наш край дорогой
В тот год роковой
Ты вывел из бедствий
На правильный путь, —
Так будь же и ныне
Нам кормчим благим!

Иокаста

Молю богами, царь, и мне поведай,
Что столь упорный гнев зажгло в тебе?

Эдип

Изволь: тебя всех выше чту, жена, —
В Креопте дело и в его коварствах.

Иокаста

Открой, коль можешь, в чем причина ссоры?

Эдип

Он говорит, что я убил царя.

Иокаста

Он это сам надумал иль подучен?

Эдип

Он подослал лукавого пророка
И утверждает, будто сам невинен.

Иокаста

О, перестань об этом думать, царь!
Меня послушай: из людей никто

Не овладел искусством прорицанья.
Тебе я краткий довод приведу:
Был Лаю божий глас, — сама не знаю,
От Феба ли, но чрез его жрецов, —
Что совершится рок — и Лай погибнет
От нашего с ним сына, а меж тем,
По слуху, от разбойников безвестных
Он пал на перекрестке трех дорог.
Младенцу ж от рожденья в третий день
Отец связал лодыжки и велел
На недоступную скалу забросить.
Так Аполлон вещанья не исполнил,
Не стал отцеубийцей сын, погиб
Лай не от сына, а всю жизнь боялся!
Меж тем о том пророчества гласили.
Не слушай их! Ведь если хочет бог,
Он без труда свою объявит волю.

Эдип

О, как мне слово каждое твое
Тревожит душу и смущает сердце!

Иокаста

Какой себя терзаешь ты заботой?

Эдип

Мне кажется, сказала ты, что Лай
Убит на перекрестке трех дорог?

Иокаста

Таков был слух, так говорят и ныне.

Эдип

А где то место? Где случилось это?

Иокаста

Зовется край Фокидой, три дороги
Там сходятся — из Давлии и Дельф.

Эдип

А много ли годов прошло с тех пор?

Иокаста

Да незадолго перед тем, как власть

Ты принял здесь, оповестили город.

Эдип

О Зевс! Что ты судил со мною сделать?

Иокаста

Но что тебя смутило так, Эдип?

Эдип

Не спрашивай… А внешностью, скажи,
Каков был Лай? Он молод был иль стар?

Иокаста

Он был высок и с проседью сребристой, —
На вид почти таков, как ты сейчас.

Эдип

О, горе! Вижу: страшные проклятья
В неведенье призвал я на себя!

Иокаста

Мне жутко, царь! Скажи мне, что с тобой?

Эдип

Боюсь, слепой провидец зрячим был!
Все прояснится, коль еще ответишь…

Иокаста

Мне страшно, но, что знаю, все скажу.

Эдип

Отправился он с малой свитой или
С большим отрядом, как владыка-царь?

Иокаста

Их было пять, один из них глашатай,
В единственной повозке ехал Лай.

Эдип

Увы! Увы.! Все ясно. Кто ж, однако,
Известье вам доставить мог, жена?

Иокаста

Слуга, — один он спасся и бежал.

Эдип

Теперь у нас живет он, во дворце?

Иокаста

О нет, сюда пришел он, но, узнав,
Что власть тебе досталась после Лая,
К моей руке припал он и молил
Его послать на горные луга,
Чтоб только жить подальше от столицы.
Его я отпустила. Хоть и раб,
Он большей был бы милости достоин.

Эдип

Нельзя ль его скорей вернуть сюда?

Иокаста

Конечно, можно; но зачем тебе?

Эдип

Боюсь, жена, сказал я слишком много,
И потому мне встреча с ним нужна.

Иокаста

Пускай он явится сюда, — но вправе
Узнать и я, чем удручен ты, царь.

Эдип

Не откажу тебе, я сам в тревоге.
Кому ж еще открыться мне, жена,
В моей беде? Итак, узнай: отцом
Мне был Полиб, коринфский уроженец,
А мать — Меропа, родом из дорян.
И первым я в Коринфе слыл, но случай
Произошел, достойный удивленья,
Но не достойный гнева моего:
На пире гость один, напившись пьяным,
Меня поддельным сыном обозвал.
И, оскорбленный, я с трудом сдержался
В тот день и лишь наутро сообщил
Родителям. И распалились оба

На дерзость оскорбившего меня,
Их гнев меня обрадовал, — но все же
Сомненья грызли: слухи поползли.
И, не сказавшись матери с отцом,
Пошел я в Дельфы. Но не удостоил
Меня ответом Аполлон, лишь много
Предрек мне бед, и ужаса, и горя:
Что суждено мне с матерью сойтись,
Родить детей, что будут мерзки людям,
И стать отца родимого убийцей.
Вещанью вняв, решил я: пусть
Коринф мне будет дальше звезд, — и я бежал
Туда, где не пришлось бы мне увидеть,
Как совершится мой постыдный рок.
Отправился — и вот пришел в то место,
Где, по твоим словам, убит был царь.
Тебе, жена, я расскажу всю правду.
Когда пришел я к встрече трех дорог,
Глашатай и старик, как ты сказала,
В повозке, запряженной лошадьми,
Мне встретились. Возница и старик
Меня сгонять с дороги стали силой.
Тогда возницу, что толкал меня,
Ударил я в сердцах. Старик меж тем,
Как только поравнялся я с повозкой,
Меня стрекалом в темя поразил.
С лихвой им отплатил я. В тот же миг
Старик, моей дубиной пораженный,
Упал, свалившись наземь, из повозки.
И всех я умертвил… И если есть
Родство меж ним… и Лаем… О, скажи,
Из смертных кто теперь меня несчастней,
Кто ненавистней в мире для богов?
«Кого ни свой не должен, ни чужой
Приветствовать и принимать, как гостя,
Но вон из дома гнать». И это — я,
Сам на себя обрушивший проклятья!
Я оскверняю ложе мертвеца
Кровавыми руками. Я ль не изверг?
Я ль не безбожник? Убежать бы мог…
Но мне нельзя к родителям вернуться,
В мой край родной: вступить придется там
В брак с матерью и умертвить отца,
Полиба, кем рожден я и воспитан.
Но в том, что сила, выше человека,
Мне посылает все, — сомненья нет!
Нет, грозные и праведные боги,
Да не увижу дня того, да сгину
С лица земли бесследно! Лишь бы только
Таким пятном себя не осквернить!

Хор

И мы, владыка, в страхе. Но надейся,
Пока ты не узнал от очевидца.

Эдип

Одно осталось для надежды мне —
Дождаться, чтоб сюда пришел пастух.

Иокаста

Что принесет тебе его приход?

Эдип

Отвечу. Если будет говорить
Одно с тобой, — я ужаса избег.

Иокаста

Но что же я столь важного сказала?

Эдип

Ведь рассказал он, что царя убили
Разбойники… Так если подтвердит,
Что было много их, — убил не я.
Не может ведь один равняться многим.
А если скажет, что один, то явно
Ложится преступленье на меня…

Иокаста

О нет! Как раз передавал он то же
И слов своих не станет отрицать.
Весь город слышал, а не я одна.
А если и отступится от слова,
Все ж этим не докажет, что правдив
Глас Аполлона, возвестивший, будто
Погибнет Лай от сына моего.
Поистине его не мог убить
Мой бедный сын, — он сам погиб младенцем,
Вот почему сейчас богов глаголу
Не верю я — и не поверю впредь.

Эдип

Да, ты права. Кого-нибудь, однако,
Пошли за пастухом, и поскорей!

Иокаста

Пошлю сейчас же. Но пойдем домой…
Я все исполню, что тебе угодно.

Уходят.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа 1

Дай, Рок, всечасно мне блюсти
Во всем святую чистоту
И слов и дел, согласно мудрым
Законам, свыше порожденным!
Им единый отец — Олимп,
Породил их не смертных род,
И вовеки не сможет в сон
Их повергнуть забвенье.
В них живет всемогущий бог,
Никогда не старея.

Антистрофа 1

Гордыней порожден тиран.
Она, безумно всем пресытясь,
Чужда и пользы и добра.
Вершины счастия достигнув,
В бездну бедствия вдруг падет,
Где нельзя утвердить стопы.
Пусть же бог не убавит в нас
Рвенья, граду потребного.
Да пребудет вовеки бог
Покровителем нашим!

Строфа 2

Если смертный превознесся
На словах или на деле,
Не боится правосудья
И не чтит кумиров божьих, —
Злая участь да постигнет
Спесь злосчастную его!
Коль выгод ищет он неправых,
Не избегает черных дел
И сокровенных тайн касается безумно, —
Ему ль хвалиться, что от жизни
Отвел он божию стрелу?
О, если честь таким деяньям, —
Что нам вступать в священный хор?

Антистрофа 2

Не пойду благоговейно
Я к святой средине мира,
Ни в Олимпию,[92] ни в древний
Храм Абайский,[93] если ныне
Очевидно не исполнится
Вещий голос божества.
Но если вправду ты, могучий,
Над всем владычествуешь, Зевс, —
Да не избегнет злой твоей бессмертной власти!
Увы! Пророчества о Лае
Бессильны стали. Нет нигде
Почета ныне Аполлону.
Бессмертных позабыли мы.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Иокаста

Владыки Фив, подумав, я решила
Отправиться в святилище богов
С куреньями и свежими венками.
Душа Эдипа сильно смущена,
Он в скорбных думах и, теряя разум,
По прошлому не судит о грядущем,
Лишь тем он внемлет, кто пророчит ужас.
Бессильна я его разубедить…
И вот к тебе, о Аполлон Ликейский,
Иду с мольбой и с этими дарами,
Избавь нас от напастей. Он — в смятенье,
И мы трепещем, — так взирают люди
На кормщика, испуганного бурей.

Входит вестник.

Вестник

Могу ль от вас узнать, о чужестранцы,
Где здесь царя Эдипа дом? А лучше
Скажите, где находится он сам.

Хор

Вот дом его; он сам — внутри, о гость.
А вот — царица, мать его детей.

Вестник

---

92 ***…ни в Олимпию…*** *— В Олимпии (Пелопоннес) находился храм Зевса.*
93 ***…ни в древний храм Абайский…*** *— то есть в храм Аполлона в городе Абах (Фокида).*

Будь счастлива всегда и весь твой дом,
Царя благословенная супруга!

Иокаста

Прими в ответ благое пожеланье —
Его ты заслужил своим приветом.
Но с просьбой или с вестью прибыл ты?

Вестник

Обрадую и дом твой и супруга.

Иокаста

Что разумеешь? Кто прислал тебя?

Вестник

Я — из Коринфа. Весть моя, пожалуй,
И радость принесет тебе и скорбь.

Иокаста

Что за слова? В чем их двойная сила?

Вестник

Коринфяне хотят Эдипа сделать
Правителем. Таков их приговор.

Иокаста

Как? Разве власть уж не в руках Полиба?

Вестник

Недавно смерть свела его в могилу,

Иокаста

Что говоришь? Полиб скончался?

Вестник

Если Сказал я ложь, то сам достоин смерти.

Иокаста

Служанка, поскорее в дом беги,
Зови царя… Где вы, богов вещанья?

Боялся царь Эдип его убить —
И прочь бежал; Полиб же сам скончался,
Как рок велел, не от его руки.

Входит Эдип.
Эдип

О милая супруга Иокаста,
Зачем меня ты вызвала из дома?

Иокаста

Его послушай и суди, сбылось ли
Ужасное вещание богов?

Эдип

Кто он такой? Что хочет мне сказать?

Иокаста

Он из Коринфа, с вестью, что Полиб,
Отец твой, умер, — нет его в живых.

Эдип

Что говоришь ты, гость? Скажи мне сам.

Вестник

Коль должен я сказать сперва об этом,
Знай, что стезею мертвых он ушел.

Эдип

Убит он? Или умер от болезни?

Вестник

Чтоб умереть, немного старцу нужно.

Эдип

Так от болезни умер он, несчастный?

Вестник

И оттого, что был преклонных лет.

Эдип

Увы! К чему нам было чтить, жена,

Полеты птиц и жертвенник пифийский,
Провозгласившие, что суждено мне
Отца убить родного? Вот он — мертвый
Лежит в земле, — а я не прикасался
К мечу. Но, может быть, с тоски по сыну
Скончался он, — так я тому виной?
В Аид унес Полиб все прорицанья…
Поистине, они лишь звук пустой!

Иокаста

Тебе об этом мало ль я твердила?

Эдип

Твердила ты — но страх меня смущал.

Иокаста

Отныне страхом не терзай души.

Эдип

Но ложа материнского боюсь.

Иокаста

Чего бояться смертным? Мы во власти
У случая, предвиденья мы чужды.
Жить следует беспечно — кто как может…
И с матерью супружества не бойся:
Во сне нередко видят люди, будто
Спят с матерью; но эти сны — пустое,
Потом опять живется беззаботно.

Эдип

Ты дельно говоришь… Но мать — в живых.
А если мать в живых, то, хоть и дельно
Ты говоришь, меня тревожит страх.

Иокаста

Но гроб отца — тебе успокоенье.

Эдип

О да, но той… живой еще… боюсь.

Вестник

Но кто ж она, которой ты страшишься?

Эдип

Полибова вдова, Меропа, старец.

Вестник

Чем вызван твой великий страх пред нею?

Эдип

Ужасным, большим вещаньем, гость.

Вестник

Дозволено узнать его иль нет?

Эдип

Изволь. Когда-то был от Аполлона
Мне глас, что в брак я с матерью вступлю
И кровь отца пролью своей рукою.
Вот отчего далеко от Коринфа
Живу теперь, — и счастлив здесь. А все ж
Милей всего — родительские очи.

Вестник

Так это страх привел тебя к изгнанью?

Эдип

Еще боялся я отца убить.

Вестник

Тогда тебя избавлю я, владыка,
От страха — я недаром добрый вестник.

Эдип

И по заслугам будешь награжден.

Вестник

Затем я и пришел, чтобы, вернуть
Тебя в Коринф — и получить награду.

Эдип

Не возвращусь вовеки в дом отцовский.

Вестник

Не знаешь, сын, что делаешь, коль ото…

Эдип

Что, старец?.. Говори же, ради бога!

Вестник

…Тебя от дома держит вдалеке.

Эдип

Страшусь, глаголы Феба не сбылись бы…

Вестник

Родителей бежишь? Боишься скверны?

Эдип

Да, это, старец, ото страшно мне.

Вестник

Сказать по правде, страх напрасен твой.

Эдип

Но как же, если я от них родился?

Вестник

Затем, что не в родстве с тобой Полиб.

Эдип

Что ты сказал? Полиб мне — не отец?

Вестник

Такой же он тебе отец, как я.

Эдип

Ты для меня — ничто, а он родитель!

Вестник

Ни он тебя не породил, ни я.

Эдип

Но почему ж меня он сыном звал?

Вестник

Из рук моих тебя он принял в дар.

Эдип

И так любил, из рук приняв чужих?

Вестник

Да, потому что сам он был бездетен.

Эдип

А ты купил меня или нашел?

Вестник

Нашел в лесу, в ущелье Киферона.

Эдип

А почему ты в тех местах бродил?

Вестник

Поставлен был стада пасти в горах.

Эдип

Так ты пастух, батрак наемный был?

Вестник

Я был твоим спасителем, мой сын.

Эдип

Но отчего же я тогда страдал?

Вестник

Свидетели — лодыжки ног твоих.

Эдип

Увы! Что вспоминать о старом горе?

Вестник

Я развязал проколотые ноги.

Эдип

О боги! Кто ж преступник? Мать? Отец?

Вестник

То знает лучше давший мне тебя.

Эдип

Ты получил меня, не сам нашел?

Вестник

Мне передал тебя другой пастух.

Эдип

А кто он был? Сказать, наверно, сможешь?

Вестник

Он, помнится, слугой назвался Лая.

Эдип

Не прежнего ль фиванского царя?

Вестник

Да, у царя служил он пастухом.

Лучник в восточном костюме. Роспись чаши. Конец VI века до н. э. Лондон. Британский музей

Эдип

Он жив еще?.. Увидеть бы его…

Вестник

Вам, местным людям, лучше знать об этом.

Эдип

Из вас кому-нибудь известен, старцы,
Пастух, помянутый сейчас гонцом?
Кто с ним встречался здесь иль на лугах,
Ответьте! Срок настал всему раскрыться.

Хор

Он, думаю, не тот ли поселянин,
Которого увидеть ты желал?..
Но разъяснит всех лучше Иокаста.

Эдип

Жена, гонцом помянутый пастух —

Не тот ли, за которым мы послали?

Иокаста

Не все ль равно? О, полно, не тревожься
И слов пустых не слушай… позабудь…

Эдип

Не может быть, чтоб, нить держа такую,
Я не раскрыл рожденья своего.

Иокаста

Коль жизнь тебе мила, молю богами,
Не спрашивай… Моей довольно муки!

Эдип

Мужайся! Будь я трижды сын рабыни,
От этого не станешь ты незнатной.

Иокаста

Послушайся, молю… О, воздержись!

Эдип

Не убедишь меня. Я все узнаю.

Иокаста

Тебе добра хочу… Совет — благой…

Эдип

Благие мне советы надоели.

Иокаста

Несчастный! О, не узнавай, кто ты!

Эдип

Ступайте, приведите пастуха, —
Пусть знатностью своей одна кичится.

Иокаста

Увы, злосчастный! Только ото слово
Скажу тебе — и замолчу навек.

(Уходит.)
Хор

Куда пошла жена твоя, Эдип,
Гонима лютой скорбью? Я боюсь,
Не разразилось бы молчанье бурей.

Эдип

Пусть чем угодно разразится. Я
Узнать хочу свой род — пусть он ничтожен!
А ей в ее тщеславье женском стыдно,
Наверное, что низко я рожден.
Я — сын Судьбы, дарующей нам благо,
И никакой не страшен мне позор.
Вот кто мне мать! А Месяцы — мне братья:
То вознесен я, то низринут ими.
Таков мой род — и мне не быть иным.
Я должен знать свое происхожденье.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

Строфа

Если даром прорицанья
Мой исполнен вещий дух,
То клянусь Олимпом горним:
Ты услышишь, Киферон,
Как мы завтра в полнолунье
Прославлять тебя начнем,
О Эдипа край родимый —
И отец его и пестун!
Будем водить хороводы,
Ибо издревле угоден
Был ты фиванским царям.
Будь же, о Феб, благосклонен
К нам! Призываем тебя!

Антистрофа

Кем же ты рожден, младенец,
Из живущих долго дев?
Взял ли нимфу гость нагорий
Пан-родитель или Локсий, —
Ибо он от века любит
Пастбищ дикие луга?
Иль, быть может, царь Киллены[94]

94 ***Царь Киллены*** *— Гермес, родиной которого считалась гора Киллеиа в Аркадии.*

Был родителем тебе?
Или, вершин обитатель,
Принял младенца от нимфы
Новорожденного Вакх
На Геликоне,[95] где с нимфами
Бог свои игры ведет?

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Эдип

В лицо не знаю пастуха, однако
Догадываюсь, старцы, — это он,
Которого мы заждались: старик
Глубокий, он в одних годах с гонцом,
А в провожатых узнаю как будто
Моих рабов… Точнее скажешь ты,
Ведь пастуха уже но раз ты видел.

Хор

Да, будь уверен, царь, он мне известен, —
Он был у Лая честным пастухом.
Входит пастух.

Эдип

Сперва тебя спрошу, коринфский гость:
О нем ли говорил ты?

Вестник

Да, о нем.

Эдип

На все вопросы отвечай, старик,
В глаза мне глядя: был рабом ты Лаю?

Пастух

Был, но не купленным, — я рос при доме.

Эдип

Каким существовал ты ремеслом?

Пастух

Я большую часть жизни пас стада.

---

95 ***Геликон*** *— горный хребет в Беотии.*

Эдип

Ну, а в каких местах живал ты чаще?

Пастух

На Кифероне и в его округе.

Эдип

Его ты знаешь? Ты его встречал?

Пастух

Что делал он? О ком ты говоришь?

Эдип

О том, кто пред тобой. Ты с ним встречался?

Пастух

Возможно, только сразу не припомню.

Вестник

В том дива нет, владыка. Но заставлю
Забывшего все в точности припомнить.
Поверь, он помнит, как бродили мы
По Киферону. Он два стада пас,
А я — одно, поблизости, — с весны
До холодов, три полугодья кряду.
Зимой же с гор я стадо угонял
В свой хлев, а он — на Лаев скотный двор.
Все было так, как говорю, иль нет?

Пастух

Все правда… хоть прошло годов немало.

Вестник

Скажи, ты мальчика мне отдал — помнишь, —
Чтоб я его, как сына, воспитал?

Пастух

Так что же? Почему такой вопрос?

Вестник

Вот, милый друг, кто был младенцем этим.

Пастух

О, будь ты проклят! Замолчишь ли ты?

Эдип

Нет, нет, старик, его ты не брани;
Твои слова скорей достойны брани.

Пастух

Но в чем же я повинен, государь?

Эдип

Ты о младенце отвечать не хочешь!

Пастух

Да ничего не знает он; все вздор.

Эдип

Добром не хочешь, — скажешь под бичом.

Пастух

Нет, ради бога, старика не бей!

Эдип

Ему свяжите руки за спиною!

Пастух

Ах, я несчастный! Что же знать ты хочешь?

Эдип

Младенца ты передавал ему?

Пастух

Передавал… Погибнуть бы в тот день!..

Эдип

Что ж, и погибнешь, коль не скажешь правды.

Пастух

Скорей погибну, если я отвечу.

Эдип

Он, как я вижу, хочет увильнуть!

Пастух

Да нет! Сказал я, что отдал когда-то.

Эдип

Где взял его? Он свой был иль чужой?

Пастух

Не свой… Его я принял от другого.

Эдип

А из какого дома? От кого?

Пастух

Не спрашивай ты больше, ради бога!

Эдип

Погибнешь ты, коль повторю вопрос!

Пастух

Узнай же: был он домочадцем Лая.

Эдип

Рабом он был иль родственником царским?

Пастух

Увы, весь ужас высказать придется…

Эдип

А мне — услышать… Все ж я слушать должен.

Пастух

Ребенком Лая почитался он…
Но лучше разъяснит твоя супруга.

Эдип

Так отдала тебе она младенца?

Пастух

Да, царь.

Эдип

Зачем?

Пастух

Велела умертвить.

Эдип

Мать — сына?

Пастух

Злых страшилась предсказаний.

Эдип

Каких?

Пастух

Был глас, что он убьет отца.

Эдип

Но как его отдать посмел ты старцу?

Пастух

Да пожалел: я думал, в край далекий,
На родину снесет его, но он
Для бед великих спас дитя, и если
Ты мальчик тот, знай, ты рожден на горе!

Эдип

Увы мне! Явно все идет к развязке. О свет!
Тебя в последний раз я вижу!
В проклятии рожден я, в браке проклят,
И мною кровь преступно пролита!

(Убегает во дворец.)

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

Строфа 1

Люди, люди! О, смертный род!
Жизнь людская, увы, ничто!
В жизни, счастья достиг ли кто?
Лишь подумает: «Счастлив я!» —
И лишается счастья. Рок твой учит меня,
Эдип, О злосчастный Эдип! Твой рок
Ныне уразумев, скажу:
Нет на свете счастливых.

Антистрофа 1

Метко метил он, счастье взял.
Зевс, он деву когтистую,
Песни темные певшую,
Уничтожил, стране родной
Стал надежной твердыней.
Стал ты зваться с тех пор, Эдип,
Государем у нас. Тебе
Высший был от людей почет
В наших Фивах великих.

Строфа 2

А ныне сыщется ль несчастней кто из смертных?
Томится ль так другой у бед и мук в плену,
Наследовав такую долю?
Увы, прославленный Эдип!
Сын и муж в тебе едином
Благосклонно были приняты
Тихой пристанью единой —
Ложем свадебным твоим.
Злосчастный! Как могла так долго
Отцом засеянная нива
Тебя в безмолвии терпеть?

Антистрофа 2

Теперь всезрящее тебя настигло время
И осудило брак, не должный зваться браком,
В котором долго пребывали
Слияниями отец и сын.
Горе! Лая сын несчастный!
О, когда бы я вовеки

Не видал тебя! Стенаю,
Как над мертвым, над тобою.
Поистине сказать я должен:
Ты одарил нас жизнью новой,
Ты мрак на очи нам навлек.

Входит домочадец.

ЭКСОД

Домочадец

О граждане почтенные страны!
Что предстоит и слышать вам и видеть!
Какое бремя скорби несть вам, если
В вас преданность живет к семье царя!
Нет, не омоют даже Истр и Фасис[96]
Лабдака дом; столь много страшных дел
Таится в нем, и вольных и невольных, —
И новые объявятся!.. Нет горше
По доброй воле понесенных мук.

Хор

Нет тяжелее бед, уже известных…
Но что еще случилось, говори!

Домочадец

Увы, сказать и выслушать недолго:
Божественной не стало Иокасты.

Хор

Злосчастная! Но что тому причиной?

Домочадец

Она сама, увы! — Но ты не можешь
Так горевать, как я: вы не видали,
А у меня все в памяти живет.
Узнайте ж, как несчастная страдала:
Лишь в дом вошла, объята исступленьем,
К постели брачной ринулась она
И волосы обеими руками
Рвала. И, дверь захлопнув, стала звать
Уже давно скончавшегося Лая;
Упоминала первенца, которым
Был муж ее убит; и то, как сыну
Досталась мать для страшных порождений.
Рыдала над своим двубрачным ложем,

96 ***Истр, Фасис*** *— так назывались у греков реки Дунай и Риони.*

Где мужем дан ей муж и сыном — дети.
И вот — погибла, но не знаю как,
Затем что тут Эдип ворвался с воплем,
И я следить за нею перестал.
Я на царя смотрел — как он метался.
Он требовал меча, искал жену,
Которую не мог назвать женою, —
Нет, мать свою и мать его детей!
Вела его в безумье сила свыше,
Совсем не мы — прислужники его.
Вдруг с диким криком, словно вслед кому-то,
Он бросился к двустворчатым дверям
И, выломав засовы, вторгся в спальню.
И видим мы: повесилась царица —
Качается в крученой петле. Он,
Ее увидя вдруг, завыл от горя,
Веревку раскрутил он — и упала
Злосчастная. Потом — ужасно молвить! —
С ее одежды царственной сорвав
Наплечную застежку золотую,
Он стал иглу во впадины глазные
Вонзать, крича, что зреть очам не должно
Ни мук его, ни им свершенных зол, —
Очам, привыкшим видеть лик запретный
И не узнавшим милого лица.
Так мучаясь, не раз, а много раз
Он поражал глазницы, и из глаз
Не каплями на бороду его
Стекала кровь — багрово-черный ливень
Ее сплошным потоком орошал.
Поистине их счастие былое
Завидным было счастьем. А теперь
Стенанье, гибель, смерть, позор — все беды,
Какие есть, в их доме собрались.

Хор

Что с ним теперь?
Пришел в себя несчастный?

Домочадец

Кричит, чтоб дверь открыли и кадмейцам
Отцеубийцу тотчас показали,
Который мать… но уст не оскверню…
Что сам себя изгонит, чтоб проклятья
Он, проклятый, на дом свой не навлек.
Он ослабел, и провожатый нужен
Несчастному. Он страждет свыше сил.
Увидите сейчас… Уже засов
Отодвигают… Зрелище такое
Разжалобить способно и врага.

КОММОС

Хор

О, как смертному страшно страдания зреть!
Никогда я страшнее не видывал мук!
Злополучный! Каким ты безумьем объят?
Что за демон свирепым прыжком наскочил
На твою несчастливую долю?
Я не в силах смотреть на тебя, — а меж тем
Я о многом узнать, расспросить бы хотел! —
Столь ужасный внушаешь мне трепет!

Эдип

Горе! Горе! Увы! О, несчастье мое!
О, куда ж я бедою своей заведен
И куда мой уносится голос?
Ты привел меня, Рок мой, куда?

Хор

В пугающую слух и взоры бездну.

Эдип

Строфа 1

О, туча мрака!.. Я ужасом объят невыразимым,
Несет меня необоримый вихрь!
О, горе мне!
О, горе мне, о, горе! Как вонзился
В меня клинок! Как память бед язвит!

Хор

Не диво, что вдвойне в таких страданьях
Скорбишь и о беде кричишь двойной…

Эдип

Антистрофа 1

Увы! Мой друг!
Один ты мне слуга остался верный, —
Заботишься ты обо мне — слепце.
Увы! Увы!
Ты от меня не скрыт, хоть я во мраке,
Но явственно твой голос различаю.

Хор

О страшное свершивший! Как дерзнул
Ты очи погасить? Внушили боги?

Эдип

Строфа 2

Аполлоново веленье,
Аполлон решил, родные!
Завершил мои он беды!
Глаз никто не поражал мне, —
Сам глаза я поразил. Горе, горе…
На что мне и очи теперь,
Коль ничто усладить их не может?

Хор

Свершилось все, как ты предрек.

Эдип

На что смотреть мне ныне?
Кого любить?
Кого дарить приветствием?
Слушать кого с умилением?
Прочь поскорее отсюда
Вы уведите меня,
Скройте постыдную скверну!
Я трижды проклят меж людей.
Бессмертным
Всех ненавистней я!

Хор

Ты, чья судьба и дух равно печальны,
Тебя мне лучше вовсе б не встречать!

Эдип

Антистрофа 2

Пропади на веки вечные,
Кто с моих ступней младенческих
Снял ремней тугие путы
И меня от мук избавил,
Не на радость мне, увы!
А умри я тогда, ни родные, ни я
Не узнали б столь горького горя!

Хор

Так лучше было бы, ты прав.

Эдип

Сюда я не пришел бы
Убить отца,
Не стал бы мужем матери,
Ныне богами отвергнутый,
Я, порожденье преступницы
Ложе ее унаследовал — То, что меня породило.
О, если в мире есть беда всем бедам,
Ее вкусил Эдип!..

Хор

Хвалить ли мне поступок твой — не знаю…
Но лучше не родиться, чем ослепнуть…

Эдип

Мне не тверди о том, что я избрал
Не наилучший выход. Брось советы.
Сойдя в Аид, какими бы глазами
Я стал смотреть родителю в лицо
Иль матери несчастной? Я пред ними
Столь виноват, что мне и петли мало!
Иль, может быть, мне видеть было б сладко
Моих детей, увы, рожденных ею?
Нет, вида их не вынес бы мой взор…
А город наш, твердыни, изваянья
Священные богов, которых я
Себя лишил — несчастный! Я — первейший
Из граждан здесь.
Сам приказал я гнать
Безбожника, в ком божий глас укажет
Преступного скверпителя страны!..
С таким пятном как мог бы я теперь
Смотреть спокойным взором на сограждан?
Нет, никогда! О, если б был я в силах
Источник слуха преградить, из плоти
Своей несчастной сделал бы тюрьму,
Чтоб быть слепым и ничего не слышать…
Жить, бед не сознавая, — вот что сладко.
О Киферон! Зачем меня ты принял,
Зачем, приняв, тотчас же не сгубил,
Чтобы мое рожденье не открылось?
Полиб, Коринф, о кров родного дома!
Как был я — ваш питомец — чист наружно
И сколько зол в душе своей взрастил!
О три дороги, тесное ущелье,
Вы кровь мою горячую испили, —

Ее я пролил собственной рукой, —
Вы помните ль, что я тогда свершил?
Что после совершал?.. О брак двойной!
Меня ты породил и, породив,
Воспринял то же семя; от него же
Пошли сыны и братья, — кровь одна! —
Невесты, жены, матери… Позорней
События не видела земля…
Но речь вести не должно о постыдном…
Богами заклинаю: о, скорей
Меня подальше скройте, иль убейте,
Иль в море бросьте прочь от глаз людских!
Приблизьтесь, умоляю, прикоснитесь
К несчастному. Не бойтесь: мой недуг
Ни для кого из смертных не опасен.

Хор

Но вот идет к нам вовремя Креонт, —
Исполнит просьбы и подаст совет:
Остался он один блюсти столицу.

Эдип

Увы! Как речь к нему я обращу?
Как от него доверья ждать и правды,
Когда я с ним был так несправедлив?

Входит Креонт.
Креонт

Не насмехаться я пришел, Эдип,
Не за обиду укорять былую.
Но если нет стыда перед людьми,
Хоть Солнце, всем дарующее жизнь,
Почтить нам надо… Можно ль показать
Подобный срам?.. Его земля не примет,
Ни дождь священный, ни небесный свет.
Скорее в дом Эдипа отведите, —
Затем что горе родственников близких
Внимать и видеть должно лишь родным.

Эдип

Молю тебя, раз ты мой страх рассеял,
Мне — гнусному явившись столь прекрасным,
Послушай… о тебе забочусь я.

Креонт

Какой услуги просишь так упорно?

Эдип

О, изгони меня скорей — туда,
Где б не слыхал людского я привета.

Креонт

Так я и поступил бы, только раньше
Хочу спросить у бога, что нам делать.

Эдип

Но ясно бог вещал: карать меня —
Отцеубийцу, нечестивца — смертью.

Креонт

Да, был таков глагол, но все же лучше
Узнать при затруднении, как быть.

Эдип

О столь несчастном спрашивать бессмертных?

Креонт

А ты теперь готов поверить богу?..

Эдип

Тебе я поручаю и молю:
Той… что в дому… устроишь погребенье,
Как знаешь сам, — то родственный твой долг.
Мне град родной да не окажет чести,
В нем жить дозволив до скончанья дней.
Уйти мне разреши на Киферон мой,
Который мне — живому — мать с отцом
Законною назначили могилой.
Пусть там умру, — они того желали.
Но знаю, не убьет меня недуг,
Никто не умертвит. Я был спасен,
Чтоб ряд ужасных новых бед изведать.
И пусть судьба идет своим путем.
О старших детях, сыновьях, моих,
Ты не заботься: выросли они,
Не будет недостатка им ни в чем.
Но о моих несчастных, бедных дочках,
Которым никогда прибор к обеду
Не ставился отдельно от отца,
С которыми делил кусок я каждый, —
О них заботься… А теперь дозволь
К ним прикоснуться, выплакать все горе.

Дозволь, о царь!..
Дозволь, о благородный! Тронув их,
Подумаю, что снова их я вижу.
Что говорю?
О боги! Разве я не слышу? Вот…
Мои родные, милые… Креонт
Ко мне их вывел… дорогих моих…
Так? Верно ли?..

Креонт

Так. С ними быть тебе я предоставил;
Я знал, как ты отрады: этой ждешь.

Эдип

О, будь благословен! Да бережет
Тебя на всех дорогах демон, лучший,
Чем мой! О дети, где вы? Подойдите…
Так… Троньте руки… брата, — он виною,
Что видите блиставшие когда-то
Глаза его… такими… лик отца,
Который, и не видя и не зная,
Вас породил… от матери своей.
Я вас не вижу… но о вас я плачу,
Себе представив горьких дней остаток,
Который вам придется жить с людьми.
С кем из сограждан вам сидеть в собраньях?
Где празднества, с которых вы домой
Вернулись бы с весельем, а не с плачем?
Когда же вы войдете в брачный возраст,
О, кто в ту пору согласится, дочки,
Принять позор, которым я отметил
И вас, и вам сужденное потомство?
Каких еще недостает вам бед?
Отец убил отца; он мать любил,
Родившую его, и от нее
Вас породил, сам ею же зачатый…
Так будут вас порочить… Кто же вас
Присватает? Такого не найдется.
Безбрачными увянете, сироты.
Сын Менекея! Ты один теперь
Для них отец. И я и мать, мы оба
Погибли. Их не допусти скитаться —
Безмужних, нищих и лишенных крова,
Не дай им стать несчастными, как я,
Их пожалей, — так молоды они! —
Один ты им опора. Дай же клятву,
О благородный, и рукой коснись!..
А вам, о дети, — будь умом вы зрелы,
Советов дал бы много… Вам желаю
Жить, как судьба позволит… но чтоб участь

Досталась вам счастливей, чем отцу.

Хор

О сограждане фиванцы! Вот пример для вас: Эдип,
И загадок разрешитель, и могущественный царь,
Тот, на чей удел, бывало, всякий с завистью глядел,
Он низвергнут в море бедствий, в бездну страшную упал!
Значит, смертным надо помнить о последнем нашем дне,
И назвать счастливым можно, очевидно, лишь того,
Кто достиг предела жизни, в ней несчастий не познав.

АНТИГОНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антигона.
Исмена.
Креонт.
Страж.
Гемон.
Тиресий.
Эвридика.
Вестник.
Вестник 2-й.
Хор фиванских старейшин.

ПРОЛОГ

Антигона

Сестра моя любимая, Исмена,
Не знаешь разве, Зевс до смерти нас
Обрек терпеть Эдиповы страданья.
Ведь нет такого горя иль напасти,
Позора иль бесчестия, каких
С тобой мы в нашей жизни не видали.
А нынче в городе о чем толкуют?
Какой указ царем Креонтом дан?
Ты что-нибудь слыхала? Или ты
Не знаешь о беде, грозящей брату?

Исмена

Нет, Антигона, никаких я слов,
Ни радостных, ни горьких, не слыхала
С тех пор, как пали оба наши брата,
Друг друга в поединке поразив.
Лишь знаю, что ушло аргивян войско
Сегодняшнею ночью, — вот и все.

Не лучше мне от этого, не хуже.

Антигона

Я знала, потому из врат дворцовых
И вызвала — сказать наедине.

Исмена

В чем дело? Вижу, весть твоя мрачна.

Антигона

Чтит погребеньем одного из братьев
Креонт, а у другого отнял честь.
Он Этеокла в землю по обряду
Сокрыл, и тот Аида стал достоин.
Злосчастного же тело Полиника
Он всем через глашатая велит
Не погребать и не рыдать над ним,
Чтоб, не оплакан и земле не предан,
Он сладкой стал добычей хищным птицам.
Как слышно, сам Креонт по доброте
Тебе и мне — да, мне! — о том объявит.
Сюда идет он возвестить приказ
Не знающим, его, считая дело
Немаловажным, — и ослушник будет
Побит камнями перед всем народом.
Теперь ты знаешь и покажешь скоро,
Ты благородна иль низка душой.

Исмена

О, бедная сестра! Но что мне делать?
Могу ли я помочь иль помешать?

Антигона

Поможешь ли ты мне? Со мной ли будешь?

Исмена

В каком же деле? Что ты замышляешь?

Антигона

Ты мертвого поднимешь ли со мною?

Исмена

Похоронить? Но это под запретом…

Антигона

И за себя и за тебя для брата
Все сделаю, ему останусь верной.

Исмена

О, дерзкая! Креопту вопреки?

Антигона

Он у меня не волен взять мое.

Исмена

Увы, сестра, подумай: наш отец
Погиб, отвержен, презираем всеми,
Свои разоблачивши преступленья
И очи вырвав сам, своей рукой,
И мать-жена — два имени единой! —
С позором в петле кончила свой век.
И оба наших брата злополучных,
Кровь братскую пролив своей рукой,
Друг друга одновременно убили.
Теперь — подумай — как, одни оставшись,
Погибнем бедственно и мы с тобой,
Закон нарушив и царя веленье?
Мы женщинами рождены, и нам
С мужчинами не спорить, — помни это.
Над нами сильный властвует всегда,
Во всем — и в худшем — мы ему покорны.
И потому Подземных умоляю[97]
Я, подневольная, о снисхожденье.
Я буду подчиняться тем, кто властен:
Нет смысла совершать, что выше сил.

Антигона

Просить не стану: мне твое участье
Не надобно, хотя б ты и желала.
Что хочешь делай — схороню его.
Мне сладко умереть, исполнив долг.
Мила ему, я лягу рядом с милым,
Безвинно согрешив. Ведь мне придется
Служить умершим дольше, чем живым.
Останусь там навек. А ты, коль хочешь,
Не чти законов, чтимых и богами.

Исмена

Всегда бессмертных чтила я, но все же

---

97 ***…Подземных умоляю…*** *— то есть богов подземного царства, преисподней.*

Я против воли граждан не пойду.

Антигона

Что ж, и не надо: я пойду одна
Земли насыпать над любимым братом.

Исмена

Как за тебя, несчастную, мне страшно!

Антигона

Не бойся! За свою судьбу страшись.

Исмена

Но только никому не говори,
Держи все в тайне, — промолчу и я.

Антигона

Нет, доноси! Мне станешь ненавистней,
Коль умолчишь, чем если скажешь всем.

Исмена

Ты сердцем горяча к делам ужасным.

Антигона

Служу я тем, кому служить должна.

Исмена

О, если б так! Ты хочешь, да не можешь.

Антигона

Без сил паду, но все же сделав дело.

Исмена

За безнадежное не стоит браться.

Антигона

Ты ненавистна мне с такою речью,
И мертвому ты станешь ненавистной.
Оставь меня одну с моим безумством
Снести тот ужас: он не так ужасен,
Как смертью недостойной умереть.

Исмена

Ну что ж, безумная, иди, коль хочешь,
Но близким, как и раньше, ты близка.

Уходят.

ПАРОД

Хор

Строфа 1

Солнца луч, никогда еще
Светом ты не дарил таким
Семивратные Фивы!
Лик ты нам наконец явил,
Око родного дня, взойдя
Над потоком Диркейским.[98]
Воин Аргоса, тот, что к нам,
Весь закован в броню, пришел
Со щитом своим белым,
Быстрым бегом назад бежит,
Пораженный тобою.
Он на нашу страну для раздора пошел,
Приведен Полиником, и, словно орел,
Он с пронзительным криком над ней пролетел,
Белоснежными скрытый крылами, и был
Он толпой окружен меченосных бойцов,
В шлемах, конскою гривой венчанных.

Антистрофа 1

Он у наших домов стоял;
Грабил все у семи ворот
С пикой, жаждущей крови,
Но назад он ушел, не смог
Ни голодную пасть свою
Напитать нашей кровью,
Ни Гефеста огню предать
Наших башен венцы. Такой
Шум был поднят Ареем!
Столь тяжелой была борьба
С необорным драконом,
Ибо Зевс хвастунов громогласный язык
Ненавидит извечно и, их увидав,
Как широким потоком подходят они,

98 ***…над потоком Диркейским.*** *— Диркс — река в Фивах… словно орел… — Орел считался заклятым врагом дракона, а фивавцы возводили свой род к поколению людей, выросшему из посеянных Кадмом драконьих зубов. Поэтому сравнение с орлом символично.*

Златом в поле гремя, за кичливую спесь
Мечет молнию в них, — а мечтали они
С наших стен возгласить о победе.

Строфа 2

На землю гулко упал,
Факел сжимая в руке,
Тот, кто недавно, на нас
В гневе своем ополчась,
Вакхом исполнен, безумствовал здесь,
Злобой, как ветром, влекомый.
Но, обманув надежды его,
Был многомилостив к нам Арей, — [99]
Иначе бранный бог порешил.
Беды сея на темя врагов,
Он прочь отогнал их.
Здесь, к семи подступивши фиванским вратам,
Стали семь полководцев противу семи.
Перед Зевсом, вершителем сечи,
Бой окончив, сложили доспехи свои.
Лишь двоим приказала судьба,
Беспощадною пикой друг друга пронзив,
Обоюдную встретить кончину.

Антистрофа 2

К нам наконец низошла
С именем громким Победа,
Светлой улыбкой приветствуя
Град беговых колесниц.
Так предадим же забвенью теперь
Ужас промчавшейся брани!
В храмы бессмертных богов пойдем.
Пусть ликованье гремит всю ночь
Пенья и плясок священных! Пусть
Топчет землю фиванскую Вакх
И нами предводит.
Но смотрите, вон сын Менекеев, Креонт,
Приближается, нашей страны государь,
Новый царь наш по воле богов,
О, какие решенья приносит он нам?
Всем он ныне собраться велел
Чрез глашатая, всех он собрал на совет
Семивратного града, старейшин.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

---

99 ***Арей*** *— он же Арес — бог войны.*

Креонт

О граждане! Богами после бури
Корабль наш в пристань тихую введен.
Я вестников послал, чтоб поименно
Сюда созвать вас
Знаю, как вы Лая
Державную прилежно чтили власть;
Я помню, что когда Эдип, царивший
Здесь, в городе, погиб, — с его детьми
Вы сердцем пребывали неизменно.
Но так как смертию двойной они
В один погибли день, сразив друг друга,
Братоубийством руки осквернив, —
Теперь я власть державную приемлю,
Погибшим самый близкий по родству.
Но трудно душу человека знать,
Намеренья и мысли, коль себя
В законах он и власти не покажет.
Что до меня, мне и теперь и прежде
Тот из царей казался наихудшим,
Кто и советам добрым не внимает,
И уст не размыкает, страхом скован,
А тот, кто друга больше, чем отчизну,
Чтит, — я такого ни во что не ставлю.
Я сам — о, пусть всезрящий знает Зевс! —
Молчать не стану, видя, что опасность
Фиванцев ждет, что им грозит погибель.
Я не возьму вовек врага отчизны
Себе в друзья: я знаю, что она —
Всем: нам прибежище и что друзей
Найдем, плывя одной дорогой с нею.
Таким заветом возвеличу город.
Теперь же всем я должен возвестить
О тех двух братьях, о сынах Эдипа:
Я Этеокла, что в бою за город
Пал, все копьем своим преодолев,
Велел предать земле и совершить
Над ним обряд, достойный благородных.
О брате ж Этеокла, Полинике,
Который край свой и богов отчизны,
Вернувшись из изгнанья, сжечь хотел
Дотла и братскою упиться кровью
И граждан всех рабами увести, —
О нем мы возвещаем всем: его
Не хоронить, и не рыдать над ним,
И хищным птицам там, без погребенья,
И псам его оставить в знак позора.
Так я решил — и никогда злодей
Почтен не будет мной как справедливый.
Но тот, кто будет граду вечно предан,
Живой иль мертвый — будет мной почтен.

Хор

Ты в этом волен, Менекея сын,
Кто граду друг, кто недруг — ты решаешь.
Закон, какой угодно, применять
Ты можешь и к умершим и живущим.

Креонт

Так будьте же вы стражами закона.

Хор

Кто помоложе, пусть и труд несет.

Креонт

У тела сторожа уже стоят.

Хор

Но что еще ты хочешь приказать?

Креонт

Бороться с нарушителем закона.

Хор

Безумных нет, кому же смерть мила?

Креонт

Да, наказанье — смерть. Но все ж корысть
Людей прельщает и ведет на гибель.

Входит страж.

Страж

Царь, не спешил сюда я в быстром беге,
Не чуя ног, не запыхался я.
Нет, медлил на пути не раз в раздумье
И мыслил — не вернуться ль мне назад.
Мой разум долго говорил со мною:
«Несчастный, что спешишь ты к наказанью?..
Безумец! Медлишь ты? Когда ж Креонту
Другой доставит весть, ты будешь плакать».
В раздумье этом медленно я брел,
А так и краткий путь нам станет долгим.
Но наконец решил прийти к тебе
И весть хоть и плохую, а поведать;

Я прихожу к тебе с одной надеждой:
Страдать за то лишь, в чем я виноват.

Креонт

Но в чем же дело? Перед чем робеешь?

Страж

Сперва я о себе скажу: в том деле
Я не замешан, делавших не видел, —
Несправедливо в нем меня винить.

Креонт

Твой зорок глаз, ты на увертки ловок,
И ясно: важное ты скажешь нам.

Страж

Дурная весть замкнула мне уста.

Креонт

Ну, говори и, кончив, убирайся.

Страж

Сейчас скажу: недавно тело кто-то
Похоронил и после сам ушел,
Сухой посыпав пылью по обряду.

Креонт

Что ты сказал? Из граждан кто дерзнул?

Страж

Не знаю: ни следов от топора,
Ни куч земли нет от мотыги; всюду
Земля суха, без трещин, без борозд
От колеса: все чисто совершили.
Лишь страж дневной на это указал,
В тяжелое мы впали изумленье;
Не виден труп, хоть не зарыт: от скверны
Покрыт он только тонким слоем праха.
Следа ни хищный зверь, ни пес бродячий,
Труп растерзавший, не оставил там;
Речь бранная меж нами закипела:
Страж стража уличал; дойди до драки
У нас — никто б тогда не помешал:
Ведь все и каждый были в том виновны.

Никто не признавался, отпирались
Все: раскаленное железо в руки
Готовы были брать, в огонь пойти,
Богами клясться, что об этом деле
Не знали мы, что не были причастны.
В конце же, после поисков напрасных,
Один сказал, — и в ужасе мы все
Главой к земле поникли, и никто
Ни возразить не смог, ни дать совет,
Как лучше действовать. «Царю, — сказал он, —
Открыть все надо, а скрывать нельзя».
То мненье взяло верх, и, бесталанный,
На эту долю я судьбою послан.
Явился я незваным, не охотой:
Но мил гонец с известием плохим.

Хор

Царь, мне давно такая мысль пришла:
Не боги ли то дело совершили?

Креонт

Молчи, чтоб я не загорелся гневом,
А ты безумным не прослыл под старость!
Слова твои несносны — будто боги
Имеют попечение о мертвом;
Как благодетеля того покрыть,
Кто шел сюда затем, чтоб выжечь храмы,
Столпами обнесенные, казну их,
И область, и законы разорить!
Иль злые люди почтены богами?
Не быть тому! Но на приказ мой в Фивах
Ворчат, им тяготятся, головой
Тайком качают: под ярмом, как должно,
Не держат выи, мною недовольны.
Что ими эти стражи склонены
За плату, превосходно знаю я;
Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая: их к делам безбожным.
Но кто на это дело был подкуплен,
В свой день получит должное возмездье.
И если мною почитаем Зевс, —
А это знаешь, — я при всех клянусь,
Что, если в погребении повинный
Не будет мне пред очи приведен,
Вам смерти будет мало, вас живыми

Подвешу я, чтоб наглость ту раскрыть,
Так вы узнаете, где добывать
Себе барыга, и скоро вы поймете,
Что и барыш не всякий нам на пользу,
Что не добром полученные деньги
Скорее к злу ведут нас, чем к добру.

Страж

Велишь сказать? Иль так уйти прикажешь?

Креонт

Ты знаешь ли, как речь твоя противна?

Страж

Душе она противна иль ушам?

Креонт

Зачем искать, где мой гнездится гнев?

Страж

Душе виновник мерзок, я — ушам.

Креонт

А, вижу я: ты болтуном родился.

Страж

Пусть так; но я не совершил проступка.

Креонт

Нет, совершил и жизнь за деньги продал.

Страж

Увы!
Как плохо, коль судья неправо судит.

Креонт

Оставь судью в покое. Если вы
Виновников сюда не приведете,
Пожмете вы, что прибыль эта — зло.

Страж

Уж лучше б отыскался… Только случай
Решит, он попадется или нет.
Нет, здесь меня ты больше не увидишь.
Теперь я спасся, вопреки всему,
И должен возблагодарить бессмертных.

Уходят.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа 1

Много есть чудес на свете,
Человек — их всех чудесней.
Он зимою через море
Правит путь под бурным ветром
И плывет, переправляясь
По ревущим вкруг волнам.
Землю, древнюю богиню,
Что в веках неутомима,
Год за годом мучит он
И с конем своим на поле
Всюду борозды ведет.

После праздника. Роспись чаши. V век до н. э. Вюрцбург. Музей Мартина фон Вагнера

Антистрофа 1

Муж, на выдумки богатый,
Из веревок вьет он сети
И, сплетя, добычу ловит:
Птиц он ловит неразумных,
Рыб морских во влажной бездне,
И стада в лесу дремучем,
И зверей в дубравах темных,
И коней с косматой гривой
Укрощает он, и горных
Он быков неутомимых
Под свое ведет ярмо.

Строфа 2

Мысли его — они ветра быстрее;
Речи своей научился он сам;
Грады он строит и стрел избегает,
Острых морозов и шумных дождей;
Все он умеет; от всякой напасти
Верное средство себе он нашел.
Знает лекарства он против болезней,
Но лишь почует он близость Аида,
Как понапрасну на помощь зовет.

Антистрофа 2

Хитрость его и во сне не приснится;
Ото искусство толкает его
То ко благим, то к позорным деяньям.
Если почтит он законы страны,
Если в суде его будут решенья
Правыми, как он богами клялся, —
Неколебим его город; но если
Путь его гнусен — ни в сердце мое,
Ни к очагу он допущен не будет…
То бессмертных ли знак?
Я с сомненьем борюсь,
Я ее узнаю — как могу я сказать,
Что она — не дитя Антигона?
Злополучная ты!
О Эдипа, отца злополучного, дочь!
Что случилось с тобой? Иль преступница ты?
Преступила ль царевы законы
И, в безумье то дело свершила?

Входит страж с Антигоной.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Страж

Вот сделавшая дело. Мы схватили
Ее за погребеньем. Где ж Креонт?

Хор

Он кстати вновь выходит из дворца,

Креонт

В чем дело? Почему я вышел кстати?

Страж

Царь! Человек ни в чем не должен клясться:
Окажется потом, что он солгал.
Я говорил, что не вернусь сюда,
Так был убит угрозами твоими,
Однако радость, коль не ждешь ее,
Бывает выше всяких удовольствий, —
И вот я снова здесь, хотя и клялся,
Веду ее: схватили мы девицу,
Когда умершего обрядом чтила.
Тут жребия метать уж не пришлось:
Моя находка, не кого другого!
Теперь, как хочешь, царь, ее суди;
Что ж до меня, я от забот свободен.

Креонт

Но где ее схватил ты и когда?

Страж

Она похоронила прах, — сам знаешь.

Креонт

Ты здрав умом и подтвердить готов?

Страж

Я видел сам, как тело хоронила,
Запрет нарушив, — ясно говорю!

Креонт

Как вы ее застигли? Как схватили?

Страж

Так было дело. Страшные угрозы
Твои услышав, мы пошли на место,
С покойника смахнули пепел, — тело,
Наполовину сгнившее, открыли,
А сами сели на пригорке, так,
Чтоб с ветром к нам не доносилось смрада.
Друг друга подбодряли, если ж это
Был нерадив, того бранили крепко.
Так время шло, пока на небесах
Не встало солнце диском лучезарным
И зной не запылал. Но тут внезапно
Поднялся вихрь — небесная напасть,
Застлал от взоров поле, оборвал,
Листву лесов равнинных; воздух пылью
Наполнился. Зажмурясь, переносим
Мы гнев богов… Когда же наконец
Все стихло, видим: девушка подходит
И стонет громко злополучной птицей,
Нашедшею пустым свое гнездо.
Лишь увидала тело обнаженным,
Завыла вдруг и громко стала клясть
Виновников. И вот, песку сухого
В пригоршнях принеся, подняв высоко
Свой медный, крепко скованный сосуд,
Чтит мертвого трикратным возлияньем.
Мы бросились и девушку схватили.
Она не оробела. Уличаем
Ее в былых и новых преступленьях, —
Стоит, не отрицает ничего.
И было мне и сладостно и горько;
Отрадно самому беды избегнуть,
Но горестно друзей ввергать в беду.
А все ж не так ее несчастье к сердцу
Я принимаю, как свое спасенье.

Креонт

Ты, головой поникшая, ответь:
Так было дело или отрицаешь?

Антигона

Не отрицаю, дело было так.

Креонт

От обвиненья ты свободен. Можешь
На все четыре стороны идти.
А ты мне отвечай, но не пространно,

Без лишних слов, — ты знала мой приказ?

Антигона

Да… Как не знать? Он оглашен был всюду.

Креонт

И все ж его ты преступить дерзнула?

Антигона

Не Зевс его мне объявил, не Правда,
Живущая с подземными богами
И людям предписавшая законы.
Не знала я, что твой приказ всесилен
И что посмеет человек нарушить
Закон богов, не писаный, но прочный.
Ведь не вчера был создан тот закон, —
Когда явился он, никто не знает.
И, устрашившись гнева человека,
Потом ответ держать перед богами
Я не хотела. Знала, что умру
И без приказа твоего, не так ли?
До срока умереть сочту я благом.
Тому, чья жизнь проходит в вечном горе,
Не прибыльна ли смерть? Нет, эта участь
Печали мне, поверь, не принесет.
Но если сына матери моей
Оставила бы я непогребенным,
То это было бы прискорбней смерти;
О смерти же моей я не печалюсь.
Коль я глупа, по-твоему, — пожалуй,
Я в глупости глупцом обвинена.

Хор

Суровый нрав сурового отца
Я вижу в дочери: ей зло не страшно.

Креонт

Но помни: слишком непреклонный нрав
Скорей, всего сдается. Самый крепкий,
Каленный на огне булат скорее
Бывает переломлен иль разбит.
Я знаю: самых бешеных коней
Уздой смиряют малой. О себе
Не должен много мнить живущий в рабстве.
Она уж тем строптивость показала,
Что дерзостно нарушила закон.
Вторая ж дерзость — первую свершив,

Смеяться мне в лицо и ею хвастать.
Она была б мужчиной, а не я,
Когда б сошло ей даром своеволье.
Будь дочерью она сестры моей,
Будь всех роднее мне, кто Зевса чтит
В моем дому, — не избежит она
Злой участи, как и ее сестра.
Виновны обе в дерзком погребенье.
Зовите ту! Она — я видел — в доме
Беснуется, совсем ума лишилась.
Когда еще во тьме таится дело,
Своей душой преступник уличен.
Я ненавижу тех, кто — уличенный —
Прикрашивает сделанное зло.

Антигона

Казни меня, — иль большего ты хочешь?

Креонт

Нет, не хочу, вполне доволен буду.

Антигона

Чего ж ты медлишь? Мне твои слова
Не по душе и по душе не будут.
Тебе ж противны действия мои.
Но есть ли для меня превыше слава,
Чем погребенье брата своего?
И все они одобрили б меня,
Когда б им страх не сковывал уста.
Одно из преимуществ у царя —
И говорить и действовать как хочет.

Креонт

Из граждан всех одна ты мыслишь так.

Антигона

Со мной и старцы, да сказать не смеют.

Креонт

Тебе не стыдно думать с ними розно?

Антигона

Чтить кровных братьев — в этом нет стыда.

Креонт

А тот, убитый им, тебе не брат?

Антигона

Брат — общие у нас отец и мать.

Креонт

За что ж его ты чтишь непочитаньем?

Антигона

Не подтвердит умерший этих слов.

Креонт

Ты больше почитаешь нечестивца?

Антигона

Но он — мой брат, не раб какой-нибудь.

Креонт

Опустошитель Фив… А тот — защитник!

Антигона

Один закон Аида для обоих.

Креонт

Честь разная для добрых и для злых.

Антигона

Но благочестье ль это в царстве мертвых?

Креонт

Не станет другом враг и после смерти.

Антигона

Я рождена любить, не ненавидеть.

Креонт

Люби, коль хочешь, отправляясь к мертвым,
Не дам я женщине собою править.

Хор

Вот из двери выходит Исмена,
Горько плачет она о сестре.
Ее розовый лик искажен
Над бровями нависшею тучей.

Креонт

Ты, вползшая ехидною в мой дом,
Сосала кровь мою… Не видел я,
Что две чумы питал себе на гибель!
Участвовала ты в том погребенье
Иль поклянешься, что и знать не знала?

Исмена

Я виновата, коль сестра признает,
И за вину ответ нести готова.

Антигона

Нет, это было бы несправедливо:
Ты не хотела, — я тебя отвергла.

Исмена

Но ты, сестра, страдаешь; я готова
С тобой страданий море переплыть.

Антигона

Всю правду знают боги в преисподней,
Но мне не мил, кто любит на словах.

Исмена

Ты мне, родная, в чести не откажешь,
С тобой погибнув, мертвого почтить.

Антигона

Ты не умрешь со мной, ты ни при чем,
Одна умру — и этого довольно.

Исмена

Но как мне жить, когда тебя лишусь?

Антигона

Спроси царя: ему ты угождаешь.

Исмена

Зачем меня терзаешь ты насмешкой?

Антигона

Коль насмехаюсь, в муках я смеюсь.

Исмена

Чем я теперь могла б тебе помочь?

Антигона

Спасай себя — завидовать не стану.

Исмена

Увы! Ужель нужда твоей я доле?

Антигона

Но ты предпочитаешь жизнь, я — смерть.

Исмена

Я не молчала, высказала все.

Антигона

Мы почитали разное разумным.

Исмена

Но у обеих равная вина.

Антигона

О, будь смелее! Ты живешь, а я
Давно мертва и послужу умершим.

Креонт

Одна из них сейчас сошла с ума,
Другая же безумна, от рожденья.

Исмена

О государь, и умный человек
В несчастии теряет свой рассудок.

Креонт

Ты, например, коль зло творишь со злыми.

Исмена

Как одинокой жить мне без нее?

Креонт

Что значит «без нее»? Уж нет ее!

Исмена

Ужели ты казнишь невесту сына?

Креонт

Для сева земли всякие пригодны.

Исмена

Но не найдешь нигде любви подобной.

Креонт

Я не хочу для сына злой жены.

Антигона

О милый Гемон, как унижен ты!

Креонт

Постыла мне и ты, и этот брак.

Хор

Ужель ее отнимешь ты у сына?

Креонт

Конец положит браку их Аид.

Хор

Так, значит, смерть ее предрешена?

Креонт

Ты понял мысль мою. А вы, не медля,
Ведите, слуги, их обеих в дом,

Пусть там сидят по-женски, под запором.
И храбрецы пытаются бежать,
Когда Аид к их жизни подступает.

Стража уводит Антигону и Исмену.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа 1

Блаженны между смертных те,
Чья жизнь не знала зол.
Но тем, которых потрясен
По воле божьей дом,
Не избежать сужденных бед,
Пока не сгинет род.
Так морские несутся валы
Под неистовым ветром фракийским
И из мрака пучины, со дна
Подымают крутящийся бурно
Черный песок,
И грохочут прибрежные скалы
Под ударами волн.

Антистрофа 1

Я вижу: на Лабдаков дом[100]
Беда вослед беде
Издревле рушится. Живых
Страданья мертвых ждут.
Их вечно губит некий бог —
Им избавленья нет.
Вот и ныне: лишь свет озарил
Юный отпрыск Эдипова дома,
Вновь его поспешает скосить
Серп подземных богов беспощадный.
Губит его — И неистовой речи безумье,
И заблудшийся дух.

Строфа 2

О Зевс! Твою ли сломит силу
Высокомерье человека? Ни
Сон ее не одолеет,
Все уловляющий в тенета,
Ни божьих месяцев чреда.
Ты — властитель всемогущий,

100 ***Лабдаков дом.*** *— Лабдак — отец Лая, дед Эдипа.*

Ты вовек не ведал старости,
Для тебя обитель вечная
Твой сияющий Олимп.
И в минувшем и в грядущем
Лишь один закон всесилен:
Не проходит безмятежно
Человеческая жизнь.

Антистрофа 2

Для многих странница-надежда —
Залог блаженства, но для многих
Она — пустое обольщенье,
Людских безудержных желаний
Неисполнимая мечта. Под конец разочарован
Живший в длительном неведенье:
Час придет — и он о пламень
Обожжет себе стопы.
Мудрый молвит: тех, кто злое
Принимать привык за благо,
Приведут к злодейству боги,
Горе ждет их каждый час.
Вот к нам Гемон идет, из твоих сыновей
Самый юный. Его не торопит ли скорбь,
Не горюет ли он
О судьбе Антигоны, невесты своей,
И о брачном утраченном ложе?

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Креонт

Сейчас узнаем лучше колдунов.
Мой сын, наш приговор твоей невесте
В тебе не вызвал гнева на отца?
Тебе всегда останемся мы милы?

Гемон

Отец, я — твой. Твои благие мысли
Меня ведут — я ж следую за ними.
Любого брака мне желанней ты,
Руководящий мною так прекрасно.

Креонт

Вот ото, сын, ты и держи в уме:
Все отступает пред отцовской волей.
Недаром же мы, смертные, желаем
Родить себе послушных сыновей,

Чтобы умели злом воздать врагу
И друга почитали б, как отец.
А что сказать о том, кто народит
Детей негодных? Что себе обузу
Он породил, посмешище врагам?
Не подчиняйся ж прихоти, не жертвуй
Рассудком из-за женщины, мой сын,
И знай, что будет холодна любовь,
Коль в дом к тебе войдет жена дурная.
Найдется ль язва хуже злого друга?
Нет, как врага отвергни эту деву, —
Пускай в Аиде вступит в брак с любым,
Раз я ее открыто обличил,
Ослушницу, единственную в граде.
Пред ними я не окажусь лжецом — не казню.
Пускай зовет на помощь
Родную кровь! Я со своих спрошу,
Как и с чужих, коль будут непослушны.
Ведь кто в делах домашних беспристрастен,
И как правитель, будет справедлив.
А кто закон из гордости нарушит
Иль возомнит, что может власть имущим
Приказывать, тот мне не по душе.
Правителю повиноваться должно
Во всем — законном, как и незаконном.
Тот, кто властям покорен, — я уверен, —
Во власти так же тверд, как в подчиненье.
Он в буре битвы встанет близ тебя
Товарищем надежным и достойным.
А безначалье — худшее из зол.
Оно и грады губит, и дома
Ввергает в разоренье, и бойцов,
Сражающихся рядом, разлучает.
Порядок утвержден повиновеньем;
Нам следует поддерживать законы,
И женщине не должно уступать.
Уж лучше мужем буду я повергнут,
Но слыть не стану женщины рабом.

Хор

Коль в заблужденье нас не вводит возраст,
Нам кажется, — ты говоришь умно.

Гемон

Бессмертные даруют людям разум,
А он на свете — высшее из благ.
К тому же я не в силах утверждать,
Что ты в словах своих несправедлив,
Но и другой помыслить правду может.
Мне узнавать приводится заране,

Что люди мыслят, делают, бранят.
Для гражданина взор твой страшен, если
Его слова не по сердцу тебе.
А я повсюду слушаю — и слышу,
Как город весь жалеет эту деву,
Всех менее достойную погибнуть
За подвиг свой позорнейшею смертью:
Она не допустила, чтобы брат,
В бою сраженный и не погребенный,
Добычей стал собак и хищных птиц.
Она ли недостойна светлой чести?
Такая ходит смутная молва…
Конечно, для меня нет счастья выше
Благополучья твоего. И вправду:
Что для детей отцовской славы краше?
Что славы сына краше для отца?
Но не считай, что правильны одни
Твои слова и, кроме них, ничто.
Кто возомнит, что он один умен,
Красноречивей всех и даровитей,
Коль разобрать, окажется ничем.
И самым мудрым людям не зазорно
Внимать другим и быть упорным в меру.
Ты знаешь: дерева при зимних ливнях,
Склоняясь долу, сохраняют ветви,
Упорные же вырваны с корнями.
Тот, кто натянет парус слишком туго
И не ослабит, будет опрокинут,
И поплывет ладья его вверх дном.
Так уступи же и умерь свой гнев;
Затем что, если мнение мое,
Хоть молод я, внимания достойно,
Скажу: всего ценней, когда с рожденья
Муж полон знанья, если ж нет, — что часто
Случается, — пусть слушает разумных.

Хор
Ты должен, царь, — коль мне сказать уместно, -
Внять и ему: обоих речь прекрасна.
Креонт

Так неужель к лицу мне, старику,
У молодого разуму учиться?

Гемон

Лишь справедливости. Пусть молод я, —
Смотреть на дело надо, не на возраст.

Креонт

А дело ли — бесчинных почитать?

Гемон

Я почитать дурных не предлагаю.

Креонт

По в ней как раз не этот ли порок?

Гемон

Того не подтвердит народ фиванский.

Креонт

Иль город мне предписывать начнет?

Гемон

Не видишь ты, что говоришь, как отрок?

Креонт

Иль править в граде мне чужим умом?

Гемон

Не государство — где царит один.

Креонт

Но государство — собственность царей!

Гемон

Прекрасно б ты один пустыней правил!

Креонт

Он, кажется, стоит за эту деву?

Гемон

Коль дева — ты, я о тебе забочусь.

Креонт

О негодяй! Ты на отца идешь?

Гемон

Ты, вижу, нарушаешь справедливость.

Креонт

Не тем ли, что свое господство чту?

Гемон

Не чтишь, коль ты попрал к богам почтенье.

Креонт

О, нрав преступный, женщине подвластный!

Гемон

Не скажешь ты, что я служу дурному.

Креонт

Однако же вся речь твоя — о ней!

Гемон

Нет, и о нас, и о богах подземных.

Креонт

Ты все же в брак не вступишь с ней живою.

Гемон

Когда умрет, за ней умрет другой.

Креонт

С угрозами ты выступаешь, дерзкий?

Гемон

Угроза ли — с пустым решеньем спорить?

Креонт

Раскаешься в безумных поученьях!

Гемон

Сказал бы: глупый! — будь ты не отец.

Креонт

Раб женщины! Не ластись, не обманешь!

Гемон

Сам говоришь, других не хочешь слушать!

Креонт

Да? Но, клянусь Олимпом, не на радость
Меня поносишь бранными словами.
Эй, приведите эту язву! Пусть же
У суженого на глазах умрет.

Гемон

Нет, не умрет — об этом и не думай! —
Здесь, на моих глазах, — но и меня
Твои глаза вовеки не увидят.
Иных друзей ищи для сумасбродств!

(Уходит.)
Хор

Царь, удалился он поспешно, в гневе, —
В таких летах опасен скорбный дух.

Креонт

Пускай идет! Он больно горделив!
А этих дев, от смерти не избавит.

Хор

Ужель обеих думаешь казнить?

Креонт

О нет, — ты прав, — не ту, что невиновна.

Хор

Какою ж смертью ты: казнишь другую?

Креонт

Ушлю туда, где людям не пройти,
Живую спрячу в каменной пещере,
Оставив малость пищи, сколько надо,
Чтоб оскверненью не подвергнуть град.
Аид она лишь почитает — пусть же,
Молясь ему, избавится от смерти
Или, по крайней мере, убедится,
Что тщетный труд умерших почитать.

(Уходит.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

Строфа 1

О Эрос-бог, ты в битвах могуч!
О Эрос-бог, ты грозный ловец!
На ланитах у дев ты ночуешь ночь,
Ты над морем паришь, входишь в логи зверей,
И никто из богов не избег тебя,
И никто из людей:
Все, кому ты являлся, — безумны!

Антистрофа 1

Не раз сердца справедливых ты
К неправде манил, на погибель влек, —
И теперь родных в поединке свел.
Но в невесты очах пыл любви сильней!
Вековечный устав утвердил ее власть.
То богини закон, Всепобедной,
Святой Афродиты!
Послушанье уже я не в силах блюсти,
Видя все, что свершается, я не могу
Горьких слез удержать — и струятся ручьем, —
В темный брачный чертог, усыпляющий всех,
Навеки уйдет Антигона.

Входит Антигона под стражей.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

КОММОС

Антигона

Строфа 1

Люди города родного!
Все смотрите: в путь последний
Ухожу, сиянье солнца
Вижу я в последний раз.
Сам Аид-всеусыпитель
Увлекает безвозвратно
На прибрежья Ахеронта,
Незамужнюю, меня.
Гимны брачные не будут

Провожать невесту-деву.
Под землею Ахеронту
Ныне стану я женой.

Хор

Но в обитель умерших
Ты уходишь во славе, —
Не убита недугом
Иль ударом меча.
Нет, идешь добровольно ты, —
Между смертных единая
Ты обитель Аидову
Навсегда избрала.

Антигона

Антистрофа 1

Довелось мне слышать раньте
О судьбе фригийской гостьи, — [101]
Как печален на Сипиле
Танталиды был удел.
Словно плющ, утес, как молвят,
Охватил ее, и горько
Плачет пленница: над нею
Непрестанный дождь и снег.
Из очей ее всечасно
Льются слезы по утесу,
Так и я. Отныне богом
Я навек усыплена.

Хор

Но она ведь богиня,
Небожителей отпрыск!
Мы же — смертные люди,
Род от смертных ведем.
Все ж тебе, умирающей,
Честь и слава великая,
Что — живая — стяжала ты
Богоравный удел!

Антигона

Строфа 2

Ты смеешься надо мною!
Для чего ж — родные боги! —

---

101 ***…о судьбе фригийской гостьи…*** *— Речь идет о мифической фиванской царице Ниобе, дочери фригийского царя Тантала, превращенной в камень. Этот миф изложен в «Илиаде» (песнь 24, стихи 602 и след.).*

Надо мною, неумершей,
Издеваться!
Ты, о мой город!
И вы, Знатные города люди!
О источник Диркейский, о роща
Знаменитых ристаньями Фив!
Призываю вас ныне в свидетели:
По какому закону,
Не оплакана близкими,
Я к холму погребальному,
К небывалой могиле иду?
Горе мне, увы, несчастной!
Ни с живыми, ни с умершими
Не делить мне ныне век!

Хор

Строфа 3

Дойдя до крайнего дерзанья,
О трон высокий правосудья
Преткнулась больно ты, дитя,
И платишься за грех отцовский.

Антигона

Антистрофа 2

Ты коснулся злейшей скорби,
Злополучной отчей участи,
Общей доли достославных Лабдакидов!
О, преступное матери ложе,
Разделенное с собственным сыном!
О, злосчастный их брак, от которого
Я на свет родилась, злополучная!
И к родителям ныне, проклятая,
Я в обитель подземную
Отправляюсь навеки.
Даже свадебных песен
Услыхать не успела, увы!
В брак вступил ты несчастливый,[102]
О мой брат, — и сам погиб ты,
И меня, сестру, сгубил!..

Хор

Антистрофа 3

Чтить мертвых — дело благочестья,
Но власть стоящего у власти

---

102 ***В брак вступил ты несчастливый…*** *— Женой Полиника была дочь аргосского царя Адраста, который и руководил походом на Фивы.*

Переступать нельзя: сгубил
Тебя порыв твой своевольный.

Антигона

Эпод

Неоплакана, без близких,
Не изведавшая брака,
Ухожу я, злополучная,
В предназначенный мне путь.
И очей священных солнца
Мне не зреть уже, несчастной,
Неоплаканную долю
Не проводит стон друзей.

Входит Креонт.
Креонт

Коль разрешить пред смертью плач и вопли,
Им не было б конца — известно всем.
Так уведите же ее и спрячьте
В пещере сводчатой, как я велел,
И там одну оставьте: пусть умрет
Или в пещере той сыграет свадьбу.
Мы перед девой чисты, но она
Обречена не жить на этом свете.

Антигона

О склеп могильный, брачный терем мой
И вечный страж — подземное жилище!
Иду к своим, без счета Персефоной
В обитель мертвых принятым. Из них
Последняя и с наихудшей долей
Схожу в Аид, хоть жизни путь не кончен.
Но верится, что там я в радость буду
Отцу; тебе я милой буду, мать,
И милою тебе, мой брат несчастный:
Умерших, вас я собственной рукой
Омыла, убрала и возлиянья
Надгробные свершила. Полиник!
Прикрыв твой прах, вот что терплю я ныне!
Хотя в глазах разумного поступок
Мой праведен. Когда была б я мать
Или жена и видела истлевший
Прах мужа своего, я против граждан
Не шла бы. Почему так рассуждаю?
Нашла бы я себе другого мужа,
Он мне принес бы новое дитя;
Но если мать с отцом в Аид сокрылись,
Уж никогда не народится брат.

Я соблюла закон, тебя почтила,
Меня ж назвал преступницей Креонт
И нечестивой, о мой брат родимый!
И вот меня схватили и ведут,
Безбрачную, без свадебных напевов,
Младенца не кормившую. Одна,
Несчастная, лишенная друзей,
Живая ухожу в обитель мертвых.
Какой богов закон я преступила?
Зачем — несчастной — обращать мне взоры
К богам, их звать на помощь, если я
Безбожной названа за благочестье?
Я, пострадав, могу, богам в угоду,
Признать вину, но коль ошиблись боги,
Не меньше пусть они потерпят зла,
Чем я сейчас терплю от них неправды.

Хор

Не стихает жестокая буря в душе
Этой девы — бушуют порывы!

Креонт

Потому и придется ее сторожам
Пожалеть о своем промедленье.

Антигона

Горе мне! В этом слове я смерти моей
Приближение слышу.

Креонт

Нет, надеждой не стану тебя утешать,
Что твоя не исполнится доля.

(Уходит.)
Антигона

Город предков! Столица фиванской земли!
Боги древние нашего рода! Вот уводят меня…
Не могу не идти… На меня посмотрите, правители Фив,
На последнюю в роде фиванских царей,
Как терплю, от кого я терплю — лишь за то,
Что почтила богов почитаньем!..

Антигону уводят.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

Строфа 1

Так пострадала Даная прекрасная,[103]
Та, что на доски, обитые бронзою,
Переменила сияние дня.
Спальней могила ей стала, дитя мое, —
А родовита была, и хранил ее
Зевс, к ней сошедший дождем золотым. Но необорное
Рока могущество
Злата сильней, и Арея, и крепости,
И просмоленных морских кораблей.

Антистрофа 1

Так усмирен был Дриантов заносчивый
Сын, повелитель эдонян: за дерзостность[104]
Был Дионисом в скалу заключен.
Там улеглось постепенно неистовство,
Бога признал он, которого буйственно
Злыми насмешками смел задевать, —
Он, изгонявший восторгом исполненных
Жен, загашавший огни Дионисовы,
С флейтою дружных тревоживший Муз.

Строфа 2

Возле скал голубых, у обоих морей
На Боспоре фракийском стоит Салмидесс, —
Там когда-то увидел соседний Арей,
Как, сынов ослепляя,
Им ужасные раны
Наносила жестоко Финея жена,[105]
Как отмщенье провалами темных, глазниц
Призывали слепые.
А пронзила им очи
Не рукой — острием челнока из станка.

Антистрофа 2

Горевали об участи горькой своей
Этой матери, в браке несчастной, сыны,

---

103 ***Так пострадала Даная прекрасная…*** *— Даная была заключена в темницу своим отцом, которому предсказали, что его убьет ее сын. Даная — одна из возлюбленных Зевса, на которую он сошел в виде золотого дождя.*

104 ***…Дриантов заносчивый сын, повелитель эдонян…*** *— Речь идет о фракийском царе Ликурге, который, по преданию, отказывался чтить бога Диониса.*

105 ***…Финея жена…*** *— Филей — царь одной из областей Фракии. Его вторая жена, Идея, потребовала ослепления двух его сыновей от первого брака.*

А была и она из древнейшей семьи —
Эрехфеева рода,[106]
В отдаленных пещерах
Возлелеяна сонмом отеческих бурь,
Дочь Борея, что резвых быстрее коней,[107]
Порождение бога.
Все же Мойры седые
На нее ополчились сурово, дитя!

Входит Тиресий с мальчиком-поводырем.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Тиресий

О государи Фив! Пришло нас двое —
Один лишь зрячий, — ибо нам, слепцам,
Дорогу указует провожатый,

Креонт

Что скажешь нового, Тиресий-старец?

Тиресий

Скажу; но ты вещателю внимай.

Креонт

Твоим советам я внимал и раньше,

Тиресий

Ты потому и градом правил с честью.

Креонт

Да, признаюсь: ты приносил мне пользу.

Тиресий

Ты вновь стоишь на лезвии судьбы.

Креонт

В чем дело? Весть твоя меня тревожит.

Тиресий

---

106 ***…Эрехфеева рода…*** *— Первая жена Финея, Клеопатра, была внучкой аттического героя Эрехфея (Эрехтея).*

107 ***…дочь Борея, что резвых быстрее копей…*** *— Отец Клеопатры Борой считался богом северных ветров.*

Поймешь, узнав совет моей науки.
На старом месте я сидел гаданий,
Где у меня был всякой птицы слет,
И слышу странный голос птиц, во гневе
И в бешенстве кричащих непонятно;
Я понял, что друг друга рвут когтями
Они: шум крыльев это говорил,
Я в страхе начал по огням гадать,
На алтаре, но бог не принял жертвы,
Огонь не разгорался, и на угли
От бедер сало капало, топясь,
Дымилось, и плевалось, и, раздувшись,
Вдруг желчью брызгало, и вскоре с бедер
Весь жира слой сошел, в огне обтаяв.
И тщетно от богов я ждал ответа;
Так рассказал мне мальчик мой; ведь он —
Вожатый мне, как я для вас вожатый.
Твой приговор на град навел болезнь;
Осквернены все алтари в стране
И в самом граде птицами и псами,
Что труп Эдипова терзали сына;
Уж боги не приемлют ни молитв,
Ни жертв от нас, ни пламени сожженья;
Уж не кричит, вещая благо, птица,
Убитого напившись жирной крови.
Итак, об этом поразмысли, сын:
Все люди заблуждаются порою,
Но кто в ошибку впал, не легкомыслен
И не несчастлив, если он в беде,
Упорство оставляя, все исправит;
Упрямого ж безумным мы зовем.
Нет, смерть уважь, убитого не трогай.
Иль доблестно умерших добивать?
Тебе на благо говорю: полезно
У доброго советника учиться.

Креонт

Старик, вы все стреляете в меня,
Как в цель стрелки; и в прорицаньях даже
Я вами не забыт; своей родней же
Давно и оценен я и распродан.
Торгуйте, наживайтесь, коль хотите,
Электром сардским[108] иль индийским златом, —
Его в могилу вам не положить.
Нет, если б даже Зевсовы орлы:
Ему тащили эту падаль в пищу,
Я и тогда, той скверны не боясь,
Не допустил бы похорон: я знаю —

108 ***…электром сардским…*** *— В столице Лидии, Сардах, торговали электром — сплавом золота и серебра.*

Не человеку бога осквернить.
Но и мудрейшие, старик Тиресий,
Позорно гибнут, если злые мысли
Для выгоды словами украшают.

Тиресий

Увы!
Да разве мыслит кто иль полагает…

Креонт

Что ж? Истину ходячую расскажешь?

Тиресий

Насколько разум выше всех богатств…

Креонт

Настолько ж нам безумье — враг великий!

Тиресий

А ты уже недугом этим тронут.

Креонт

Гадателю я дерзко не отвечу!

Тиресий

Дерзишь, пророчество считая ложью!

Креонт

Пророки все всегда любили деньги.

Тиресий

Тираны ж все корыстны, как известно,

Креонт

Ты, видно, позабыл, что я правитель?

Тиресий

Нет, но через меня спасал ты Фивы.

Креонт

Хоть прорицатель ты, а любишь зло.

Тиресий

Ты страшную открыть принудишь тайну!

Креонт

Скажи ее! Но только не для денег!

Тиресий

Нет, не скажу: ведь это про тебя.

Креонт

Знай, ты моих решений не изменишь.

Тиресий

Тогда узнай и помни, что немного
Ристаний кони Солнца[109] совершат,
Как ты дитя, рожденное тобою
От чресл твоих, отдашь, — за трупы труп;
Затем что ты безжалостно загнал
Живую душу в темную гробницу;
А сам берешь, отнявши у Подземных,
Прах обесчещенный, не погребенный;
На это права нет ни у тебя,
Ни у богов, и их противно воле.
За это ждут тебя богини мщенья,
Эринии Аида и богов,
Чтоб и тебя постигли те же беды.
Подкупленный ли говорю с тобою,
Смотри уж сам: раздастся скоро, скоро
Вопль женщин и мужей в дому твоем.
Гнев на тебя вздымают города,
По чьим сынам обряды совершали
Псы, звери, птицы; их нечистой пищей
Все в граде алтари осквернены.
Такие стрелы я в тебя, как лучник,
Направил в гневе, вызванном тобой.
И стрелы верны, не уйдешь от них.
Домой пойдем, мой мальчик. Пусть на тех,
Кто помоложе, гнев он вымещает.
Пусть учится он сдерживать язык
И более ума иметь, чем ныне.

Хор

---

109 ***…кони Солнца…*** *— Бог Солнца, Гелиос, по мифу, каждое утро выезжал с востока на колеснице, запряженной четверкой огнедышащих коней.*

Царь, он ушел с пророчеством ужасным.
С тех пор как волосы главы моей
Из черных стали белыми, я знаю —
Пророком ложным никогда он не был.

Креонт

Я также это знаю и смущен.
Мне тяжко уступать, но тяжки беды,
Которые стрясутся над упрямым.

Хор

Тебе совет, сын Менекея, нужен.

Креонт

Что ж должно делать? Я приму совет.

Хор

Ступай, веди невесту из пещеры;
И оскверненный прах похорони.

Креонт

По-твоему, я должен уступить?

Хор

Да, царь, и поскорей: ведь боги быстро
Напастью дни безумцев пресекают.

Креонт

Увы, мне тяжко, но свое решенье
Я отменю: с судьбой нельзя сражаться.

Хор

Иди же, делай и не жди других.

Креонт

Не медля я пойду. Сюда, эй, слуги!
Все поскорей с собой кирки берите.
Бегите к месту, что отсюда видно.
А я, раз это решено, пойду
Ту выпустить, которую связал я.
Я понял: надо жить, до смерти чтя
От века установленный закон.

(Уходит.)

СТАСИМ ПЯТЫЙ (ГИПОРХЕМА)

Хор

Строфа 1

Многоименный, слава девы кадмейской,[110]
Зевса, гремящего грозно, сын!
Стражем стоящий Италии славной,
В гостеприимных долинах царящий
Элевсинской Деметры, о Вакх!
Ты, проживающий в Фивах,
Матери-граде вакханок,
Около струй Исмена,
Там, где был сев посеян Злого Дракона!

Антистрофа 1

Там тебя видят, там, где факелов пламя
Светит с вершин двуглавой горы.
Где корикийские нимфы[111] пляской
Служат тебе — твои вакханки,
Там, где струится Кастальский ключ![112]
Ты приходишь со склонов
Нисы, плющом увитых[113]
И вином изобильных;
Ты, богами прославлен,
К Фивам приходишь!

Строфа 2

Чтишь ты их выше всех городов,
Как сраженная молнией мать![114]
И теперь, когда тяжкий недуг
Поражает весь город наш,
О, направь свой целительный шаг
К нам с Парнаса, над пенным морем!

Антистрофа 2

---

110 ***Многоименный, слава девы кадмейской…*** *— Вакх (Дионис) считался сыном дочери Кадма Семелы.*

111 ***Корикийские нимфы.*** *— Парнасские нимфы; на южном склоне Парнаса находилась пещера, которая называлась Корикийской.*

112 ***Кастальский ключ*** *— источник на Парнасе, посвященный музам и Аполлону.*

113 ***Ты приходишь со склонов Нисы…*** *— Местонахождение горы Нисы, которую связывают с Вакхом и другие греческие авторы, неясно.*

114 ***…как сраженная молнией мать!*** *— Семела, по подстрекательству Геры, попросила Зевса предстать перед ней во всем своем величии и, сраженная молнией, преждевременно родила Вакха и умерла.*

О водитель огненных звезд!
Господин ночных голосов!
Сын возлюбленный Зевса, — царь,
Нам со свитой Фиад[115] предстань,
Что всю долгую ночь тебя,
Благ подателя, славят Иакха![116]

Входит Вестник.

Эксод

Вестник

Жильцы домов Амфиона[117] и Кадма!
Нет в жизни, до конца ее, поры,
Какую я хвалил иль порицал бы.
Возносит счастье и свергает счастье
Счастливых, а равно и несчастливых,
И рока не откроет нам никто.
Креонт казался всем благословенным;
И землю Кадма спас он от врагов,
И, властелином полным став над нею,
Царил, детьми обильно окружен.
И все пропало. Если радость в жизни
Кто потерял — тот для меня не жив:
Его живым я называю трупом.
Копи себе богатства, если хочешь,
Живи, как царь; но если счастья нет —
То не отдам я даже тени дыма
За это все, со счастием сравнив.

Хор

Какую скорбь царю несешь ты снова?

Вестник

Смерть. И живые в смерти виноваты.

Хор

Но кто убийца, кто, скажи, убит?

Вестник

Пал Гемон, и не от руки чужой.

Хор

115 ***Фиады*** *— вакханки.*

116 ***Иакх*** *— одно из имен «многоимеиного» Вакха.*

117 ***Амфион*** *— беотийский герой, муж Ниобы (мифическая фиванская царица, дочь фригийского царя Тантала, превращенная в камень. Этот миф изложен в «Илиаде» (песнь 24, стихи 602 и след.).). В Фивах существовало святилище Амфиона.*

Рукой отца убит он иль своей?

Вестник

Своею, в гневе на отца за деву.

Хор

Как верны, о пророк, твои вещанья!

Вестник

Так шло; надо вам о том размыслить.

Хор

Вот из дворца выходит Эвридика,
Несчастная жена Креонта; знает
Про сына весть или случайно вышла?

Эвридика

О граждане! Когда во храм богини
Паллады направляюсь я молиться,
Какую слышу между вами речь?
Засов дверной я отпирала; весть
О бедствии до слуха моего
Дошла, — и на руки моих служанок
Упала я без чувств, поражена.
Но повторите мне известья эти:
Хочу я слышать, о несчастье знать.

Вестник

О госпожа, скажу я все, что видел,
Ни слова правды я не утаю.
Зачем тебя мне утешать словами?
Чтоб стать лжецом? Нет, правды путь верней.
Провел, я мужа твоего на край
Долины, где безжалостно был брошен
Труп Полиника, весь истерзан псами.
Плутону помолясь и придорожной
Богине[118], чтоб они свой гнев смирили,
Омыли мы священным омовеньем
Останки и сожгли на ветвях свежих.
Насыпав из земли родимой холм,
Пошли мы к брачному покою девы,
Где ложе из камней, — к жилищу смерти.
И вот один из нас услышал громкий

---

118 ***Плутону помолясь и придорожной богине…*** *— Плутон — бог подземного царства. Изваяния Гекаты, богини Луны и Ночи, обычно ставили на перекрестках дорог.*

Стон, несшийся из терема невесты,
И прибежал сказать царю Креонту.
Тот ближе подошел и горьких жалоб
Услышал вопль и, застонав от муки,
Воскликнул так: «О злополучный я!
Я сам беду накликал! Нет сомненья,
Иду я верной гибели тропой!
Я слышу сына милого. Бегите
Скорее, слуги, вверх и, став у склепа,
Взгляните через брешь, где камень снят,
В глубь подземелья — Гемона ли голос
Я слышу — иль обманут я богами».
Как повелел нам в ужасе владыка,
Мы глянули — и в склепе, в глубине,
Повесившейся деву увидали
На туго перекрученном холсте;
А рядом он, ее обнявши труп,
Лил слезы о погибели невесты,
Отца деяньях и любви несчастной.
Отец, его увидя, с диким стоном:
Сбегает вниз и так зовет, вопя:
«Несчастный, что ты сделал? Что замыслил?
Какой бедой твой разум помутился?
О, выйди, сын! Прошу, молю тебя!»
Но юноша тогда, взглянувши дико,
Ни слова не сказал, извлек свой меч
Двуострый. В ужасе бежит отец —
И промахнулся он. Тогда, во гневе
Сам на себя, всем телом он на меч:
Налег — и в бок всадил до половины.
Еще в сознанье, деву обнял он
И, задыхаясь, ток последний крови
На бледные ланиты пролил ей.
И труп лежит на трупе, тайны брака
Узнав не здесь — в Аидовом дому, —
Показывая людям, что безумье
Есть худшее из зол для человека.

Эвридика уходит.
Хор

Что это значит? В дом ушла жена.
Ни доброго не молвив, ни худого.

Вестник

И сам: дивлюсь я, но еще надеюсь,
Что, о беде узнав, она не хочет
Рыдать пред всеми и внутри дворца
Велит прислужницам стенать с ней вместе.
Она в своем уме, не согрешит.

Хор

Не знаю; только эта тишина
Не менее страшна мне, чем рыданья.

Вестник

Сейчас узнаем, но таит ли в сердце
Взволнованном: она сокрытых мыслей,
В дом удалясь, и справедливо молвил:
В молчанье слишком долгом есть опасность.

Хор

Вот и царь наш; он сам направляется к нам,
Доказательство правды неся на руках.
Если можно сказать — не чужую беду,
А свою он несет, согрешивши.

КОММОС

Креонт

Строфа 1

Увы!
Грехи души затуманенной,
Упорные, смерть несущие!
Смотрите теперь на отца вы все,
Убившего сына несчастного!
Слепым поддавался, я замыслам!
О сын мой, угасший в юности!
Ты ушел, ты погиб;
Но не ты, я один — безумец!

Хор

Увы, ты правду видишь слишком поздно.

Креонт

Строфа 2

Увы!
Урок мой горестен; увы мне: некий бог
Обременил меня громадой горя
И на пути жестокости послал,
Увы, всю радость истребив мою!
О муки злые злых людских страданий!

Вестник 2-й

О господин, от бедствий к новым бедам
Идешь ты и увидишь скоро их:
Одни пришли, другие в доме ждут.

Креонт

Какая хуже может быть беда?

Вестник 2-й

Умершему верна, твоя супруга
Несчастная от свежих ран скончалась.

Креонт

Антистрофа 1

Увы!
Аида бездна, зачем меня
Ты губишь, непримиримая?
О вестник прежних ужасных бед,
Какие ты вести приносишь нам?
Вторично убьешь ты погибшего!
Что, сын мой, скажешь мне нового?
Смерть за смертью, увы!
Вслед за сыном жена скончалась!

Хор

Ты можешь видеть: вынесли ее.

Креонт

Антистрофа 2

Увы!
Второе бедствие теперь, злосчастный, вижу!
Что за несчастье мне еще готовится?
Сейчас держа я сына на руках —
И вижу труп другой перед собою!
Увы, о мать несчастная, о сын!

Вестник

Сраженная лежит у алтарей;
Ее померкли и закрылись очи;
Смерть Мегарея[119] славную оплакав,
За ним другого сына, — на тебя
Беду накликала, детоубийца.

---

119 ***Мегарей*** *— старший брат Гомона, погибший в бою с наступавшими на Фивы аргосцами.*

Креонт

Строфа 3

Увы! Увы!
От страха дрожу.
Что же грудь мою
Двуострым мечом не пронзил никто?
Я несчастный, увы!
И жестоким сражен я горем!

Вестник

Изобличен покойницею ты:
Ты виноват и в той и в этой смерти

Креонт

Но как она себя лишила жизни?

Вестник

Она сама себе пронзила сердце,
О сына горестной судьбе узнав.

Креонт

Строфа 4

Увы мне! Другому, раз я виноват,
Нельзя никому этих бед приписать.
Я тебя ведь убил — я, несчастный, я!
Правду я говорю.
Вы, прислужники, прочь,
Уводите меня, уводите скорей,
Уводите — молю; нет меня; я ничто!

Хор

В решеньях прав ты, коль в беде есть правда,
И лучше всех кратчайшее из зол.

Креонт

Антистрофа 3

Приди, приди!
Покажись скорей, мой последний день!
Приведи ко мне жребий лучший мой!
Поскорее приди,
Чтобы дня я другого не видел!

Хор

То в будущем, а ты о настоящем
Заботься. Будущее — от богов.

Креонт
Я все желанья в этой слил мольбе.
Хор

Нет, не молись: ведь людям от скорбен
Ниспосланных не обрести спасенья.

Креонт

Антистрофа 4

Уведите вы прочь безумца, меня!
Я убил тебя, сын, и тебя, жена!
И нельзя никуда обратить мне взор:
Все, что было в руках, в стороне лежит;
И теперь на меня низвергает судьба
Все терзанья, и вынести их нет сил!

Хор

Мудрость — высшее благо для нас,
И гневить божество не дозволено.
Гордецов горделивая речь
Отомщает им грозным ударом,
Их самих поразив,
И под старость их мудрости учит.

ЕВРИПИД

Еврипид (480–406 гг. до н. э.) *родился, по преданию, на Саламине в день знаменитого морского сражения у этого острова. Согласно античным свидетельствам, отец и мать Еврипида промышляли мелкой торговлей. Жизнь поэта прошла в Афинах, где он, как утверждают, помимо поэзии, занимался живописью и философией, не принимая, в отличие от Эсхила и Софокла, прямого участия в политической жизни. Незадолго до смерти Еврипид переехал в Македонию, куда его пригласил царь Архелай, который высоко ценил его творчество и будто бы сделал поэта своим близким советником. В Афинах поэт при жизни не был, по-видимому, так популярен, как оба его старших собрата, зато в эллинистическую эпоху слава его возросла, благодаря чему число дошедших до нас драм Еврипида (восемнадцать из девяноста двух) больше, чем эсхиловских и софокловских вместе взятых.*

МЕДЕЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кормилица.
Дядька.
Медея.
Креонт.
Ясон.
Эгей.
Вестник.
Сыновья Медеи и Ясона.
Хор коринфских женщин.
Действие происходит в Коринфе, перед домом Медеи.

ПРОЛОГ

Кормилица

О, для чего крылатую ладью[120]
Лазурные, ошибайся, утесы[121]
В Колхиду пропускали, иль зачем
Та падала на Пелий,[122] что вельможам,
Их веслами вооружив, дала
В высокий Иолк в злаченых завитках
Руно царю Фессалии доставить?
К его стенам тогда бы и моя
Владычица не приплыла, Медея,
Ясона полюбив безумно, — там
Убить отца
Она не научала б
Рожденных им и нежных Целиад,
И не пришлось бы ей теперь в Коринфе
Убежища искать с детьми и мужем.
Пусть гражданам успела угодить
Она в изгнанье, мужу оставалась
Покорною женой (а разве есть
На свете что милей семьи, где с мужем
Живет жена согласно?), но удел
Медеи стал иной. Ее не любят,
И нежные глубоко страждут узы.
Детей Ясон и с матерью в обмен
На новое отдать решился ложе,
Он на царевне женится — увы!
Оскорблена Медея, и своих

---

120 ***О, для чего крылатую ладью…*** *— Речь идет о корабле Арго, на котором Ясон со своими спутниками (аргонавтами) отправился в Колхиду за золотым руном. Ясона послал туда, чтобы избавиться от него, его дядя Пелий, царь фессалийского города Иолка. В Колхиде Ясона полюбила дочь тамошнего царя Эета Медея, которая помогла аргонавтам добыть золотое руно и, убив своего младшего брата Апсирта, задержала преследовавшего аргонавтов Эета погребением сына. Прибыв в Иолк, Медея пообещала дочерям Пелия (Пелиадам) омолодить их отца, разрубив его иа куски и сварив в котле, и проделала эту операцию над бараном, но Пелия она не омолодила, а убила. Затем сын Пелия, Акаст, изгнал из Иолка Ясона и Медею, и те направились к царю Креонту в Коринф, где и происходит действие этой трагедии.*

121 ***Лазурные утесы.*** *— У входа в Понт (Черное море), согласно мифу, находились утесы, которые то сходились, то расходились, за что и были названы Симплегадами («сходящимися»). Когда между Симплегадами пролетел пущенный Ясоном голубь, Симплегады остановились и пропустили корабль Арго.*

122 ***…иль зачем та падала на Пелий…*** *— Намек на корабль аргонавтов; гора Пелий (Пелион) в Фессалии славилась корабельным лесом.*

Остановить она не хочет воплей.
Она кричит о клятвах и руки
Попранную зовет обратно верность,
Богов зовет в свидетели она
Ясоновой расплаты. И на ложе,
От пищи отказавшись, ночь и день
Отдавши мукам тело, сердцу таять
В слезах дает царица с той поры,
Как злая весть обиды поселилась
В ее душе. Не поднимая глаз
Лица, к земле склоненного, Медея,
Как волн утес, не слушает друзей.
В себя прийти не хочет. Лишь порою,
Откинув шею белую, она
Опомнится как будто, со слезами
Мешая имя отчее, и дома
Родного, и земли воспоминаньем
И все, чему безумно предпочла
Она ее унизившего мужа.
Несчастие открыло цену ей
Утраченной отчизны. Дети даже
Ей стали ненавистны, и на них
Глядеть не может мать. Мне страшно, как бы
Шальная мысль какая не пришла
Ей в голову. Обид не переносит
Тяжелый ум, и такова Медея.
И острого мерещится удар
Невольно мне меча, разящий печень,
Там, над открытым ложем, — и боюсь,
Чтобы, царя и молодого мужа
Железом поразивши, не пришлось
Ей новых мук отведать, горше этих.
Да, грозен гнев Медеи: не легко
Ее врагу достанется победа.
Но мальчиков я вижу — бег они
Окончили привычный и домой,
Идут теперь спокойно. А до муки
И дела нет им материнской.
Да, Страдания детей не занимают.

Старый дядька ведет двух мальчиков .
Дядька

О старая Царицына раба!
Зачем ты здесь одна в воротах? Или
Самой себе ты горе поверяешь?
Медея ж как рассталася с тобой?

Кормилица

О старый спутник сыновей Ясона!
Для добрых слуг несчастие господ

Не то же ли, что и свое: за сердце
Цепляется оно, и до того
Измучилась я, веришь, что желанье,
Уж и сама не знаю как, во мне
Явилось рассказать земле и небу
Несчастия царицы нашей.

Дядька

Плачет
Поди еще?..

Кормилица

Наивен ты, старик,
Ведь горе-то лишь началось, далеко
И полпути не пройдено.

Дядька

Слепая…
Не про господ будь сказано.
Своих, Должно быть, бед она не знает новых.

Кормилица

Каких? Каких? О, не скупись — открой…

Дядька

Нет, ничего. Так, с языка сорвалось.

Кормилица

О, не таи! Касаясь бороды,
Тебя молю: открой подруге рабства.
Ведь, если нужно, мы и помолчать
Сумели бы…

Дядька

Я слышал, — но и виду
Не подал я, что слышу, проходя
У Камешков сегодня,[123] знаешь, где
Старейшины сидят близ вод священных
Парены.[124] Кто-то говорил, что царь
Сбирается детей с Медеей вместе
Коринфского лишить приюта. Слух
Тот верен ли, не знаю; лучше б, если

---

123 ***…проходя у Камешков сегодня…*** *— то есть мимо того места, где обычно играют в камешки (шашки).*

124 ***Парена*** *— название источника.*

Неверен был он.

Кормилица

Что же, и Ясон
До этого допустит? Хоть и в ссоре
Он с матерью, но дети ведь его же….

Дядька

Что ж? Новая жена всегда милей:
О прежней царь семье не помышляет.

Кормилица

Погибли мы, коль, давешней беды
Не вычерпав, еще и эту впустим…

Дядька

Все ж госпоже ее не время знать:
Ты затаишь мои слова покуда.

Кормилица

Вот, дети! Вот каков отец для вас!
Но боги да хранят его! Над нами
Он господин, — хоть, кажется, нельзя,
Чтоб человек больней семью обидел.

Дядька

В природе смертных что. Человек
Всегда себя сильней, чем друга, любит.
Иль новость ты узнала, удивляюсь…
И должен был для этого Ясон
Пожертвовать детьми утехам ложа?..

Кормилица

Идите с богом, дети, — все авось
Уладится. А ты, старик, подальше
Держи детей от матери — она
Расстроена. Запечатлелась ярость
В ее чертах — и как бы на своих
Не вылилась она, увы! Не стихнет
Без жертвы гнев ее — я знаю. Только
Пускай бы враг то был, а не свои…

Медея
(за сценой)

Увы!
О, злы мои страданья. О!
О, смерть! Увы! О, злая смерть.

Кормилица

Началось… О дети… Там мать,
Ваша мать свое сердце — увы! —
Мечет но воле и гнев Ярый катает…
Подальше
Затаитесь, милые.
Глаз Не надо тревожить ее…
Ни на шаг к ней ближе, о дети:
Вы души ее гордой, и дикой,
И охваченной гневом бегите…
О, скорее, скорее под кровлю…
Это облако стона сейчас
Раскаленная злоба ее
Подожжет… Где предел для тебя,
О сердце великих дерзаний,
Неутешное сердце, коль мука
Тебя ужалила, сердце?

Медея
(за сценой)

О, горе! О, муки! О, муки и вы,
Бессильные стоны! Вы, дети…
О, будьте ж вы: прокляты вместе
С отцом, который родил вас!
Весь дом наш погибни!

Кормилица

На голову нашу, увы!
Слова эти… Горе, о, горе!
Что ж сделали дети тебе?
Они за отца в ответе ль? Что мечешь
Ты гнев на детей! О милые, я
Боюсь за судьбу вашу, дети.
Ужасны порывы царей,
Так редко послушных другим,
Так часто всевластных…
Их злобе легко не уняться…
Не лучше ли быть меж листов
Невидным листом?
О, как бы: хотела дождаться
Я старости мирной вдали
От царской гордыни…
Умеренность — сладко звучит
И самое слово, а в жизни
Какое сокровище в нем!

Избыток в разладе с удачей,
И горшие беды: на род
С божественным гневом: влечет он.

ПАРОД

На орхестру вступает хор коринфских женщин.
Хор

Проод

Я слышала голос, я слышала крик
Несчастной жены из дальней Колхиды:
Еще ли она, скажи, не смирилась?
Скажи мне, старуха…
Чрез двери двойные я слышала стон
И скорби семьи сострадаю,
Сердцу давно уже милой.

Кормилица

Той нет уж семьи — распалась она:
Мужа — ложе тиранов,
Терем жену утаил,
Царицу мою с тающим сердцем,
Лаской ничьей, ни единого друга
Лаской она не согрета…

Медея
(за сценой)

О, ужас! О, ужас!
О, пусть небесный перун
Пронижет мне череп!..
О, жить зачем мне еще?
Увы мне! Увы! Ты, смерть, развяжи
Мне жизни узлы — я ее ненавижу…

Хор

Строфа

Ты внял ли, о Зевс, ты, матерь Земля, ты, Солнце,
Стонам печальным злосчастной невесты?
Безумны, уста, вы — зачем
Желанье холодного ложа? Смерти шаги
Разве замедлят? Надо ль молить ее?
Если твой муж пожелал
Нового ложа, зачем же
Гневом бедствие это
Хочешь ты углубить,

Частое в мире? Кронид
Правде твоей поможет:
Только не надо сердце, жена,
Сердце в слезах не надо топить
По муже неверном…

Медея
(за сценой)

Великий Кронид… Фемида-царица!
О, призрите, боги, на муки мои!
Сама я великой клятвой
Проклятого мужа
Связала с собою, увы!
О, если б теперь
Его и с невестой увидеть —
Два трупа в обломках чертога!
От них обиды, от них
Начало… О боги… О ты,
Отец мой, о город, от вас я
Постыдно бежала, и труп
Родимого брата меж нами.

Кормилица

Слушайте, что говорит,
Вопли мечет какие
Фемиде, обетов царице,
И Зевсу, кравчему клятвы.
Ужасной, ужасной она
Местью насытит сердце.

Хор

Антистрофа

Зачем же она явить нам лицо не хочет?
Слух не приклонит
На нежный мой голос?
Безумную злобу ее,
Души ее темное пламя,
Может быть, я
И утишила б
Словом и лаской.
Пусть же любимые мной
Видят желание сердца…

(Кормилице.)

К ней в чертог не войдешь ли?
Пусть она выйдет к нам…
Медлить не надо… Скорей!

Может сейчас несчастье в этих стенах произойти…
Страшен порыв гнева и мести,
Отчаянье страшно.

Кормилица

Пойти я готова… Но только
Царицу смогу ль образумить?
Труда ж и желаний не жалко…
Как львица в муках родильных,
Так дико глядит она, если
С словами на робких устах
Приблизится к ложу рабыня…
О да, не будет ошибкой
Сказать, что ума и искусства
Немного те люди явили,
Которые некогда гимны
Слагали, чтоб петь за столами
На пире священном иль просто
Во время обеда, балуя
Мелодией уши счастливых…
Сказать, что никто не придумал
Гармонией лиц многострунных
Печали предел ненавистной,
Печали, рождающей смерти,
Колеблющей ужасом царства,
Печали предел положить…
Лечиться мелодией людям
Полезно бы было, на пире
Напрасны труды музыканта:
Уставленный яствами стол
Без музыки: радует сердце.

(Уходит.)
Хор

Эпод

Я слышу опять
Плачущий голос ее.
Ее протяжные стоны.
На мужа проклятьями с ложа
Воздух пронзая,
Вопли несутся. Фемиду зовет
Несчастное чадо Колхиды,
Зачем увлекала ее
Чрез моря теснину на брег
Эллады, туда,
Где волны катает
Пучина, и нет ей предела.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Выходит Медея.
Медея
(к хору)

О дочери Коринфа, если к вам
И вышла я, так потому, что ваших
Упреков не хочу. Иль мало есть
Прослывших гордецами оттого лить,
Что дом милей им площади иль видеть
Они горят иные страны? Шум
Будь людям ненавистен, и сейчас
Порочными сочтут их иль рукою
Махнувшими на все. Как будто суд
Глазам людей принадлежит и смеем
Мы осудить, не распознав души,
Коль человек ничем нас не обидел.
Уступчивым, конечно, должен быть
Меж вас чужой всех больше, но и граждан
Заносчивых не любят, не дают
Они узнать себя и тем досадны…
Но на меня, подруги, и без вас
Нежданное обрушилось несчастье.
Раздавлена я им, и умереть
Хотела бы — дыханье только мука:
Все, что имела я, слилось в одном,
И это был мой муж, — и я узнала,
Что этот муж — последний из людей.
Да, между тех, кто дышит и кто мыслит,
Нас, женщин, нет несчастней. За мужей
Мы платим, и не дешево. А купишь,
Так он тебе хозяин, а не раб.
И первого второе горе больше.
А главное — берешь ведь наобум:
Порочен он иль честен, как узнаешь.
А между тем уйди — тебе ж позор.
И удалить супруга ты не смеешь.
И вот жене, вступая в новый мир,
Где чужды ей и нравы и законы,
Приходится гадать, с каким она
Постель созданьем делит. И завиден
Удел жены, коли супруг ярмо
Свое несет покорно. Смерть иначе.
Ведь муж, когда очаг ему постыл,
На стороне любовью сердце тешит,
У них друзья и сверстники, а нам
В глаза глядеть приходится постылым.
Но говорят, что за мужьями мы,
Как за стеной, а им, мол, копья нужны.
Какая ложь! Три раза под щитом
Охотней бы стояла я, чем раз

Один родить. Та речь вообще о женах…
Но вы и я, одно ли мы? У вас
И город есть, и дом, и радость жизни;
Печальны вы — вас утешает друг.
А я одна на свете меж чужими
И изгнана и брошена. Росла
Меж варваров, вдали я: здесь ни дома,
Ни матери, ни брата — никого,
Хоть бы одна душа, куда причалить
Ладью на время бури. Но от вас
Немногого прошу я. Если средство
Иль путь какой найду я отомстить
За все несчастья мужу, — не мешайтесь
И, главное, молчите. Робки мы,
И вид один борьбы или железа
Жену страшит. Но если брачных уз
Коснулася обида, кровожадней
Не сыщете вы сердца на земле.

Корифей

Все сделаю, Медея, справедливым
Желаниям и скорби не дивлюсь
Твоей, жена, я больше. Но Креонта,
Царя земли, я вижу этой, — он
Не новое ль объявит нам решенье?

Входит Креонт.
Креонт
(к Медее)

Ты, мрачная, на мужа тяжкий гнев
Скопившая, Медея, говорю я
С тобой, и вот о чем: земли моей
Пределы ты покинешь, взяв обоих
Детей с собой, не медля… а приказ
Исполнишь ты при мне, и двери дома
Своей я не увижу прежде, чем
Не выброшу тебя отсюда, слышишь?

Медея

Ай! Ай! Несчастная, я гибну. Недруг
Весь выпустил канат, и мне на берег
От злой волны уже спасенья нет…
Но тяжкая оставила мне силы
Спросить тебя: за что ты гонишь нас?

Креонт

О, тайны нет тут никакой: боюсь я,
Чтоб дочери неисцелимых зол

Не сделала ты, женщина, моей.
Во-первых, ты хитра, и чар немало
Твоя ум постиг, к тому же ты теперь
Без мужа остаешься и тоскуешь…
Я слышал даже, будто, ты грозишь
И мне, и жениху с невестой чем-то.
Так вот, пока мы целы, и хочу
Я меры взять. Пусть лучше ненавистен
Медее я, чем каяться потом
В мягкосердечии.

Медея

Увы! Увы!
О, не впервые, царь, и сколько раз
Вредила мне уж эта слава: зол
Она — источник давний. Если смыслом
Кто одарен, софистов из детей
Готовить он не будет. Он не даст
И к укорять согражданам за праздность…
И что еще? И ненависть толпы
Они своим искусством не насытят.
Ведь если ты невеж чему-нибудь,
Хоть мудрому, но новому, обучишь,
Готовься между них не мудрецом
Прослыть, а тунеядцем. Пусть молвою
Ты умников, которых город чтит,
Поставлен хоть на палец выше будешь —
Ты человек опасный. Эту участь
Я тоже испытала. Чересчур
Умна Медея — этим ненавистна
Она одним, другие же, как ты,
Опасною ее считают дерзость.
Подумаешь: покинутой жене
Пугать царей?! Да и за что бы даже
Тебе я зла хотела? Выдал дочь
Ты за кого желал: я ненавижу,
Но не тебя, а мужа. Рассуждал
Ты здраво, дочь сосватав, и твоей
Удаче, не завидую. Женитесь
И наслаждайтесь жизнью, лишь меня
Оставьте жить по-прежнему в Коринфе!
Молчанием я свой позор покрою.

Креонт

Да, сладко ты поешь, но злая цель
И в песнях нам мерещится: чем дольше
Я слушаю, тем меньше убежден…
Ведь от людей порыва остеречься,
Куда же легче нам, чем: от таких,
Как ты, жена, лукаво-осторожных.

Ну, уходи! Все высказала ты,
Но твоего искусства не хватает,
Чтобы сберечь нам лишнего врага.

Медея

О, я молю у ног твоих — ты нас
Не высылай; хоть ради новобрачных!

Креонт

Ты тратишься без толку на слова.

Медея

О, пощади… К мольбам моим склонися!

Креонт

Своя семья Медеи ближе нам.

Медея

О край родной! Ты ярко ожил в сердце…

Креонт

Милее нет и нам — после семьи.

Медея

Какое зло вы сеете, Эроты!

Креонт

Ну, не всегда — зависит от судьбы.

Медея

Виновному не дай укрыться, боже.

Креонт

Не будет ли, однако? От себя
И болтовни освободи нас лучше…

Медея

Освободить?.. Кого и от чего?
Ты вызволи нас, царь, из этой муки…

Креонт

Ты, верно, ждешь расправы наших слуг?..

Медея

О нет, о нет, тебя я умоляю…

Креонт

Угрозы мало, кажется, тебе?

Медея

Я не о том молю тебя, властитель.

Креонт

Пусти меня… Чего ж тебе еще?..

Медея

Дай день один мне сроку: не решила,
Куда идти еще я, а детей
Кто ж без меня устроит? Выше этих
Забот Ясон. О, сжалься, царь, и ты
Детей ласкал. Тебе знакомо чувство,
Которое в нас будит слабый. Мне
Изгнание не страшно… Если плачу,
То лишь над их несчастием, Креонт.

Креонт

Я не рожден тираном. Сколько раз
Меня уже губила эта жалость.
Вот и теперь я знаю, что не прав,
Все ж будь по-твоему. Предупреждаю только,
Что если здесь тебя с детьми и завтра
В полях моих увидит солнце, смерть
Оно твою осветит. Непреложно
Да будет это слово… До утра…

(Уходит.)
Корифей

О злая судьба!
Увы, о жена, что бед-то, что бед!
Куда ж ты пойдешь? У кого ты
Приюта попросишь? Где дом
И где та земля, Медея?
В море бездонное зол
Бросил тебя бессмертный.

Медея

О да! Темно на небе… Но на этом
Не кончилось! Не думайте: еще
И молодым счастливцам будет искус,
И свату их довольно горя… Разве
Ты думала, что сладкий этот яд
Он даром пил, — все взвешено заране…
Он с этих губ ни слова, он руки
Единого движенья без расчета
Не получил бы, верьте… О, слепец!..
В руках держать решенье — и оставить
Нам целый день… Довольно за глаза,
Чтобы отца, и дочь, и мужа с нею
Мы в трупы обратили… ненавистных…
Немало есть и способов… Какой
Я выберу, сама еще не знаю:
Чертог поджечь невестин или медь
Им острую должна вогнать я в печень,
До ложа их добравшись? Тут одна
Смущает вероятность. По дороге
До спальни их или за делом я
Захвачена могу быть и злодеям
Достаться на глумленье. Нет, уж лучше
Не изменять пути прямому нам,
И, благо он испытан, — яд на сцену…
Так, решено.
Ну, я убила их… А дальше что ж?
Где город тот и друг, который двери
Нам распахнет и, приютив, за нас
Поручится? Такого нет… Терпенье ж
Еще хоть ненадолго. Если стен
Передо мной откроется защита,
На тайную стезю убийства молча
Ступлю тотчас. Но если нам одно
Несчастье беспомощное на долю
Останется, я меч беру открыто
И дерзостно иду их убивать,
Хотя бы смерть самой в глаза глядела.
Владычицей, которую я чту
Особенно, пособницей моею,
Родной очаг хранящею, клянусь
Гекатою, что скорбию Медеи
Себе никто души не усладит!..
Им горек пир покажется, а свату
Его вино и слезы мук моих…
За дело же! Медея, все искусство
Ты призови на помощь, — каждый шаг
Обдумать ты должна до мелочей!..
Иди на самое ужасное! Ты, сердце,
Теперь покажешь силу. До чего,
О, до чего дошла ты! Неужели ж

Сизифову потомству,[125] заключив
С Ясоном брак, позволишь надругаться
Над Гелиевой кровью?[126] Но кому
Я говорю все это? Мы природой
Так созданы — на доброе без рук,
Да злым зато искусством всех мудрее…

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа 1

Реки священные вспять потекли,
Правда осталась, но та ли?
Гордые выси коснулись земли,
Имя богов попирая в пыли,
Мужи коварными стали…
Верно, и наша худая молва
Тоже хвалой обратится,
И полетят золотые слова
Женам в усладу, что птица.

Антистрофа 1

Музы не будут мелодий венчать
Скорбью о женском коварстве…
Только бы с губ моих эту печать,
Только б и женской цевнице звучать
В розовом Фебовом царстве…
О, для чего осудил Мусагет[127]
Песню нас слушать все ту же?
В свитке скопилось за тысячи лет
Мало ли правды о муже?

Строфа 2

О бурное сердце менады!
Из отчего дома, жена,
Должно быть, пробив Симплегады,
Несла тебя злая волна.
Ты здесь, на чужбине, одна,
Муж отдал тебя на терзанье;
И срам и несчастье должна

---

125 ***Сизифово потомство*** *— коринфяне. Мифический герой Сизиф, широко известный благодаря выражению «сизифов труд», считался одним из древнейших коринфских царей. В словах Медеи есть пренебрежительный оттенок, так как Сизиф славился своим корыстолюбием и плутовством.*

126 ***…позволишь надругаться над Гелиевой кровью?*** *— Так Медея называет самое себя, считая своего отца сыном Гелия (Солнца).*

127 ***Мусагет*** *— «предводитель Муз», эпитет Аполлона.*

Влачить за собой ты в изгнанье.

Антистрофа 2

Священная клятва в пыли,
Коварству нет больше предела,
Стыдливость — и та улетела
На небо из славной земли.
От бури спасти не могли
Отцовские стрелы Медеи,
И руки царя увлекли
Объятий ее горячее.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Входит Ясон.
Ясон

Не в первый раз я вижу, сколько зол
Влачит упорство злобы. Ты и город
Могла б иметь, и дом теперь, царей
Перенося смиренно волю. Если
В изгнание идешь ты, свой язык
Распущенный вини, жена. Конечно,
Мне все равно — ты можешь повторять,
Что низость тут виной моя; не меру
Возмездия за то, что ты семье
Властителя сулила, ты, Медея,
Должна считать за благо. Сколько мог,
Я гнев царей удерживал, оставить
Тебя просил я даже — ни к чему
Все это было… У безумья вожжи
Совсем ты распустила — злых речей
Поток не умолкал, и город наш
Тебе закрыт отныне. Но в заботах,
Как верный друг, я устали не знаю.
Я хлопочу о вас, чтобы нужды
Не испытать жене моей и детям,
Без денег не остаться. Мало ль зол
Увидишь на чужбине… Ненавистен
Тебе Ясон, но, право ж, не умеет
На вражеский себя настроить лад.

Медея

О низкий… о негодный… я не знаю,
Как выразить сильнее языком,
Что ты не муж, не воин, — хуже, злее
Нельзя уж быть, чем ты для нас, и к нам.
Ты все-таки приходишь… Тут не смелость…

Отвага ли нужна, чтобы, друзьям
Так навредив, в глаза смотреть? Иначе
У нас зовут такой недуг — бесстыдство.
Но все ж тебе я рада… сердце я
Хоть облегчить могу теперь и болью
Тебя донять… О, слушай… Как, начну?
Вот первое из первых… Я тебя
Спасла — и сколько эллинов с собою
На корабле везли тогда мы, все
Свидетели тому, — спасла, когда ты
Был послан укротить быков,[128] огонь
Метавших из ноздрей, и поле смерти
Засеять. Это я дракона, телом
Покрывшего в морщинистых извивах
Руно златое, умертвила, я,
Бессонного и зоркого, и солнца
Сияние глазам твоим вернула.
Сама ж, отца покинув, дом забыв,
В Фессалию с тобой ушла, — горячка
Была сильней рассудка. Пелий, царь,
Убит был тоже мною, — нет ужасней
Той смерти, что нашел он — от детей!
И все тебя я выручала, — этим
От нас ты не побрезгал, а в награду
Мне изменил. Детей моих отец,
Ты брак затеял новый. Пусть бы семя
Твое бесплодно было, жажду ложа
Я поняла бы нового… А где ж?
Где клятвы те священные? Иль боги,
Которые внимали им, теперь
Уж не царят, иль их законы новы?
Ты сознаешь — нельзя не сознавать,
Что клятву ты нарушил… Сколько раз
Руки искал ты этой и колени
Мне осквернял прикосновеньем! Все
Обмануты надежды. Что же друга
В тебе вернет Медее, ждать чего ж
Могла бы от тебя она? Но сердце
Мне жжет еще уста — ясней позор
Твой обличить вопросами… Итак,
Куда же нам идти прикажешь? Или
К отцу, домой? Тебе в угоду дом
Я предала. К несчастным Пелиадам?
У них отца убив, конечно, буду
Я принята радушно. О друзьях
Подумаю ли старых — ненавистна
Я стала им, а те, кому вредить
Пришлося мне — не для себя — в угоду
Тебе ж, Ясон, теперь мои враги.

---

128 ***…когда ты был послан укротить быков…*** *— Эет обещал отдать Ясону золотое руно, если тот укротит двух огнедышащих быков и, вспахав ими поле, засеет его зубами дракона. Благодаря полученному от Медеи волшебному средству, Ясон выполнил это условие.*

О, горе мне! Так вот она, та слава,
Блаженство то меж эллинов, что мне
Тогда сулил ты лживо… Да, гордиться
Могу я верным мужем, это так…
И славою счастливый младожен
Покроется не бледной, если, точно,
Извергнута из города, одна
И с беззащитными детьми, скитаясь,
И с нищими та, что спасла его,
Пойдет дивить людей своим несчастьем.
О Зевс; О бог, коль ты для злата мог
Поддельного открыть приметы людям,
Так отчего ж не выжег ты клейма
На подлеце, чтобы в глаза бросалось?..

Корифей

Неисцелим и страшен гнев встает,
Когда вражда людей сшибает близких.

Ясон

Кто не рожден оратором, тому
Теперь беда. Как шкипер осторожный,
Я опущу немножко паруса
Надутые, иначе, право, буря
Злоречия и эти вихри слов
Потопят нас, жена. Свои услуги
Ты в гордую сложила башню…
Нет,
Коль мой поход удачен, я Киприде
Обязан тем, Киприде меж богов
И меж людьми Киприде, — может быть,
Та мысль иным и не по вкусу будет.
Но оцени в ней тонкость: если кто
Одушевлял Медею на спасенье
Ясоново, то был Эрот… Зачем
Рассматривать в деталях Дело? Да,
Я признаю твои услуги. Что же
Из этого? Давно уплачен долг,
И с лихвою. Во-первых, ты в Элладе
И больше не меж варваров, закон
Узнала ты и правду вместо силы,
Которая царит у вас. Твое
Здесь эллины искусство оценили,
И ты имеешь славу, а живи
Ты там, на грани мира, о тебе бы
И не узнал никто. Для нас ничто
И золото в чертогах, и Орфея[129]
Нежнее песни голос по сравненью
С той славою, которая меня

129 ***Орфей*** *— мифический певец, чье пение укрощало диких иверей и сдвигало с места деревья и камни.*

Так дивно увенчала. О себе
Упомянул я, впрочем, лишь затем,
Что этот спор ты подняла. Отвечу
По поводу женитьбы. Поступил,
Во-первых, я умно, затем и скромно
И, наконец, на пользу и тебе,
И нашим детям. Только ты дослушай.
Когда из Иолка цепью за собою
Сюда одни несчастия принес я,
Изгнаннику какой удел счастливей
Пригрезиться мог даже, чем союз
С царевною?.. И ты напрасно колешь
Нас тем, жена, что ненавистно ложе
Медеи мне и новою сражен
Я страстию, или детей хочу
Иметь как можно больше…
Я считаю,
Что их у нас довольно, и тебя
Мне упрекать тут не за что. Женился
Я, чтоб себя устроить, чтоб нужды
Не видеть нам — по опыту я знаю,
Что бедного чуждается и друг.
Твоих же я хотел достойно рода
Поднять детей, на счастие себе,
Чрез братьев их, которые родятся.
Зачем тебе еще детей? А мне
Они нужны для пользы настоящих.
Ну, будто ж я не прав? Сказала б «да»
И ты, когда б не ревность. Все вы, жены,
Считаете, что если ложа вам
Не трогают, то все благополучно…
А чуть беда коснулась спальни, нет
Тут никому пощады; друг ваш лучший,
Полезнейший совет — вам ненавистны.
Нет, надо бы рождаться детям так,
Чтоб не было при этом женщин, — люди
Избавились бы тем от массы зол.

Корифей

Ты речь, Ясон, украсил, но сдается
Мне все-таки, меня не обессудь,
Что ты не прав, Медею покидая.

Медея

О, я во многом, верно, от людей
И многих отличаюсь. Наказанью
Я высшему подвергла бы того,
Кто говорить умеет, коль при этом
Он оскорбляет правду. Языком
Искусным величаясь, человек

Такой всегда оденет зло прилично…
Под маской же на что он не дерзнет?
Но есть изъян и в мудрости, увы!..
Ты, например, и тонкою и хитрой
Раскинул сетью речь, а поразить
Нам ничего тебя не стоит. Честный
Уговорил бы близких и потом
Вступал бы в брак, а ты сперва женился…

Ясон

Скажи тебе заранее, сейчас
Ты так бы и послушалась, — ты злобу
И до сих пор на сердце бережешь.

Медея

Другого ты боялся, чтоб женатым
На варварской царевне не остаться:
Вам, эллинам, под старость это тяжко.

Ясон

Пожалуйста, не думай, что жена
При чем-нибудь в моем союзе новом;
Я говорил уже, что я тебя
Спасти хотел, родив единокровных
Твоим сынам: царей, опору дома.

Медея

Нам счастия не надо, что ценой
Такой, обиды куплено; богатства,
Терзающего сердце, не хочу.

Ясон

Моли богов, желания иные
Влагая в грудь Медее, умудрить
Ее, чтоб ей полезное — обидой
И счастие не грезилось несчастьем…

Медея

Глумись… тебе приюта не искать.
Изгнанница пред вами беззащитна.

Ясон

Твой выбор был — других и не вини.

Медея

Так это я женилась, изменяла?

Ясон

Безбожно ты кляла своих царей.

Медея

И твоему проклятьем дому буду.

Ясон

На этом мы и кончим. Если вам —
Тебе иль детям нашим — деньги нужны
Ввиду пути, прошу сказать теперь;
Отказа вам не будет. Я и знаки
Гостиные могу послать друзьям,
Помогут вам… Не хочешь брать?
Напрасно. Открой глаза, не гневайся, тебе ж,
О женщина, поверь — полезней будет.

Медея

Твоих друзей не надо нам, и денег
Я не возьму — не предлагай, — от мужа
Бесчестного подарок руки жжет.

Ясон

Богов беру в свидетели, что пользы
Я всячески и детской и твоей
Искал, жена, но доброты не ценит,
Надменная, моей, — и ей же хуже.

(Уходит.)
Медея

Ступай. Давно по молодой жене
Душа горит — чертог тебя заждался.
Что ж? Празднуй брак! Но слово скажет бог:
Откажешься, жених, и от невесты.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа 1

Когда свирепы Эроты,
Из сердца они уносят

Всю сладость и славы людям
Вкусить не дают. Но если
Киприда шлет только радость,
Нет богини прелестней…
Ты мне никогда, царица,
Стрел не мечи золотых
И неизбежных в сердце,
Полных яда желаний.

Антистрофа 1

Скромной ласки хочу я:
Нет дара бессмертных слаще.
О, пусть никогда Киприды
Ужасной не слышу в сердце,
С грозой ее ярых ударов,
С бурей ссор ненавистной,
С желаньем чужого ложа!
Спальню, где нет войны,
Ложе, где жены не спорят,
Славить гимном хочу я.

Строфа 2

Родина, дом отцовский, о, пусть,
Пусть никогда не стану
Города я лишенной…
Злее нет горя в жизни
Дней беспомощных.
Смерти, о, смерти пускай
Иго подъемлю, но только
Дня изгнанья не видеть…
Муки нет тяжелее,
Чем отчизны лишиться.

Антистрофа 2

Вижу сама — не люди, увы,
Сказку сложили эту!..
Города ты лишилась,
Друг состраданьем муки
Не облегчает,
Неблагодарный… Пускай
Сгибнет, коль друга не чтит он.
Сердце чистое должен
Он открыть ему, сердце:
Друга иного не надо.

Менада. Роспись чаши. V век до н. э. Мюнхен. Государственный музей древностей

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Приходит Эгей.
Эгей

О, радуйся, Медея! Я люблю
Приветствовать друзей таким желаньем.

Медея

Привет тебе, о Пандиона сын
Премудрого, Эгей! Откуда к нам?

Эгей

Я навещал оракул Феба древний.

Медея

Зачем тебе был серединный храм?

Эгей

Детей иметь хотел бы я, Медея.

Медея

Ты до сих пор бездетен, боже мой!

Эгей

То демона какого-то желанье.

Медея

Но ты женат или не ведал ложа?

Эгей

От брачного ярма я не ушел.

Медея

И что ж тебе поведал бог о детях?

Эгей

Увы! Его не понимаю слов.

Медея

Услышать их могла ль бы я?

Эгей

Еще бы. Тут именно и нужен тонкий ум.

Медея

Так передай их нам, коль не зазорно.

Эгей

Мол, «из мешка ноги не выпускай».

Медея

Пока чего не сделаешь? Иль в землю
Какую не придешь? Должно быть, так?

Эгей

В отцовский дом покуда не вернешься.

Медея

А ты сюда-то прибыл для чего ж?

Эгей

Нам нужен царь Питфей, земли трезенской.

Медея

Сын набожный Пелопов, так ли, царь?

Эгей

Я сообщить ему хочу оракул.

Медея

Да, мудрый муж — в оракулах силен.

Эгей

А мне к тому ж он и соратник близкий.

Медея

Дай бог тебе и счастия, Эгей,
И всех твоих желаний исполненья.

Эгей

Ты ж отчего, скажи, Медея, так
Осунулась в лице, глаза потухли?

Медея

Муж у меня последний из людей.

Эгей

Скажи ясней причину огорченья.

Медея

Оскорблена я им, и ни за что…

Эгей

Да сделал что ж Ясон? Скажи мне прямо.

Медея

Взял женщину — хозяйку надо мной.

Эгей

Он не посмел бы, нет. Постыдно слишком.

Медея

Вот именно он так и поступил.

Эгей

Влюбился, что ль, или ты ему постыла?

Медея

Должно быть, страсть, — измена ж налицо.

Эгей

Так бог же с ним, коль сердцем он так низок.

Медея

К царевне он присватался, Эгей.

Эгей

А у кого? Хотел бы я дослушать.

Медея

Коринфский царь Креонт — ее отец.

Эгей

Вот отчего ты к сердцу принимаешь.

Медея

И мужа нет, и гонят — все зараз.

Эгей

То новое несчастие — откуда ж?

Медея

Все от того ж коринфского царя.

Эгей

С согласия Ясона? Что за низость!

Медея

Послушаешь его, так нет.

Ясон

Желание свое по принужденью
Чужому исполняет. Но, Эгей,
Ланитою и святостью колен
Тебя молю: о, сжалься над несчастной
Изгнанницей покинутой, прими
Ее в страну, ей угол дай. За это
Тебе детей желанных ниспошлют
Бессмертные и славную кончину.
Ты каяться не будешь, и, поверь,
Ты не умрешь бездетным. Знаю средства
Я верные, чтобы отцом ты стал.

Эгей

Тебе помочь хочу, ради бессмертных,
Жена, и это главное, но нам
Заманчиво и обещанье сделать
Меня отцом. Я весь ушел душой
В желанье это, им я весь захвачен.
А для тебя я постараюсь быть
Хозяином радушным: брать с собою
Тебя, пожалуй, было б не с руки;
Но если ты сама придешь в Афины,
Я дам тебе приют и никому
Тебя не выдам — можешь быть покойна.
Но этот край покинешь ты без нас.
Рассориться с друзьями не желал бы
Из-за тебя я — прямо говорю.

Медея

Пусть так оно и будет. Но поруки
Ты не дал нам. Могу ль покойна быть?

Эгей

Так разве мне не веришь ты, Медея?

Медея

Я верю, да. Но у меня враги:
В Фессалии[130] и здешний царь. И если
Ты будешь связан клятвой, в руки к ним
Не попаду, я знаю, а без клятвы,
Лишь посулив спасенье, разве ты,

---

130 ***Но у меня враги: в Фессалии.*** *— Имеется в виду сын Пелия Акаст.*

Их осажден герольдами и дружбой
Подвинутый, не можешь под конец
И уступить? Я тоже друг, положим,
Но слабый друг, а против нас — цари.

Эгей

Ты, кажется, уж слишком дальновидна.
Но, если так тебе душа велит,
Отказа нет тебе от нас и в этом.
Да, может быть, и нам всего верней
Перед твоим врагом сослаться будет
На то, что мы клялись… Тебе ж — залог…
Ну, называй богов, какими клясться.

Медея

Клянись Земли широким лоном, Солнцем,
Отцом отца Медеи и богами…
Всем родом ты божественным клянись.

Эгей

Что сделаю или чего, жена,
Не сделаю, сказать я, верно, должен?

Медея

Что сам Медеи не изгонишь, если ж
Кто из врагов потребует меня,
Покуда жива и волею не выдашь.

Эгей

Святынею Земли и Солнца, всеми
Богами я клянусь не изменить.

Медея

Так хорошо, а если ты изменишь…

Эгей

С безбожником да разделю конец.

Медея

Ну, в добрый час, Эгей, и добрый путь!
Я — следом за тобою, — только раньше
Готовое на свет явлю, и пусть
Желанное свершит судьба Медее.

Эгей уходит.

Корифей

Сын Майи, божественный вождь,
Да к дому приблизит Эгея!
И все, что задумал ты, царь,
Пускай совершится скорее.
Рожденья высокого знак
Ты в сердце зажег восхищенном…

Медея

О Зевс! О правда Зевса! Солнца свет!
Победой мы украсимся, подруги,
Победою. Я знаю наконец,
Куда мне плыть. И гавань перед нами
Желанная открылась. Стоит нам
Туда канат закинуть, и Паллады
Нас примет славный город. А теперь
Решение узнай мое, не думай,
Что я шучу, пожалуйста. Сюда
Рабыня к нам потребует Ясона
От имени Медеи. Он найдет
Здесь ласковый прием и убедится,
Что я на все согласна и что мил
Нам приговор Креонта. Лишь о детях
Его молить я буду, чтобы их
Оставили в Коринфе. Не затем
Я этого хочу, чтоб меж врагами
Оставить их, — но мне убить царевну
Они помогут хитростью, чрез них
Я перешлю дары ей: пеплос дивный
И золотую диадему. Тот
Чарующий едва она наденет
Убор, погибнет в муках, — кто бы к ней
Потом ни прикоснулся — тоже: ядом
Я напою дары свои, жена.
Об этом слов довольно… Но, стеная,
Я передам теперь, какое зло
Глядит в глаза Медее после… Я
Должна убить детей. И их не вырвет
У нас никто. Сама Ясонов с корнем
Я вырву дом. А там — пускай ярмо
Изгнания, клеймо детоубийцы,
Безбожия позор, — все, что хотите.
Я знаю, что врага не насмешу,
А дальше все погибни. Точно, в жизни
Чего жалеть бы стала я? Отчизны?
Родительского крова? Ведь угла,
Угла, где схоронить мои несчастья,
Нет у меня на свете. О, зачем
Я верила обманам, покидая

Отцовский дом, и эллину себя
Уговорить позволила? А впрочем,
Мы с помощью богов свое возьмем
С предателя. И никогда рожденных
Медеею себе на радость он
Не обольет лучами глаз, невеста ж
Желанная других не принесет.
Ей суждены, порочной, только муки
От чар моих и в муках — злая смерть.
Ни слабою, ни жалкою, наверно,
В устах людей я не останусь; нас
Не назовут и терпеливой; нрава
Иного я: на злобу я двумя,
А на любовь двойною отвечаю.
Все в мире дети славы таковы.

Корифей

Посвящена в твой замысел и только
Добра тебе желая, не могу
Я все ж забыть о Правде, — солнце миру, —
И говорю тебе одно — оставь.

Медея

Мне поступить нельзя иначе. Муки ж
Не испытав моей, тебе, жена,
Понять мои желанья тоже трудно.

Корифей

И ты убьешь детей, решишься ты?

Медея

Чем уязвить могу больней Ясона?

Корифей

Несчастием еще ль ты не сыта?

Медея

Пусть гибнет все… А вы, уста чужие,
Свое уже сказали.

(Одной из рабынь.)
Ты ступай

И приведи Ясона к нам: коль верной
Потребует судьба у нас слуги,
Кого назвать другого? Ничего

Не говори ему о наших планах.
Но госпожу ты любишь, и сама
Ты женщина. Нас, верно, поняла ты.

Рабыня уходит.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

Строфа 1

О Эрехтиды[131] древле блаженные,
Дети блаженных богов!
Меж недоступных хранят вас холмов
Нивы священные. Там славы жар вам в жилы влит,
Там нега в воздухе разлита,
Там девять чистых Пиэрид[132]
Златой Гармонией повиты.

Антистрофа 1

Дивной Киприды прикосновение
Струи Кефиса[133] златит,
Ласково следом по нивам летит
Роз дуновение,
Благоухая в волосах,
Цветы не вянут там свитые,
И у рассудка золотые
Всегда Эроты на часах…

Строфа 2

Тебя ж те чистые волны,
И город, и друг,
Скажи мне, принять
Решатся ли, если
Детей ты погубишь?
Представь себе только
Весь этот ужас… Раны на детях!..
Видишь, твои
Я обняла
В мольбе колена… О, пощади,
Не убивай, Медея, милых.

---

131 ***Эрехтиды*** *— афиняне, чьим первым царем считался Эрехтей (Эрехфей).*
132 ***…девять чистых Пиэрид…*** *— девять муз; «Пиэриды» — производное от «Пиэрия»: так называлась посвященная музам местность около горы Олимпа.*
133 ***Кефис*** *— Это название носило несколько рек в Древней Греции. Здесь, судя по контексту, имеется в виду река в Аттике.*

Антистрофа 2

Откуда же дерзость рука
И сердце возьмут,
Скажи мне, скажи,
Зарезать малюток?
Лучи, упадая
Из глаз не дрожащих,
Выжгут ли слез
Детскую долю?
Нет, никогда
Руку в крови
Детей молящих
Ты не дерзнешь
Свою смочить
В гневе безбожном.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Входит Ясон.
Ясон

Я приглашен… и хоть враждебно ты
Настроена, но выслушать хотел бы
Желания, о женщина, твои.

Медея

Прощения за то, что здесь ты слышал,
Я у тебя прошу, Ясон, — любовь
Жила меж нас так долго, что горячность
Мою поймешь ты, верно. Я же, царь,
Додумалась до горького упрека
Самой себе. Безбожница, чего ж
Беснуюсь я, и в самом деле злобой
На дружбу отвечая, на властей
И мужа поднимаясь? Если даже
Женился муж на дочери царя
И для детей моих готовит братьев,
Так я должна же помнить, что для нас
Он это делает… Неужто гнев
Так дорог сердцу? Что с тобой, Медея?
Да разве все не к лучшему? Иль нет
Детей у нас, а есть отчизна, город?
Иль все мы не изгнанники, друзей
Лишенные? Все это обсудивши,
Я поняла, что было не умно
Сердиться и напрасно. Я тебя
Хвалю теперь… И точно, долг и скромность
Тобою управляли, о Ясон,
Когда ты брак задумал новый; жалко,

Самой тогда на ум мне не пришло
Войти в твой план советом… и невесте
Прислуживать твоей, гордясь таким
Родством… увы! Но что же делать? Все мы
Такие женщины — будь не в обиду вам.
Но ты, Ясон, не станешь слабым женам
Подобиться, не будешь отвечать
Ребячеством на женскую наивность…
Я рассуждала плохо, но мои Решения переменились. Гей!

(Вызывает из дому детей.)

О дети милые! Вы обнимите крепче
Отца и вслед за мною повторяйте
С приветом и любовью, что беречь
На друга зла не будем… Восстановлен
Мир, гнев забыт. Держитесь, дети, так,
Вот вам моя рука… О, горе, горе!
Над вами туча, дети… а за ней?
И долго ли вам жить еще, а мне
Глядеть на ваши руки, что во мне
Защиты ищут… Жалкая душа!
Ты, кажется, готова плакать, дрожью
Объята ты. Да, так давно с отцом
Была я в ссоре вашим, и теперь,
Когда мы помирились, слез горячих
На нежные ланиты реки льются.

Корифей

Да, свежая и у меня бежит
Вниз по лицу слеза. Довольно бедствий!

Ясон

Мне нравятся, Медея, те слова,
Которые я слышу, — улетевших
Я не хочу и помнить. Гнев у жен
Всегда кипеть готов, когда мужьям
Приходится им изменять на ложе.
Да, хоть не сразу, все-таки пришла
Ты к доброму решению. И скромность
В Медее победила… Вам же, дети,
При помощи богов я доказать
Свои заботы долгие надеюсь…
Когда-нибудь меж первыми людьми
Увижу вас в Коринфе… через братьев,
Которые родятся. А пока
Растите, детки, — дальше ж дело бога,
Коль есть такой, что любит вас, и наше;
Даст бог, сюда вернетесь в цвете сил
И юности и недругам моим

Покажете, что расцвели недаром.
Ба… ты опять за слезы… Не глядишь…
И нежные от нас ланиты прячешь…
Иль я опять тебе не угодил?

Медея

О нет, я так…
Раздумалась о детях.

Ясон

Несчастная, иль думать значит плакать?

Медея

Ведь я носила их… И вот когда
Ты им желал подольше жить, так грустно
Мне сделалось; то сбудется ль, Ясон?..

Ясон

Смелей, жена! Что сказано, устрою.

Медея

О, из твоей не выйду воли я.
Мы, жены, так и слабы и слезливы…
Ну, будет же об этом… а теперь,
Вот видишь ли… Царям земли угодно
Меня отсюда выслать, и для нас
Такой исход, пожалуй, не из худших…
Тебе и им помехою, Ясон,
Не буду я, по крайней мере, — тяжко
Быть в вечном подозренье. Парус свой
Сегодня ж поднимаю. Но Креонта
Ты упроси, чтоб дал хоть сыновьям
Он вырасти у их отца, в Коринфе.

Ясон

Что ж? Попросить, пожалуй, я не прочь.

Медея

Жене вели просить, чтобы малюток
Не удалял отец ее твоих.

Ясон

Да, да, его мы убедим, конечно…

Медея

Коль женщина она, одна из нас…
И я приду на помощь вам — подарки
Твоей жене пошлю через детей.
Я знаю: нет прекрасней в целом мире…
Постой… сейчас… Рабыни, кто-нибудь,
Там пеплос тонкий есть и диадема.
Да, благо ей на долю не одно,
А мириады целые достались:
На ложе муж, такой, как ты, вельможа,
А с ним убор, что Гелий завещал,
Отец отца, в наследье поколеньям…
Берите вено это, дети, вы
Блаженнейшей царевне и невесте
Его снесете. О, завиден дар.

Ясон

Мотовка! Что пилишь себя? Иль мало
Там пеплосов в чертогах у царей Иль золота?
Прибереги на случай…
Коль сами мы в какой-нибудь цене,
Твои дары излишни, я уверен.

Медея

Не говори… Богов и тех дары,
Я слышала, склоняют. Сколько надо
Прекрасных слов, чтоб слиток золотой
Перетянуть… к счастливице невесте
И мой убор пойдет… Так молода —
И царствует… О, чтоб остались дети,
Что золото? Я отдала бы жизнь…

(К детям.)

Ну, дети, вы пойдете в дом богатый,
К жене отца и молодой моей
Царице, так смотрите ж, хорошенько
Ее вы умоляйте, чтобы, дар
Уважив мой, оставили с отцом вас…
А главное, глядите, чтоб убор
Она сама взяла… Ну, поскорее.
Ответа я нетерпеливо жду,
И доброго, конечно. С богом, дети!

Дети уходят в сопровождении дядьки .

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

Строфа 1

О дети! Уж ночь вас одела.
Кровавой стопою отмщенья
Ужасное близится дело:
Повязка в руках заблестела.
Минута — Аидом обвит,
И узел волос заблестит…

Антистрофа 1

Но ризы божественным чарам
И розам венца золотого
Невесту лелеять недаром:
Ей ложе Аида готово,
И муки снедающим жаром
Охватит несчастную сеть,
Гореть она будет, гореть…

Строфа 2

Ты, о горький жених, о царский избранник,
Разве не видишь,
Что нож над детьми заносят,
Что факел поднес ты к самым
Ризам невесты? О, как далек ты сердцем,
Муж, от судьбы решенной!

Антистрофа 2

Вместе плачу с тобою, вместе, Медея,
Детоубийца,
О горькая мать Леонидов!
Ты брачного ради ложа
Крови их хочешь,
За то, что муж безбожно
Взял невесту другую.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Возвращается дядька, с ним дети.
Дядька

О госпожа! Детей не изгоняют.
Дары от них царевна приняла
С улыбкой и обеими руками,
С малютками отныне мир.

Но, ба! Что вижу? Это счастие Медею
Расстроило…

Медея

Ай-ай-ай-ай-ай-ай…

Дядька

К моим вестям слова те не подходят.

Медея

Ай-ай-ай-ай…

Дядька

Я возвестил беду, Считая весть отрадною, должно быть…

Медея

Ты передал, что знал, ты ни при чем…

Дядька

Но в землю ты глядишь и слезы точишь?

Медея

Так быть должно, старик, — нам это бог
И умысел Медеи злой устроил…

Дядька

Не падай духом, госпожа, авось
Через детей и ты сюда вернешься.

Медея

Других верну я, горькая, сперва.

Дядька

Одна ли ты с детьми в разлуке будешь?
Для смертного тяжелой муки нет.

Медея

Да, это так… Но в дом войди и детям,
Что нужно на сегодня, приготовь.

Дядька уходит.

О дети, дети! Есть у вас и город
Теперь и дом, — там поселитесь вы
Без матери несчастной… навсегда…
А я уйду в изгнание, в другую
Страну и счастья вашего ни видеть,
Ни разделять не буду, ваших жен
И свадеб ваших не увижу, вам
Не уберу и ложа, даже факел
Не матери рука поднимет. О,
О горькая, о гордая Медея!
Зачем же вас кормила я, душой
За вас болела, телом изнывала
И столько мук подъяла, чтобы вам
Отдать сиянье солнца?.. Я надеждой
Жила, что вы на старости меня
Поддержите, а мертвую своими
Оденете руками. И погибла
Та сладкая мечта. Чужая вам,
Я буду дни влачить. И никогда уж,
Сменивши жизнь иною, вам меня,
Которая носила вас, не видеть…
Глазами этими. Увы, увы, зачем
Вы на меня глядите и смеетесь
Последним вашим смехом?.. Ай-ай-ай…
Что ж это я задумала? Упало
И сердце у меня, когда их лиц
Я светлую улыбку вижу, жены.
Я не смогу, о нет… Ты сгибни, гнет
Ужасного решенья!.. Я с собою
Возьму детей… Безумно покупать
Леоновы страдания своими
И по двойной цене… О, никогда…
Тот план забыт… Забыт… Конечно… Только
Что ж я себе готовлю? А враги?
Смеяться им я волю дам, и руки
Ид выпустят… без казни?.. Не найду
Решимости? О, стыд, о, униженье!
Бояться слов, рожденных слабым сердцем…
Ступайте в дом, вы, дети, и кому
Присутствовать при этой жертве совесть
Его не позволяет, может тоже
Уйти… Моя рука уже не дрогнет…
Ты, сердце, это сделаешь?.. О нет.
Оставь детей, несчастная, в изгнанье
Они усладой будут. Так клянусь же
Аидом я и всей поддонной силой,
Что не видать врагам моих детей,
Покинутых Медеей на глумленье.
Все сделано… Возврата больше нет…
На голове царевны диадема,
И в пеплосе отравленном моем

Она теперь, я знаю, умирает…
Мне ж новый путь открылся…
Новый… Да… Но только прежде…
Дети, дайте руки, Я их к губам прижать хочу…
Рука любимая, вы, волосы, вы, губы,
И ты, лицо, какое у царей
Бывает только… Вы найдете счастье
Не здесь, увы! Украдено отцом
Оно у нас… О, сладкие объятья,
Щека такая нежная, и уст
Отрадное дыханье… Уходите,
Скорее уходите… Силы нет
Глядеть на вас. Раздавлена я мукой…
На что дерзаю, вижу… Только гнев
Сильней меня, и нет для рода смертных
Свирепей и усердней палача…

(Уходит в дом.)
Корифей

Люблю я тонкие сети
Науки, люблю я выше
Умом воспарять, чем женам
Обычай людей дозволяет…
Есть муза, которой мудрость
И наша отрадна; жены
Не все ее видят улыбку —
Меж тысяч одну найдешь ты, —
Но ум для науки женский
Нельзя же назвать закрытым.
Я думала долго, и тот,
По-моему, смертный, счастлив,
Который, до жен не касаясь,
Детей не рождал; такие
Не знают люди, затем что
Им жизнь не сказала, сладки ль
Дети отцам, иль только
С ними одно мученье…
Незнанье ж от них удаляет
Много страданий; а те,
Которым сладкое это
Украсило дом растенье,
Заботой крушатся всечасно,
Как выходить нежных, откуда
Взять для них средства к жизни,
Да и кого они растят,
Достойных людей иль негодных,
Разве отцы знают? Но из несчастий горше
Нет одного и ужасней.
Пусть денег отец накопит,
Пусть дети цветут красою,
И доблесть сердца им сковала,

Но если налетом вырвет
Из дома их демон смерти
И бросит в юдоль Аида,
Чем выкупить можно эту
Тяжелую рану, и есть ли
Больнее печаль этой платы
За сладкое право рожденья?..

Входит Медея.

ЭПИСОДИЙ ШЕСТОЙ

Медея

Я заждалась, подруги, чтоб судьба
Свое сказала слово, — в нетерпенье
Известие зову я… Вот как раз
Из спутников Неоновых один;
Как дышит трудно, он — с недоброй вестью.

Входит вестник.
Вестник

Беги, беги, Медея; ни ладьей
Пренебрегать не надо, ни повозкой:
Не по морю, так по суху беги…

Медея

А почему же я должна бежать?

Вестник

Царевна только что скончалась, следом
И царь-отец — от яда твоего.

Медея

Счастливое известие… Считайся
Между друзей Медеи с этих пор.

Вестник

Что говоришь? Здорова ты иль бредишь?
Царев очаг погас, а у тебя
Смех на устах, и хоть бы капля страха.

Медея

Нашелся бы на это и ответ…
Но не спеши, приятель, по порядку
Нам опиши их смерть, и чем она

Ужаснее была, тем сердцу слаще.

Вестник

Когда твоих детей, Медея, складень
Двустворчатый и их отец прошли
К царевне в спальню, радость пробежала
По всем сердцам — страдали за тебя
Мы, верные рабы… А тут рассказы
Пошли, что ссора кончилась у вас.
Кто у детей целует руки, кто
Их волосы целует золотые;
На радостях я до покоев женских
Тогда проник, любуясь на детей.
Там госпожа, которой мы дивиться
Вместо тебя должны теперь, детей
Твоих сперва, должно быть, не видала;
Она Ясону только улыбнулась,
Но тотчас же фатой себе глаза
И нежные ланиты закрывает;
Приход детей смутил ее, а муж
Ей говорит: «О, ты не будешь злою
С моими близкими, покинь свой гнев
И посмотри на них; одни и те же
У нас друзья, не правда ли? Дары
Приняв от них, ты у отца попросишь
Освободить их от изгнанья; я
Того хочу». Царевна же, увидев
В руках детей убор, без дальних слов
Все обещала мужу. А едва
Ясон детей увел, она расшитый
Набросила уж пеплос и, волну
Волос златой прижавши диадемой,
Пред зеркалом блестящим начала
Их оправлять, и тени красоты
Сияющей царевна улыбалась,
И, с кресла встав, потом она прошлась
По комнате, и, белыми ногами
Ступая так кокетливо, своим
Убором восхищалась, и не раз,
На цыпочки привстав, до самых пяток
Глазам она давала добежать.
Но зрелище внезапно изменилось
В ужасную картину. И с ее
Ланит сбежала краска, видим… После
Царевна зашаталась, задрожали
У ней колени, и едва-едва…
Чтоб не упасть, могла дойти до кресла…
Тут старая рабыня, Пана ль гнев
Попритчился ей иль иного бога,
Ну голосить… Но… ужас… вот меж губ
Царевниных комок явился пены,

Зрачки из глаз исчезли, а в лице
Не стало ни кровинки, — тут старуха
И причитать забыла, тут она
Со стоном зарыдала. Вмиг рабыни,
Одна к отцу, другая к мужу, с вестью
О бедствии, — и тотчас весь чертог
И топотом наполнился и криком…
И сколько на бегах возьмет атлет.
Чтоб, обогнув мету, вернуться к месту,[134]
Когда прошло минут, то изваянье,
Слепое и немое, ожило:
Она со стоном возвратилась к жизни
Болезненным. И два недуга враз
На жалкую невесту ополчились:
Венец на волосах ее златой
Был пламенем охвачен жадным, риза ж,
Твоих детей подарок, тело ей
Терзало белое, несчастной… Вижу: с места
Вдруг сорвалась, и ужас! Вся в огне,
И силится стряхнуть она движеньем
С волос венец, а он как бы прирос;
И только пуще пламя от попыток
Ее растет и блещет. Наконец,
Осилена, она упала, мукой…
Отец — и тот ее бы не узнал:
Ни места глаз, ни дивных очертаний
Не различить уж было, только кровь
С волос ее катилась и кипела,
Мешаясь с пламенем, а мясо от костей,
Напоено отравою незримой,
Сквозь кожу выступало — по коре
Еловой так сочатся слезы. Ужас
Нас охватил, и не дерзали мы
До мертвой прикоснуться. Мы угрозе
Судьбы внимали молча. Ничего
Не знал отец, когда входил, и сразу
Увидел труп. Рыдая, он упал
На мертвую, и обнял, и целует
Свое дитя и говорит: «О дочь
Несчастная! Кто из богов позорной
Твоей желал кончины и зачем
Осиротил он старую могилу,
Взяв у отца цветок его? С тобой
Пусть вместе бы убит я был». Он кончил
И хочет встать, но тело, точно плющ,
Которым лавр опутан, прирастает
К нетронутой одежде, — и борьба
Тут началась ужасная: он хочет
Подняться на колени, а мертвец
Его к себе влечет. Усилья ж только

---

134 ***…чтоб, обогнув мету, вернуться к месту…*** *— Мета — столб, достигнув которого состязавшиеся атлеты бежали в обратном направлении.*

У старца клочья мяса отдирают…
Попытки все слабее, гаснет царь
И испускает дух, не властен больше
Сопротивляться муке. Так они
Там и лежат — старик и дочь, — бездушны
И вместе, — слез желанная юдоль.
А о тебе что я скажу? Сама
Познаешь ты весь ужас дерзновенья…
Да, наша жизнь лишь тень; не в первый раз
Я в этом убеждаюсь. Не боюсь
Добавить я еще, что, кто считает
Иль мудрецом себя, или глубоко
Проникшим тайну жизни, заслужил
Название безумца. Счастлив смертный
Не может быть. Когда к нему плывет
Богатство — он удачник, но и только…

(Уходит.)
Хор

Да, много зол, заслуженных, увы!
Бог наложил сегодня на Ясона…
Ты ж, бедная Креонта дочь, тебя
Жалеем мы: тебе Ясонов брак
Аидовы ворота отверзает…

Медея

Так… решено, подруги… Я сейчас
Прикончу их и уберусь отсюда,
Иначе сделает другая и моей
Враждебнее рука, но то же; жребий
Им умереть теперь. Пускай же мать
Сама его и выполнит. Ты, сердце,
Вооружись! Зачем мы медлим? Трус
Пред ужасом один лишь неизбежным
Еще стоит в раздумье. Ты, рука
Злосчастная, за нож берись… Медея,
Вот тот барьер, откуда ты начнешь
Печальный бег сейчас. О, не давай
Себя сломить воспоминаньям, мукой
И негой полным; на сегодня ты
Не мать им, нет, но завтра сердце плачем
Насытишь ты. Ты убиваешь их
И любишь. О, как я несчастна, жены!

(Быстро уходит.)

СТАСИМ ПЯТЫЙ

Хор

Строфа 1

О! Земля, ты светлый луч,
От Гелия идущий, о, глядите,
Глядите на злодейку,
Пока рука ее не пролила
Крови детей…
О Солнце, не давай,
Чтоб на землю кровь бога
Текла из-под руки,
Подвластной смерти;
Ты, Зевса свет, гони
Эринию из этого чертога,
Которой мысли
Наполнил демон мести
Кровавыми парами.

Антистрофа 1

Напрасно ты из-за детей
Страдала и напрасно их рождала.
Те синие утесы,
Как сторожей суровых миновав,
Медея, мать
Несчастная, с душой,
Давимой гневом тяжким,
Зачем влачишься ты
К убийству снова,
Едва одно свершив?
Безумная! О, горе смертным,
Покрытым кровью,
К богам она взывает,
И боги щедро платят…

Хор

Строфа 2

Голоса детей… Послушай,
О преступная! О, злой
И жены ужасный жребий!
Один детский голос
Ай-ай… о, как от матери спасусь?

Другой

Не знаю, милый… Гибнем…
Мы погибли…

Хор

Поспешим на помощь, сестры;
В дом иду я.

Детские голоса

Скорее, ради бога, — нас убьют…
Железные сейчас сожмут нас сети.

Хор

Ты из камня иль железа,
Что свое, жена, рожденье,
Плод любимый убиваешь?

Антистрофа 2

Мне одну хранила память,
Что детей любила, мать,
И сама же их убила…
Она в безумии божественном, когда
Ее скитаться осудила Гера.[135]
Волны моря смыли только
Пятна крови,
Она ж, с утеса в море соступив,
Двух сыновей теперь могилу делит.
Ужас, ужас ты предельный!
Сколько зерен злодеянья
В ложе мук таится женских…

ЭКСОД

Входит Ясон.
Ясон

Вы, жены, здесь уже давно, не так ли?
Злодейка где ж? В чертоге заперлась?
Или в бегах Медея? Только ад
Иль неба высь да крылья птицы разве
Ее спасти могли бы. За тиранов
Она иначе роду их ответит.
Иль, может быть, убив царя земли,
Она себя считает безопасной,
Коли ушла отсюда?.. Но о ней
Я думаю не столько, как о детях:
Ее казнить всегда найдутся руки.
Детей бы лишь спасти, и как бы им

---

135 ***Ино*** *— сестра Семелы, родившей Диониса от Зевса. За то, что Ино воспитала Диониса, жена Зевса Гера поразила ее мужа Афаманта безумием, и тот убил своего старшего сына от Ино — Леарха. Спасая своего второго сына Меликерта от обезумевшего мужа, Ино бросилась в море и стала морским божеством Левкофеей.*

Креонтова родня за материнский
Не мстила грех — вот я чего боюсь.

Корифей

О ты, Ясон, еще не знаешь бедствий
Последнего предела; не звучат
Они еще в твоих словах, несчастный.

Ясон

Так где же он? Иль очередь за мной?

Корифей

Детей твоих, детей их мать убила.

Ясон

Что говоришь? О, смерть, о, злая смерть!

Корифей

Их больше нет, их больше нет на свете.

Ясон

Убила где ж, при вас или в дому?

Корифей

Вели открыть ворота — сам увидишь.

Ясон

Гей! Вы! Долой запоры, с косяков
Срывайте двери — два несчастья видеть
Хочу я, двух убитых и злодейку.

Появляется колесница, запряженная драконами.
В ней Медея с телами детей.

Медея

Не надо дверь ломать, чтобы найти
Убитых и виновницу убийства — Меня.
Не трать же сил и, если я
Тебе нужна, — скажи, чего ты хочешь.
А в руки я тебе не дамся, нет:
От вражьих рук защитой — колесница,
Что Гелий мне послал, отец отца.

Ясон

О, язва! Нет богам, и мне, и всем,
Всем людям нет Медеи ненавистней,
Которая рожденью своему
Дыханье перервать ножом дерзнула
И умереть бездетным мне велит…
И ты еще на солнце и на землю
Решаешься глядеть, глаза свои
Насытивши безбожным дерзновеньем.
О, сгибни ж ты. Прозрел я наконец.
Один слепой мог брать тебя в Элладу
И в свой чертог от варваров… Увы!
Ты предала отца и землю ту,
Которая тебя взрастила, язва!..
Ты демон тот была, которым боги
В меня ударили… Чтобы попасть
На наш корабль украшенный, ты брата
Зарезала у алтаря. То был
Твой первый шаг. Ты стала мне женой
И принесла детей, и ты же их,
По злобе на соперницу, убила.
Во всей Элладе нет подобных жен,
И между тем я отдал предпочтенье
Тебе пред всеми женами, и вот
Несчастлив я и разорен… Ты львица,
А не жена, и если сердце есть
У Скиллы,[136] так она тебя добрее.
Но что тебе укоры? Мириады
Их будь меж уст, для дерзости твоей
Они — ничто. Сгинь с глаз моих, убийца
Детей бесстыжая! Оставь меня стонать.
Женой не насладился и детей,
Рожденных мной, взлелеянных, увы,
Не обниму живыми! Все погибло.

Медея

Я многое сказала бы тебе
В ответ на это. Но Кронид-отец
Все знает, что я вынесла и что
Я сделала. Тебе же не придется,
Нам опозорив ложе, услаждать
Себе, Ясон, существованье, чтобы
Смеялись над Медеей. Ни твоя
Царевна, ни отец, ее вручавший,
Изгнать меня, как видишь, не могли.
Ты можешь звать меня как хочешь: львицей
Иль Скиллою Тирренской; твоего
Коснулась сердца я, и знаю — больно…

---

136 ***Скилла (Сцилла)*** *— мифическое морское чудовище, лежавшее на расстоянии выстрела из лука от другого чудовища — Харибды. Скилла и Харибда связывались во времена Еврипда с Сицилийским проливом.*

Ясон

И своего. Тем самым — двух сердец.

Медея

Легка мне боль, коль ею смех твой прерван.

Ясон

О дети, вы злодейкой рождены.

Медея

И вас сгубил недуг отцовский, дети!

Ясон

Моя рука не убивала их.

Медея

Но грех убил и новый брак, невинных.

Ясон

Из ревности малюток заколоть…

Медея

Ты думаешь, — для женщин это мало?

Ясон

Не женщина, змея ты, хуже змей…

Медея

И все ж их нет, — и оттого ты страждешь.

Ясон

Нет, есть они, и матери грозят…

Медея

Виновника несчастий знают боги…

Ясон

И колдовство проклятое твое.

Медея

Ты можешь ненавидеть. Только молча…

Ясон

Не слушая. Иль долго разойтись?..

Медея

О, я давно горю желаньем этим…

Ясон

Дай мне детей, оплакав, схоронить…

Медея

О нет! Моя рука их похоронит.
В священную я рощу унесу[137]
Малюток, Геры Высей, и никто
Там вражеской десницей их могилы
Не осквернит… В Сизифовой же мы
Земле обряд и праздник установим,
Чтоб искупить невинную их кровь…
Я ухожу в пределы Эрехтея…[138]
И с сыном Пандиона разделю,
С Эгеем, кров его. Тебе ж осталось
Злодейскую запечатлеть свою
Такой же смертью жизнь, а брака видел
Ты горького исход уже, Ясон…

Ясон

О, пусть
За детские жизни казнит
Тебя Эриния кровавая и Правда!

Медея

Кто слышит тебя из богов,
Ты, клятвопреступник, — кто слышит?

Ясон

Увы! Увы! Детоубийца!

Медея

В чертог воротись. Хоронить

---

137 ***В священную я рощу унесу малюток, Геры Высей…*** *— В роще близ Коринфа находился храм Геры.*
138 ***Я ухожу в пределы Эрехтея…*** *— то есть в Афины.*

Ступай молодую жену.

Ясон

О дети, о двое детей,
От вас ухожу я.

Медея

Не плачь еще: рано —
Ты старость оплачешь.

Ясон

Любимые дети!

Медея

Для матери, не для тебя.

Ясон

Убийце… нет!

Медея

Да, и тебе на горе…

Ясон

О, как горю я
К устам прижаться,
К устам их детским.

Медея

Ты оттолкнул их…
Теперь и ласки
И поцелуи…

Ясон

О, ради богов…
О, дай мне
Их нежное тело
Обнять… только тронуть.

Медея

Ты просишь напрасно.

Колесница с Медеей исчезает.

Ясон

Зевс, о, ты слышишь ли,
Как эта львица,
Грязная эта убийца,
Что она с нами
Делает; видишь ли?
Свидетелем будь нам,
Что, сколько я мог
И слез у меня
Сколько хватало,
Я умолял ее,
Она ж, убив их,
Нас оттолкнула;
Рукой не дала мне
До них коснуться,
Похоронить их…
О, для того ль,
Дети, рождал вас
Я, чтоб оставить,
Мертвых, убийце?

Хор
(покидая орхестру вслед за Ясоном)

На Олимпе готовит нам многое Зевс;
Против чаянья, многое боги дают:
Не сбывается то, что ты верным считал,
И нежданному боги находят пути;
Таково пережитое нами.

ИППОЛИТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Афродита.
Ипполит.
Охотники.
Старик слуга.
Кормилица.
Федра.
Тесей.
Вестник.
Артемида.
Хор трезенских женщин.

Афродита на гусыне. Роспись чаши. V век до н. э. Лондон. Британский музей

Действие происходит в Трезене перед дворцом.

ПРОЛОГ

Афродита
(появляясь в вышине)

Полна земля молвой о нас, и ярок
И в небесах Киприды[139] дивной блеск,
И сколько есть людей под солнцем дальним
От Понта до Атлантовых пределов,[140]
Того, кто власть мою приемлет кротко,
Лелею я, но если предо мной
Гордиться кто задумает, тот гибнет.
Таков уж род бессмертных, — что дары
Из смертных рук сердцам отрадны нашим.
И правду слов я скоро здесь явлю.
Из всех один меня в Трезене этом
Тесеев сын, надменный Ипполит,
Могучею рожденный Амазонкой
И благостным Нитфеем[141] воспоен,

139 ***Киприда*** *— Афродита, богиня любви.*

140 ***…от Понта до Атлантовых пределов…*** *— то есть от Черного моря до Гибралтара, от восточного до западного рубежа известного грекам мира.*

141 ***Нитфей*** *— дед Тесея, прадед Ипполита, трезенский царь.*

Последнею расславил в сонмах дивных.
Он радостей и уз любви бежит,
А меж богов сестры милее Феба
И Зевсовой нет дочери ему…
И с чистою среди зеленой чащи
Не знает он разлуки. Своры он
По зверю там гоняет с нею рядом,
Сообществом божественным почтен…
Нет зависти во мне: какое дело
Мне до того? Но в чем передо мной
Он погрешил, за то гордец ответит
Сегодня же… Нависла и давно
Лишь мига ждет, чтоб оборваться, кара.
Когда чертог покинул он Питфея,
Чтоб Элевсина таинства узреть,[142]
Священный град Афины посетил,
Там юношу увидела жена
Его отца, блистающая родом;
И чарами Эрота сердце в ней
В тот миг зажглось моей державной волей,
И ранее, чем уезжать сюда,
Влюбленная, она скалу Паллады
С той стороны, что смотрит на Трезен,
Святилищем украсила Киприды,
И храм ее тоскующей любви
Так и прослыл «святыней Ипполита».
Когда ж Тесей, чтобы себя омыть
От пролитой им крови Паллаптидов,
В изгнание из Аттики с женой
Сюда, в Трезен, свой парус направляет
На целый год — несчастная, мечты
Безумные со стонами мешая,
Здесь от Эрота жала сохнуть стала.
Она молчит. Из челяди никто
О тайне и не знает. Только страсти
Не суждено угаснуть без следа:
Отцу о ней я расскажу, Тесею,
И будет нам враждебный Ипполит
Убит его проклятьем. Царь глубинный,
Не даром же Тесею Посейдон[143]
Три посулил желания исполнить.
Прославлена — но все-таки умрет
И Федра. Пусть! Мне лучше, чтобы Федра
Погибла, чем, виновных поразив,
Мне сердца, месть лаская, не насытить.
Но вот и он, вот Ипполит, Тесея
Надменный сын… Покинув лов тяжелый,
Сюда идет — я ухожу… Пора…

---

142 ***…чтоб Элевсина таинства узреть…*** *— Элевсин — город к северо-западу от Афин, главный центр культа Деметры и Персефоны.*

143 ***…не даром же Тесею Посейдон…*** *— Имя отца Тесея — Эгей — толковалось и как прозвище бога Посейдона, который поэтому и считался отцом Тесея.*

С какою он большой, веселой свитой.
Как ярко гимн их
Девственной звучит,
Богине их отраден, Артемиде:
Не чует он, что Адовы врата
Уж для него открыты и что солнца
Последнего он пьет теперь лучи…

(Исчезает.)
Входит Ипполит с охотниками. Навстречу им — старик слуга.
Ипполит

О, восславьте гимном, други,
Золотую Дия дочь,[144]
Артемиду, нашу радость!

Охотники
(к статуе)

Дева-владычица,
Радуйся, сильная
Зевсова дочь!
Чада Латоны[145] нет
В мире прекраснее.
О, Артемида, нам
Нет и милей тебя:
В златом украшенных
Залах отца богов
Сколько чарующих,
Сколько небесных дев!
Ты между них одна
Девственно чистая.
Солнца отраднее
Ты, Артемида, нам.

Ипполит

Прими венок, царица: в заповедном
Лугу, цветы срывая, для тебя
Я вил его… На этот луг не смеет
Гнать коз пастух, и не касался серп
Там нежных трав. Там только пчел весною
Кружится рой средь девственной травы.
Его росой поит сама Стыдливость.
И лишь тому, кто не в ученья муках,
А от природы чистоту обрел,
Срывать цветы дано рукою вольной:
Для душ порочных не цветут они.
Но, милая царица, для твоих
Волос златисто-белых их свивала

---

144 ***Дий*** *— Зевс.*
145 ***Латона*** *— латинизированная форма имени матери Аполлона и Артемиды — Лето.*

Среди людей безгрешная рука.
Одним горжусь я даром — быть с тобою,
Дыханьем уст с тобой меняться звучным
И голосу внимать, лица не видя…
О, если бы, как начинаю путь
И обогнув мету, все быть с тобою…

Старик слуга

Царь!.. Для меня лишь боги господа…
Готов ли ты принять совет во благо?

Ипполит

Конечно, да. Иль мудрости, старик,
Иначе мы сберечь могли бы славу?

Старик

Ты знаешь ли, что общий есть закон?

Ипполит

Какой закон? К чему ты речи клонишь?

Старик

Кто сух душой надменной, нам не мил.

Ипполит

Ты прав, старик: надменный ненавистен.

Старик

Лишь ласковый имеет дар пленять.

Ипполит

Он без труда друзей приобретает.

Старик

Не то же ли среди богов, что здесь?..

Ипполит

Раз их закон мы, смертные, приемлем…

Старик

С богинею зачем же ты так горд?

Ипполит

С какой? Смотри — уста на грех наводят.

Старик

С Кипридою, хранящей твой порог.

Ипполит

Я чту ее, но издали, как чистый.

Старик

Особенно все люди чтут ее.

Ипполит

Бог, дивный лишь во мраке, мне не мил.

Старик

Дитя, воздай богам, что боги любят.

Ипполит

Кому один, кому другой милее
И из богов, и меж людей, старик.

Старик

Умен ты, да… Дай бог, чтоб был и счастлив.

Ипполит
(к охотникам)

Свободны вы, товарищи! В дому
Нам полный стол отраден после ловли,
Подумайте ж о пище — а потом
Вы кобылиц почистите. Вкусивши
Отрадных яств, — я их запрячь велю,
Ристалищу свободно отдаваясь.

(К старику.)

Вам много радостей, старик, с Кипридой!

Ипполит и охотники уходят.
Старик
(перед статуей Афродиты)

Нет, с юных мы примера брать не будем,
Коль мыслят так. Но рабские уста
С молитвою к тебе я обращаю,
Владычица Киприда. Снизойди
Ты к юности с ее кичливым сердцем
И дерзкие слова ее забудь:
Нас не на то ль вы, боги, и мудрее?

(Уходит.)

ПАРОД

На орхестру вступает хор трезонских женщин.
Хор

Строфа 1

Холодна, и чиста, и светла
От волны океана скала,
Там поток, убегая с вершины,
И купает и поит кувшины.
Там сверкавшие покровы
Раным-рано дева мыла,
На хребет скалы суровой,
Что лучами опалило
Колесницы дня багровой,
Расстилая, их сушила:
О царице вестью новой
Нас она остановила.

Антистрофа 1

Ложу скорби судьбой отдана,
Больше солнца не видит она,
И ланиты с косой золотою
За кисейною прячет фатою.
Третий день уж наступает,
Но губам еще царица
Не дала и раствориться.
От Деметры[146] дивной брашна,[147]
Все неведомой томится
Мукой бедная, и страшный,
Все Аид ей, верно, снится.

Строфа 2

Что нам думать? Уж не Пана ль

---

146 ***Деметра*** *— богиня растительности, в особенности — хлебных злаков.*
147 ***Брашно*** *— хлеб.*

Гнев тебя безумит,[148] Федра?
Иль Гекаты? Иль священных
Корибантов?[149] Иль самой
Матери, царицы гор?
Мнится, верней: Артемиду,
Лова владычицу, жертвой
Ты обошла нерадиво:
Властвует над побережьем,
И над пучинами моря,
И над землею она.

Антистрофа 2

Иль владыку Эрехтидов,
Благородного супруга,
Тайная в твоих хоромах
Связь пленила — и ему
Стала неугодна ты?
Иль из родимого Крита[150]
В гавань, что гаваней прочих
Гостеприимнее, прибыл
Вестник с посланием грустным,
И приковала царицу
Злая кручина к одру?

Эпод

Жребий несчастный жен,
Разве он тайна мне?
Немощи робкие, сколько таится в них
Мрака душевного.
Сколько безумия —
Носят, как мать дитя…
Этот порыв
Прихоти немощной в сердце и мне проник.
Но к Артемиде, деве небесной,
Стрелы носящей, я,
В родах хранящей, я
Громко взывала. И
Артемида мне между бессмертными
Всех и теперь милей.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Из дворца на низком ложе выносят полулежащую Федру. С ней старая кормилица и

148 ***Уж не Пана ль гнев тебя безумит…*** *— Пану, богу лесов, пастбищ и скота, приписывалась способность наводить на людей ужас. Отсюда и выражение — «панический ужас».*

149 ***Корибанты*** *— жрецы богини Кибелы (ниже она названа «самой Матерью»), культ которой отличался разнузданностью и исступленностью.*

150 ***Иль из родимого Крита…*** *— Федра — дочь критского царя Миноса.*

служанки.

Корифей

Вот старая няня…
За ней из дворца несут сюда ложе царицы.
Какая бледная! Как извелась,
Как тень бровей ее растет, темнея!
О, что с ней?..
Любовью тревожной полна я.

Кормилица

О, слабость людская, о, злые недуги!
Что делать я буду? Чего мне не делать, скажите?

(К Федре.)

И светлое солнце, и чистое небо,
Дитя, над твоею недужной постелью…
Ты воли просила:
«На воздух несите», — рабыням твердила.
Минута, — и спальня нам будет милее.
Желанья что волны. Что тень твоя радость.
Что есть — надоело, не мило, а если
Чего мы не видим, душа загорелась:
Скорее, скорее. Ей лучше ль уж, право,
Больною лежать, чем ходить за больной?
Там тело страдает, а тут и душа
Твоя изболеет, и руки устанут…
Да, жизнь человека лишь мука сплошная,
Где цепи мы носим трудов и болезней.
Но быть же не может, чтоб нечто милее,
Чем путь этот скучный, за облаком темным
Для нас не таилось. И если мерцанья
Мятежного ищем душой на земле мы,
Так только затем, что иной не причастим
Мы жизни, и глаз человека не властен
Подземные тени рассеять лучами,
Что лживые сказки душою играют.

Федра

Подняться хочу я… Поднять с изголовья
Мне голову дайте… Нет силы… Все тело
Мое разломило… За белые руки
Возьмите меня вы, за слабые руки.
Долой покрывало! Мне тяжко, рабыни…
Пусть волосы льются и плечи оденут…

Кормилица

Немного терпенья, дитя, не мечись

Так дико… Собою владей, и недуг
Тебе покорится. Ты только подумай:
Ведь ты ж человек — обреченный страданью.

Федра

Мне ключ бы гремучий, студеный и чистый:
Воды бы оттуда напиться… я после
В развесистой куще б улечься хотела,
Среди тополей и на зелени нежной.

Кормилица

Опомнись, опомнись.
Не стыдно ль желанья такие безумно
Кидать при народе…

Федра

Оставьте… Туда я… Я в горы хочу,
Где ели темней. Где хищные своры
За ланью пятнистой гоняются жадно.
О, ради богов…
Когда бы могла я живить ее свистом,
О, если бы дротик к ланите под сенью
Волос золотистых приблизить могла я…

Кормилица

Уж это откуда желанье, не знаю…
По зверю охота — твоя ли забота?
А если воды ключевой захотелось,
Ходить недалёко — источник у дома,
И пей себе, сколько душа твоя просит…

Федра

Туда, Артемида, царица приморья,
Где кони песчаные отмели топчут!
О, если б туда мне, в урочища девы,
И мне четверню бы венетскую в мыле.

Кормилица

Чего еще просит? Безумные речи!
То в горы, по чаще лесистой с охотой
За ланью гоняться… то ей на прибрежье
Подай колесницу… Гадателя надо,
Чтоб бога нам назвал, которому в мысли
Пришло твой рассудок с дороги обычной
Увлечь в эти дебри. Здесь вещего надо.

Федра

Несчастная! Что я? Что сделала я?
Где разум? Где стыд мой? Увы мне! Проклятье!
Злой демон меня поразил… Вне себя я
Была… бесновалась… Увы мне! Увы!
Покрой меня, няня, родная, покрой…
Мне стыдно безумных речей…
О, спрячь меня! Слез не удержишь… бегут.
И щеки горят от стыда… возвращаться
К сознанью так больно, что, кажется, лучше,
Когда б умереть я могла, не проснувшись.

Кормилица

Закрыла… Чего уж? Самой-то в могиле
Скорей бы землею покрыться. Судьба ведь
За долгие годы чему не научит…
Не надо, чтоб люди так сильно друг друга
Любили. Пусть узы свободнее будут,
Чтоб можно их было стянуть и ослабить,
А так вот, как я эту Федру люблю,
Любить — это тяжкое бремя. На сердце
Одно, да заботы, да страхи двойные.
Вот подлинно — где ты уж слишком усерден,
Там много ошибок да мало утехи…
Всегда я скажу: ты излишнего бойся,
Все в меру — и мудрые скажут: все в меру.

Корифей

Ты старая и верная раба,
Вспоившая царицу.
Видим, горе
Какое-то у Федры, но понять,
Какой недуг у ней, — не понимаем.
Душа горит твоих послушать слов.

Кормилица

Когда б сама я, жены, понимала…

Корифей

Причину мук ты знаешь, может быть.

Кормилица

И тоже нет. Она давно таится.

Корифей

А как слаба она… Как извелась…

Кормилица

Не ослабеть, как третий день без пищи!

Корифей

В безумии она?.. Иль смерти жаждет?

Кормилица

Конец один. Причины ж я не знаю.

Корифей

На мужа я дивлюсь… Что ж смотрит муж?

Кормилица

Я ж говорю тебе — она таится.

Корифей

Но на лице нельзя ж не видеть мук.

Кормилица

Да, как на грех, и муж у ней в отъезде.

Корифей

Но ты? Ужель на все ты не пойдешь,
Чтобы недуг ее разведать, тело
И душу ей снедающий недуг?..

Кормилица

Старалась уж, да никакого проку.
Но рук я не сложу — смотрите все
И помните, что господам в несчастье
Я верная слуга…

(Федре.)

Дитя мое
Любимое, мы прежних лучше обе
Не будем слов и помнить… Ты смягчись
И не гляди так гневно… Я ж покину
Унылый путь, которым мрачный ум
Дошел до слов тяжелых, и другую
Речь заведу, получше. Если тайным

Недугом ты страдаешь, эти жены
Тебе помогут опытом, стараньем;
А если он таков, чтоб и мужам
Его открыть, — тебя врачи излечат.
Что ж ты молчишь, дитя? Хоть что-нибудь
Скажи, меня, коли не так сказала,
Оспорь, а не оспоришь, так признан,
Что я права, и поступи согласно
Моим словам. Открой же губы…
Дай Хоть посмотреть в глаза тебе… О, горе!
Вот, женщины… Вы видите? Опять.
Уж я ли не старалась?.. Все напрасно:
Как было, так и есть, и как тогда
Была глуха, так и теперь не внемлет.
Пойми ж ты хоть одно, К другому можешь
Ты равнодушней моря быть, но если
Себя убьешь, — ведь собственных детей
Отцовской ты лишаешь части этим.
Я царственной наездницей клянусь,[151]
Что детям родила твоим владыку,
Пусть незаконного, но с честолюбьем
Законного достойным. Ты его
Отлично знаешь, Федра… Ипполита.

Федра

Увы!

Кормилица

Коснулась я живого места разве?

Федра

Ты сделала мне больно… Я молю:
Не повторяй мне больше это имя.

Кормилица

Вот видишь ты — сама ведь поняла;
Так как же, рассудив, не хочешь жизни
Своей сберечь для собственных детей?

Федра

Я их люблю, детей. Но в сердце буря
Мне жребием ниспослана иным.

Кормилица

---

151 ***Я царственной наездницей клянусь…*** *— то есть амазонкой Антиопой (по другим источникам — Ипполитой), матерью Ипполита.*

Нет на руках твоих, надеюсь, крови?

Федра

Душа во мне… душа заражена.

Кормилица

Иль это враг тебе какой подстроил?

Федра

О нет, мы зла друг другу не хотим;
Но он убьет, и я убита буду.

Кормилица

Перед тобой Тесей не согрешил?

Федра

Мне перед ним не согрешить бы только.

Кормилица

Но что ж тебя в Аидов дом влечет?

Федра

Мой грех — тебя касаться он не может.

Кормилиц

Конечно, нет. Но ты покинешь нас…

Федра

Оставь, оставь! Зачем к руке припала?

Кормилица

В мольбе твоих не выпущу колен.[152]

Федра

Тебе же мука, коль узнаешь, мука…

Кормилица

Нет большей мне, как Федру потерять.

---

152 ***В мольбе твоих не выпущу колен.*** *— Припадание к ногам — знак священной мольбы.*

Федра

Она умрет, но не бесславной смертью.

Кормилица

А слава в чем? Хоть это мне скажи.

Федра

Ее добуду на стезе греха.

Кормилица

Откройся ж нам, — и слава возрастет.

Федра

Уйди, молю… Освободи мне руку…

Кормилица

Нет, ни за что… Молящий дара ждет.

Федра

И ты получишь этот дар молящих.

Кормилица

Тогда молчу… но за тобою речь…

Федра

Какой любви ты сердце отдавала,
О мать, о мать несчастная моя!

Кормилица

Ты вспомнила быка[153] иль что другое?

Федра

О, бедная, и той же рождена
Для ложа Диониса Ариадна…[154]

Кормилица

---

153 ***Ты вспомнила быка?..*** *— Мать Федры Пасифая, отдавшись быку, родила быкоголовое чудовище — Минотавра.*

154 ***Для ложа Диониса Ариадна…*** *— Ариадна, старшая сестра Федры, стала женой Диониса на острове Наксосе.*

Опомнись, дочь… ты свой порочишь род.

Федра

Мне третьей быть добычей смерти, третьей.

Кормилица

О, ужас… О, куда ж ты клонишь речь?

Федра

Туда, где злой давно таится жребий.

Кормилица

Но в чем же он?.. Когда бы знать могла я!

Федра

О, горе мне… Когда б мои слова
Ты, женщина, сама сказать могла бы.

Кормилица

Я ж не пророк, чтоб чудом их узнать.

Федра

Ты знаешь ли, что это значит — «любит»?

Кормилица

Да, слаще нет, дитя, и нет больней…

Федра

Последнее — вот мой удел, родная.

Кормилица

Что слышу я? Ты любишь? Но кого ж?

Федра
(тихо)

Не знаю кто, но сын он амазонки.

Кормилица

Как… Ипполит?..

Федра

Он назван, но не мной.

Кормилица

Не может быть, дитя.
Ты убиваешь
Признанием меня.
Для старых плеч
Такое иго, жены, слишком тяжко.
Проклятый день, проклятый свет очей…
Нет, в омут мне…
Но только эту ношу
Берите прочь…
На что ж и жизнь, когда
Порок возьмет насильем добродетель
Влюбленную? Киприда — ты не бог,
Ты больше бога.
Кто б ты ни была,
Но Федру, и меня, и дом сгубила.

Корифей

Вы слышали, подруги?
Из царских губ внимали ль вы
Неслыханным речам, речам ужасным?
О, лучше бы, о, лучше б умереть,
Покуда в грудь мою
Твои слова проникнуть не успели.
Всем горе, всем нам горе, всем нам горе!
Несчастная! Какой ужасный рок
Тобой владел?.. О смертные!.. О род,
На муки обреченный! Ты погибла,
Отдав лучам позор… Как этот день тебе
Короткий пережить еще?..
К концу идет с тобою царский дом,
И больше тайны нет, куда Киприды,
Тебя склоняя, воля губит,
О Пасифаи дочь несчастная, о Федра!

Федра

Вы, дочери Трезена, вы краса
Преддверия Пелоповой державы.
Уже давно в безмолвии ночей
Я думою томилась: в жизни смертных
Откуда ж эта язва, что нас губит?
Природа ль разума виновна в том,
Что мы грешим? Не может быть: ведь многим
Благоразумье свойственно. Я так
Сужу: что хорошо, что нет, — все это

Мы знаем твердо: лишь на деле знанье
Осуществить мы медлим. Почему?
Одним мешает леность, а другой
Не знает даже вкуса в наслажденье
Исполненного долга. Мир — увы! —
Соблазнов полн, и, если волны речи
Людской нас не закружат, — праздность нас,
За радостью гоняя, обессилит…
Ты скажешь, стыд?.. Какой? Есть два стыда:
Священный стыд и ложный, но тяжелый.
А будь меж них светла для света грань,
Они одним бы словом не писались…
И вот с тех пор, как тяжким размышленьем
Я различать их научилась, нет
Мне более к неведенью возврата,
И не могу не видеть я греха.
Но я хочу с тобою проследить
Решенья ход… Когда Эрота жало
Я в сердце ощутила, как его
Переносить, я стала думать честно…
И начала с того, чтоб затаить
Его как можно глубже. Проку мало
Для нас в речах. Пусть иногда язык
Поможет нам другого образумить,
Но раны нет больней, чем от него.
Я думала потом, что пыл безумный
Осилю добродетелью… И вот,
Когда ни тайна, ни борьба к победе
Не привели меня — осталась смерть.
И это лучший выход. Нет, не надо
Мне возражать. Для славы мы хотим
Свидетелей — для горя только тайны.
Я знала все — недуг, его позор,
И женскому я сердцу цену знала…
Пускай для той проклятий будет мало
Со всей земли, которая с другим
Впервые обманула мужа.
О, пойти с верхов должна была зараза.
Ведь, если зло — игрушка знатных, разве
В толпе оно не станет божеством?
Проклятие и вам, чьи скромны речи,
Но чьи под кровом ночи черной дерзки
Преступные объятья… Как они
Решаются, о, пеною богиня
Рожденная, потом смотреть в глаза
Обманутым мужьям? Как им не страшно,
Что самый мрак их выдаст, что стена
Заговорит, внимавшая лобзаньям?
Я от одной бы мысли умерла,
Что мужа бы могла я обесчестить
Или детей. Нет, никогда! Они,
Свободные и гордые, на землю

Священную прославленных Афин
Вступая, нас не постыдятся вспомнить.
Ведь самый дерзкий клонит, точно раб,
К земле чело, когда при нем напомнят
Клеймо отца иль матери позор.
И если что-нибудь поспорить может
С желаньем жить, так совесть, у кого
Она еще осталась… Слабодушным,
Как красной девице, когда-нибудь
Подносит время зеркало, но я,
Нет, я его не буду дожидаться…

Корифей

Увы! Увы! Нет в мире ничего
Прекраснее, чем добродетель: смертных
Она дарит заслуженной хвалой…

Кормилица

О госпожа, когда завесу с бед
Ты сдернула так быстро, то, конечно,
В испуге я не выбирала слов
И лишнее сказать могла. Но дело
Совсем не так уж страшно… И всегда
Надежнее второе рассужденье,
Чего-нибудь неслыханного я
Покуда не узнала. Афродиты
Здесь чары несомненны.
Любишь ты? Но не одна ж. Другие тоже любят.
И убивать себя!.. Да разве ж всех,
Кто любит иль любви готов отдаться,
За это и казнить? Да польза ж в чем?
Или поток Киприды остановишь?
Ты уступи ему — тебя волной
Он ласково обнимет, а попробуй
Надменно или нагло спорить с ним, —
И что ж? Тебя не искалечит, скажешь?
И в высоте эфирной, и в морской
Пучине — власть Киприды, и повсюду
Творения ее. Она в сердцах
Рождает страсть, и все в ее кошнице
Мы зернами когда-то были. Кто
Истории читал седые свитки
Иль песни разучил поэтов, знает,
Как некогда Семелы царь богов
Безумно ложа жаждал, как Кефала[155]
В чертог свой Эос увлекла для ласк,
Румяная. Среди богов и в небе
Они живут, однако ж, и теперь,

---

155 ***…Кефала в чертог свой Эос увлекла…*** *— Мифический прекрасный охотник Кефал был похищен богиней утренней зари Эос и из-за ее козней нечаянно убил свою жену Прокриду.*

И страсти той несут покорно иго…
А ты, ты будешь спорить? Если так
Тебе одной тяжел закон богов,
То жаль тогда, что не по уговору
Особому отец тебя родил,
Что не другие над тобою боги
Владычат. Или мало здесь найдется
Таких мужей, что на грехи жены
Глаза благоразумно закрывают…
Я более скажу… Таких отцов,
Что сыновьям не прочь в делах любовных
Способствовать. Да умный человек
И всякий так рассудит, что дурное
Не напоказ. А жизни все равно
Не вымерять, как дома. И карниз
Ведь не всегда положишь по заказу…
Ужели же судьбы — да и какой
Еще судьбы! — теченье ты осилишь?..
Ты — женщина, и если ты могла
Быть честною не реже, чем нечестной,
Считай себя счастливой. Черных дум
Останови ж теченье! Это людям
Доступнее… А рваться одолеть
Богов, дитя, — поверь мне, только гордость.
Любить тебе велела Афродита…
А русло мы недугу твоему
Должны найти счастливое… Есть чары,
Соблазны слов… Подумаем — найдем
И от твоей болезни мы лекарство:
Мужчина бы не скоро отыскал,
А мы куда на выдумки горазды…

Корифей

Ее слова страдальческой судьбе
Отрадное сулят успокоенье,
Но я несу, царица, восхищенье,
Пусть горькое, но все-таки тебе…

Федра

О, злая лесть — на сладостной облаве
Твоих сетей всегда обилен лов.
Я не хочу отрадной неги слов,
Пускай они мне говорят о славе…

Кормилица

Да, музыка!.. Но эти ризы слов
Узорные… зачем они? Ведь сердцу ж
Лишь Ипполита речь была б отрадна.
Зачем же прямо так и не сказать?

Тянуть зачем, когда вопрос поставлен
Решительный — о жизни? Будь сама
Женою ты разумной и спокойной,
Иль думаешь: тебе бы этот шаг
Я предлагать решилась… для утехи?
Но речь идет о жизни… И никто
Меня, надеюсь, жены, не осудит.

Федра

О, ужас, ужас!.. Замолчишь ли ты?
Иль ток речей позорных не иссякнул?..

Кормилица

Позорных! Пусть… Позорные слова
Теперь тебе полезней благородных…
Не лучше ль жизнь усилием спасти,
Чем славою венчать твою могилу?

Федра

О нет! О нет, ради богов. Права
Ты, да, я знаю… Но позор не меньше
От этого. Я цепь Эрота с честью
Еще носить хочу… Но ты ведь в бездну
Меня зовешь… О нет, о нет, о нет!..

Кормилица

Ну, рассуди ж… Кто спорит, было б лучше
Не полюбить. А полюбила ты,
Так не беда: найдем мы исцеленье.
Есть у меня и средство от недуга
Любовного — ни чести не вредит,
Ни разума оно не потемняет…

Федра

Питье иль мазь твое лекарство, няня?

Кормилица

В том пользы нет, что много будешь знать.

Федра

Но хитрости твои мне страшны… Нет ли
Дурного в них… Опасного чего?

Кормилица

Чего же ты боишься, не пойму я…

Федра

Речей твоих, чтоб о беде моей
Тесеев сын по ним не догадался…

Кормилица

И полно… Все улажу я, дитя.
Ты только будь за нас теперь, Киприда,
Владычица морская… Остальное
Не перейдет за тесный круг друзей…

Уходит во дворец.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа 1

О Эрот! О Эрот!
На кого ополчился ты,
Тем глаза желанье туманит,
В сердце сладкая нега льется…
Но ко мне не иди, молю тебя,
Ни с бедой, Эрот, ни в ярости.
Нет такого огня и лучи светил
Со стрелой не сравняются горние,
Что из рук своих мечет в нас,
Дня сын, и стрелой Кипридиной…

Антистрофа 1

Слепота! Слепота!
Гекатомбы[156] кровавые
Мечем мы на бреге Алфея,[157]
Аполлону — в Пифийских храмах…
А Эрота, царя над смертными,
Ублажить, дитя Кипридино,
Не хотим. Пусть ее теремов любви
Он ключарь, но для нас он жестокий бог:
Сеет смерть и проклятия,
Куда ступит Эрот, Зевесов сын…

Строфа 2

156 ***Гекатомба*** *— большое, торжественное жертвоприношение, буквально — «приношение ста быков».*
157 ***…на бреге Алфея…*** *— то есть в Олимпии, где находилось святилище Зевса Олимпийского.*

Ярма не познавшая дева[158]
И брачного чуждая ложа
В садах расцвела Эхалийских,
Но, крови и пламени полны,
Дымятся палаты Еврита,
И терем пылает царевны,
И нимфу дрожащую сыну
Алкмены под адские гимны
Проклятий и смерти Киприда
Вручает для горького брака…

Антистрофа 2

Ограда священная Фивы,[159]
Диркеи[160] кипящая пена,
Вы ужасы миру о силе
Могли бы Киприды поведать.
Она, средь блистаний и громов
Склонивши на брачное ложе
Грядущую Вакхову матерь,
В объятия кинула смерти,
О, страшная сила и сладость!
Пчела с ее медом и жалом!

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Федра

Оставьте песни, жены… Я погибла.

Корифей

Что ж страшного в чертоге слышишь ты?

Федра

Там голоса. Постойте, дайте слушать…

Корифей

Начало страшное… Молчу… Молчу.

КОММОС

Федра

---

158 ***Ярма не познавшая дева…*** *— Вся эта строфа посвящена похищению Гераклом Иолы, дочери эхалийского царя Эврита.*

159 ***Ограда священная Фивы…*** *— Строфа посвящена истории Семелы.*

160 ***Диркея*** *— правильнее — Дирке.*

Строфа 1

Ах-ах…
Несчастная! Чего же ждать еще мне?

Хор

Строфа 2

Что ты слышишь?
Чей же голос,
О любимая царица!
Что тебя, скажи, смутило?
Иль ты страшное узнала?

Федра

Я говорю вам — я погибла… Шум
Там, за стеной… вы слышите ль, как шумно?

Хор

Строфа 3

Но ведь ты у самой двери.
Иль сама узнать не хочешь?
О, прислушайся ж, царица,
Отчего кричат в чертоге?

Федра

Я слышу сына амазонки: мечет
Он громы на прислужницу мою.

Хор

Антистрофа 3

Да, я слышу — только смутно;
Разбери ж и мне скажи;
До тебя из двери близкой
Речи их ясней доходят.

Федра

Я слышу ясно, как зовет ее
Он своднею, предавшей господина.

Хор

Антистрофа 2

Горе! Горе… дорогая.
Предана ты — нет спасенья.
Больше нет и тайны, Федра.
И от друга ты погибла.

Федра

Антистрофа 1

Она меня сгубила… Мой недуг
Ему она пересказала. Мне ж
Она дала в лекарстве выпить яду.

Корифей

Но дальше что ж? Где выход ты найдешь?

Федра

Или сама я знаю?.. Двери дома Аидова я вижу пред собою.

Входит Ипполит, за ним кормилица.

Ипполит

Вы, светлые лучи!.. И ты, земля!..
И это было сказано?.. О, ужас!..

Кормилица

Ах, тише, тише… Могут услыхать.

Ипполит

Я не могу молчать… Ведь это ж ужас…

Кормилица

Десницею могучей заклинаю…

Ипполит

Прочь, руки прочь… И выпусти мой плащ…

Кормилица

У ног твоих, у ног молю пощады.

Ипполит

Какой? Ведь ты ж, по-твоему, права.

Кормилица

Огласки я боюсь. Пойми, огласки.

Ипполит

Прекрасного молва не оскорбит.

Кормилица

Дитя мое — ты ж клялся, вспомни только…

Ипполит

Устами, да, — но сердце ни при чем.[161]

Кормилица

Ужель друзей, дитя мое, погубишь?

Ипполит

Чур, чур меня! Неправый — мне не друг.

Кормилица

Кому ж прощать, дитя, коли не людям?

Ипполит

О Зевс! Зачем ты создавал жену?
И это зло с его фальшивым блеском
Лучам небес позволил обливать?
Иль для того, чтоб род людской продолжить,
Ты: обойтись без женщины не мог?
Иль из своих за медь и злато храмов
Иль серебро не мог бы сыновей
Ты продавать, чего который стоит,
Освободив жилища нам от жен?
Что жены зло, мне доказать не трудно.
Родной отец за дочерью, ее
Взлелеявши, чужому человеку
Приданое дает — освободи
Его от дочки только… Муж, конечно,
Отравленной украсив розой сад,
Ей восхищен бывает. Точно куклу
Или алмаз фальшивый, он жену
Старается оправить подороже.
Но и мужей жена пищит, и только.
А раз женился — не стряхнуть ему

---

161 ***Устами, да, — но сердце ни при чем.*** *— Этот стих пародирует Аристофан в комедии «Лягушки»: «Язык клялся, но выбран мной Эсхил».*

Ярма. Один, свойством польщенный знатным,
Выносит ложе пресное; другой
Шурьев постыдных за своей красоткой
В родню впустив, полынью приправляет
Медвяную сыту. И хорошо
Еще тому, кому попалось в дом
Ничтожное творенье, чтоб ни злого,
Ни доброго придумать не могла.
Но умницы!.. Избави, боже, если
В ней на вершок побольше, чем в других,
Ума, излишек этот Афродите
На пользу лишь — коварством станет он.
Напротив, та, которая природой
Обижена жена, по крайней мере,
На хитрости Киприды не пойдет.
Приспешниц — вот от жен подальше надо.
Вы сторожить поставьте терема
Зверей, когда хотите, да не этих
Пособниц, зверь укусит, да не скажет,
А то хозяйка козни мастерит,
А нянюшка их по свету разносит…
Не такова ль и эта тварь? Отца
Священное она дерзнула ложе
Мне, сыну, предлагать. Да после слов
Таких — иди к источнику и уши
Омой священной влагой. Если я
В себе заразу чувствую от звука,
От шума слов, так каково же сердцу
От грязи их? Но я благочестив,
И это вас теперь спасает, жены,
Поверьте, все бы ваши я открыл
Дела отцу, когда бы, как ребенок,
Сковать уста себе я клятвой не дал.
Простор теперь предоставляю вам,
Пока Тесея нет, и для признаний
Я не открою губ. Но вместе с ним
И я сюда вернусь — мне любопытно
Вас с госпожой увидеть, как царя
Вы будете встречать. Хотя образчик
Твоей, раба, я наглости видал.
Так будьте же вы прокляты! Не будет
Мне пресыщенья в ненависти к вам,
Хотя б корили все меня, что вечно
Одно и то же я твержу — и вы ведь
Все те же — в зле. О смертные, иль жен
Исправьте нам, иль языку дозвольте
Их укорять, а сердцу проклинать.

(Уходит.)

Федра

О, жребий жены!

О, как над тобою не плакать?
Где сила искусства?
Где выход?
О, как этим цепким объятьем
Опутана я безнадежно!
Уж мой приговор
Написан. О солнце! О солнце!
О матерь-земля!
Куда я уйду от несчастья?
Чем горе покрою?
О жены! О жены!
Иль бог мне поможет? Но кто же?..
Иль вступится смертный в такое
Позорное дело?.. На плечи
Напала несносная тяжесть.
И смерть, только смерть ее снимет…
Меж женских, увы,
Несчастнее нет моей доли!

Корифей

Увы! Увы! Посланницы искусство
Не удалось. Ты в тяжком положенье…

Федра
(кормилице)

О худшая из жен… Друзей своих
Не пощадить… Пускай отец небесный
Тебя, огнем изранив, в порошок
Потом сотрет. Иль я тебя просила
Беду мою по свету разглашать?
Иль я тебе конца не предрекала
Позорного? Да, да. Для
Федры больше
Почетной нет кончины.
Но довольно. Теперь важнее дело. Гнев его
Не пощадит, конечно, пред Тесеем
Болтливости твоей неосторожной,
И речи, точно реки, потекут
По всей земле постыдные. Проклятье ж
Тебе и всем проклятие, кто рад
С непрошеной готовностью и дерзко
Служить своим измученным друзьям!

Кормилица

Ты не меня бранишь, а неудачу:
Обида ум озлобленный мутит.
О, у меня нашлись бы оправданья,
Когда бы их ты слушала. Тебя
Кто выкормил и вырастил, царица?

Кто преданней служил тебе? Недуг
Я исцелить хотела твой и гибну
За то, что не сумела. А сумей,
Из мудрых бы слыла теперь я мудрой.
Ведь ум людей не то же ль, что успех?

Федра

Изранила — и диким прероканьем
Мне рану бередишь. Иль это все?
Вся правда? Все, что Федра заслужила?

Кормилица

Постой. Пускай была я неправа.
Но и теперь не все еще погибло.

Федра

Нет, более ни слова! До сих пор
Ты только зло нашептывала. Только
Дурное начинала. Уходи
К своим делам. Нам помощи не надо.

Кормилица уходит.

Вы ж, жены благородные Трезена,
Не откажите мне в одном — уста
Безмолвием окутать перед тайной.

Корифей

Я чистою богинею клянусь,[162]
Что твоего несчастия не выдам.

Федра

О, будьте же вы счастливы! А я
Еще имею выход, как сберечь
Потомству имя доброе. Да он
И для меня в моем несчастье лучше.
О нет, я спайной родины моей
Не посрамлю и напоказ Тесею
Позорного не вынесу клейма,
Чтоб сохранить остаток жалкой жизни.

Корифей

Кого ж спасешь неисцелимым злом?

---

162 ***Я чистою богинею клянусь…*** *— то есть Артемидой. Эта клятва мотивирует молчание хора, знающего тайну Федры, и откладывает развязку до появления самой Артемиды.*

Федра

Себя спасу. А как, увидишь после.

Корифей

Стыдись же слов таких.

Федра

А ты стыдись
Нас упрекать. Иль не Киприда я,
Не Афродите на алтарь сегодня
Усладою паду? Мне горек был
Любовный жребий, жены, но, страданьем
Венчанная, я и другую смерть
В своей таю. Есть муж. Из муки этой
Смирения он вынесет урок:
Один недуг, одна и кара будет.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа 1

О, если б укрыться могла я
Туда, в эти темные выси,
О, если б, велением бога,
Меж птицами вольною птицей
Вилась я. Туда бы стрелой,
Туда б я хотела, где море
Синеет, к брегам Эридана,[163]
Где в волны пурпурные, блеском
Отцовским горящие волны,
Несчастные девы,[164] не слезы
В печали по брате погибшем,
Янтарное точат сиянье.

Антистрофа 1

Туда, где в садах налилися —
Мечты или песни поэтов —
Плоды Гесперид золотые,[165]

---

163 ***Эридан*** *— мифический поток, богатый янтарем, по-видимому, это река По в северной Италии.*

164 ***Несчастные девы*** *— сестры Фаэтона, сына Гелиоса (Солнца). Фаэтон, согласно известному мифу, упросил отца позволить ему управлять один день солнечной колесницей. Но так как юноша не мог сладить с огненными конями, Зевс, чтобы спасти от пожара вселенную, поразил неумелого возницу молнией, и тот упал в реку Придан, а из слез сестер, оплакивавших Фаэтона, произошел янтарь.*

165 ***Плоды Гесперид золотые…*** *— Геспериды, дочери титана Атланта, стерегли где-то на западном краю земли сады с золотыми яблоками.*

Туда, где на грани волшебной
Плывущей предел положили
Триере — морей промыслитель
И мученик неболержавный,
Туда, где у ложа Кронида
Своею нетленной струею
Один на всю землю источник,
Златясь и шумя, животворный
Для радости смертных пробился…

Строфа 2

От брегов родимых Крита
И от мирной сени отчей
За ладьею белокрылой
С шумной жалобой недаром
Волны пенные бежали:
Не нашла невеста мира
В этом браке.
С Крита ль только птицы злые
Вашу свадьбу провожали.
Или встретили в Афинах,
У Мунихия,[166] когда вы,
В волны новые тяжелый
Бросив якорь, на священный
Брег Паллады выходили?

Антистрофа 2

Там мучительным недугом
Грешной страсти поразила,
В оправданье знаков черных,
Золотая Афродита
Душу нежную царицы:
И ужасных испытаний
Не снести ей!
Вот идет поспешно в терем,
Вот рука на белой шее
Петлю вяжет и не дрогнет.
Страшен демон ненавистный,
И, спасая честь, царица
Из души своей свободной
Жало страсти вынимает.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Кормилица

---

166 ***Мунихий (правильнее: Мунихия)*** *— полуостров с одноименным портовым городом неподалеку от Афин.*

(за сценой)

Ай… Ай…
Сюда! Сюда! Скорее все, кто может.
Повесилась Тесеева царица.

Корифей

Увы! Увы! Все кончено. Висит
Она в ужасной петле. Федры нет.

Кормилица
(за сценой)

Скорей же… О, скорей… И нож острей,
Разрезать эту петлю… Помогите…

Одна из хора

Что делать нам, подруги? Во дворец
Пойдем ли вынимать ее из петли?

Другая из хора

Зачем? Иль нет там молодых рабынь?
Кто без толку хлопочет, не поможет.

Кормилица
(за сценой, с плачем)
Снимите ж хоть ее… не дышит больше…
О, горькая палат охрана мужних.
Корифей

Сомненья нет… Скончалась… Тело там
Уж на одре печальном полагают…

Появляется Тесей.
Тесей

Гей, женщины… Тут был какой-то крик…
Неясный плач рабынь из зал дворцовых
Издалека до слуха долетел.
А здесь царя, узревшего святыню,
И у дверей покинутых палат
Ничей привет не встретил… Иль с Питфеем
Что новое случилось? На закате
Хоть жизнь его, но все ж с печалью в сердце
Его в могилу проводил бы я.

Корифей

Удар судьбы, Тесей. Но не старик,

А яркий, царь, погас здесь жизни светоч.

Тесей

Увы! Увы! Не из детей же кто?

Корифей

Они живут — но матери не видят.

Тесей

Что говоришь? Жена… Но как? Но как?

Корифей

От собственной руки, в ужасной петле.

Тесей

В тоске, скажи, иль жребий оковал?

Корифей

Что знаю, то сказала; лишь недавно
Мы здесь, узнав о горести твоей.

Тесей

О, горе мне… На что ж и лавры эти
На волосах? Не праздники справлять
Придется здесь Тесею… Гей, живее,
Рабы, отбить запоры у ворот,
И настежь их!.. Пускай достойной плача
Картиной я насыщу взор, — жены
Я видеть труп хочу, себе на горе…

Двери дворца отворяются. Видно тело Федры.

КОММОС

Хор

Увы! Увы! Несчастная. О жребий,
О злодеяние и ты,
О мука, вы сгубили целый дом…
О дерзость, о натиск безумный
На жизнь, на собственную жизнь.
Кто смел, скажите, кто смел
На голову эту
Покров погребального мрака накинуть?
Кто смел?

Тесей

Строфа

О, муки!.. О, город!.. Но нет,
Нет горше подъятых Тесеем,
О, тяжко, так тяжко на плечи
Обрушился жребий, увы мне!
То демона скрытая метка?
Иль тайная точит нас язва?
Не море ли бедствий темнеет?
Кружат меня волны — не выплыть,
И хлещут, наверх не пускают.
Твоя ж, о жена, в каких же словах
Предсмертная мука, скажи мне, сокрылась?
Ты легче, чем птица из плена
В эфире, в Аиде исчезла.
О, жребий, о, жребий плачевный!
Мне предок оставил пятно, —
Слезами его замываю.

Корифей

Не первый ты подругу, царь, оплакал,
И не один ты дивную терял…

Тесей

Антистрофа

Туда я… в подземную ночь
Хочу, и в могиле хочу я
Без солнца лежать, потому что
Ты больше меня не обнимешь,
Мертва ты… Я ж тени бледнее…
О, как эти страшные мысли,
Жена, в твою душу проникли?
О нет, не таитесь, рабыни:
Иль чужды душою вы дому?..
О горе, и ты, о зрелище мук!
Умом не охватишь, не вынесешь сердцем.
Без матери дети — и в доме
Хозяйки не стало. Меня же,
Меня ж на кого покидаешь,
О лучшая в ярких лучах,
О лучшая в лунном мерцанье?

Хор

Несчастный, несчастнейший муж!
Ты, бедами дом осажденный!

Над горем твоим, властелин,
Слезами склонились мои орошенные веки,
Но ужас холодных предчувствий
В груди и давней и больней.

Тесей

Ба… Погляди… Ведь белая рука ее застыла,
Письмо сжимая… Или новых мук
Оно несет нам бремя, или в нем
Вдовцу или сиротам свой завет
Она перед разлукой написала?
Нет, бедная, в оставленный тобой
Уж не войдет чертог жена другая.
Покойно спи… О да, я узнаю
Кольца печать усопшей золотую…
Мгновение и, складень растворив,
Последних строк ее узнаю тайну.

(Подходит к телу и, разжав руку Федры, вынимает складень, распечатывает его и читает)

Хор

О, горе, о, горе…
То новый удар
Нам демон готовит… Увы…
Жизнь цену для меня теряет…
Это будет,
Я чувствую, удар смертельный.
Пусть же
И на меня он падает:
В обломках на земле
Моих царей лежит былое счастье…
О боже! Если есть еще возможность
Услышь мою молитву: не губи нас.
Недоброе душа мне ворожит.

Тесей

О, ужас!.. Омерзение и ужас!..
Не вынести, не высказать! О, Горький!

Корифей

Но что? Скажи… Коль смею знать и я!

Тесей

О, к небу вопиют,
О, к небу те немые вопиют
Об ужасе неслыханном слова. Куда уйти?..
Нет… Это слишком… Эти

В какой-то адский хор смешались строки.

Корифей

Увы! Увы! О, новых бед ужасное начало!

Тесей

О нет, мои уста
Таить не смеют этой язвы страшной,
Уродства этого, что и назвать
Мерзит. Узнай, узнай, земля отцов:
Сын, Ипполит, на ложе посягнул
Отцовское, не устыдился Зевса
Очей. Отец мой, Посейдон, ты мне
Пообещал исполнить три желанья:
Желание одно: пускай мой сын
Не доживет до этой ночи, если
Твоим должны мы верить обещаньям.

Корифей

Ради богов! Возьми назад слова…
Раскаешься ты, царь, в своем желанье.

Тесей

Нет, никогда. И из страны его
Я изгоню. Готовы оба кубка
С отравою. Пусть жалобу мою
Пучины царь услышит и сегодня ж
Его сошлет в Аид, иль, осужден,
До вечера, как нищий, он скитанья
Свои начнет полегшем моим…

Корифей

Смотри: твой сын; он вовремя, владыка.
Безумный гнев покинь и осени
Свой дом иным и набожным желаньем.

Входит Ипполит.
Ипполит
(еще не видя трупа)

На голос твой отчаянный, отец,
Я прихожу… Из-за чего он, знать
Хотел бы… А… Что вижу?.. Тело
Твоей жены?.. Как это непонятно,
Ведь я ж сейчас расстался с ней, — была
Она совсем здорова. Этот мертвый
Покой ее так странен… Как же смерть

Ты объяснить бы мог, отец?.. И что же
Ты все молчишь? Иль думаешь беду
Томительной развеять немотою?
Коль тайна жжет желанием сердца,
В несчастии огонь ее живее,
И ты не прав, скрывая от друзей…
Нет, больше, чем друзей… свои почали.

Тесей

О, суета! О, жалкий род слепцов!
Нет хитростей, каких бы допытаться
Ты не сумел, упорный человек.
Десятками ты их считаешь тысяч.
Недостижимым для тебя одно лишь
Умение осталось: научить
Безумца здраво действовать и мыслить.

Ипполит

Такой учитель стал бы знаменит,
Свой ум: в чужие головы влагая.
Но к месту ль тонкость рассуждений ныне?
Несчастие, боюсь, мутит твой разум,

Тесей

О, если бы хотя малейший знак
Имели мы, но верный, чтобы друга
От недруга и лживые слова
От истинных мы сразу отличали…
Два голоса пускай бы человек
Имел — один, особенный, для правды,
Другой — какой угодно. Ведь тогда
Разоблачить всегда бы ложь могли мы,
Игралищем людей не становясь.

Ипполит

Иль кто-нибудь из близких пред тобой
Оклеветал меня? Иль и невинность
От низости не ограждает нас?..
Я с толку сбит. И странные намеки
Твои, отец, измучили меня.

Тесей

О, до чего ж дойдешь ты, род людской?
Иль грани нет у дерзости?.. Препоны
У наглости?.. Рожденьем человек
Приподнимай на палец только гребень
У дерзости, чтобы отца возрос

Хитрее сын, а внук хитрее сына,
И на земле не хватит места скоро
Преступникам. Тогда богам придется
Вторую землю к нынешней прибавить.
Смотрите все… Вот сын мой, опозорил,
Чтоб место дать преступности людской,
Он ложе мне, — и мертвая его,
Как низкого злодея, уличает.
Нет, покажи родителю твой лик!
Уж раз себя ты осквернить мог делом,
Будь храбр и здесь. Так вот он, этот муж,
Отмеченный богами, их избранник,
Невинности и скромности фиал…
Когда б твоим рассказам шарлатанским
Поверил я — я не богов бы чтил,
А лишь невежд в божественных одеждах.
Ты чванишься, что в пищу не идет
Тебе ничто дышавшее, и плутни
Орфеевым снабдил ты ярлыком.
О, ты теперь свободен — к посвященным
На праздники иди и пылью книг
Пророческих любовно упивайся:
Ты больше не загадка. Но таких,
Пожалуйста, остерегайтесь, люди,
Позорное таят под благочестьем
Они искусство. Это только труп…
Но от того тебе теперь не легче,
Из низких самый низкий. Уличен
Ты мертвою. Ты уничтожен ею.
Перед ее судом что значат клятвы,
Свидетели и вся шумиха слов?
Иль скажешь ты, что был ей ненавистен,
Что незаконный сын, при сыновьях
Законных, им всегда помехой будет?
Но не безумно ль было б отдавать
Дыхание свое и счастье ближних
Взамен твоих страданий?.. Это ложь…
Иль чувственность царит не та же, скажешь,
Над нами, что над женскою душой?
Мне юноши известны, что не могут
Наплыва страсти выдержать, — любой
Слабей они девчонки. Только пол
Спасает их от осужденья. Впрочем,
Не лишнее ль все это? Здесь лежит
Свидетель неподвижный, но надежный:
Ты осужден. Немедленно покинешь
Трезен. Священная земля Афин
И все моей державы страны будут
Отныне для тебя закрыты. Если б
Тебя теперь простил я, Ипполит,
И Синис[167] бы, грабитель придорожный,

---

167 ***Синис*** *— (в переводе «Грабитель») — разбойник, бесчинствовавший, по преданию, на Коринфском*

Пожалуй бы, явился и сказал,
Что я его убийством только хвастал.
И скалы бы Скироновы тогда[168]
Грозы моей не стали больше славить.

Корифей

О, счастье, ты не прочно на земле:
Твои колонны гордые во прахе.

Ипполит

Твоей души, отец, слепая страсть
И гнев ее тяжелый оставляют
Глубокий след в уме — не оттого,
Чтоб был ты прав, однако. К сожаленью,
Я склонности не чувствую в толпе
Оправдывать себя и, вероятно,
В своем кругу сумел бы доказать
Ясней твою ошибку. И не так ли
Нередко наш страдает тонкий слух
От музыки, которой рукоплещет
Толпа? Увы… Пред горшею бедой
О меньшей мы позабываем. Вижу, —
Завесу с уст приходится поднять.
Начну с того же я, с чего искусно
Ты начал речь. Оставь без возраженья
Я первые слова, и я погиб.
Взгляни вокруг на землю, где ступает
Твоя нога, на солнце, что ее
Живит, и не найдешь души единой —
Безгрешнее моей, хотя бы ты
И спорил, царь. Богов я чтить умею,
Живу среди друзей, и преступлений
Бегут друзья мои. И стыдно им
Других людей на злое наводить
Или самим прислуживать пороку:
Высмеивать друзей, пусть налицо
Они иль нет, я не умею. Тот же
Для них я друг. Ты упрекал меня
В страстях, отец, — нет, в этом я не грешен:
Я брака не познал и телом чист.
О нем я знаю то лишь, что услышал
Да на картинах видел. Да и тех
Я не люблю разглядывать. Душа
Стыдливая мешает. Если скромность
В невинности тебя не убедит,
Так объясни ж, отец, каким же мог

перешейке и убитый Тесеем.

168 ***…и скалы бы Скироновы тогда…*** *— На Скиронских скалах (на границе Мегариды и Аттики) Тесей, по преданию, убил разбойника Скирона, который сбрасывал прохожих в море, после чего их трупы пожирала черепаха.*

Я развратиться способом. Иль Федра
Такой уже неслыханной красы?
Иль у меня была надежда с ложем
На твой престол, ты скажешь? Но ведь это
Безумие бы было, коль не глупость.
Иль быть царем: так сладостно для тех,
Кто истинно разумен? Ой, смотри.
Здоров ли ум, коли корона манит.
Я первым быть меж эллинов горел
На играх лишь, а в государстве, право ж,
И на втором нам месте хорошо…
Средь избранных, конечно. Там досуг,
Да и в глаза опасность там не смотрит,
А это слаще, царь, чем твой престол.
Теперь ты все уж знаешь. За себя
Такого же другого, к сожаленью,
Я не могу подставить, чтоб порукой
Тебе служил. Пред Федрою живой
Мне также спор заказан. Ты легко бы
Нашел тогда виновных. А теперь
Хранителем клянусь тебе я клятвы
И матерью-землей, что никогда
Жены твоей не трогал, что ее
Я не желал и что о ней не думал.
И пусть умру бесславно и покрытый
Позорным именем, ни в море я,
Ни на земле пускай успокоенья
И мертвый не найду, коль это ложно…
Замучена ли страхом, умерла
От собственной руки она, не знаю
И больше говорить не смею. Но
Неправая из дела вышла чистой,
А чистого и правда не спасла.

Корифей

Ты опроверг отлично обвиненье,
И клятвою ты истину венчал.

Тесей

Ну чем не волхв и не кудесник? Раньше
Срамил отца, а после гнев его
Смирением уступчивым и лживым
Пытается, как маг, заворожить.

Ипполит

Я одному, отец, теперь дивлюсь — Изгнанию.
Зачем не смерти ищешь?
Будь на твоем я месте, так обидчик
Казнен бы был за честь моей жены.

Тесей

О, это слишком мягко, сын мой. Казни
Немедленной от нас себе не жди.
Преступнику конец поспешный — милость.
Нет, ты, вдали от родины скитаясь,
Вымаливая хлеб, но будешь жить.
Вот должное преступнику возмездье.

Ипполит

О небо! Или срока оправдаться,
Или угла покуда мне не дашь?

Тесей

За Понтом бы — когда бы: мог, за гранью
Атлантовой. Ты мерзок мне, пойми.

Ипполит

Как? Без суда? Без клятвы? Без допроса?
И даже без гаданий — приговор?

Тесей

Письмо — твоя улика, и не нужно
Тут жребия. А птицы в небесах
На этот раз меня не занимают.

Ипполит

О боги! Уст ужели и теперь
Не разрешите мне? Ведь эта клятва
Мне стоит жизни… Нет… я не хочу…
Ведь этот грех мне не вернул бы веры.

Тесей

О лицемер! Ты изведешь меня…
Вон из дому без всяких промедлений!

Ипполит

Куда ж? О, горе! Кто ж откроет дверь
Изгнаннику с таким ярмом позорным?

Тесей

А как узнать? И соблазнитель жен
Иным мужьям бывает милым гостем.

Ипполит

Да кто же я?.. Сжимают горло слезы.
Так низко пасть пред миром, пред тобой…

Тесей

Не поздно ль ты разнежился? Пока
Преступником ты не был — было плакать,

Ипполит

Вы, стены, камни, вы заговорите!
Скажите же ему, что я невинен.

Тесей

Ссылаешься ты тонко на немых
Свидетелей,

(показывая труп)

вот и еще один.

Ипполит

Когда бы сам я встретился с собой,
Над этою бы я заплакал мукой.

Тесей

Да, сам себе ты был всегда кумир;
Родителей бы лучше почитал ты.

Ипполит

О, мать моя… О, горькое рожденье,
Внебрачное! Не дай бог никому.

Тесей
(слугам)

Гей! Взять его. Вы не слыхали разве,
Что приговор над ним произнесен?

Ипполит

Беда тому, кто до меня коснется.

(Тесею.)

Душа горит, так сам и изгоняй.

Тесей

И сделаю с ослушником. Нимало
Его при том, поверь, не сожалея.

(Уходит.)
Ипполит

Да, решено, и крепко. Есть ли мука
Сильнее той, когда ты знаешь все
И ничего открыть другим не можешь?

(К статуе Артемиды.)

Тебя зову, Латоны дочь, милей
Для сердца нет тебя, о дева, ты
Моих охот и спутница и радость!
Закрытый нам и славный город отчий,
И земли Эрехтея, говорю
И вам прости последнее. И ты
Прости, моя Трезенская равнина,
Для юных сил твоя отрадна гладь —
Ее глаза в последний раз ласкают…
Вы, юности товарищи, привет
Скажите мне и проводите друга…
Что бы отец ни говорил, а вам
Уж не найти другого, чище сердцем.

(Уходит со свитой.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

Строфа 1

Если я в сердце, как боги велики, помыслю,
Муки смолкают и страх,
Но и желание верить в могучую неба поддержку
Тает, когда о делах и о муках раздумаюсь наших.
Вечно — сегодня одно, а завтра другое…
Жребии смертных, что спицы
Быстрых колес, там мелькают.

Антистрофа 1

Я у тебя, о судьба, благодатных даров бы молила,
Чуждое сердце забот.
Я не хотела бы видеть глубокую сущность творений,

Но и в потемках коснеть но хотела бы я суеверных.
Солнце хочу я встречать веселой надежды:
Благословляя сегодня
И уповая на завтра.

Строфа 2

Разум мутится, и нет у сердца крылатой улыбки.
Эллады звезда золотая
С неба ее на чужие поля закатилась
Гневною волей отца. Глади
Трезена родного, от вас,
Дикие чащи, от вас,
Где, золотою звездою венчанный,
Царь с Артемидой за ланью гонялся.

Антистрофа 2

Брызги с копыт и колес взметая, венетские кони
Берегом мчаться не будут;
Залы и портик чертога безмолвны, и струны
Лиры, и песни молчат. Дерева
Девы над сочной травой
Уж не украсит венок,
Но по тебе не одна, что надежду
В сердце лелеяла дева, вздыхает.

Эпод

Дни мои слезами мука
Ипполитова наполнит,
Жизнь не в жизнь нам больше будет.
Мать, зачем его носила?
Иль затем, чтоб сердце гневом
Против бога запылало?
Вы ж, три сестры, три Хариты,[169] зачем из отчизны
Нашу безвинную радость из отчего дома берете?

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Приближается вестник.
Корифей

Но вижу я из свиты Ипполита
Идущего сюда. Как мрачен он!

Вестник

169 ***Хариты*** *— божества красоты и радости.*

Где я царя найду Тесея, жены?
Скажите мне — он во дворце теперь?

Корифей

Он из дворца сейчас сюда выходит.

Показывается Тесей.
Вестник

Тесей, тебе и гражданам твоим,
И в Аттике, и из Трезена вести несу.
Они должны вас потрясти.

Тесей

Какие же? Или одно несчастье
Готовится обоим городам?

Вестник

Нет Ипполита больше… Хоть и видит
Он солнце, но минуты сочтены.

Тесей

Как умер он? От мести ли супруга,
Чей дом он, как отцовский, осквернил?

Вестник

Его разбили собственные кони, —
Проклятие разбило, что к отцу
Ты обратил, седых морей державцу.

Тесей

О небо! Да, я точно им рожден,
Внимавшим мне из моря Посейдоном.
Но как погиб, скажи мне, этот муж,
Поправший честь и пораженный правдой?

Вестник

Близ берега, где волны набегают
И плещутся морские, лошадей
Мы чистили и плакали — узнали
Мы от людей, что Ипполита, царь,
В изгнанье ты отсюда усылаешь
И здесь уже не жить ему. Пришел
И сам он следом. С нашей песней грустной

Он и свои соединяет слезы.
Без счета их, ровесников, туда
За ним пришло. Тогда, оставив плакать,
Он нам сказал: «Не надо унывать,
Словам отца повиноваться надо.
Живей, рабы, живее запрягайте:
Трезена нет уж боле для меня».
И загорелось дело — приказать
Он не успел, — уж лошади готовы.
Тут ловко он вскочил на передок
И с ободка схватил проворно вожжи,
Но кобылиц сдержал и, к небесам
Воздевши руки, стал тогда молиться:
«О Зевс, с клеймом злодея жизни вовсе
Не надо мне. Но дай когда-нибудь,
Останусь я в живых иль не останусь,
Чтобы отец мой понял, как он дурно
Со мною поступил». Стрекало он
Затем приняв, кобыл поочередно
Касается. Мы ж около вожжей
У самой побежали колесницы,
Чтоб проводить его. А путь ему
Лежал, Тесей, на Аргос, той дорогой,
Которая ведет на Эпидавр.
Но вот, когда мы выехали в поле
Пустынное, с которого холмы
К Саровскому спускаются заливу,
Какой-то гул подземный, точно гром,
Послышался оттуда отдаленный,
Вселяя страх, и кобылицы вмиг
Насторожились, вытянувши шеи,
А мы вокруг пугливо озирались…
И вот глаза открыли там, где берег
Прибоем волн скалистый убелен,
Огромную волну. Она вздымалась
Горою прямо дивной, постепенно
Застлав от нас Скирона побережье.
И дальний Истм, и даже Эпидавра
От глаз она закрыла скалы. Вот
Еще она раздулась и, сверкая,
Надвинулась и на берег метнулась.
И из нее явилось, на манер
Быка, чудовище. Ущелья следом
Окрестные наполнил дикий рев…
И снова, и ужасней даже будто
Бык заревел. Как выдержать глаза,
Не знаю я, то зрелище сумели?
Мгновенно страх объемлет кобылиц…
Тут опытный возничий, своему
Искусству верный, вожжи намотавши,
Всем корпусом откинулся — гребец
Заносит так весло. Но кобылицы,

Сталь закусив зубами, понесли…
И ни рука возничего, ни дышло
И ни ярмо их бешеных скачков
Остановить уж не могли. Попытку
Последнюю он сделал на песок
Прибрежный их направить. Но у самой
Чудовище являлось колесницы,
И четверня шарахалась в смятенье
Назад, к высоким скалам, — и тогда
Бык молча следовал за колесницей,
И надвигался он все ближе, ближе…
Вот наконец отвесная стена…
Прижата колесница. Колесо
Трещит — и вдребезги… и опрокинут
Царь с колесницей. Тут смешалось все:
Осей обломки и колес, а царь
Несчастный в узах повлачился тесных
Своих вожжей, — о камни головой
Он бился, и от тела оставались
На остриях камней куски живые.
Тут не своим он голосом кричит:
«Постойте ж вы, постойте, кобылицы!
Не я ли вас у яслей возрастил?
Постойте же и не губите — это
Проклятие отца. О, неужель
Невинному никто и не поможет?»
Отказа бы и не было. Да были
Мы далеко. Уж я но знаю, как
Он путы сбил, но мы едва живого
Его нашли на поле. А от зверя
И кобылиц давно простыл и след.
В ущелиях ли, где ль они исчезли,
Ума не приложу. Хоть я, конечно,
В твоих чертогах царских только конюх,
Но я бы не поверил никогда
Про сына твоего дурному слову,
Пускай бы, сколько есть на свете жен,
Хоть все повесились. И писем выше,
Чем Ида, мне наоставляли гору.
Я знаю только, царь, что Ипполит
Невинен и хороший человек.

Корифей

Увы! Увы! Опять удар, и меткий!
Да, от судьбы, как видно, не уйти.

Тесей

Мне пострадавший все же ненавистен,
И сладостны мне были вести мук.
Но я родил его, и узы крови

Священные я помню, потому —
Ни радости, ни горю здесь не место.

Вестник

Но как же быть теперь? Оставить там,
Чтоб из твоей нам, царь, не выйти воли?
Коль смею я советовать, не будь
Ты так жесток, владыка, к мукам сына.

Тесей

Сюда его несите… Заглянуть
В глаза ему хочу и волей бога,
И этой карой страшной уличить
Хочу его во лжи и злодеянье.

Вестник уходит.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

О Киприда, суровую душу людей
И богов железную волю
Ты, богиня, сгибаешь.
И над черной землею с тобой,
И над влагой соленой и звучной,
Как радуга, яркий Эрот
На быстрых крылах пролетает…
И если он бурный полет
На чье-нибудь сердце направит,
То дикое пламя мгновенно
От золота крыльев
Там вспыхнет любви и безумья,
А чары его
И в чаще, и в волнах таимых
Зверей укрощают, и всё,
Что дышит в сиянии солнца,
И люди ему
Покорны. Твоя, о Киприда,
Весь мир наполняет держава.

ЭКСОД

Артемида появляется в вышине.
Артемида

Внемли: тебе я говорю,
Сын благородного Эгея,
Тебе, божественная дочь Латоны.

Как ты мог, безумный,
Веселье в сердце ощутить?
Я говорю тебе — судом,
Судом неправым ты убил
Тобой рожденного. Жены
Словами ложными окован,
Неясный грех ты обратил
В мир поразившее злодейство…
Потемок Тартара теперь
Желай для своего позора,
Иль птицей сделаться желай,
Чтоб ввысь от этой оскверненной
Тобою улететь земли.
Нет больше места для тебя
Средь чистых в этом мире вовсе….
Я свиток зол должна перед тобой
Развить, Тесей, без пользы — лишь печали
Прибавит он, я знаю, но пришла
Я для того, чтоб сын твой честно умер,
Оправданный. И я жены твоей
Любовное должна раскрыть безумье
И, может быть, борьбу. Ее Эрот
Ужалил сердце тайно, и любовью
К царевичу царица запылала:
Богиня так хотела, что для нас,
В невинности отраду находящих,
Особенно бывает ненавистна.
И разумом Киприду одолеть
Пыталася царица, но в ловушку
Кормилицы попалась. Та ее
Царевичу любовь пересказала,
Связав его ужасной клятвой раньше,
Чтоб он молчал. Ее слова твой сын
Отринул, но благочестиво клятвы
Нарушить не дерзнул он, как его
Ни унижал ты здесь. А эту ложь
Оставила царица, умирая,
Боясь улики праведной. А ты,
Ее словам поверив, сына проклял.

Тесей

Увы!..

Артемида

Мучительны слова мои, Тесей,
Но должен ты их молча слушать дальше,
И, царь… тебе еще придется плакать…
Ты помнишь ли, о низкий, что тебе
Три выполнить желания поклялся
Отец, но гибель вражью ты презрел —

Одно из них направил против сына,
Не изменил обету царь морей:
Исполнил свято он твое желанье.
Ты перед ним и ты передо мной
Единственный виновник, потому что
Ты не искал свидетелей, гаданьем
Ты пренебрег, улик не разобрал
И, времени для истины жалея,
С поспешностью преступною своей
Божественным сгубил проклятьем сына.

Тесей

О, дай мне умереть…

Артемида

Ты согрешил,
Но и тебе возможно оправданье.
Киприды здесь желания и гнев
Слились, Тесей. А меж богов обычай:
Наперекор друг другу не идти.
Мы в сторону отходим, если: бог
Горячие желанья разливает.
О, если бы не страх, что оскорблю
Я Зевса, как хранителя законов,
Иль думаешь, я бы подъяла стыд,
Любимого из смертных уступая
Богам земли? Твоя вина, Тесей,
Неведеньем ослаблена и том,
Что воли злой ты не имел; с собою
От правды ключ царица унесла,
А смерть ее твой помутила разум…
Всех тяжелей тебе, конечно, царь,
Но скорбь и я с тобой делю. Печалит
И нас людей благочестивых смерть,
И только злых мы с корнем вырвать рады.

Рабы вносят ложе с Ипполитом.

Корифей

Уж вот он… О, горький… Меж локонов череп,
В обрывках одежды цветущее тело
Разбито, истерзано. Тяжкая доля!
Два траура в доме! Два траура в доме!

Ипполит

О, смерть…
Из уст нечестивых неправда проклятий…
Что сделал ты с сыном, отец?
О, горе! О, горе, о, смерть!

Мне череп пронзили безумные боли,
В мозгу моем жало — вонзится, и выйдет,
И снова вонзится… Минуту покоя,
Минуту покоя пожертвуй, змея!
Ты, ад колесницы! Не вас ли я сам
Простил и холил давно, кобылицы?..
Вы рвали меня, вы, терзая, убили…
Ох, тише! Богами молю вас, рабы,
Касайтесь нежней до избитого тела;
Я — рана сплошная.
Кто справа? Не вижу! Тихонько берите
И, шаг умеряя, вперед подвигайте
Забытого небом, кого и отец
В греховном безумии проклял,
О, призри же, Зевс, о, призри с небес.
Богов я всегда почитал — я невинно
И чисто я жил, если кто на земле
Невинно живет. Но в корень моя
Загублена жизнь. И могилы
Я слышу дыханье. И даром
Страдал я и набожен был меж людей. Ой… ой!
Увы мне… Опять… Эти боли
Впиваются. Жалят.
Оставьте ж меня!
Ты, черная, сжалься, возьми нас,
Иль, люди, добейте хоть вы. Нет мочи!
И режущей стали
Удара я жду, точно ласки…
О, злое проклятье отца!
Запятнанных предков, старинных,
Но крови единой, — грехи,
Грехи меня губят… возмездье
Растет и покоя не знает…
Но отчего ж надо мной разразился
Гнев этот старый?
Над чистым, невинным зачем он
Так тешится злобно? Увы мне!
О, что же мне делать? От мук
Страшных куда же укроюсь?
Ты, черная сила Аида, несчастного тихой,
Тихой дремотой обвей.

Артемида

О, сколько мук, о муж, великим сердцем
Загубленный, я вижу над тобой…

Ипполит

А…
Волшебное благоуханье! В муках
Ты льешься в грудь… и будто легче мне…

Ты здесь со мной, со мною, Артемида?

Артемида

Она с тобой, любимый, бедный друг.

Ипполит

Владычица, ты видишь Ипполита?

Артемида

Из смертных глаз бы слезы полились,

Ипполит

Товарищ твой и спутник умирает.

Артемида

Но он умрет в лучах моей любви.

Ипполит

Возница твой… твоих лугов хранитель…

Артемида

Кипридою коварной унесен.

Ипполит

О, я познал ее в дыханье смерти.

Артемида

Простить тебе богиня не могла
Ни чистоты, ни алтарей забвенья.

Ипполит

Теперь мне все понятно: не одну,
А целых три взяла Киприда жертвы.

Артемида

Ты, твой отец и Федра, целых три.

Ипполит

Да, и отца судьба достойна плача.

Артемида

Его коварно демон обманул.

Ипполит

Твое, отец, жестоко испытанье.

Тесей

Жестоко так, что Адом стал и свет.

Ипполит

Тебе больней, чем мне, твоя ошибка.

Тесей

О, если бы тебя мне заменить…

Ипполит

То горький был подарок Посейдона.

Тесей

Когда бы мог вернуть его Тесей!

Ипполит

Тогда бы гнев его со мной покончил…

Тесей

Затмение, ужасный дар богов…

Ипполит

Увы! Увы! Их наши-то проклятья не достигнут…

Артемида

Оставь богов. Иль думаешь, что гнев,
Который до могильной ночи сердце,
Великое и чистое, терзал,
Останется неотомщенным? Я,
Я отомщу одной из стрел моих,
Которые не вылетают даром…
Меж смертными стрела моя найдет,
Кто ей милей других. Тебя же, бедный,
О лучший друг, в Трезене отличу
Я честию высокой. Перед свадьбой

Пусть каждая девица дар волос
Тебе несет. И этот в даль немую
Обычай перейдет веков. И в вечность
Сам в пении девичьих чистых уст
Ты перейдешь. И как тебя любила,
Не позабудут, Федра… Царь Тесей,
Поди сюда, и сына обойми,
И поцелуй его. Чужою волей
Ты умертвил его. И дивно ль вам
Грешить, когда того желают боги?..
Ты ж, Ипполит, я и тебя прошу
Гнев на отца оставить. Ведь таков
Был твой удел. Простимся. Взор небесный
Не должен видеть смерти, и глаза
Туманит нам холодное дыханье.
Я черная уж над тобой… я вижу…

Ипполит

Будь счастлива, блаженная, и ты
Там, в голубом эфире. Ты любила
Меня, и долго, но легко оставишь…
Отцу, как ты велела, я простил…
Я слов твоих не преступал и раньше.

Артемида исчезает.

Но на глаза спадает мрак. Отец,
Возьми меня, приподними немного,

Тесей

Дитя мое! Не добивай отца.

Ипполит

Смерть!.. Вот они, подземные ворота!

Тесей

Под бременем злодейства не покинь.

Ипполит

О, я тебя, отец, освобождаю…

Тесей

Как? Этот груз с меня снимаешь? Весь?..

Ипполит

Да, девственной клянусь я Артемидой.

Тесей

О лучший сын! О благородный сын!

Ипполит

Дай бог таких тебе, отец, законных.

Тесей

И потерять такое сердце… О…

Ипполит

Прощай, отец… Прости меня, мой милый.

Тессей

Ты выдержишь… Ты одолеешь смерть.

Ипполит

Я выдержал… я уж в объятьях смерти.
Отец… скорее пеплос на лицо…

Тесей

О, славные афинские пределы, И ты,
Пелопоннес! Кого сейчас
Лишитесь вы… А мне, увы! Киприда
Страдания оставила клеймо.

Рабы уносят Ипполита. За ними уходит Тесей.
Хор
(покидая орхестру)

Этот траур двойной и нежданный…
Лейтесь, слезы, под веслами скорби,
И далеко, далеко звучи
Весть о горе великом царей!

АРИСТОФАН

Биографические сведения об Аристофане (ок. 446–385 гг. до н. э.) в общем исчерпываются изложенным в статье.

До нас дошло одиннадцать его комедий, а написано им было, по античным свидетельствам, ровно вчетверо больше.

ОБЛАКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Стрепсиад, старик земледелец.
Фидиппид, его сын.
Слуга Стрепсиада.
Ученики Сократа.
Сократ, мудрец.
Правда, спорщик.
Кривда, спорщик.
Пассий, заимодавец Стрепсиада.
Аминий, заимодавец Стрепсиада.
Хор Облаков.
На орхестре два дома. Один Стрепсиада, другой Сократа.

ПРОЛОГ

В доме Стрепсиада видны две постели. На одной из них спит Фидиппид, Стрепсиад ходит перед своим домом.

Стрепсиад

Ай-ай, ай-ай!
Владыка Зевс, какая ночь длиннющая!
Конца ей нет. Когда ж зарю увижу я?
Давно уже, мне кажется, петух пропел.
Храпят рабы. Ах, прежде было иначе!
Война, чтоб ты пропала!
Много зла в тебе!
Теперь и слуг не проучить как следует.

(Указывая на сына.)

А этот вот молодчик, ладно скроенный,
Всю ночь без передышки спит, без просыпа,
Свистит, трещит, в двенадцать шуб закутавшись.

(Ложится.)

Ну, что ж, и я закутаюсь, и я вздремну.
Беда мне: не могу уснуть. Грызут меня
Корма, овсы, расходы и долги мои.
Всему виною сын мой. Закрутив вихор,
В седле гарцует, скачет, правит парою,
Во сне конями бредит. Я же мру живьем.
Бегут, спешат за месяцами месяцы,
И долг растет.

(Встает, кричит слуге.)

Эй, мальчик, огонек подай!

И книгу принеси мне! Перечесть хочу,
Кому и сколько должен, сосчитать лихву.
Слуга приносит светильник и книгу. Держит светильник над господином.
Кому ж я должен?

(Читает.)

«Пасию двенадцать мин».
Как, Пасию двенадцать мин? За что ж это?
«За жеребца гнедого». Горе, горе мне!
Пусть сам бы сгнил я! Глаз бы вышиб камнем я!

Фидиппид
(во сне)

Филой, плутуешь! Не виляй! Прямей держи!

Стрепсиад

Вот, вот оно, несчастье! Вот в чем зло мое!
Сын и во сне мечтает о ристаниях.

Фидиппид
(так же)

На сколько едешь ты кругов на гоночных?

Стрепсиад

Отца вконец заездил! Ощипал кругом!
Кому ж еще я должен, кроме Пасия?
«Три мины за седло и хлыст Амипию».

Фидиппид
(так же)

Проезди и в конюшню пригони коня!

Стрепсиад

Меня из дома скоро вовсе выгонишь!
И тяжбу проиграю, и лихва меня
Сживет со света.

Фидиппид
(просыпается)

Эй, родитель, что с тобой? Чего ворчишь?
Ворочаешься до утра?

Стрепсиад

Начальники едят меня… постельные.

Фидиппид

Так дай хоть мне, чудак, поспать немножечко.

Стрепсиад

Спи, если хочешь! Только знай, долги мои
Когда-нибудь падут тебе на голову.

Фидиппид снова засыпает.

Ох, ох!
Пускай бы удавилась сваха подлая,
На матери твоей меня женившая.
Чудесной, тихой жил я жизнью сельскою,
В уюте, и в навозе, и в безделии,
Средь пчел, вина, оливок и овечьих стад.
Тут в жены взял племянницу Мегаклову,
Родню Кесиры, городскую, важную,
Капризную, надутую, манерную.
Женился, спать пошел с ней, от меня землей
Несло и сеном, стойлом и достатками.
От барышни помадой, поцелуями,
И Афродитой пахло, и расходами.
Но не ленилась, нет, ткала прилежнейше.
Свой рваный плащ тогда я ей показывал
И говорил: «Супруга, слишком тонко ткешь!»

Лампа гаснет.
Слуга

Нет масла в ночнике у нас ни капельки.

Стрепсиад

Проклятье, твой ночник — негодный пьяница!
Ступай и лопни!

Слуга

Для чего же лопаться?

Стрепсиад

Фитиль купил ты толстый и прожорливый.

Слуга уходит.

Позднее сын вот этот родился у нас,

Ох, у меня и у любезной женушки.
Так начались раздоры из-за имени.
Жене хотелось конно-ипподромное
Придумать имя: Каллипид, Харипп, Ксантипп.[170]
Я ж Фидонидом звать хотел, в честь дедушки.
Так спорили мы долго; согласясь потом,
Совместно Фидиппидом сына назвал.
Ласкала мать мальчишку и баюкала:
Вот вырастешь и на четверке, в пурпуре,
Поедешь в город, как Мегакл, твой дяденька.
Я ж говорил: вот вырастешь, и коз в горах
Пасти пойдешь, как твой отец, кожух надев.
Но слов моих сыночек не послушался,
В мой дом занес он лихорадку конскую.
Всю ночь я нынче думал, не смыкая глаз,
Одно придумал средство, но надежное.
Когда сынка уговорю, спасемся мы.
Но прежде разбудить его мне надобно.
Как разбудить поласковей, подумаю…
Мой Фидиппид, сыночек, Фидиппидушка!

Фидиппид

Чего?

Стрепсиад

Дай руку мне и поцелуй родителя.

Фидиппид

Ну вот! А что?

Стрепсиад

Скажи, меня ты любишь? Да?

Фидиппид

Да, Посейдоном Конником клянусь тебе!

Стрепсиад

Ой, ой, ой, ой! Нет, нет, не надо Конника!
Всем огорченьям нашим этот бог виной.
Когда меня от сердца любишь, искренне,
Послушайся, мой мальчик!

Фидиппид

В чем послушаться?

---

170 ***Каллинид, Харипп, Ксантипп.*** *— В каждое из этих имен входит корень «ипп» — конь, лошадь.*

Стрепсиад

Переменись, привычки позабудь свои
И поучись, сходи, куда скажу тебе!

Фидиппид

Чего ж ты хочешь?

Стрепсиад

А исполнишь?

Битва греков с амазонками. Роспись чаши. V век до н. э. Мюнхен. Государственный музей древностей

Фидиппид

Выполню! Мне Дионис свидетель!

Стрепсиад

Погляди сюда! Калиточку ты видишь, домик маленький?

Фидиппид

Конечно, вижу, но, отец, зачем он нам?

Стрепсиад

Мыслильня это для умов возвышенных.
Здесь обитают мудрецы. Послушать их,
Так небо — это просто печь железная,
А люди — это словно в печке уголья.
И тех, кто денег даст им, пред судом они
Обучат кривду делать речью правою.

Фидиппид

Но кто ж они?

Стрепсиад

Не знаю точно имени, —
Мудрило-заводилы, благородные.

Фидиппид

А, знаю, знаю, как же: босоногие,
Бахвалы, негодяи бледнорожие,
Сократ несчастный, Хэрефонт[171] помешанный.

Стрепсиад

Цыц, цыц, молчи, не говори бессмыслицы!
Коль хочешь, чтобы хлеб был у родителей,
Послушайся, от конной откажись езды!

Фидиппид

Мне Дионис свидетель, нет! Хотя бы ты
Фазанов подарил мне Леогоровых![172]

Стрепсиад

О каком, скажи, прошу тебя?

Ученик

Мудрец сфеттийский Хэрефонт спросил его,
Что мыслит он о комарином пении, —
Пищит комар гортанью или задницей?

Стрепсиад

---

171 ***Хэрефонт*** *— один из учеников Сократа.*
172 ***…Фазанов подарил мне Леогоровых.*** *— Леогор — лицо историческое.*

И что ж сказал о комарах почтеннейший?

Ученик

Сказал он, что утроба комариная
Узка. Чрез эту узость воздух сдавленный
Стремится с силой к заднему отверстию.
Войдя каналом узким в расширение,
Из задницы он вылетает с присвистом.

Стрепсиад

Тромбоном оказался комариный зад!
Мудрец кишечный, дважды, трижды счастлив ты!
Избавиться от тяжбы дело плевое
Для нас, разъявших чрево комариное!

Ученик

А вот недавно истина великая
Погибла из-за ящерицы.

Стрепсиад

Как же так?

Ученик

В полночный час, исследуя движение
И бег луны, стоял он, рот разинувши.
Тут с крыши в рот ему наклала ящерка.

Стрепсиад

Смешно, Сократу в рот наклала ящерка!

Ученик

Вчера ж у нас еды на ужин не было.

Стрепсиад

Ну-ну! И пропитанье как промыслил он?

Ученик

Зашел в палестру, стол слегка золой покрыл.
Взял в руки вертел, циркулем согнул его
И осторожно… из палестры плащ стянул.

Стрепсиад

К чему ж еще Фалеса[173] прославляем мы!
Открой, открой скорее мне в мыслильню дверь,
Сократа видеть я хочу великого!
К нему иду в науку, дверь открой скорей!
Дверь открывается, видны ученики.
Геракл великий, это что за чудища?

Ученик

Чему дивишься, за кого ты принял их?

Стрепсиад

Да за спартанцев пленных, взятых в Пилосе.
Но в землю почему они уставились?

Ученик

Разыскивают то, что под землей.

Стрепсиад

Ага.
Чеснок! Не надо, не трудитесь, милые,
Я знаю место, там растет отличнейший.
А те, что в кучу скучились, чем заняты?

Ученик

Они глубины Тартара исследуют.

Стрепсиад

Зачем же в небо этот поднял задницу?

Ученик

Считает звезды собственными средствами!

(Ученикам, подбегающим к двери.)

Идите в дом, чтоб здесь он не застигнул вас.

Стрепсиад

Нет, нет, не надо! Пусть они останутся!
Поговорю я с ними о делах моих.

Ученик

Никак нельзя! Им строго запрещается

---

173 ***Фалес*** *— знаменитый философ VII в. до н. э., причисленный к греческому канону семи мудрецов.*

Дышать так долго чистым, свежим воздухом.

Ученики уходят.

Стрепсиад

(оглядывается; рассматривает диковинные предметы в мыслильне)

Богами заклинаю, это что ж, скажи?

Ученик

Вот это — астрономия.

Стрепсиад

А это, здесь?

Ученик

А это геометрия.

Стрепсиад

К чему она?

Ученик

Чтоб мерить землю.

Стрепсиад

Понял я. Надельную?

Ученик

Да нет, всю землю.

Стрепсиад

Очень хорошо, дружок!
Народная наука и полезная.

Ученик

А здесь изображенье всей вселенной. Вот Афины,
Видишь?

Стрепсиад

Пустяки, не верю я:
Судейских здесь не видно заседателей.

Ученик

Вот это, понимаешь, это — Аттика.

Стрепсиад

А где же земляки мои кикиннские?

Ученик

Там, позади. А вот Эвбея, видишь ты,
Как вытянулась, узкая и длинная.

Стрепсиад

Да, растянули мы с Периклом бедную.[174]
Но где же Лакедемон?

Ученик

Где он? Вот он где.

Стрепсиад

Бок о бок с нами? Позаботьтесь, милые,
От наших мест убрать его подалее.

Ученик

Никак нельзя.

Стрепсиад

Свидетель Зевс, поплатитесь!

(Замечает Сократа.)

А это кто же в гамаке качается?

Ученик

Он сам.

Стрепсиад

Что значит «сам»?

Ученик

Сократ.

---

174 ***Да, растянули мы с Периклом бедную*** *— В 445 г. до н. э. остров Эвбея попытался отколоться от Афинского морского союза. Военная экспедиция во главе с Периклом пресекла эту попытку. Лакедемон — Спарта.*

Стрепсиад

Привет, Сократ! Послушай, друг, погромче покричи ему.

Ученик

Нет, сам кричи, а у меня нет времени.

Стрепсиад
(кричит)

Сократ! Сократушка!

Сократ

Что, бедный человечишка?

Стрепсиад

Скажи сначала, чем ты занимаешься?

Сократ

Паря в пространствах, мыслю о судьбе светил.

Стрепсиад

В гамак забравшись, на богов взираешь ты.
Но почему же не с земли?

Сократ
(важно и торжественно)

Бессильна мысль
Проникнуть в тайны мира запредельного,
В пространствах не повиснув и не будучи
Соединенной с однородным воздухом.
Нет, находясь внизу и взоры ввысь вперив,
Я ничего б не понял. Сила земная
Притягивает влагу размышления.
Не то же ли случается с капустою?

Стрепсиад

Ай-ай!
В капусту влагу тянет размышление!
Сойди ж ко мне, любезный мой Сократушка!
Тому, за чем пришел я, обучи меня!

Сократ

За чем же ты явился?

Стрепсиад

Красноречию
Хочу я обучиться. Жмут долги меня.
Худею, чахну, сохну, изведусь вконец.

Сократ

Но как ты не заметил, что в долгах увяз?

Стрепсиад

Болезнь меня заела, язва конская.
Прошу тебя, той речи научи меня,
С которою долгов не платят. Я ж тебя,
Клянусь богами, награжу сторицею.

Сократ

Каких богов ты разумеешь? Боги ведь
Здесь не в почете.

Стрепсиад

Чем же мне поклясться вам?
Железными грошами, как в Византии?[175]

Сократ

Природу дел божественных желаешь ты
Узнать?

Стрепсиад
Да, Зевс свидетель, по возможности.
Сократ

Вступить в беседу с облаками хочешь ты,
Которых почитаем за богов?

Стрепсиад

Ну да.

Сократ

На эти козлы сядь тогда священные.

Стрепсиад

---

175 ***Византий*** *— город на европейском берегу Босфора, ставший впоследствии столицей Византийской империи.*

(садится)

Вот видишь, сел.

Сократ

Прими теперь из рук моих венок.

Стрепсиад

Зачем венок мне, он, боюсь, Сократ! Как
Афаманта,[176] вы меня зарежете!

Сократ

Нимало, то же с каждым посвящаемым
Мы делаем.

Стрепсиад

А что я получу за то?

Сократ

В речах мучнистым станешь, тертым, крупчатым,
Так стой же смирно!

(Обсыпает его мукой.)
Стрепсиад

Правда, Зевс свидетель мне,
Обсыпанный, я стану тертым, крупчатым.

Сократ

Не кричи, замолчи, покорись, старичок, и внимай терпеливо молитве.

(Молится.)

Господин и владыка, о
Воздух святой, обступивший, объемлющий Землю,
О сверкающий, ясный Эфир,
Облака громоносные, матери молний!
Поднимитесь, взлетите, царицы, свой лик с высоты мудролюбцу явите!

Стрепсиад

---

176 ***Афамант.*** *— Стренсиад намекает на не дошедшую до нас трагедию Софокла «Афамант», где герой намеревается принести себя в жертву Зевсу, чтобы искупить убийство своего сына. Жертвенных животных обычно украшали венками.*

Погоди, не спеши, дай закутаться мне, а не то до костей я промокну.
Ах, глупец, ах, несчастный! Сегодня как раз без накидки я из дому вышел.

(Закутывается.)
Сократ

Облака многочтимые! Слушайте зов, где б вы ни были, ныне явитесь!
На Олимпе ль, на снежной, священной горе залегли вы семьею лучистой,
Или с нимфами в быстрый сплелись хоровод в темных кущах Отца-Океана,
Или в нильских вы устьях потоки воды в золотые черпаете ведра,
Залетели вы в топь Меотийских болот[177] иль на льдистые гребни Мимапта,[178]
Нас услышьте, и жертву примите от нас, и порадуйтесь нашей молитве.

ПАРОД

Издали доносится пение Облаков.

Строфа 1

Первое полухорие

Вечные Облака!
Встаньте, явитесь росистые, мглистые, в легких одеждах!
Бездны
Отца-Океана гудящие
Кинем, на горные выси подымемся,
Лесом покрытые,
С вышек дозорных на сторону дальнюю
Взглянем, на пашни, на пышные пажити!
Взглянем на реки, бурливо-журчащие,
Взглянем на море, седое, гремящее!
Солнце, как око Эфира, без устали светит.
Даль в ослепительном блеске.
Сбросим туман водянистый, скрывающий
Лик наш бессмертный. И взглядом всевидящим
Землю святую окинем!

Гремит гром.
Сократ

О священные жены, богини мои,

177 ***Меотийские болота*** *— Меотида — нынешнее Азовское море.*
178 ***Мимант*** *— отрог горной цепи Тмола (Малая Азия).*

Облака, вы молению вняли!

(К Стрепсиаду.)

Ты ведь слышал их песни и пенью вослед грохотанье тяжелое грома?

Стрепсиад

Да, слыхал и молюсь вам, мои госпожи, и хотел бы на гром ваш ответить
Грохотаньем из брюха: так сильно дрожу, так жестоко я вас испугался!
Вот уж, вот, и пускай, хоть прилично, хоть нет, не могу удержаться! Обклался!

Сократ

Эти шуточки брось и не смей подражать ты шутам комедийным несчастным!
Благочестья исполнись! Божественный рой продолжает священную песню.

Антистрофа 1

Второе полухорие

Девы, несущие дождь!
Город Кекропа[179] богатый, блистательный, землю Паллады,
Родину храбрых, хотим мы приветствовать.
Там — несказанные таинства правятся,[180]
Там открываются
Пред посвященными двери святилища.
Жертвы богам-неободержцам приносятся.
Там возвышаются храмы и статуи.
Шествия движутся там богомольные.
Жертвы приносятся пышные, в зиму и лето —
Праздники, игры и пляски.
А наступает весна — и в честь Бромия[181]
Песни несутся, хоры состязаются,
Слышатся флейты призывы.

Гремит гром.

Стрепсиад

Объясни мне, Сократ, заклинаю тебя, это кто же поет так прекрасно,
Так торжественно, чинно и важно, скажи, иль слетелись сюда

---

179 ***Город Кекропа*** *— Афины. Кекрон — легендарный основатель Афин.*
180 ***Там — несказанные таинства правятся…*** *— Имеются в виду элевсинские мистерии.*
181 ***Бромий*** *— одно из имен Диониса. О состязаниях «в честь Бромия» см. вступительную статью.*

героини?

Сократ

Да ничуть! Это дети небес, Облака, а для праздных мыслителей — боги
Величайшие, разум дающие нам, мысли острые, силу сужденья,
Красноречия жар, убеждения дар, говорливость и в речи сноровку.

Стрепсиад

Понимаю. Так вот почему, услыхав их напевы, душой я воспрянул,
И к сплетениям слов потянуло меня, и к суждениям о дыме летучем,
Захотелось на слово ответить тремя и мыслишкою в споре ужалить!
Если можно, прошу, дай воочию мне, дай вблизи величавых увидеть!

Сократ

Погляди же сюда, на Парнеф![182] Началось!
Вижу, вижу, спокойно и плавно
К нам нисходят они.

Стрепсиад

Где же, где? Покажи!

Сократ

Вот подходят густыми рядами
По расщелинам горным, по склонам лесным.
Прямиком.

Стрепсиад

Удивительно, право!
Ничего я не вижу!

Сократ

У входа они.

Стрепсиад

Вот теперь различаю немножко.

---

182 ***Парнеф*** *— горная цепь в северной Аттике.*

На орхестру вступает хор Облаков, похожих на женщин.
Сократ

Ну, теперь-то ты видишь их, глупый старик, если только глаза твои целы?

Стрепсиад

Вижу, вижу! Почтенные! Зевс мне судья!
Все пространство заполнено ими.

Сократ

Что ж, а раньше не знал ты, что боги они?
Как богов их не чтил и не славил?

Стрепсиад

Видит Зевс, и не думал.
Считал их росой, и туманом, и слякотью мокрой.

Сократ

Видит Зевс, ошибался ты. Знай же теперь: это вот кто питает ученых,
И врачей, и гадателей, франтов в кудрях, с перстеньками на крашеных пальцах,
Голосистых искусников в скучных, хорах, описателей высей надзвездных,
Вот кто кормит бездельников праздных, а те прославляют их в выспренних песнях.

Стрепсиад

Вот зачем воспевают они облака, буревые, несущие грозы,
«Стоголового смерча летучую прядь», «завывание вихрей ревущих»,
И еще «кривокогтых кочующих птиц заблудившиеся караваны»,
И еще «облаков волокнистых росу», а за это питаются сами
Камбалою копченой, «прозрачной, как сон», и жарким «из дроздов сладкогласных».

Сократ
Незаслуженно разве?
Стрепсиад

Скажи мне теперь, умоляю тебя, если вправду
Облака — эти твари, зачем же тогда на земных они женщин похожи?
Ведь иначе совсем они выглядят.

Сократ
Как? Расскажи мне, как выглядят тучи.
Стрепсиад

Хорошенько сказать не могу. Например, как летящие шерсти волокна.
Но совсем не как женщины, Зевс мне судья! А у этих носы, и большие.

Сократ

А теперь на вопросы мои отвечай!

Стрепсиад

Говори! Что угодно отвечу.

Сократ

Никогда ты не видел, скажи, в небесах облаков, на кентавра похожих,
На быка, на пантеру, на волка?

Стрепсиад

Видал, Зевс свидетель! Видал. Ну так что же?

Сократ

Как хотят, обернуться умеют они. Завитого увидят красавца,
Вот из этих кудрявых, распутных гуляк, из породы козла Ксенофанта,[183]
И тотчас, издеваясь над блажью его, превратятся в блудливых кентаврон.

Стрепсиад

Если ж Симон, грабитель народной казны, попадется им, чем они станут?

Сократ

Подражая разбойной природе его, уподобятся хищному волку.

Стрепсиад

Понимаю. Недавно толстяк Клеоним повстречался им, щит потерявший,
Увидали трусишку они и тотчас обратились в пугливых оленей.

---

183 ***…из породы козла Ксенофанта…*** *— Это, по-видимому, выпад против автора дифирамбов Гиеронима, отца которого звали Ксенофант.*

Сократ

А теперь повстречали Клисфена они и на женщин похожими стали.

Хор Облаков приближается к дому Сократа.

Стрепсиад
(к Облакам)

Ну, так здравствуйте, слава вам, грозные. Речь обратите ко мне благосклонно!

Если голос ваш прежде слыхал кто-нибудь, пусть его я услышу, богини.

Корифей

Наш привет тебе, старец с седой головой, за наукой и правдой пришедший!

(К Сократу.)

Ты ж, священнослужитель речей плутовских, объясни нам, чего ты желаешь.

Никого так охотно не слушаем мы из искусников, ныне живущих,

Одного разве Продика:[184] мудрость его нас пленяет и знанья большие.

Ты же тем нам приятен, что бродишь босой, озираясь направо, налево,

Ходишь чванно и важно, в лохмотьях, дрожа, вскинув голову, нас обожая.

Стрепсиад

О Земля, что за голос! Торжественно как он звучит!

Объявилось нам чудо!

Сократ

Так пойми же: богини они лишь одни, остальное — нелепые бредни!

Стрепсиад

Ну, а Зевс? Объясни, заклинаю Землей, нам не бог разве Зевс Олимпийский?

Сократ

Что за Зевс? Перестань городить пустяки! Зевса нет.

184 ***Продик*** *— известный философ-софист.*

Стрепсиад

Вот так так! Объясни мне,
Кто же дождь посылает нам?
Это сперва расскажи мне подробно и ясно.

Сократ
(показывая на Облака)

Вот они. Кто ж еще? Целый ворох тебе приведу я сейчас доказательств.
Что, видал ты хоть раз, чтоб без помощи туч Зевс устраивал дождь? Отвечай мне!
А ведь мог бы он, кажется, хлынуть дождем из безоблачной ясной лазури.

Стрепсиад

Аполлон мне свидетель, отличная речь! Ты меня убедил.
Соглашаюсь. А ведь раньше и верно я думал, что Зевс сквозь небесное мочится сито.
Но теперь объясни мне, кто ж делает гром? Я всегда замираю от грома.

Сократ

Вот они громыхают, вращаясь.

Стрепсиад

Но как? Объясни мне, скажи мне, волшебник!

Сократ

До краев, до отказа наполнясь водой, и от тяжести книзу провиснув,
И набухнув дождем, друг па друга они набегают и давят друг друга.
И взрываются с треском они, как пузырь, и гремят перекатами грома.

Стрепсиад

Кто ж навстречу друг другу их гонит, скажи?
Ну не Зевс ли, колеблющий тучи?

Сократ

Да нимало, ни Зевс. Это — Вихрь.

Стрепсиад

Ну и ну! Значит, Вихрь! Я и ведать не ведал,
Что в отставке уж Зевс и на месте его нынче
Вихрь управляет вселенной.
Только все ж ничего ты еще не сказал о грозе и громов грохотанье.

Сократ

Ты ведь слышал. Набухнув водой дождевой, облака друг на друга стремятся.
И, как сказано, лопнув, что полный пузырь, громыхают и гулко грохочут.

Стрепсиад

Кто поверит тебе?

Сократ

Это я объясню на примере тебя самого же.
До отвала наевшись похлебки мясной на гулянии панафинейском,[185]
Ты не чувствовал шума и гуда в кишках и урчанья в набитом желудке?

Стрепсиад

Аполлон мне свидетель, ужасный отвар. Все внутри баламутится сразу,
И гудит, словно гром, и ужасно урчит, и шумит, и свистит, и клокочет.
Для начала легонько, вот этак: бурр-бурр, а потом уж погромче: бурр-бурр-бурр.
Тут нельзя удержаться, до ветра бегу, а в утробе как гром: бурр-бурр-бурр-бурр.

Сократ

Ну прикинь, если столько грозы и громов в животишке твоем, так подумай,
Как чудовищно воздух безмерно большой и бурчит, и гремит, и грохочет.

Стрепсиад

Все понятно теперь, так от ветра, от туч говорят у нас: ходим до ветра.
Ну, а молнии ярко горящий огонь, объясни мне, откуда берется?
Попадет и живого до смерти спалит или кожу, одежду

---

185 ***На гулянии панафинейском…*** *— Панафивеи — праздник в честь богини Афины.*

обуглит.
Ну не ясно ль, что молнии мечет в нас Зевс в наказанье за лживые клятвы?

Сократ

Об одном бы подумал ты, старый дурак, суеверия глупого полный!
Если мстит за присягу подложную Зевс, почему ж не сожжен еще Симон?
Почему не сожжен Клеоним и Феор? Ведь они ж под присягою лгали.
Почему он сжигает свой собственный храм и «вершину афинскую» — Суний,
И вершины высоких дубов? Для чего? Ведь лгунов средь дубов не бывает.

Стрепсиад

Что ответить, не знаю. Пожалуй, ты прав.
Расскажи мне, в чем молнии тайна!

Сократ

Если ветер сухой поднимается вдруг и взлетает в небесные выси,
Облака надувает он, словно пузырь, а затем, под давлением силы,
Разрывает пузырь, клокоча и свистя, вылетает с неистовым шумом,
От напора, от натиска в пламенный столб обращается он и сгорает.

Стрепсиад

Зевс свидетель мне, то же случилось со мной на Диасиях[186] нынешних. Помню,
Колбасу кровяную я жарить взялся для родных, да забыл ее взрезать.
Тут надулась она, стала круглой, как шар, и внезапно возьми да и лопни!
Все глаза залепила начинкою мне и сожгла, словно молнией, щеки.

Корифей

Человек! Пожелал ты достигнуть у нас озарения мудрости высшей.
О, как счастлив, как славен ты станешь, старик, среди эллинов всех и афинян,
Если тщателен будешь, прилежен в труде, если есть в тебе

---

186 ***Диасии*** *— весенний афинский праздник в честь Зевса.*

сила терпенья,
И, не зная усталости, знанья в себя ты вбирать будешь, стоя и лежа,
Холодая, не будешь стонать и дрожать, голодая, еды не попросишь,
От пирушек уйдешь, от гимнасий сбежишь, не пойдешь по пути безрассудства;
И за высшее счастье одно будешь чтить, как и следует людям разумным:
Силой речи своей побеждать на судах, на собраньях, в советах и в спорах.

Стрепсиад

Что терпенья касается, твердой души и бессонных раздумий в постели,
Воздержаны во всем, в животе пустоты, на воде и на хлебе сиденья,
Будь уверен во мне! Чтоб до цели дойти, на себя дам ковать я оковы.

Сократ

И не будешь иных ты богов почитать, кроме тех, кого сами мы славим:
Безграничного Воздуха ширь, Облака и Язык, — вот священная троица!

Стрепсиад

И словечка другим я теперь не скажу, даже если на улице встречу.
Им молиться не буду, вина не пролью, фимиама ни крошки не кину.

Корифей

Говори же скорее, что надо от нас. Не робей, не получит отказа
Тот, кто нас почитает, и молится нам, и мыслителем сделаться хочет.

Стрепсиад

О почтенные женщины! Надо от вас мне немногого, чуточку, крошку!
Стадий на десять всех, кто в Элладе живет, превзойти я хочу в разговоре.

Корифей

Мы исполнить согласны желанье твое. С этих пор на

собраньях народных

Чаще всех ты сумеешь решенья свои проводить, побеждая речами.

Стрепсиад

Я решений больших проводить не хочу, и совсем мне не этого надо.

Я закон обвернуть вокруг пальца хочу, обмануть одолживших мне деньги.

Корифей

Исполненья дождешься стремлений своих. Старичок, ты немногого просишь.

Так отдай же себя, ничего не страшась, нашим верным, испытанным слугам.

Стрепсиад

Так и сделаю. Вам доверяюсь во всем. Не охота — нужда меня гонит;

Жеребцы вороные, кобылы с клеймом и женитьба меня разорили.

Как хотите, со мной поступайте теперь. Я согласен на все.

Вам вверяю я тело и душу свою. Колотите, дерите, держите без сна,

Рвите заживо, трите, морите меня! Мне бы только словчить и долгов не платить,

А потом пусть народ называет меня
Негодяем, нахалом, шутом, наглецом,
Шарлатаном, буяном, судейским крючком,
Надувалой, громилой, бузилой, шпиком,
Срамником, скопидомом, сутягой, лгуном,
Забиякой, задирой, бахвалом, клещом,
Подлипалой, прожженным, паршой, подлецом!
Приживалом, свиньей! Пусть прохожие так окликают меня,
Как хотят, так пускай и поносят меня,
Пусть меня, если надо, Деметрой клянусь,
Изотрут в колбасу И на ужин дадут мудролюбцам!

Корифей

Что решил, решил он крепко,
Не робея, пламенея.
Твердо знай:
Нашу науку осилив, до неба прославлен
Меж людей ты будешь.

Стрепсиад

Что ж делать мне?

Корифей

Со мной проводи свои дни! Завиднейшей жизнью
Жить начнешь отныне.

Стрепсиад

Будет успех? Счастье, удачу увижу?

Корифей

Будут теперь тесниться у двери твоей
Пришельцев толпы,
Мудрость твою вопрошая, дружбы с тобой ожидая,
В путаных тяжбах своих, в делах опасных
Лишь от тебя надеясь помощь добыть и совет.*(Сократу.)*
Так начни ж, как обычно; возьми старика в предварительно обученье,
Испытай его разум, сноровку узнай, остроумие, память изведай!

Сократ

Начнем же! Опиши мне самого себя,
Чтоб, нрав твой изучивши, мог надежнее
Уловками поближе подойти к тебе,

Стрепсиад

Ты на меня готовишь приступ! Зевс-отец!

Сократ

Ничуть! Порасспросить тебя мне хочется,
Ты памятлив, скажи?

Стрепсиад

С двойною памятью:
Когда должны мне, помню замечательно,
А должен я — разиня, забываю вмиг.

Сократ

Есть у тебя наклонность к многословию?

Стрепсиад

К злословию скорей, чем к многословию.

Сократ

Так как же быть с ученьем?

Стрепсиад

Ничего, сойдет!

Сократ

Теперь вопрос из области возвышенной
Тебе поставлю. На лету хватай его!

Стрепсиад

Хватать? Как пса, ты хочешь натаскать меня!

Сократ

Ну, что за варвар! До чего невежествен!
Боюсь, старик, понадобятся розги нам.
Чем на побои отвечаешь?

Стрепсиад

Я терплю.
Немного жду, друзей зову в свидетели,
Еще немного — в суд тащу обидчика.

Сократ

Снимай накидку!

Стрепсиад

Разве провинился я?

Сократ

Нет. Голыми заведено входить сюда.

Стрепсиад

Но я же не для обыска в твой дом иду.

Сократ

Снимай! Болтать довольно.

Стрепсиад

Мне одно скажи:
Когда прилежен и усерден буду я,

Кому я уподоблюсь из учащихся?

Сократ

На Хэрефонта будешь ты во всем похож.

Стрепсиад

Беда, беда мне! Полутрупом сделаюсь!

Сократ

Не смей болтать! За мной иди и слушайся! Сюда скорее!

Стрепсиад

В руки мне вложи сперва
Медовую коврижку. Замираю я.
Мой бог! В пещеру я схожу Трофония.[187]

Сократ

Входи, входи! Чего у двери ежишься?

Сократ и Стрепсиад входят в мыслильню.

ПАРАБАСА

Корифей
(вслед Стрепсиаду)

Так иди же на радость! Есть воля в тебе
И отважная мысль. Будет пускай удача с ним!
Он, не глядя на старость,
Не побоявшись плеши своей, тягостный груз новых наук
Хочет вместить в череп седой, хочет постигнуть мудрость.
Зрители, хочу говорить с вами откровенно я,
Искренне. Свидетелем мне — мой кормилец Дионис,
Я сисей победой клянусь, славой и удачею
В том, что вас считаю, друзья, за людей понятливых
И вот эту пьесу мою лучшей среди всех других.
Вам уж я однажды ее предложил. Трудней всего
Мне она досталась, и что ж? Пред толпою грубою
Незаслуженный потерпел я провал. Виной тому
Вы, толковые, знатоки! Ради вас старался я.
Все ж предать я вас не хочу, люди с пониманием.
Ведь и прежде много похвал, зрители разумные,
«Добрый» мой и «развратник» мой слышали из ваших уст.
Словно девушке, мне тогда не к лицу было рожать.
И пришлось подкинуть дитя, увидать в чужих руках.

---

187 ***В пещеру я схожу Трофония.*** *— Трофоний — эпитет Зевса как бога подземного царства. Подземное святилище Зевса-Трофимия в Беотии слыло жутким мостом.*

Вы его вскормили тогда бережно и ласково.
С этих пор надежда на вас выросла в груди моей.
Как Электра, мчится сейчас к вам моя комедия,
Ждет и ищет: зрителей тех нет ли здесь понятливых?
Вмиг узнает, — только б найти, — брата кудри милые.[188]
Как пристойны нравы ее, сами поглядите вы:
Твердой кожи плотный кусок не подвешен спереди,
Длинный, толстый, с красным концом — на потеху мальчикам.
Шуток здесь над лысыми нет, и канкана тоже нет,
Здесь старик, стихи бормоча, палкой собеседника
Не колотит, чтобы прикрыть соль острот подмоченных.
Не кричат здесь «горе, беда!», с факелом не бегают.
Верит в силу песен своих и в себя комедия.
Вот и я, хоть славен везде, длинных не ращу волос.
За новинку выдав старье, надувать не стану вас.
Только с новым вымыслом к вам прихожу я каждый раз.
Не люблю другим подражать, сочинять умею сам.
Был когда-то грозен Клеон, я по брюху бил его.[189]
Но когда упал он ничком, я не тронул павшего.
Эти ж, только раз сплоховать стоило Гиперболу,[190]
Без конца несчастного бьют, да в придачу мать его.
Первым выскочил Эвполид,[191] «Мариканта» вывел он,
Подлый, подло он обокрал наших славных «Всадников»;[192]
Пьяную старуху приплел для канкана мерзкого,
А старуху Фриних давно на съедение рыбам дал.
Тут к нему Гермипп[193] подскочил, обругал Гипербола.
Подбежали прочие все, чтоб лягнуть Гипербола,
Подхватив остроты мои и мои сравнения.
Тот, кто любит шуточки их, пьес моих не смотрит пусть,
Если же находки мои вам теперь понравятся,
Прослывете вы навсегда судьями разумными.

Ода

Первое полухорие

В небе высоком грозного Зевса, богов властителя,
В хор наш зовем мы первым.
С ним и тебя, трезубца царь,
Бог-великан,
Синего моря и земли

---

188 ***Вмиг узнает… брата кудри милые.*** *— Намек на хорошо известный зрителям миф: найдя на могиле отца прядь волос, Электра догадалась о возвращении своего брата Ореста.*

189 ***Был когда-то грозен Клеон…*** *— см. вступительную статью. Клеон погиб в 422 г. до н. э. в сражении у Амфиполя.*

190 ***Гипербол*** *— афинский политический деятель времен Пелопоннесской войны; погиб в 411 г. до н. э. на острове Самосе.*

191 ***Эвполид*** *— комедиограф, современник Аристофана.*

192 ***…наших славных «Всадников»…*** *— см. вступительную статью. Фриних — комический поэт второй половины V в. до н. э. Не путать с трагиком Фринихом (приблизительно 510–470 гг. до н. э.), о котором идет речь во вступительной статье.*

193 ***Гермипп*** *— афинский комедиограф, современник Аристофана.*

Яростный колебатель!
Славного кличем родителя нашего,
Вечный Эфир, тебя, жизнь сохраняющий в мире!
С ним и тебя, пламенный бог,
В белых лучах мчащий коней
Над простором земли! Велик
Меж богов ты и смертных.

Эпиррема

Предводитель первого полухория

Рассудительные люди, нас послушайте теперь!
На тяжелую обиду мы пожалуемся вам,
Больше всех богов бессмертных мы лелеем город вага,
Вы ж из всех богов бессмертных нам не молитесь одним,
Сторожам своим надежным. Если сдуру вы поход
Затеваете, грохочем мы и посылаем дождь.
А когда вы Пафлагонца,[194] ненавистного богам,
Вдруг избрали полководцем, грозно брови мы свели,
Напугали вас, из тучи с громом молнии неслись,
И Селена[195] путь привычный позабыла, свой фонарь
Спрятал Гелиос, исчезнув с небосклона и грозя,
Что светить не станет, если будет властвовать Клеон,
Все же вы его избрали: легкомыслие давно
В этом городе в почете; не впервые божествам
Вашу глупость и беспечность вам на пользу обращать.
А что это справедливо, мы докажем без труда.
Если вы Клеона-вора в лихоимстве, в грабеже[196]
Обличите и в колодки закуете наглеца,
Все былое вам простится, позабудутся грехи,
Обернется все на благо, счастлив город будет вновь.

Антода

Второе полухорие

Феб-господин, приди и ты,
Делоса царь, владыка круч
Высокогорных Кинфа![197]
Ты, что в Эфесе, в золотом[198]
Доме живешь,

---

194 ***Пафлагонец*** *— В комедии «Всадники» Клеон был изображен в виде раба из малоазиатской области Пафлагодии.*

195 ***Селена*** *— луна и богиня луны. Здесь Аристофан намекает на лунное затмение 425 г. и солнечное — 424 г. до н. э.*

196 ***Если вы Клеона-вора… обличите…*** *— Выше о Клеоне говорилось в прошедшем времени, как о мертвом. Дошедший до нас текст, по-видимому, объединяет две редакции комедии.*

197 ***Кинф*** *— гора на острове Делосе, на которой Лото родила Аполлона и Артемиду.*

198 ***Ты, что в Эфесе…*** *— обращение к Артемиде. В городе Эфесе находился известный храм Артемиды — тот самый, который был в 356 г. до н. э., сожжен Геростратом.*

Горняя, с нами будь! Тебе
Девы: лидийцев служат.
С нами будь, наша родная владычица,
Горододержица, с грозной Эгидой, Афина!
Ты, что хранишь горный Парнас,
В блеске приди смольных костров,
О Дионис, веселый бог,
Вождь вакханок дельфийских!

Антэпиррема

Предводитель второго полухория

К вам идти мы собирались, да Селена на пути
Повстречалась нам и вот что вам велела передать:
Шлет привет она Афинам и союзникам Афин;
Но на вас она сердита: вы обидели ее,[199]
Хоть не на словах, на деле помогает вам она.
Мало ль драхм вам каждый месяц сберегает лунный свет?
Из дому идя под вечер, говорите вы не зря:
«Раб, не трать на факел денег! Светит месяц в вышине».
И других услуг немало вам оказывает. Вы ж
Надлежащих дней не чтите, повернули все вверх дном.
И грозят Селене боги, — жалуется нам она,
Всякий раз, когда вернутся, не дождавшись жертв, домой.
Счет они ведут привычный срокам праздников своих.
Вы же в дни для жертв и песен занимаетесь судом.
А случается, что в сроки наших божеских постов,
В день кончины Сарпедона, в Мемнона печальный день[200]
Вы приносите нам жертвы и смеетесь. Вот за то
Гипербол, когда священным нынче избран был послом,
Потерял по воле божьей свой венок. Пусть знает впредь,
Что луна определяет назначенье разных дней.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Из дома выходит Сократ.
Сократ

Клянусь Хаосом, Испареньем, Воздухом,
Глупца такого я еще не видывал,
Такого простофили безголового:
Зубря несчастных рассуждений несколько,
Все позабыл он, не успевши вызубрить.
Сейчас сюда его из дома вызову.
Эй, Стрепсиад, иди и выноси постель!

---

199 ***…но на вас она сердита: вы обидели ее…*** *— Аристофан касается злободневной для его публики темы — реформы календаря, сместившей дни ежегодных праздников.*
200 ***Сарпедон, Мемнон*** *— герои Троянской войны.*

Слышен голос Стрепсиада.
Стрепсиад

Ой, не могу! Клопы не отпускают. Ой!

Сократ

Неси скорей и будь прилежен.

Стрепсиад
(выходит)

Вот принес.

Сократ

С чего же мы приступим к изучению
Тех тайн, которых раньше ты совсем не знал?
С размеров, с диалогов иль с ладов, — скажи?

Стрепсиад

По мне, начнем с размеров.
Вот недавно лишь
Надул меня торговец на две меры ржи.

Сократ

Не в этом дело; отвечай, какой размер,
Трехмерный иль четырехмерный, любишь ты,

Стрепсиад

Я — четверик…
Четыре меры полные.

Сократ

Болтаешь вздор.

Стрепсиад

Побиться об заклад готов.
В четверике четыре меры. Кончено!

Сократ

Вот наказанье!
Груб ты и невежествен!
Ладами мы займемся, их усвой сперва!

Стрепсиад

А как же я ладами заработаю?

Сократ

Научишься изяществу в общении.
Лады сумеешь различать: военный лад,
И плясовой, и конный, и на пальчиках.

Стрепсиад

На пальчиках?

Сократ

Ну да.

Стрепсиад

Отлично знаю.

Сократ

Ну!

Стрепсиад

Вот — пальчик. Этот лад давно я выучил.
Давным-давно, еще мальчишкой маленьким.

Сократ

Мужик, невежда!

Стрепсиад

Бросим это, миленький! Таким вещам учиться не хочу!

Сократ

Чему ж?

Стрепсиад

Скорее кривде, кривде научи меня!

Сократ

Сперва другому научиться должен ты.
Кто из животных мужеского пола? А?

Стрепсиад

Кто мужеского? Знаю, не сошел с ума.
Козел, кобель, жеребчик, хряк, баран, ну, дрозд.

Сократ

Вот видишь, вздор несешь ты. Ведь и самочку,
Как и самца, дроздом ты называть привык.

Стрепсиад

А как же нужно?

Сократ

Как? Да уж по-разному.

Стрепсиад

Но, Посейдон свидетель, как же иначе?

Сократ

«Дроздыня» — самка, а самец — «дрозделезень».

Стрепсиад

Дроздыня? Превосходно. Испареньями
Клянусь, за это лишь одно учение
Тебе мукой наполню я корзину.

Сократ

Стой!
Ты говоришь «корзина» рода женского,
Не крепче ль по-мужски сказать: «корзан»?

Стрепсиад

Корзан? Но почему ж «корзан»?

Сократ

Ну, как «дроздан». А то, как «Клеоним».

Стрепсиад

Как Клеоним? При чем это?

Сократ

Дроздан, корзан и Клеоним — все родственно.

Стрепсиад

Ну нет, корзины мало для Клеонима.
В корыте, в бочке месит он жратву себе.
Но как же говорить теперь мне?

Сократ

Сказано. Корзан — дроздан.
Корзина и дроздыня. Вот!

Стрепсиад

Корзан — дроздыня.

Сократ

Будет это правильно.

Стрепсиад

Корзина, Клеонима — рода женского.

Сократ

Теперь об именах закончим собственных.
Мужские имена пройдем и женские.

Стрепсиад

Да знаю я про женские.

Сократ

Тогда скажи.

Стрепсиад
Филинна, Клитагора, ну — Деметрия.
Сократ

Теперь мужские назови мне.

Стрепсиад

Сотни их. Вот: Филоксен, Милесия, Аминия.

Сократ

Да это ж не мужские имена совсем.

Стрепсиад

Как не мужские? Что ты!

Сократ

Да, конечно, так. Ну, как ты скажешь, чтоб пришел Аминия.

Стрепсиад

«Сюда, сюда», — я позову Аминию.

Сократ

Вот видишь, кличешь женщину, Аминию.

Стрепсиад

И верно: трус он, потому и женщина.
Тому, что всем известно, не учи меня.

Сократ

Так ляг сюда и растянись!

Стрепсиад

Зачем это?

Сократ

В природу погружайся самого себя.

Стрепсиад

Не здесь, прошу, не на топчане, миленький,
Уж на земле я лучше погружусь.

Сократ

Нет, нет! Нельзя иначе!

Стрепсиад

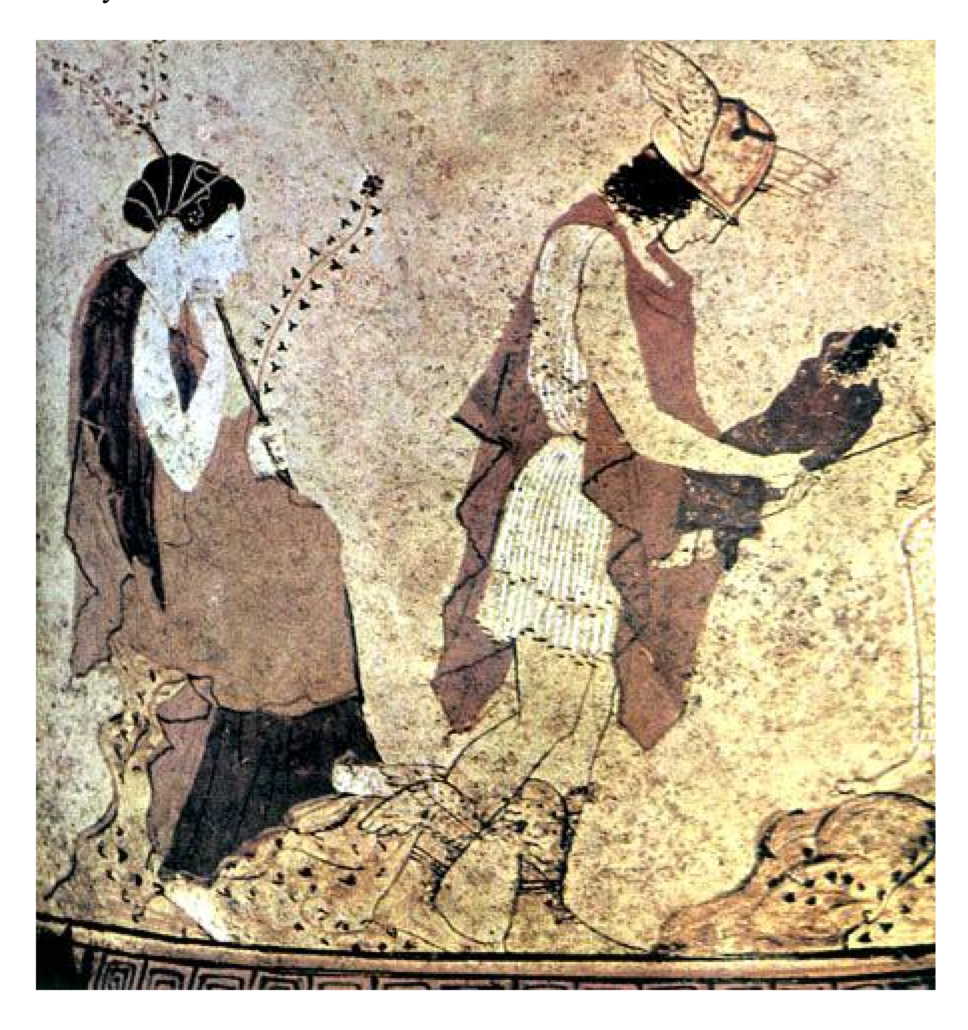
Горе мне! Несчастный я!
Клопам сегодня уплачу я пошлину.

Сократ уходит в мыслильню. Стрепсиад ложится.

Строфа 2

Первое полухорие

Будь молодцом, будь остряком,
Вывернись весь наружу!
Грызи науку!
Когда же будет побеждать отчаянье,
Скачи отважно
К другим размышленьям; пусть глаз твоих
Сон-утешитель бежит!

Гермес с младенцем Дионисом. Роспись кратера. V век до н. э. Ватикан

Стрепсиад

Ай-ай-ай-ай, ай-ай-ай!

Корифей

Чем болен, что мучит?

Стрепсиад
(катается, закутавшись в плащ)

Погиб, погиб я, бедный! Вот впились в меня
Из-под топчана выползшие конники.
И бока раздирают, и гложут нутро,
И сосут мою душу, и пьют мою кровь,

И нежнейшие скрытые части грызут,
И по теплым по тайным проходам ползут,
И живьем меня жрут.

Корифей

Не вопи через меру, без меры не вой!

Стрепсиад

Как же быть? Как же жить?
Где именье — ау! Где здоровье — ау!
Где покой мой — ау! Где подметки — ау!
В довершение всего, в заключение бед,
Погибаю без сна,
Скоро буду и сам я — аушки!

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Сократ
(выходит из мыслильни)

Эй, старичок, ты размышляешь?

Стрепсиад

Я? Ну да, Свидетель Зевс!

Сократ

О чем же поразмыслил ты?

Стрепсиад

О том, спасу ли от клопов хоть что-нибудь.

Сократ

Чтоб ты пропал!

Стрепсиад

Голубчик, я уже пропал!

Сократ

Не унывай! Залезь в накидку по уши:
Прием измысли мне опровергающий
И опорочь улики.

Стрепсиад

(про себя)

Как измыслить мне
Из этих дыр порок опровергающий?

Пауза
Сократ

Теперь посмотрим, что бедняга делает.

(Срывает плащ со Стрепсиада.)

Эй, эй, ты спишь?

Стрепсиад

Свидетель Феб, не думаю.

Сократ

Ну что, поймал?

Стрепсиад

Ах, нет еще!

Сократ

Как, нет еще?

Стрепсиад

Поймал вот этот хвостик в руку правую!

Сократ

Закройся вновь, продолжи размышления.

Стрепсиад

О чем же размышлять мое, расскажи, Сократ?

Сократ

Чего желаешь, для начала сам скажи,

Стрепсиад

Чего хочу, ты слышал сотню тысяч раз.
Вся суть в долгах: платить долгов не хочется.

Сократ

Плащом закройся! Основную мысль найди,
Развей ее и расчлени по косточкам,
Определи и сопряги!

Стропсиад

Несчастный я!

Сократ

Не шевелись. Когда же в рассуждениях
Заблудишься, оставь их, после вновь вернись,
Накинься, ухвати и осторожно взвесь.

Стрепсиад

Сократушка, голубчик!

Сократ

Что тебе, старик?

Стрепсиад

Нашел я мысль насчет долгов обманную!

Сократ

Развей ее!

Стрепсиад

Скажи, что, если…

Сократ

Если что?

Стрепсиад

Что, если я колдунью-фессалиянку
Найму, и месяц в час ночной с небес сведу,
И в круглом сундуке запрячу накрепко,
Как зеркало, и буду сторожить его?

Сократ

А польза в чем от этого?

Стрепсиад

А польза в чем?
Пока всходить не будет месяц на небо,[201]
Лихвы, долгов, не стану я платить.

Сократ

Да ну?

Стрепсиад

Ну да. По месяцам растет лихва моя.

Сократ

Отлично. Вот другое предложу тебе:
Когда на пять талантов иск вчинят тебе,
Его ты как сумеешь устранить, скажи?

Стрепсиад

Не знаю как. Не знаю. Поищу — найду.

(Размышляет.)
Сократ

Чрезмерно разум напрягать не должен ты,
Направь свободно мысль свою по воздуху,
Как стрекозу, привязанную за ногу.

Стрепсиад

Нашел хитрейший способ уничтожить иск!
Меня ты сам похвалишь!

Сократ

Что ж придумал ты?

Стрепсиад

У лекарей такой видал ты камешек,
Красивый и прозрачный? Добывают им
Огонь они.

Сократ

Ты говоришь о стеклышке?

Стрепсиад
Ну да! Что, если я добуду стеклышко

201 ***Пока всходить не будет месяц…*** *— Долги было принято возвращать в последний день лунного месяца.*

И, подождав, пока напишет иск писец,
В сторонке стану, солнечный поймаю луч
И сразу растоплю истца ходатайство?[202]

Сократ

Харитами клянусь я, ловко!

Стрепсиад

Счастлив я,
Что иск на пять талантов устранить сумел.

Сократ

Возьмись теперь проворней за другое!

Стрепсиад

Ну?

Сократ

Как от истца ты будешь защищать себя,
Ни права не имея, ни свидетелей?

Стрепсиад

Пустое, только плюнуть!

Сократ

Так скажи!

Стрепсиад

Скажу.
Как только дела моего черед придет,
Покину суд и побегу повеситься.

Сократ

Дурак!

Стрепсиад

Клянусь богами, так и сделаю!
К удавленнику кто ж предъявит жалобу?

Сократ

---

202 ***… и сразу растоплю истца ходатайство?*** *— то есть воск, которым покрывались писчие таблички.*

Все вздор! Иди! Тебя учить не стану я.

Стрепсиад

За что ж? Сократ! Ради богов, прости меня!

Сократ

Что выучил, сейчас же забываешь ты.
Ну вот, скажи, что первым проходили мы?

Стрепсиад

Что первым? Дай припомнить! Что же первым? Что?
Как звать ее, в чем хлеб пекут, ту самую… Ой-ой! Ну как же звать ее?

Сократ

Пошел к чертям! Глупейший старикашка и забывчивый!

Стрепсиад

Беда, беда мне! Что со мною станется? Погиб я, не умею языком молоть! Вы,
Облака, богини, помогите мне!

Корифей

Старик, тебе мы вот что посоветуем:
Когда толковый, взрослый у тебя есть сын,
Взамен себя пошли его в учение.

Стрепсиад

Есть у меня сыночек, ладно скроенный,
Да не желает он учиться. Горе мне!

Корифей

И все ж ты терпишь?

Стрепсиад

Крепок и отважен он.
По матери, из рода легкомысленных.
Пойду за ним, а если не послушает,
Так выгоню из дома обязательно.

(К Сократу.)

Зайди в свой дом и подожди немножечко!

(Уходит в свой дом)

Антистрофа 2

Второе полухорие
(к Сократу)

Видишь теперь, сколько от нас
Блага тебе. Другие
Бессильны боги.
На все согласен он. Теперь во всем тебе
Послушен будет.
Свихнулся он, закружился он.
Больше в нем разума нет.
Рви ж его, крепче щипли, шкуру дери,
Но зевай! Спеши! В деле таком
Все изменяет случай.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Стрепсиад и Фидиппид выходят из дому.
Стрепсиад

Клянусь туманом, в доме не останешься.
Ступай! Грызи столбы от дома дядюшки!

Фидиппид

Чудак отец! Каким шмелем ужален ты?
Ты не в себе, свидетель Олимпийский Зевс!

Стрепсиад

«Зевс Олимпийский»? Ой-ой-ой! Вот глупости!
Такой большой детина в бога верует!

Фидиппид

Чего же ты смеешься?

Стрепсиад

Над тобой смеюсь:
Младенчик ты и веришь басням нянькиным.
Но подойди. Сейчас узнаешь важное;
Скажу тебе я что-то — сразу вырастешь.
Зато другим об этом ни гугу, ни-ни!

Фидиппид

Ну, говори! В чем дело?

Стрепсиад

Зевсом клялся ты?

Фидиппид

Да, клялся.

Стрепсиад

Видишь, как полезно знание! Нет никакого Зевса, мой сынок. Царит
Какой-то Вихрь. А Зевса он давно прогнал.

Фидиппид

Ай-ай! Вот вздор!

Стрепсиад

Поверь мне, это правильно,

Фидиппид

Да кто сказал?

Стрепсиад

Сократ, безбожник с Мелоса,[203]
И Хэрефонт, прыжок блохи исчисливший.

Фидиппид

Так далеко зашел ты в помешательстве,
Что веришь людям, бешеным от желчи?

Стрепсиад

Цыц!
Не смей бранить людей достойных, доблестных,
Умнейших. Из-за строгой бережливости
Забыли мудрецы об умащениях,
О стрижке и о мыле. Ты ж добро мое
Собрался смылить, словно б я в гробу лежал.
Иди ж туда, там за меня поучишься!

Фидиппид

---

203 ***Сократ, безбожник с Мелоса…*** *— Сократ родился в Афинах, на острове Мелосе родился его современник, философ-атомист Диагор.*

Чему ж там можно научиться доброму?

Стрепсиад

Чему? Всему, что называют мудростью.
Поймешь, как неучен, как неотесан ты!
Но погоди немного. Я тотчас вернусь.

(Входит в дом.)
Фидиппид
(один)

Что делать мне? Родитель мой с ума сошел.
Суду ли заявить о слабоумии,
Гробовщику ль сказать, что уж готов старик?

Стрепсиад
(выходит из дому с птицами под мышкой)

Вот эту птицу как ты назовешь, скажи?

Фидиппид

Дроздом.

Стрепсиад

Отлично. Ну, а эту птицу как?

Фидиппид

Дроздом.

Стрепсиад

Смешно! Обеих одинаково?
Впредь говори иначе. Называй его
Дрозданом. А ее зови дроздынею.

Фидиппид

Дроздынею? Так вот каким премудростям
У этих великанов обучался ты!

Стрепсиад

И многому другому. Но одна беда:
По дряхлости все забываю тотчас же.

Фидиппид

Вот почему и плащ свой там посеял ты?

Стрепсиад

Нет, не посеял, прогадал, промудрствовал.

Фидиппид

А туфли, горемыка! Их куда ты дел?

Стрепсиад

Да как Перикл, «на надобности важные».
Идем, спешим, скорее! После прихотям
Дашь волю, а сейчас отца послушайся!

(Уговаривает.)

Младенцем был ты, лет шести, лепечущим,
А я тебя послушался. На первый грош
Купил тебе тележку на Диасиях.

Фидиппид
(уступая)

Ну, что ж! Но только после ты раскаешься.

Стрепсиад

Спасибо, что послушался.

(Стучит в дверь мыслильни.)

Сюда, сюда!
Сократ! К нам выйди!
Сына я веду к тебе,
Хотя он и не хочет.

Сократ
(выходит)

Он совсем дитя,
Он не вращался в областях возвышенных.

Фидиппид

Ты сам в петле возвышенной повертишься!

Стрепсиад
(сыну)

Прочь убирайся! Проклинать наставника?..

Сократ
(поучающе)

Вот, вот, «петля». Как грубо произнес он: «тля»!
Язык прижат к гортани. Зубы стиснуты.
Как изучить ему опровержения,
Введенья, заключенья, обобщения?
А впрочем, за сто мин Гипербол выучил!

Стрепсиад

Смелей! Учи! Он у меня понятливый.
Ребеночком еще таким вот крохотным
Кораблики лепил он, клеил домики,
Из дерева вырезывал повозочки,
А из кожурок — лягушат отличнейших.
Смотри ж, речам обеим обучи его,
Правдивой, честной речи и кривым словам,
Которыми одолевают правые.
А нет, одной лишь кривде научи его!

Сократ

Пусть Правда с Кривдой сами объяснят ему. А я пойду.

Стрепсиад

Так помни, знать обязан он,
Как побеждают кривдой правду всякую.

Сократ уходит к себе. Из мыслильни, бранясь, выходят Правда и Кривда.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Правда

Появись, покажись, пусть увидят тебя!
Пусть народ поглядит, как ты дерзок и нагл!

Кривда

Я готов, выхожу. На глазах у людей
Мне тебя погубить будет легче еще.

Правда

Ты погубишь? Ты кто?

Кривда

Речь.

Правда

Кривая, прибавь!

Кривда

Но тебя разобью, хоть и Правдой себя
Ты зовешь.

Правда

Разобьешь? Ухищреньем каким?

Кривда

Разыщу, изыщу новых мыслей поток.

Правда

Процветают теперь эти мысли у них,
У безумных людей.

Кривда

У разумных людей.

Правда

Уничтожу тебя.

Кривда

Это чем, объясни?

Правда

Слово правды скажу.

Кривда

Опровергну тебя,
Возражу, докажу, что по сути вещей
Правды нет никакой.

Правда

Правды нет, говоришь?

Кривда

Где ж она, расскажи!

Правда

У всевышних богов.

Кривда

Если правда не вздор, почему тогда Зевс
Не наказан? Ведь в цепи родного отца
Заковал он.

Правда

Вот, вот, началась чепуха!
Распирает, тошнит!
Дайте тазик скорей!

Кривда

Ах, дубина, чурбан, ах ты, старый чудак!

Правда

Обнаглевший болван! Развращенный дурак!

Кривда

Сыплешь розы на грудь.

Правда

Площадной скоморох!

Кривда

Фимиам мне куришь.

Правда

Оскорбитель отца!

Кривда

Ну, так знай, одарил меня золотом ты.

Правда

Это золото прежде мы звали дерьмом.

Кривда
Я ж зову украшеньем, ценнейшим венцом.
Правда

Ах ты, дерзкая дрянь!

Кривда

Ах ты, старая дрянь!

Правда

Ты виною тому,
Что учиться подростки не ходят совсем.
Но узнают афиняне все же, чему
Наставляешь и учишь ты глупый народ.

Кривда

Как ты грязен и груб!

Правда

Ты ж — наряден, ты — люб!
А недавно еще побирался с сумой,
И мисийцем Телефом[204] себя называл,
И уныло жевал Панделетовой[205] мудрости крохи.

Кривда

О, разумная речь!

Правда

О, безумная речь!

Кривда

Панделет — молодец.

Правда

Город спятил с ума,
Если кормит тебя,
Развратителя юношей, язву страны.

Кривда
(указывая на Фидиппида)

Ты, беззубый, вот этого хочешь учить?

Правда

Да, затем, чтоб сласти и от зла уберечь,

---

204 ***Телеф*** *— легендарный герой, сын Геракла, царь Мизии, явился к Агамемнону, переодевшись нищим.*
205 ***Панделет*** *— по свидетельству античного комментатора Аристофана — кляузник и доносчик.*

Чтоб в пустой болтовне не погряз он совсем.

Кривда
(к Фидиппиду)

Подойди-ка ко мне. Пусть беснуется он!

Правда

Берегись! Руки дальше от юноши! Прочь!

Драка .
Корифей

Перестаньте браниться! Довольно кричать!
Покажи ему ты, как учил молодежь
В дни былые. Ты прелести новых наук
Перед юным раскрой, чтоб, послушавши вас,
Он наставника выбрал по сердцу себе.

Правда

Хорошо. Я готов.

Кривда

Да, я тоже готов.

Корифей

Ну так что же, кто первым начнет говорить?

Кривда

Пусть начнет старичок!
Очень скоро запнется он в речи своей
И под градом новейших словечек и слов,
Рассуждений, сомнений без сил упадет.
Напоследок, едва заикнется бедняк,
Налетят на него и вопьются в лицо,
И в глаза, и во все, словно туча шершней,
Мои мысли и насмерть зажалят!

АГОН ПЕРВЫЙ

Ода

Первое полухорие

Теперь должны вы доказать

Ловких речей орудьем,
Игрой ума, мыслей дождем,
Блеском суждений острых,
Кто из двоих вправе прослыть
Мастером красноречья.
Мудрость, сейчас вовлечена
В яростный ты, в тягостный бой.
Из-за тебя друзья мои
На поединок вышли.

Корифей
(к Правде)

Ты, обычаи дедов и нравы отцов увенчавший блестящей хвалою,
Начинай, свой раскатистый голос возвысь, изъясни свои мысли и душу!

Эпиррема

Правда

Расскажу вам о том, что когда-то у нас воспитаньем звалось молодежи,
В ту пору, когда я, справедливости страж, процветал, когда скромность царила.
Вот вам первое: плача и визга детей было в городе вовсе не слышно. Нет!
Учтивою кучкой но улице шли ребятишки тогда к кифаристу
В самых легких одеждах, хотя бы уже с неба падали снежные хлопья.
Приходили, садились, колен не скрестив, а почтенный наставник учил их
Стародедовским песням: «Паллада в бою нам защита» иль «Клич громогласный».
Запевали размеренно, строго и в лад, как отцы их и деды певали.
Если б баловать кто-нибудь вздумал, дурить, выводить переливы и свисты,
Как теперь это любят, Фринида[206] лады, безобразные трели, рулады,
Запищал бы под палкою шут. Поделом! Не бесчести святого искусства!
А в гимнасии, сидя на солнце, в песке, чинно, важно вытягивать ноги
Полагалось ребятам, чтоб глазу зевак срамоты не открыть непристойно.
А вставали, и след свой тотчас же в песке заметали, чтоб взглядам влюбленных
Очертания прелестей юных своих на нечистый соблазн не

206 ***Фринид*** *— известный во времена Аристофана кифарист.*

оставить.

В дни минувшие маслом пониже пупа ни один себе мальчик не мазал,

И курчавилась шерстка меж бедер у них, словно первый пушок на гранате.

Не теснились к влюбленным мальчишки тогда, лепеча, сладострастно воркуя,

Отдавая себя и улыбкою губ, и игрой похотливою взглядов.

За обедом без спроса не смели они положить себе редьки кусочек,

Сельдерея до старших стянуть со стола не решались, ни лука головку.

В кулачок не смеялись, не крали сластей, ногу на ногу накрест не клали…

Кривда

Стариковская чушь,

Диполиева[207] рвань, в волосах золотые цикады![208]

Завыванья Кидида, Буфоний галдеж!

Правда

Да, конечно. Но это та сила,

Из которой растила наука моя поколенья бойцов марафонских.

Ты ж, негодник, теперешних учишь юнцов кутать шеи и плечи в хитоны.

Удавиться готов я, когда погляжу, как на празднике панафинейском,

Щит на брюхе держа, выступают они, не краснея пред Тритогенией.[209]

И поэтому, сын мой, мужайся: меня избери себе в спутники,

Правду! Презирать ты научишься рыночный шум, ненавидеть цирюльни и бани,

Безобразных поступков стыдиться, краснеть, от насмешек грозой загораться.

Перед старшими с места учтиво вставать, поднимаясь при их приближенье.

И почтитольным сыном родителю быть, не грубить, не ворчать и не спорить.

Безрассудств избегать и стыдливость свою не пятнать, не позорить развратом.

Перед дверью танцовщицы зря не стоять, рот разинув, моля о вниманье,

Чтобы, ласки за ото добившись у ней, не лишиться почета и славы.

И отцу никогда не перечить ни в чем, не ругать его рухлядью старой

---

207 ***Диполии (или — ниже — Буфонии)*** *— праздник в честь Зевса-Градодержца.*

208 *(****Золотые цикады*** *— старинный афинский головной убор.*

209 ***Тритогения*** *— эпитет богини Афины.*

И за долгие годы забот и трудов не платить ему черствою злобой.

Кривда

Дионисом клянусь, если вздорной его болтовне ты поверишь, дружок мой,

Сыновей Гиппократа[210] напомнишь собой. Назовут тебя соней и мямлей.

Правда

Да нисколько! Цветущим, блистающим жизнь проводить ты в гимнасии будешь.

Ты не станешь на рынке, как нынче народ, кувыркаться в словах, и кривляться,

И мытариться зря, извиваясь крючком в пересудах грошовых и тяжбах.

Нет! Уйдешь в Академию,[211] в мирную тишь, и в священных оливковых рощах

С камышовою зеленью в смуглых кудрях ты гулять будешь с другом разумным.

Там цветет повилика, и манит досуг, и трепещет серебряный тополь,

Там услышишь, как ясень весенней порой перешептывается с платаном.

Если добрые примешь советы мои
И свой слух обратишь к наставленьям моим,
Станет, друг, у тебя
Грудь сильна, как мехи.
Щеки — мака алей.
Три аршина в плечах, сдержан, скуп на слова.
Зад могуч и велик. Перед — мал, да удал.
Если ж будешь по новым обычаям жить,
Знай, что щеки твои станут желты, как воск,
Плечи щуплы. Куриная, слабая грудь,
Язычок без костей, зад цыплячий, больной,
Перед вялый — вот будут приметы твои.
Ты приучишь себя
Безобразно-постыдное добрым считать,
А добро — пустяком.
В заключенье всех бед преисполнишься весь
Антимаховым грязным паскудством.

Антода

Второе полухорие

---

210 ***Сыновья Гиппократа*** *— хорошо известные в Афинах родственники Перикла.*

211 ***Академия*** *— роща возле Афин, где впоследствии собирались Платон и его ученики, которых поэтому называли академиками.*

Привет тебе, правдивых слов,
Славных святынь хранитель!
Из слов твоих сладким цветком
Скромность и честь сияют,
Счастливы, да, те, что тогда,
В прежнее время, жили.
Кривда, теперь слово твое!
Сложенных ловко мастер слов,
Будь изощрен: противник твой
Спор свой провел на славу!

Корифей

Чудовищно искусным быть теперь в речах ты должен,
Чтоб переспорить старика, себя не обесчестить.

Антэпиррема

Кривда

Волнение в моей груди, я весь как на иголках.
Все рассуждения врага я разом опрокину.
Средь образованных затем меня прозвали Кривдой,
Что прежде всех решился я оспаривать законы,
И правду криво толковать, и побеждать неправдой.
А бочек с золотом литым не стоит это разве?
Ведь я веду кривым путем к победе дело слабых.

(К Фидиппиду.)

Смотри, как опровергну вмиг я все его советы!
Водой горячею тебе он запрещает мыться?

(К Правде.)

В горячих банях что, скажи, запретного находишь?

Правда

Я говорю, что бани — зло и для мужчин — отрава.

Кривда

Остановись! Готов! Тебя уже держу я крепко.
Скажи, из Зевсовых детей кого считаешь лучшим,
Кто всех храбрей и всех сильней и больше всех трудился?

Правда

Славней героя, чем Геракл, нет никого на свете.

Кривда

Так! А «Геракловой» зовем холодную мы воду?
И кто храбрее, чем Геракл?

Правда

Вот, вот они, увертки!
Вот то, что делает у нас подростков болтунами,
Гимнасии делает пустым и наполняет бани!

Кривда

Тех, кто на площади весь день, хулишь ты, я — хвалю их.
Когда бы площадь злом была, тогда б Гомер не вывел
Витией Нестора-царя и остальных героев.
Перехожу теперь к речам.
Велишь ты молодежи
Не упражняться в них совсем.
Я ж говорю другое.
Белить подростку скромным быть.
И здесь опять ошибка!
Где ж видано, чтоб кто-нибудь стал через скромность славен,
Силен, могуч? Ну докажи, ну опровергни это!

Правда

И докажу. За скромный нрав Пелею меч достался.

Кривда

Что? Меч? Великое добро бедняга заработал!
Не то Гипербол-ламповщик. Талантов сто иль больше
Обманом, ложью он добыл. Меча ж не заработал.

Правда

За скромный нрав свой получил Пелей Фетиду[212] в жены.

Кривда

Она ж и бросила его. Сбежала. Был он скромник.
Был увалень. И не умел играть в постели ночью.
По сердцу женщине наглец. А ты — беззубый мерин!
Смотри ж теперь, мой юный друг, к чему приводит скромность
И скольких радостей себя из-за нее лишишь ты:
Жаркого, мальчиков, сластей, игры в костяшки, женщин!
Без этих сладостей, скажи, зачем и жить на свете?
Что ж, перейду теперь к тому, к чему влечет природа.
Влюблен ты, соблазнил жену, поспал, попался мужу.

---

212 ***Пелей, Фетида*** *— мифические фигуры.*

Погиб ты насмерть — говорить ведь не умеешь! Если ж
Со мной пойдешь — играй, целуй, блуди, природе следуй!
Спокоен будь! Найдут тебя в постели, ты ответишь —
Что и ничуть не согрешил. Сошлешься ты на Зевса,
И тот ведь уступал любви и обаянью женщин.
Несчастный, неужели ты сильнее будешь бога?

Правда

Когда ж ощиплют там его и сзади редьку вставят,
Питомец твой докажет чем, что он не толстозадый?

Кривда

А пусть и толстозадый, что плохого в том?

Правда

А я спрошу, что может быть постыднее?

Кривда

Что скажешь, если докажу обратное!

Правда

Что мне сказать? Умолкну я.

Кривда

Ответь же мне, В суде защитник из каких?

Правда

Из толстозадых.

Кривда

Правильно! Поэт в театре из каких?

Правда

Из толстозадых.

Кривда

Именно! В толпе оратор из каких?

Правда

Из толстозадых.

Кривда

То-то вот!
Свою нелепость понял ты.
Теперь из зрителей сочти:
Которых больше?

(Показывает на зрителей в амфитеатре.)
Правда

Дай сочту.

(Считает.)
Кривда

Что ж видишь ты?

Правда

Клянусь богами, понял все.
Из толстозадых большинство.
Того я знаю, и того,
И этого, вон там, в кудрях.

Кривда

Что ж скажешь ты?

Правда

Погиб я.
О, развратники!
Ради богов,
Примите плащ мой, я бегу,
Я к вам перебегаю.

(Убегает в дом Сократа.)
Кривда

Ну, что ж, теперь обратно увести сынка
Желаешь иль в науку мне отдашь его?

Стрепсиад

Учи его, пори его. Старайся, друг,
Мальчишку навострить на обе челюсти,
Чтобы одною грыз он тяжбы мелкие,
Другую ж на большие наточил дела.

Кривда

Спокоен будь! Искусником вернется он.

Фидиппид
(в сторону)

Ах нет, несчастным, тощим, бледным, высохшим.

Корифей

Ступайте же!

Кривда и Фидиппид входят и дом Сократа, Стрепсиад — к себе.
(Вслед Стрепсиаду.)

Об этом ты, наверно, пожалеешь.

(К зрителям.)

Судьи! Если по заслугам отличите вы наш хор,
Выгод тысячу найдете. Выслушайте нашу речь.
Первое: когда начнете вы поля свои пахать,
Первым вам мы дождь подарим, а соседям уж потом.
Будем: сад ваш и зеленый виноградник охранять,
Чтобы зноем их не выжгло, градобоем не смело.
Тот же смертный, кто в безумье не уважит нас, богов,
Вот послушайте, узнайте, сколько бед претерпит он.
Пить вина уж он не будет, сеть не будет овощей:
Чуть в саду его маслины зацветут и киноград —
Все завянет: тяжкой дробью из пращей собьем мы цвет.
Кирпичи сушить захочет, хлынем на землю дождем,
Все на кровле черепицы летним градом расшибем.
Если ж свадьбу он затеет, или родич, или друг,
До утра разверзнем хляби, так, что взмолится бедняк:
«Лучше б мне в Египте дохнуть, чем судить кривым судом!»[213]

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Стрепсиад
(с мешком за плечами выходит из дому)

До новолунья пятый, и четвертый день,
И третий, и второй, и тот, которого
Боюсь, и ненавижу, и пугаюсь я:
Последний страшный — «молодой и старый день».[214]
Заимодавцы просьбу о взыскании
Пританам подадут, чтоб погубить меня.
Я ж буду их просить о снисхождении:
«Дружок, с должишком этим не тесни меня,
Тот — отложи, а тот — прости!» — «Расходов мы

---

213 ***«Лучше б мне в Египте дохнуть…»*** *— то есть в стране, где не бывает дождей.*

214 ***«Молодой и старый день»*** *— день отдачи долгов, «молодой» по отношению к наступающему лунному месяцу и «старый» по отношению к истёкшему.*

Так не покроем!» — скажут, заругаются,
Судом пугая, обзовут мошенником.
Судите, сколько влезет! Мне и дела нет,
Раз Фидиппид кривым речам научится.
Сейчас узнаю. Постучусь в мыслильню.

(Стучит.)

Эй-эй, откройте!

Сократ
(появляется в дверях)

Стрепсиад, привет тебе!

Стрепсиад
(отдает ему мешок)

Тебе привет! Подарок от меня прими!
Уважить мы обязаны наставника.
Скажи мне, сына обучил ты речи той,
Которую недавно здесь показывал?

Сократ

Да, обучил.

Стрепсиад

Хвала тебе, мать-каверза!

Сократ

Теперь любую выиграешь тяжбу ты.

Стрепсиад

А если в долг просил я при свидетелях?

Сократ

Тем лучше! Хоть при тысяче свидетелей!

Стрепсиад
(поет и пляшет)

Кричать, смеяться буду я на радостях. Го-го-го-го-го!
Смерть, заимодавцы, вам,
Полушкам вашим, и лихве, и прибылям!
Теперь меня ничем вы не ужалите!
Такой в моем доме растет
Чудный сын, диковинный сын.

Как лезвие, язык его.
Хранитель мой, отца оплот, врагов чума.
Дом наш избавит он от бесконечных бед.

(К Сократу.)

Так поспеши ж за ним и приведи сюда!
Дитя, сыночек!
Из дома выйди!
Здесь ждет родитель.

Фидиппид, высохший и бледный, выходит в сопровождении Сократа.
Сократ

Вот он, вот он, твой сын!

Стрепсиад

Мой дружок, голубок!

Сократ

Уведи его с собою.

(Уходит.)
Стрепсиад

Ай-ай-ай! Мой родной! Ию! Ию!
Как рад я видеть эту кожу желтую —
Донос, крючок на ней так и написаны.
А на губах так и цветет привычное:
«Ты что сказал?» — и сразу вид обиженный,
Не ябедник — невинность оскорбленная!
И взгляд при этом истинно аттический.
Спаси теперь, как прежде погубил меня!

Фидиппид

Пред чем же страх?

Стрепсиад

Пред «молодым и старым днем».

Фидиппид

А что такое «молодой и старый день»?

Стрепсиад

К суду меня потянут в этот самый день.

Фидиппид

Истца оставим с носом. Разве мыслимо,
Чтоб день один двумя бы днями сделался?

Стрепсиад

Немыслимо?

Фидиппид

Конечно. Разве может быть
Старуха разом молодою женщиной?

Стрепсиад

Но так закон определил.

Фидиппид

Уверен я,
Закона дух остался скрыт.

Стрепсиад

А дух каков?

Фидиппид

Старик Солон[215] любил народ поистине.

Стрепсиад

Но здесь при чем же «молодой и старый день»?

Фидиппид

Определил для жалоб двое суток он;
День старый, а за ним день молодой, чтоб суд
На новолунье начал разбирательство.

Стрепсиад

А для чего ж тут старый день?

Фидиппид

Затем, чудак,
Чтоб накануне доброю охотою
Договориться мог истец с ответчиком.
А нет, так в суд подать на новолуние.

---

215 ***Солон (род. между 640 и 630 гг. до н. э.)*** *— афинский законодатель.*

Стрепсиад

Так почему ж не в новолунье денежки
Берет притан, а в «молодой и старый день»?

Фидиппид

Как жрец, он поступает здесь, по-моему.
Чтоб поскорее прикарманить денежки,
Он накануне их, как жертву, пробует.

Стрепсиад

Отлично.

(К зрителям.)

Добыча для ученых, стадо темное,
Толпа, бараны, камни, кружки битые!
За здравие мое и сына-умника
Сейчас спою я праздничную песенку.

(Поет.)

Ты счастливец, Стрепсиад!
Родился ты хитрецом!
Сына-хитреца родил!
Так мне будут петь друзья
И соседи,
Завидуя, что на суде язык твой побеждает.
Войдем же в дом.
Хочу тебя я угостить на славу.

Входят в дом.

ЭПИСОДИЙ ШЕСТОЙ

Пасий
(входит со свидетелем)

Добро свое годится ли растрачивать?
Да ни за что! А, право, лучше было бы
Прогнать его тогда, чем в тяжбу впутаться.
А что теперь? Из-за своих же денежек
Тебя тащу свидетелем, к тому ж еще
Врагом соседу стану стародавнему.
И все-таки не посрамлю отечества,
Покуда жив.

(Кричит.)

Эй, Стрепсиада в суд зову.

Стрепсиад
(выходит, навеселе)

Тебе чего?

Пасий

«На молодой и старый день».

Стрепсиад
(к свидетелю)

Свидетель будь: два дня назвал он. Суд зачем?

Пасий

Двенадцать мин ты: должен за саврасого Коня.

Стрепсиад

Коня? Чудесно. Ясно слышали?
Ведь знают все, что скачки ненавижу я.

Пасий

Долг возвратить клялся ты Зевса именем.

Стрепсиад

Свидетель Зевс, в то время ведь не знал еще
Сынок мой кривды, все опровергающей.

Пасий

Теперь от долга отпираться думаешь?

Стрепсиад

А для чего ж другого нам учение?

Пасий

А если в суд пойдем мы, отречешься ты,
Зовя богов в свидетели?

Стрепсиад

Каких богов?

Пасий

Гермеса, Зевса, Посейдона.

Стрепсиад

Видит Зевс,
И поклянусь, и три гроша в придачу дам!

Пасий

Так пусть чума возьмет тебя, бесстыдного!

Стрепсиад
(разглядывая Пасия)

Посыпать солью, выйдет мех отличнейший.

Пасий

Смеешься надо мною?

Стрепсиад
(так же)

На шесть ведер мех!

Пасий

Великий Зевс и боги мне свидетели,
Так не уйдешь ты!

Стрепсиад

Презанятно! Зевсом ты
Клянешься и богами?
О, невежество!

Пасий

За это все ответишь мне со временем.
Сейчас же говори, отдашь мне денежки,
Иль мне судиться?

Стрепсиад

Подожди немножечко.
Сейчас тебе наверняка отвечу я.

(Уходит в дом.)
Пасий
(к свидетелю)

Что сделает, как думаешь?
Отдаст мне долг?

Стрепсиад
(возвращается с корзиной)

Где тот, кто денег требует с меня? Скажи,
Вот это что?

Пасий

Корзина, дело ясное.

Стрепсиад

Такой безмозглый дурень денег требует!
Не дам я ни полушки полоумному,
Корзан, мой бог, зовущему корзиною.

Пасий

Что? Не отдашь?

Стрепсиад

Нимало, как мне кажется,
А ты не затрудняйся, убирайся прочь
От двери!

Пасий

Ухожу! Но знай, к пританам я
Иду, подам к уплате, головой клянусь.

(Уходит.)
Стрепсиад
(вслед уходящему Пасию)

Побольше потеряешь, чем двенадцать мин!
А я тебе, поверь мне, не желаю зла,
Хоть и назвал ты зря корзан корзиною.

ЭПИСОДИЙ СЕДЬМОЙ

Аминий
(входит)

Ай-ай-ай-ай!

Стрепсиад

Кто здесь вопит так горько! Не божок ли то
Заголосил из племени Каркинова?[216]

Аминий

Кто я такой — узнать вам это хочется?
Я несчастливец!

Стрепсиад

Так иди путем своим!

Аминий

О бог суровый! Рок оседробительный!
Моя упряжка… О Паллада! Горе мне!

Стрепсиад

По чем тебя обидел Тлеполем,[217] скажи?

Аминий

Почтеннейший, не смейся! Прикажи, прошу,
Чтобы вернул мне деньги поскорей твой сын.
Давно я жду, к тому ж сейчас в несчастий.

Стрепсиад

Какие ж это деньги?

Аминий

Те, что должен он.

Стрепсиад

Дела твои прескверны, как мне кажется.

Аминий

Свидетель бог, свалился с колесницы я.

Стрепсиад

А мелешь вздор, как будто бы с осла упал.[218]

---

216 ***…божок… из племени Каркинова?*** *— Каркин — неудачливый трагический поэт, отец четырех сыновей, тоже плохих драматургов, самый известный из которых — Ксенокл. Аристофан часто высмеивал это семейство.*

217 ***Тлеполем*** *— лицо, упоминаемое в трагедии Ксенокла, откуда взяты этот и предыдущий стих.*

218 ***…как будто бы с осла упал.*** *— Выражение переведено буквально, оно равнозначно нашему «потерпеть провал», «сесть в лужу».*

Аминий

Как вздор? Хочу я деньги получить свои.

Стрепсиад

Ты не в своем рассудке. Это ясно.

Аминий

Что?

Стрепсиад

Всего вернее — мозга сотрясение.

Аминий

Всего верней, пойдешь ты в суд, свидетель Зевс,
Когда долгов не возвратишь!

Стрепсиад

Скажи мне, друг,
Как думаешь, для ливней воду свежую
Зевс достает, иль силой солнца старая
Вода обратно на небо взбирается?

Аминий

Не знаю. И нисколько не желаю знать.

Стрепсиад

А правомочен разве деньги требовать
Тот, кто не знает про дела небесные?

Аминий

Раз денег мало, ты бы хоть лихву на долг
Мне отдал.

Стрепсиад

Что за зверь такой — лихва, скажи?

Аминий

Да то, что с каждым месяцем и с каждым днем
Все больше возрастает и растет, растет,
Пока проходит время.

Стрепсиад

Верно сказано.
Скажи, а море, что оно, по-твоему,
Растет или все то же?

Аминий

То же, думаю.
Ему расти не подобает.

Стрепсиад

Бедненький!
Да если море, с столькими притоками,
Не возрастает, как же ты надеешься,
Чтобы твои нежданно деньги выросли!
Ступай, катись! Подальше от дверей моих.

(Рабу.)

Стрекало дай мне!

Аминий
(к зрителям)

Вас зову в свидетели.

Стрепсиад

Но-но! Пошел же, трогай, торопись, гнедой!

Аминий

Ну не бесстыдство ль это?

Стрепсиад

Торопись! Не то
Под хвост стрекалом, сивка, подбодрю тебя!

(Бьет его, Аминий бежит.)

Бежит! А то бы двинул, раскатал тебя
С колесами, осями и заклепками.

Стрепсиад входит в дом.

Строфа 3

Первое полухорие

Сутяжничать, сквалыжничать —
Большое зло.
Упрямый старичок
Решил зажать, не отдавать
Добра и денег, взятых в долг.
А все-таки сегодня же
Приключатся новости.
Хитрый выдумщик, затеявший обман,
За плутни все, за все грехи
Расплатится жестоко.

Антистрофа 3

Второе полухорие

Боюсь я, то, чего искал,
Чего желал,
Сегодня он найдет.
Ужасен в споре сын его,
Опровергать, изобличать
Неправдою умеет он.
Всяких собеседников
Переспорит трижды лживой болтовней,
Но скоро, скоро взмолится
Старик, чтоб онемел он.

ЭПИСОДИЙ ВОСЬМОЙ

Стрепсиад
(выбегает из дома, преследуемый Фидиппидом)

Увы! Увы!
Соседи! Родственники и приятели! Спасите!
Бьют! Бегите, помогите мне!
О, голова седая! Щеки старые!
Отца ты бьешь, негодник?

Фидиппид

Да, отца я бью.

Стрепсиад
(к зрителям)

Он признает, что бил меня, вы видите!

Фидиппид

Ну да!

Стрепсиад

Злодей, отцеубийца, висельник!

Фидиппид

Еще, еще брани меня, хули меня!
Но знай, я радуюсь твоим ругательствам.

Стрепсиад

Распутник!

Фидиппид

Сыпь мне розы, золоти меня!

Стрепсиад

Отца ты бьешь?

Фидиппид

Ну да, и докажу тебе,
Что бил по праву,

Стрепсиад

Вот как, пес негоднейший!
Да кто ж дал право сыну бить родителя?

Фидиппид

Послушай, что скажу я, убедишься сам.

Стрепсиад

Да что ты мне докажешь?

Фидиппид

Очень многое. Какою речью говорить мне, выбери!

Стрепсиад

Какою речью?

Фидиппид

Да, кривой иль правою?

Стрепсиад

На то ль тебя учил я, окаяннейший,
Опровергать законы, чтоб так каверзно
Ты доказал, что нравственно и правильно
Родному сыну избивать родителя?

Фидиппид

И докажу я все же правоту свою,
И ты со мною согласишься, выслушав.

Стрепсиад

Ну, что ж сказать сумеешь ты, послушаю.

АГОН ВТОРОЙ

Ода

Первое полухорие

Подумай, позаботься, поспеши, старик,
Врага переспорить.
Когда б в себя не верил он, наверное,
Не был так бесстыден.
На что-то он надеялся, — в словах его
И дерзость и сила.

Корифей

Из-за чего и почему у вас возникла тяжба,
Пред хороводом объясни.
Начни, не заминаясь!

Эпиррема

Стрепсиад

Из-за чего и почему мы начали ругаться,
Вам расскажу. Мы закусить решили, как известно.
Тут в руку лиру взять его я попросил и песню
Поэта Симонида[219] спеть: «Барашек, Крий, попался».
А он сказал, что песни петь за чашей, под кифару,
Обычай устаревший, баб забота, мукомолок.

Фидиппид

Неправ ли был я, наскочив с руками и с ногами

219 ***Симонид*** *— Имеется в виду Симонид Кеосский (556–467 гг. до н. э.).*

На старика? Заставить петь! Кузнечики мы, что ли!

Стрепсиад

Вот те же самые повел и за едой он речи,
Сказал к тому ж, что Симонид — писатель очень скверный.
С трудом, но все-таки себя я удержал от злости.
Я попросил его тогда взять миртовую ветку
И из Эсхила мне прочесть. А он ответил тут же:
«Эсхила почитаю я первейшим из поэтов
По части шума, болтовни, нескладности и вздора».
Вскипело сердце у меня, представите вы сами,
Но гнев в себе я подавил, сказал: «Тогда, голубчик,
Из новых что-нибудь мне спой, из песен философских».
Из Еврипида говорить тут начал он, о брате,
С родной сестрой, избави бог, бесстыдно переспавшем.
Тут удержаться я не мог. Накидываюсь в злости
С проклятьем, с криком на него. Потом, как уж ведется,
На слово — слово, брань — на брань, он вскакивает с места
И ну душить, и ну давить, и мять меня, и тискать!

Фидиппид

А не по нраву, да? Признать готов ты Еврипида
Мудрейшим из поэтов всех?

Стрепсиад

Мудрейшим? Ах ты горе! Да что сказать тебе? Опять меня побьешь!

Фидиппид
За дело!
Стрепсиад

За дело? Ах, бесстыдник! Я ж вспоил тебя, взлелеял,
Нескладный детский лепет твой отгадывать умел я.
Едва ты пролепечешь: «И» — тебе даю напиться.
А скажешь: «Мама», — на бегу леплю из хлеба соску,
Как захочешь — тут как тут, тебя несу я за дверь,
Усаживаю там. А ты меня схватил за горло!
Хоть я кричал, хоть я пищал,
Хотел на двор, ты, негодяй,
Не пожалел, за дверь не снес,
Меня душил, и под себя,
Мой бог, кака я сделал.

Антода

Второе полухорие

У молодых трепещет сердце, думаем,
Все ждут его речи.
Когда уже такие безобразия
В речах защитит он,
За шкуру стариков мы не дадим тогда
Пустого орешка.

Корифей

Искатель хитрых, новых слов, твоя теперь забота
Такие доводы найти, чтоб правым показаться.

Антэпиррема

Фидиппид

Наук новейших мастерством как радостно заняться
И научиться презирать закон, обычай старый!
Пока все помыслы мои ристаньям отдавал я,
Трех слов связать я не умел, ни разу не запнувшись.
Теперь от скачек отучил меня вот этот самый,
Я занялся сложеньем слов и мыслей изощренных.
И доказать могу, что сын отца дубасить вправе.

Стрепсиад

Лошадничай, свидетель Зевс! Уж лучше заведу я
Тебе четверку лошадей, чем от побоев сдохну!

Фидиппид

Меня от речи ты отвлек, я к мысли возвращаюсь,
И вот о чем тебя спрошу: меня дитятей бил ты?

Стрепсиад
Да, бил, но по любви, добра тебе желая.
Фидиппид

Что же,
А я добра тебе желать не вправе, точно так же
И бить тебя, когда битье — любви чистейшей признак?
И нечему твоя спина свободна от побоев,
Моя же — нет? Ведь родились свободными вы оба?
Ревут ребята, а отец реветь не должен? Так ли?
Ты возразишь, что лишь с детьми так поступать пристало.
Тебе отвечу я: «Ну, что ж, старик — вдвойне ребенок».
Заслуживают старики двойного наказанья,
Ведь непростительны совсем у пожилых ошибки.

Стрепсиад

Но нет обычая нигде, чтоб сын отца дубасил.

Фидиппид

А кто обычай старый ввел, тот не был человеком,
Как ты да я? Не убедил речами наших дедов?
Так почему же мне нельзя ввести обычай новый,
Чтоб дети возвращать могли родителям побои?
А порку, что досталась нам, до нового закона
Забудем лучше и простим за давностию срока.
Возьмите с петухов пример и тварей, им подобных,
Ведь бьют родителей у них, а чем они отличны
От нас? Одним, пожалуй, тем, что жалоб в суд не пишут.

Стрепсиад

По если петухам во всем ты: подражать желаешь,
Дерьма не щиплешь почему, не дремлешь на насесте?

Фидиппид

Ну, это, друг, совсем не то, Сократ со мной согласен.

Стрепсиад

И все-таки не бей! Потом винить себя же будешь.

Фидиппид

С чего же?

Стрепсиад

Как теперь меня, потом тебя обидит,
Когда родится, твой же сын.

Фидиппид

А если не родится?
Так, значит, бит я даром, ты ж в гробу смеяться будешь?

Стрепсиад
(к зрителям)

Боюсь, ровесники мои, что говорит он дельно.
Должны мы в этом уступить, как видно, молодежи.
И поделом: кто был неправ, пусть на себя пеняет.

Фидиппид

Теперь ты эту мысль развей!

Стрепсиад

Совсем меня угробишь!

Фидиппид

Быть может, с тем, что претерпел, сейчас ты примиришься?

Стрепсиад

Да как же? Научи меня.
Ты чем меня утешишь?

Фидиппид

Я мать свою отколочу, как и тебя.

Стрепсиад

Что слышу? Вот дерзость, прежних всех страшней!

Фидиппид

Что, если словом кривды
Тебя сумею убедить,
Что матерей законно бить?

Стрепсиад

Когда и это превзойдешь,
Тогда осталось мне одно —
С откоса вниз тебя столкнуть
С Сократом вместе
И с проклятой Кривдой!

(Обращаясь к хору.)

Вы всем моим несчастьям,
Облака, виной. Вам,
Облака, я вверил все дела мои!

Корифей

Нет, нет, в своих несчастьях виноват ты сам:
На ложный путь направил ты дела свои!

Стрепсиад

Но прежде так со мной не говорили вы?
Слепого дурня, старика морочили?

Корифей

Мы поступаем так же всякий раз, когда
Погрязшего встречаем в преступлениях.
Его в пучину бедствий повергаем мы,
Чтобы богов бояться научился он.

Стрепсиад

Жестоко, Облака мои, но правильно.
Я денег тех, что задолжал, не должен был
Присваивать.

(К сыну.)

Теперь же, милый мальчик мой,
Пойдем, Сократа с Хэрефонтом мерзостным
Побьем! Обоих нас они опутали.

Фидиппид

Но обижать как смею я наставников?

Стрепсиад

Смелей, смелее! Чти лишь Зевса старого!

Фидиппид

Сказал же, старый филин:
«Зевса старого»! Да есть ли Зевс?

Стрепсиад

Да, есть!

Фидиппид

Да нет же, нет! Царит
Какой-то Вихрь, а Зевса он давно изгнал.

Стрепсиад

Нет, не изгнал! Хотя и сам я думал так
И в Вихрь поверил. Слепота несчастная!
За бога принял я пустые выдумки!

Фидиппид

С самим собой безумствуй и неистовствуй!

(Уходит.)
Стрепсиад

Ах, я дурак! Ах, сумасшедший, бешеный!
Богов прогнал я, на Сократа выменял.

(Обращаясь к статуе Гермеса на орхестре.)

Гермес, голубчик, не сердись, не гневайся,
Не погуби, прости по доброте своей!
От хитрословий этих помешался я.
Пошли совет разумный, в суд подать ли мне
На негодяев, отомстить ли иначе?

(Прислушивается.)

Так, так, совет прекрасный: не сутяжничать,
А поскорее подпалить безбожников лачугу.

(К слуге.)

Ксанфий, Ксанфий! Поспеши сюда!
Беги сюда, топор возьми и лестницу,
И на мыслильшо поскорей вскарабкайся,
И крышу разбросай, любя хозяина,
И опрокинь стропила на мошенников!
А мне подайте факел пламенеющий!
Ксанфий выполняет приказание.
Сегодня же заставлю расплатиться их
За все грехи. Заплатят, хоть и жулики!

(Лезет па крышу с факелом.)
Ученик
(высовывается из окна)

Ай-ай-ай-ай!

Стрепсиад
(на крыше)

Пылай, мой факел! Жги горючим пламенен!

Ученик

Что делаешь, старик?

Стрепсиад

Как что? Я с крышею
Мыслильни вашей тонкий диалог веду.

Второй ученик
(изнутри)

Ай-ай! Кто дом наш поджигает?
Горе нам!

Стрепсиад

Тот самый, у кого накидку выкрали!

Второй ученик

Погубить нас! Погубишь!

Стрепсиад

Это — цель моя.
Пусть не обманет лишь топор надежд моих
И сам не упаду я, шею вывихнув.

Сократ
(высовываясь из окна)

Голубчик, стой!
На крыше что ты делаешь?

Стрепсиад

Парю в пространствах, мысля о судьбе светил.

Сократ
О, горе мне, беда мне! Задыхаюсь я.
Второй ученик
(в доме)

И мне несчастье! Жарюсь, как на вертеле!

Стрепсиад

Зачем восстали на богов кощунственно?
Как смели за луною вы присматривать?
(Спускается с крыши. Слуге.)
Коли, руби, преследуй! Много есть причин,
А главное, они богов бесчестили!

Дом рушится.
Хор

Уходите отсюда скорее! Наш хор
Поработал сегодня на славу.

Хор и актеры покидают орхестру.

МИР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Два раба Тригея.
Тригей, земледелец.
Дочь Тригея.
Гермес, бог.
Полемос (Война).
Ужас, прислужник Полемоса.
Гиерокл, толкователь прорицаний.
Кузнец.
Торговец оружием.
Сын Ламаха.
Сын Клеонима.
Лица без слов: Ирина, богиня Мира; Жатва и Ярмарка, сопровождающие богиню Мира; горшечник; копейщик; панцирщик и другие ремесленники, изготовляющие военное снаряжение.
Хор земледельцев.

ПРОЛОГ

Диор перед домом виноградаря Тригея. Двое рабов замешивают корм в хлеву.

Первый раб

Живее! Теста поскорей жуку подай!

Второй раб

Бери, корми проклятого! Чтоб сдохнул он!
Чтоб слаще корма никогда не жрать ему!

Первый раб

Еще лепешку из добра ослиного.

Второй раб

Бери еще! Куда же делось прежнее?
Все скушал?

Первый раб

Нет, свидетель Зевс, схватил, сглотнул,
Меж лап загнав, с чудовищною жадностью.
Меси покруче, пожирней замешивай!

Второй раб
(к зрителям)

О мастера золотари! На помощь мне!
Не то я задохнусь в вонище этакой.

Первый раб

Распутного мальчишки нам помет подай!
Нам захотелось нежного.

Второй раб

Пожалуйста!

(К зрителям.)

В одном грехе зато не упрекнуть меня:
Не скажут, что у печки пекарь кормится.

Первый раб

Ой-ой-ой-ой! Еще подай, еще подай! Меси еще!

Второй раб

Не буду! Нет! Свидетель Феб!
Мне эту лужу мерзкую не вычерпать!

Первый раб

Стащу ему, пусть на здоровье лопает!

(Тащит корыто.)
Второй раб

Чтоб он пропал, свидетель Зевс, и ты за ним!

(К зрителям.)

Прошу вас, если знаете, скажите мне,
Где нос бы мне купить, в котором дырок нет?
Не видано поденщины чудовищней,
Чем эта: корм давать жуку-навознику!
Свинья или собака — те помет сырьем
Готовы жрать. А этот зверь заносчивый
Воротит морду, к пище не притронется,
Пока не раскатаю, не скручу и корм
Лепешечкой подам, как бабы любят есть.
Ну, что же, жрать он кончил? Погляжу тишком,
Дверь приоткрывши, чтоб не увидал меня.

(Заглядывает в дверь.)

Ну, лопай, трескай, брюхо набивай едой,
Пока не разорвешься ненароком сам!
Да, ну и жрет, проклятый! Как силач-борец,
Налег на корм и челюстями лязгает,

И головою вертит, и ногами мнет.
Так скручивает корабельщик снасть свою,
Когда для барок толстые канаты вьет.
Тварь гнусная, прожорливая, смрадная!
Кто из божеств всевышних произвел его,
Не знаю. Но не Афродита, думаю,
И не Харипт также.

Первый раб

Кто же?

Второй раб

Зевс родил,
Из кучи, не из тучи, громыхнув грозой.

Первый раб

Теперь, пожалуй, спросит кто из зрителей,
Заносчивый молодчик: в чем же драмы суть?
И жук при чем? А этому молодчику
Заезжий иониец объясненье даст:
«Я понял, на Клеона намекают здесь:
Навоз в Аиде, дескать, поедает он…»
Бежать мне нужно и жуку напиться дать.

Второй раб

Я объясню, в чем дело, детям: маленьким,
Подросточкам и взросленьким мужчиночкам,
Мужчинам расскажу великовозрастным.
Мужчинищам великовозрастнейшим всем.
Хозяин наш взбесился, но особенно,
Не так, как вы, иначе и по-новому.
День целый в небо он глядит, разинув рот,
И Зевса кроет руганью отборною.
«Эй, Зевс, — кричит он, — чем же это кончится?
Оставь метлу! Не то Элладу выметешь».
Слышится голос Тригоя. Вот, вот!
Молчите! Голос слышится хозяина.

Тригей
(за сценой)

О Зевс! Ты что с народом нашим делаешь?
Ты, как стручки, все города повылущил.

Второй раб

Вот-вот она, напасть! Об этом речь моя!
Образчик перед вами помешательства.

Как только началось его безумие,
Себе вопрос он задал, вы послушайте:
«Как прямиком залезть мне к Зевсу на небо?»
Тут лестницу он смастерил ледащую,
Чтобы по ней вскарабкаться, и шлепнулся,
И дырку на затылке проломил себе.
Вчера ж, невесть откуда, приволок домой
С коня величиной жука этнейского
И конюхом к жуку меня приставил. Сам
Его он гладит, словно жеребеночка:
«Пегасик мой! Краса моя пернатая!
Взлети, примчи меня к престолу Зевсову!»
Но погляжу, что там внутри он делает.
(Вбегает в дом и тотчас же выбегает в ужасе.)
Беда, беда! Соседи, поспешите, эй!
Хозяин мой меж небом и землей повис:
Сев на жука верхом, парит он в воздухе.

Тригей
(появляясь над крышей дома верхом на навозном жуке)

Тпру-у, стой! Тпру-у, стой! Тише шаг, мой жучок,
Горячиться нельзя, выступая в поход!
Юной силой гордясь, не гарцуй, не кичись,
А сперва разойдись, жар почувствуй в костях,
Сухожилья расправь ветровеющих крыл!
Но в лицо не дыши мне, тебя я молю:
Если будешь ты вонью меня обдавать,
То тогда оставайся уж лучше в хлеву!

Второй раб

Господин и владыка! С ума ты сошел!

Тригей

Замолчи! Замолчи!

Второй раб

Но куда же гребешь ты, воздушный пловец?

Тригей

Я для блага всей Греции начал полет,
Небывалый задумал я подвиг свершить.

Второй раб

Но зачем же лететь? Ты в своем ли уме?

Тригей

В благоречье молчите! Ни жалоб, ни слез!
Не вопить — ликовать наступила пора,
Горожанам язык за зубами держать,
Все навозные ямы и нужники все
Запечатать и новым покрыть кирпичом,
И зады заклепать до отказа!

Второй раб

Не замолчу, покуда не расскажешь мне,
Куда лететь собрался?

Тригей

Да куда ж еще? К престолу Зевса, на небо.

Второй раб

Зачем это?

Тригей

Чтобы спросить, что делать затевает он
Со всеми нами, жителями Греции.

Первый раб

А если не ответит?

Тригей

Обвиню его
И заявлю, что предал персам эллинов.

Второй раб

Не допущу, покуда жив, свидетель Зевс!

Тригей

Я не могу иначе.

Второй раб
(кричит)

Ого-го! Эй-эй! Детишки!
Ваш родитель собрался удрать,
Летит на небо, сиротами бросил вас.
Отца просите, заклинайте, бедные!

Девочки — дети Тригея — выбегают из дома.

Девочка

Милый отец наш,[220] отец! Справедлива,
Значит, та весть, что несется по дому:
Нас покидая, ты с птицами вместе,
Легкий, как ветер, несешься к воронам?
Все это правда?
Скажи мне, отец, если любишь немножко!

Тригей

Может быть, так, мои доченьки.
Правда, что жаль мне вас, бедных,
Жаль, когда хлеба вы просите, папочкой ласково клипа,
В доме же нет ни полушки, ни крошки, ни грошика денег.
Вот когда, дело удачно свершив, прилечу я обратно,
Будет большой каравай и пинков я вам дам на закуску.

Девочка

А как же ты в небесный путь отправишься?
Не повезет тебя корабль по воздуху.

Тригей

Крылатый конь, а не корабль помчит меня.

Девочка

Скажи, что за причуда — оседлать жука
И воспарить на нем к богам, папашенька?

Тригей

Не знаешь? В баснях у Эсопа сказано,
Что из крылатых жук один небес достиг.

Девочка

Отец, отец, невероятно все-таки,
Чтобы богов достигла тварь вонючая.

Тригей

С орлом враждуя, жук когда-то в небо взмыд
И там разворошил гнездо орлиное.

Девочка

Не лучше ли Пегаса оседлать тебе?
Богам ты показался бы трагичнее.

---

220 ***Милый отец наш…*** *— Многие стихи диалога Тригея и Девочки пародируют Еврипида.*

Тригей

Да нет, чудачка. Корма мне двойной запас
Тогда б был нужен. А теперь, чем сам кормлюсь,
Добром тем самым и жука кормлю затем.

Девочка

А что, когда в пучину моря влажную
Он свергнется? Как он, крылатый, вынырнет?

Тригей

Есть у меня правило подходящее:
Челном наксосским будет мне навозный жук.

Девочка

А свой корабль к какой пригонишь пристани?

Тригей

В Пирее, в бухте Жучьей,[221] бросим якорь мы.

Девочка

Смотри же, не свались и не сломай костей!
Не то хромцом ты станешь — Еврипид тебя
Подцепит и состряпает трагедию.

Тригей

Об этом позабочусь. До свидания!
А вы, кому на благо я свершаю труд,
Сдержите ветры, отливать помедлите
Три дня. Когда в полете жук почует смрад,
Меня он скинет и на корм набросится.

(Тригей поднимается на воздух верхом на жуке.)

Подымайся бодрей, мой Пегас, веселей,
Шевелись, золотою уздою звеня!
Пусть сверкает зубов белоснежный оскал.
Что с тобою? Что делаешь? Ноздри куда
Повернул? Что почувствовал? Нужника дух?
Подымайся смелей, над землей воспари!
Легковейными крыльями вверх устремись
И до Зевсова дома домчись прямиком!
А от пакости всякой свой нос отврати
И про корм свой всегдашний сегодня забудь.

---

221 ***В Пирее, в бухте Жучьей…*** *— Дано подлинное название бухты.*

(Кричит вниз.)

Что ты делаешь? Эй! Кто там сел за нуждой
В закоулке у девок, в Пирее? Эй-эй!..
Ты погубить, погубишь меня! Закопай!
И побольше землицы поверху насыпь!
И тимьяна цветущего куст посади,
И душистого масла налей! А не то
Я сломаю хребет, и за гибель мою
Пять талантов заплатит хиосский народ,[222]
И всему будет зад твой виною!
Ай-ай-ай-ай! Как страшно! Не до шуток мне!
Эй ты, машинный мастер, пожалей меня!
Какой-то вихрь ужасный вкруг пупка подул.
Потише, а не то я накормлю жука!
Жук опускается на Олимпе, перед дворцом небожителей.
Но вот уж я в соседство с божеством попал.
И предо мною Зевса двор, как кажется.
Эй-эй, привратник Зевса! Отопри живей!

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Гермес
(выходит)

Пахнуло чем-то смертным на меня! Геракл! Что за напасть такая?

Тригей

Это мерин-жук!

Гермес

Ах, мерзкий, ах, проныра, ах, бессовестный!
Подлец, из подлых подлый! Прощелыжина!
Как ты пришел к нам, подлый прощелыжина?
Как звать тебя? Ответь же!

Тригей

Прощелыжина!

Гермес

Откуда родом? Ну же!

Тригей

---

222 ***Пять талантов заплатит хиосский народ…*** *— Намек на постоянные поборы с военных союзников Афин.*

Прощелыжина!
Гермес

Отец твой кто?

Тригей
Отец мой? Прощелыжина!

Гермес

Клянусь Землей и Небом, не уйдешь живым,
Когда не скажешь имя и откуда ты.

Тригей

Тригей — я, афмониец.[223] Виноградарь я,
Не сплетник, не сутяжник и не ябедник.

Гермес

Пришел зачем?

Тригей

Привез тебе говядины.

Гермес
(сразу переменив тон)

Зачем ты здесь, бедняжка?

Тригей

Видишь, лакомка,
Теперь я у тебя не прощелыжина!
Ступай, покличь мне Зевса.

Гермес

Нет и нет! Тю-тю!
Ведь ты к богам нисколько не приблизился.
Их дома нет. Они вчера уехали.

Тригей

В страну какую?

Гермес

Не в страну.

---

223 ***Афмониец*** *— житель Афмонии, афинского пригорода.*

Тригей

Куда ж?

Гермес

Куда? На край вселенной. К куполу небесному.

Тригей

Зачем же одного тебя оставили?

Гермес

Да стерегу я барахлишко божее:
Горшочки, ложки, плошки, сковородочки!

Тригей

Но почему же божества уехали?

Гермес

На греков рассердились. Поселили здесь
Они Войну и ей на растерзание
Нас отдали. Что хочет, то и делает.
А сами удалились в выси горние,
Чтобы не видеть ваших непрестанных свар
И жалоб ваших не слыхать назойливых.

Тригей

Зачем же боги с нами поступили так?

Гермес

За то что вечно воевать хотели вы,
Хоть боги мир устраивали. Стоит лишь
Даконцам потеснить афинян чуточку,
Они кричат: «Мы зададим афинянам!
Клянемся близнецами!»[224] Если ж Аттике
Вдруг повезет и мир предложит Спарта нам,
Тут вы орете снова: «Нас надуть хотят!
Афиною клянемся мы! Не верьте им!
Ведь Пилос[225] — наш. Послов пришлют опять они».

Тригей

224 ***Клянемся близнецами!*** *— Близнецы — Кастор и Полидевк, сыновья Зевса и Леды, Они пользовались в Спарте большим почетом.*

225 ***Пилос*** *— стратегически важный, благодаря прекрасной гавани, город на Корифасийском мысе, захваченный в Пелопоннесе афинянами в 425 г. до н. э.*

Все наши разговоры, узнаю точь-в-точь.

Гермес

Не думаю, чтобы пришлось Ирину вам,
Богиню Мира, увидать.

Тригей

Да где ж она?

Гермес

Ее низверг в пещеру страшный Полемос.

Тригей

Да где ж пещера?

Гермес

Вон внизу, каменьями,
Ты видишь, завалил ее он доверху,
Чтоб вам никак Ирину не добыть.

Тригей

Скажи,
А что он с нами делать собирается?

Гермес

Одно лишь знаю, что вчера он вечером
Чудовищную ступку приволок домой.

Тригей

А что ж он с этой страшной ступкой сделает?

Гермес

Все города он хочет в порошок стереть.
Но я пойду. Мне слышится, выходит он.
Ужасный шум донесся изнутри.

(Гермес уходит.)

Слышится ужасный грохот.

Тригей

Ай-ай!
Ах, горе, горе! Побегу. Почудилось
Мне грохотанье ступки истребительной.

(Прячется.)

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

На орхестру выходит Полемос с огромной ступкой в руках.
Полемос

Увы, народ, народ, народ несчастнейший!
Вот скоро вы зубную боль узнаете!

Тригей
(спрятавшись)

Чудовищная ступка! О владыка Феб!
А взгляд его — как гибель.
Страшен Полемос!
Так вот кого боимся, вот кто душит нас,
Ужасный, страшный, наземь повергающий!

Полемос
(над ступкой)

Чесночные спартанцы, вам конец пришел.
Пятижды, трижды, десять раз проклятые!

(Бросает в ступку чеснок.)
Тригей
(к зрителям)

А нам, друзья, до Спарты дела вовсе нет!
Лаконяне пусть плачутся. Несчастье — их.

Полемос

Мегара, ай, Мегара! Изотру тебя!

(Бросает в ступку луковицу.)

Помну, поперчу, станешь кашей луковой.

Тригей

Ой-ой-ой-ой! Тяжелые и горькие
Мегарцам тут слезищи приготовлены.

Полемос

Сицилия, эгей, и ты раздавлена!

(Бросает в ступку сыр.)
Тригей

Страна какая на творог размолота!

Полемос

Аттического меда подолью еще.

(Льет в ступку мед.)
Тригей
(в испуге)

Другого меда поищи, прошу тебя!
А этот дорог! Пожалей аттический!

Полемос

Эй, мальчик, Ужас!

Ужас
(выбегает)

Звал меня?

Полемос

Наплачешься!
Зевал без толку? Кулаки забыл мои?

(Бьет, его).
Тригей
(про себя)

Кулак сердитый!

Ужас

Сжалься, господин, ай-ай!

Тригей
(про себя)

Он луковку вложил в кулак, наверное!

Полемос

Достань толкач покрепче!

Ужас

Толкача еще
Не завели.
Вчера ведь только въехали.

Полемос

Тогда беги, в Афинах раздобудь живей!

Ужас

Бегу стрелою. А не то побьют опять.

Ужас убегает.
Тригей
(к зрителям)

Что ж делать нам, людишки горемычные?
Грозит опасность страшная, вы видите!
Когда толкач добудет он дробительный,
Усядется и в крохи города сотрет.
Не дай ему вернуться, Дионис, спаси!

Вбегает Ужас.
Полемос

Эй, ты!

Ужас

Что надо?

Полемос

Не принес?

Ужас

Беда, беда!
Пропал толкач афинский знаменитейший,
Кожевник[226] тот, что ворошил Элладу всю.

Тригей

О госпожа Афина, славно сделал он,
Что вовремя подох, на благо городу,
И кашу заварить не может новую.

Полемос

Так принеси другой, из Лакедемона. Пошел!

---

226 ***Кожевник*** — *Клеон.*

Ужас

Не медлю.

(Убегает.)
Полемос

Приходи скорей назад!

Тригей
(к зрителям)

Что с нами будет, граждане, беда идет!
Средь вас тут не найдется ль посвященного
В мистерии? Теперь пускай он молится,
Чтобы в дороге Ужас ногу вывихнул.

Ужас
(прибегает снова)

Ай-ай, погиб я, ай, несчастье, ай, беда!

Полемос

Что? Не принес опять ты ничего?

Ужас

Пропал Толкач первейший также в Лакедемоне.

Полемос

Проклятье! Как же?

Ужас

Отдали во Фракию
Его на содержанье, и пиши — конец!

Тригей

О боги Диоскуры,[227] славно сделано!
Пока живем!
Мужайтесь, люди честные!

Полемос

Возьми весь скарб, под кровлю отнеси его!
А я пойду и смастерю толкач себе.

(Уходит вместе с Ужасом.)

---

227 ***Диоскуры*** *— в переводе: «Зевсовы отроки», Кастор и Полидевк.*

Тригей
(выйдя из укрытия)

Теперь шута Датида вспомним песенку.
Он так мурлыкал, пальцем тешась, в летний зной:
Как ладно мне, как сладко мне, как весело!

(К зрителям.)

Теперь настало время, братья эллины,
Оставив распри, позабыв усобицы,
На волю нам богиню Мира вывести,
Пока толкач не помешает новый нам.

(Кричит.)

Эй, пахари, торговцы, люд ремесленный!
Эй, рукоделы, поселенцы, пришлые
И вы, островитяне, весь народ, сходись!
Всяк скорей бери лопаты, и канаты, и кирки!
Потрудиться предстоит нам, всем на радость, в добрый час!

ПАРОД

На орхестру выходит хор афинских поселян. С ним несколько спартанцев, беотийцев, аргосцев и мегарцев.

Корифей

Смело, други, поспешите, избавленья близок день.
О всеэллинское племя! Друг за друга встанем все,
Бросим гневные раздоры и кровавую вражду!
Светит нам весенний праздник, пусть удавится Ламах!

(Тригею.)

Объясни теперь, что делать, главарем в работе будь!
Все мы твердо порешили, не уйдем домой, пока
Бечевою, рычагами вновь на землю не вернем
Величайшую богиню, покровительницу лоз.

Хор шумно пляшет.
Тригей

Тише! Полемос услышит ваши крики, топот ваш,
И тогда опять начнется ненавистная война.

Корифей

Веселее и приятней услыхать такой приказ,
Чем приказ: «Явиться срочно с провиантом на три дня».

Хор продолжает плясать.
Тригей

Тише, чтобы в преисподней Кербера не разбудить,[228]
Чтобы гомона и гама снова он не учинил
И сладчайшую богиню нам спасти не помешал.

Корифей

Ну, уж нет! Никто на свете нас Ирины не лишит,
Только бы она досталась в руки нам! Хо-хо-хо-хо!

Хор продолжает плясать.
Тригей

Все погубите вы! Стойте! Если будете орать,
Он прискачет и растопчет все тяжелою пятой.

Корифей

Пусть бушует, сколько хочет, пусть грохочет и стучит!
Не оставим мы веселья в этот расчудесный день!

Хор продолжает плясать.
Тригей

Вот беда! Взбесились, что ли?
Бросьте, ради всех богов!
Нашу славную затею пляской сгубите вконец.

Корифей

Не хочу плясать я вовсе. Но от радости, гляди,
Хоть стою на месте, ноги сами ходят ходуном.

Пляшут.
Тригей

Ну, теперь-то уж довольно.
Бросьте, бросьте танцевать!

Корифей

Вот уж бросили мы, видишь.

Продолжают плясать.
Тригей

На словах. А пляс идет.

---

228 ***…чтобы в преисподней Кербера не разбудить…*** *— Аристофан называет Кербером (имя трехглавого пса, сторожившего вход в преисподнюю) погибшего своего врага Клеона.*

Корифей

Ну, еще разок, вот этак!
И тогда уже конец.

Продолжают плясать.
Тригей

Ну, еще разок — и хватит.
Перестаньте же скакать.

Корифей

Если пляс наш делу вреден, мы не будем танцевать.

Продолжают плясать.
Тригей

Вижу, пляшете вы все же!

Корифей

Зевс свидетель, раз еще
Могу правую поднимем и притопнем — и конец!

Пляшут.
Тригей

Я согласен. Только больше не сердите вы меня.

Корифей

Левая нога за правой в пляску просится сама.
Счастлив я. Свищу, ликую, и кряхчу, и хохочу.
Словно злую старость сбросил, так я рад, что кинул щит.

Пляшут.
Тригей

Рано, рано веселитесь! Не дался еще успех.
Вот когда спасем богиню, смейтесь, веселитесь все!
И вопите и орите!
Будет нам заботой — дрыхнуть,
Обжираться, обниматься
И по ярмаркам шататься,
Напиваться, наряжаться,
Волочиться
И кричать: хо-хо-хо-хо!

Строфа 1

Первое полухорие

Как увидеть я желаю этот долгожданный день!
Бедствовал долго я,
Бее валялся на соломе, как железный Формион.[229]
Больше я судьей не буду черствым, сумрачным и злым.

Тригей

Нет, не буду я, как прежде, скучным, строгим сухарем!

Первое полухорие

Буду ласков, весел, мил,
Буду снова молодым,
Позабыв тревоги войн.
Сколько времени нас мучат всё походы да бои.
Гонят нас туда, сюда,
Из Ликея и в Ликей,[230]
Со щитом, с копьем в руке.

Корифей

Расскажи же, что нам делать, чем нам другу услужить!
Господином и владыкой дал тебя нам добрый рок.

Тригей

Куда свалить нам камни, погляжу сейчас.

(Идет к пещере).
Из ворот дворца появляется Гермес.
Гермес

Наглец, негодник, что ты делать думаешь?

Тригей

Да ничего худого. Словно Килликон.[231]

Гермес

Погибнешь, мерзкий.

Тригей

Если жребий выпадет. Ведь ты,
Гермес, мастак по части жребиев.

---

229 ***Формион*** *— известный афинский полководец времен Пелопоннесской войны.*
230 ***Ликей*** *— гимнасий за восточной окраиной Афин, место военных учений.*
231 ***Да ничего худого. Словно Килликоп.*** *— Килликон — гражданин Милета, предавший свою родину жителям Приены и заявивший при этом, что не сделал ничего дурного.*

Гермес

Конец тебе, погибнешь!

Тригей

Завтра к вечеру?

Гермес

Сейчас же.

Тригей

Ничего я не купил себе,
Ни сыра, ни муки.
Не приготовился.

Гермес

Считай себя истертым!

Тригей

Почему ж это
Такого я блаженства не почувствовал?

Гермес

Не знаешь разве, смерть назначил Зевс тому,
Кто выпустит Ирину.

Тригей

Это, значит, мне
Придется умереть?

Гермес

В том нет сомнения.

Тригей

Тогда на поросенка дай мне драхмы три!
Принять хочу пред смертью посвящение,

Гермес

О Зевс, метатель молний!

Тригей

Ради всех богов,
Не выдавай же, господин, молю тебя.

Гермес

Молчать не стану.

Тригей

Вспомни о говядинке,
О жертвах, что тебе я приносил, любя!

Гермес

Чудак! Да Зевс угробит самого меня,
Когда не буду горло драть, орать, кричать.

Тригей

Гермесик, горла не дери, прошу тебя!

(К хору.)

Что такое с вами сталось, что стоите, очумев?
Ну, кричите же, лентяи, чтобы он не закричал!

Антистрофа 1а

Второе полухорие

Ни за что, Гермес-владыка, ни за что!
Ни-ни-ни-ни!
Сладкую, сочную
Поросятину в подарок принимал ты от меня.
Не забудь, Гермес, об этом в нашей нынешней беде.

Тригей

Слышишь, чтут тебя и хвалят, господин и властелин!

Второе полухорие

О, дозволь, щедрейший бог,
Нам Ирину взять к себе.
Ты всегда был к людям добр. Если ты
Писандра[232] шлемы ненавидишь и щиты,
Шествия священные,
Жертвоприношения,

---

232 ***Писандр*** — *афинский флотоводец, член олигархического совета четырехсот, пользовавшийся славой предателя и лихоимца.*

Обещаем мы тебе.

Аполлон и муза. Роспись чаши. V век до н. э. Бостон. Музей изящных искусств.

Тригей

О, снизойди к их просьбам, я молю тебя!
Они сейчас смиренней, чем когда-либо.

(В сторону.)

И вороватей нынче, чем когда-либо.

(Вслух.)

Тебе открою тайну очень важную,
Всем божествам большой бедой грозящую.

Гермес

Ну, говори! Быть может, убедишь меня?

Тригей

Луна-Селена и мошенник Гелиос
Давно уж против вас готовят заговор,
Предать хотят они Элладу варварам.

Гермес

Но почему же?

Тригей

Потому, свидетель Зевс,
Что мы приносим жертвы вам, а варвары —
Луне и солнцу. Потому, естественно,
Они хотят нас всех замучить до смерти,
Чтоб у божеств отнять все приношения.

Гермес

Так вот зачем они все время праздники
У нас крадут и дни грызут, мошенники.[233]

Тригей

А потому, любезнейший Гермес, возьмись
За дело с нами, помоги добыть ее!
И в честь тебя Панафинеи[234] справим мы
И все другие празднества великие,
Мистерии,[235] Диподии, Адонии.[236]
И государства прочие, уйдя от бед,
Тебе молиться будут, избавителю.
Получишь много всякого добра. И я
Тебе дарю вот этот золотой кувшин!

(Подносит ему подарок.)

Гермес любуется подарком.

Гермес

Как жалостлив я сердцем к золотым вещам.

(Отходит в сторону.)
Тригей
(к хору)

Дело, граждане, за вами!
В ход лопаты и кирки!
Поскорее, веселее оттащите камни прочь!

Корифей

---

233 ***…они все время праздники у нас крадут…*** *— Аристофан касается злободневной для его публики темы — реформы календаря, сместившей, дни ежегодных праздников.*

234 ***Панафинеи*** *— Панафинеи — праздник в честь богини Афины.*

235 ***Мистерии*** *— Имеются в виду элевсинские мистерии.*

236 ***Адонии*** *— празднества в честь Афродиты.*

За работу мы возьмемся, ты ж, мудрейший из богов,
Будь в работе нашей старшим.
Приказанья отдавай
И увидишь: неплохие подмастерья у тебя.

Тригей

Проворней чашу протяни мне! Чашу мы
Винцом наполним и богам помолимся!

Гермес
(с золотым кувшином с руках)

Возлиянье! Возлиянье!
Все молчите! Все молчите!
Мы, совершая возлиянье, молимся,
Чтоб этот день началом всяких радостей
Для греков стал. Кто за канат ухватится
От всей души, пусть не берет щита вовек.

Тригей

О нет! Пусть в мире сладком он проводит жизнь,
У камелька с веселою подружкою.

Гермес

А кто войну не может разлюбить никак,
Тому бы вечно, Дионис, владыка наш…

Тригей

Из тела стрелы острые вытаскивать.

Гермес

А кто к походам страстью одержим, тебя,
Владычица, мешает воскресить на свет…

Тригей

Пусть с ним случится то же, что с Клеонимом.

Гермес

Копейный мастер или продавец щитов,
Кто миру враг, а друг своей лишь прибыли…

Тригей

Пусть жрет ячмень, разбойниками схваченный.

Гермес

И кто желает власти полководческой,
И раб, который о побеге думает…

Тригей

На колесо поднять того и выстегать!

Гермес

А нам пускай поможет сребролукий Феб!

Тригей

Про лук не надо! Феба одного зови!

Гермес

Приди, приди к нам! Феба одного зову.

Тригей

И с ним Харит, Гермеса, Афродиту, Ор.[237]

Гермес

Арес не нужен?

Тригей

Нет!

Гермес

А Эниалий?[238]

Тригей

Нет!

Гермес и Тригей совершают возлияние. Все хватаются за канат, чтобы отвалить камень от пещеры, где скрывается богиня Мира.

Гермес

За бечеву возьмемся и потянем, эй!

Строфа 2

---

237 ***Оры*** *— богини времен года, ясной погоды, урожая, юности, красоты.*
238 ***Эниалий*** *— «Воинственный», эпитет бога войны Ареса.*

Хор

Потянем!

Гермес

Еще разок!

Хор

Потянем!

Гермес

Еще, еще разок!

Хор

Потянем! Потянем!

Тригей
(подходит к тянущим)

Нет, не дружно, не ладно работа идет.
За канат не схватились?
Надулись чего? Ох, достанется вам, беотийцы![239]

Гермес

Еще раз!

Тригей

Еще разок!

Корифей

По вы оба не тянете также?

Тригей

Я ж тяну, как могу, налегаю повею,
Запрягаюсь в канат, выбиваюсь из сил.

Корифей

Почему же работа ни с места?

Тригей

---

239 ***Ох, достанется вам, беотийцы!*** *— Понятный афинянам намек на политические расчеты, из-за которых беотийцы выступали против заключения мира.*

Ламах, ты нам метаешь, зря расселся здесь!
Нам ни к чему, дружище, это пугало!
Да и аргосцы тоже не усердствуют,
Они смеются над трудами нашими.
Сосут двух маток, хлеб едят у двух господ.

Гермес

Зато лаконцы, милый, тянут здорово,

Тригей

Но знаешь что? Из них одни колодники
Вовсю хлопочут, да мешают цепи им.

Гермес

Нет толку и в мегарцах. Тянут врозь они,
Точь-в-точь щенята, зубы как оскалили!

Тригей

Они от голодухи обессилели.

Гермес

Так ничего не сделать нам! Смелей, друзья,
Единым духом все возьмемся сызнова!

Тянут за канат.

Антистрофа 2

Хор

Потянем!

Гермес

Еще разок!

Хор

Потянем!

Гермес

Да ну, еще разок!

Хор

Идет еле-еле!

Тригей

Никуда не годится. Ведь просто беда!
Эти тянут вперед, а другие назад!
Эй, аргосцы, вы будете биты!

Снова принимаются тянуть .
Гермес

Еще раз!

Тригей

Еще разок!

Корифей

Затесались предатели, видно, меж нас!

Тригей
(к афинянам)

Ну хоть вы, — ведь по миру тоскуете вы, —
Хорошенько возьмитесь, тяните дружней!

Корифей
Тянем мы, да другие мешают.
Гермес

Эй вы, мегарцы, убирайтесь тотчас же!
Богиня ненавидит вас. Ей помнится,
Вы чесноком ее натерли первые,
И вы остановитесь, эй, афиняне!
Вы тянете совсем не там, где надобно.
Судить-рядить — одно лишь вы умеете.
Когда богиню воскресить желаете,
Вам ближе к морю потесниться следует.

Гермес и Тригей разгоняют Города и другой пришлый народ. Остается один хор земледельцев, который снова берется за канат.
Корифей

За дело примемся одни! Эй, други-земледельцы!

Принимаются тянуть.
Гермес

Работа спорится у вас. На лад идет, отлично!

Корифей

Сказал он: спорится! Дружней! Пусть напряжется каждый!

Тянут.

Тригей

Одни лишь земледельцы мир нам возвратить сумеют.

Хор

Раз еще потяни!

Гермес

Немного остается!

Хор

Не отставать! Еще разок! Потянем весело! Наддай!

Гермес

Уже, уже! Готово!

Хор

Еще разок! Пойдет, пойдет! Сама пойдет!
Сама пойдет! Еще, еще, еще разок!

Тянут. Камень отвален.
Из пещеры поднимается богиня Мира, с нею Жатва и Ярмарка.

Тригей

Подательница лоз! О, что скажу тебе,
Где взять мне слово тысячекувшинное,
Чтобы тебя приветить: в доме нет таких!
Здорово, Жатва! Ярмарка, тебе привет!
Как ты красива, Ярмарка любезная!
Как сладостно душе твое дыхание,
Концом походов пахнет, благовоньями…

Гермес

А заодно солдатским ранцем, может быть?

Тригей

Отвергну мысль я мужа ненавистного:
Воняет ранец чесноком и уксусом.
Здесь — жатва, угощенье, Дионисии,
Софокла песни, флейты, соловьиный свист,
Стишонки Еврипида.

Гермес

Замолчи! Не лги
На госпожу. Не может ей понравиться
Поэт сутяг, певец судейской кляузы.

Тригей

Здесь плющ, овец блеянье, виноградный сок,
Бегущих в поле женщин груди круглые,
Ковш опрокинутый, служанка пьяная
И множество других утех.

Гермес

Гляди сюда!
Заметь: друг с другом
Города беседуют,
Смеются радостные, примиренные…

Тригей

Хотя в ужасных синяках, в царапинах,
С продавленными головами, в ссадинах.

Гермес

Теперь взгляни на зрителей! Написано
У них на лицах ремесло.

Тригей

И верно ведь.

Гермес

Сидит там, видишь, мастер оружейных, дел
И рвет в печали волосы.

Тригей

А рядом с ним мотыжник, плюнул в рожу оружейнику.

Гермес

Ковач плугов, ты видишь, как доволен он?

Тригей

Он строит кукиш мастеру копейному.

Гермес

Скажи же поселянам, пусть домой идут!

Тригей

Услышь, народ! Велим мы земледельцам всем,
Орудья снарядивши, выходить в поля.
Бросьте щит скорей, и дротик, и проклятое копье!
Воздух весь наполнен миром, плодоносным и хмельным.
Все спешите на работу в поле, с песнями, вперед!

Корифей

День счастливый, день желанный для хозяев-поселян!
Ты пришел. Веселья полон, шлю я лозам свой привет.
Вижу смоквы, что когда-то я мальчишкой посадил.
Их обнять я счастлив снова, после долгих-долгих лет!

Тригей

Други милые, богине мы помолимся сперва,
Той, что нас освободила от султанов и Горгон.
На дорогу купим вкусный полоточек балыка
И отправимся с весельем восвояси, но домам!

Гермес

Посейдон свидетель, славной собрались они толпой!
Встали густо, встали плотно, словно праздничный пирог.

Тригей

Видит Зевс, блестит мотыга наостренным лезвием,
И на солнышке сверкают вилы зубьями тремя!
Как чудесно, как нарядно выстроились их ряды!
Как мне хочется вернуться поскорее на поля
И перекопать лопатой мой участочек земли.
Братья, вспомните, как прежде
Мы живали под покровом
Золотой богини Мира!
Вспомните о тех вареньях,
Об изюме, черносливе
И о соке виноградном,
О фиалках у колодца,
О серебряных маслинах
Ненаглядных,
И за это все богине
Вознесите похвалу!

Антистрофа 1б

Первое полухорие

Здравствуй, здравствуй, дорогая!
Будь прославлен твой приход!
Долго мы ждем тебя!
Нам давно уже хотелось возвратиться на поля.
Ты наш клад, богиня Мира, всех сокровищ ты милей
Для того, кто сеет, жнет.
Сколько вынесли мы бед,
Прежде чем явилась ты!
Ты — спасенье земледельца, блюдо каши ив муки!
Все, что зреет на земле,
Гроздья лоз, плоды олив —
Все ликует и поет.

Корифей

Только где ж она скрывалась столько долгих, тяжких лет?
Ты, среди богов добрейший, расскажи нам, научи!

Гермес

К вам, почтенным земледельцам, обращу свои слова:
Слушайте, чтоб знать и помнить, как лишились вы ее.
Начал Фидий[240] злополучный, первый он нанес удар,
А затем Перикл. Боялся он невзгоды для себя.
Ваших прихотей страшился, ваши зубы злые знал.
Чтобы самому не плакать, в город он метнул пожар,
Бросил маленькую искру — о мегарянах закон.
И раздул войну такую, что у эллинов из глаз
Полились от дыма слезы. Плакал здесь народ и там.
Услыхав про это, лозы грозно начали шуметь,
В гневе бочки застучали, друг на дружку наскочив,
И конца не стало ссоре. Так Ирина прочь ушла.

Тригей

Слов таких, клянусь я Фебом, не слыхал ни от кого,
Не слыхал о том, что Фидий ей доводится родней.

Корифей

Не слыхал и я доселе. Значит, потому она
Так красива, что в родстве с ним. Многого не знаем мы.

Гермес

Вам подвластные тотчас же услыхали Города,

---

240 ***Фидий злополучный…*** *— Знаменитый афинский скульптор V в. до н. э. Фидий, пользовавшийся покровительством Перикла, был из-за интриг против Перикла обвинен сначала в краже золота, отпущенною государством на статую Афины, а затем, когда доказал свою невиновность, — в том, что изобразил на щите богини самого себя и Перикла. Умер в тюрьме в 431 г. до н. э.*

Как грызетесь меж собой вы, широко оскалив пасть.
Стали строить злые козни, чтобы подать не платить,
Кушем золота лаконских подкупили вожаков.
Те — бесчестны и корыстны, лицемерные друзья —
Подло выгнали богиню, ухватились за войну.
Но и там богатых прибыль стала злом для поселян!
Ведь отсюда им в отместку шли военные суда,
Чтоб сожрать у невиновных смоквы спелые в садах.

Тригей

Поделом! Повырубали смоквы и в моем саду.
Посадил я их, взлелеял, вырастил своей рукой.

Корифей

Поделом, дружок, по праву! Ведь каменьями они
Шестиведерную бочку раскололи у меня.

Гермес

А когда сюда сошелся из полей рабочий люд,
Он не знал, что им торгуют, что обманут он кругом.
Сад растоптан виноградный, и маслин родимых нет, —
Вот на болтунов с надеждой стал глядеть бедняк. А те,
Хоть и знали, что без хлеба и без сил уже народ,
Как плетьми, Ирину гнали языками: ведь она
Нам показывалась часто, нашу родину любя.
А они купцов союзных, словно яблоню в саду,
Околачивали палкой с визгом: «Он — Брасиду друг!»
Вы ж на жертвы без оглядки налетали, как щенки.
Побледневший, изможденный, город в ужасе поник,
Клевету любую жадно проглотить он был готов.
А союзники, увидев, как терзают их и бьют,
Стали золотом червонным засыпать горланам рот.
Страшно те разбогатели. Обнищала вся страна.
Ничего-то вы не знали. А кожевник был во всем Виноват.

Тригей

Гермес-владыка! Помолчи, не называй!
Под землей, куда ушел он, не тревожь его, оставь!
Он уж стал теперь не нашим, он тебе принадлежит.
Все, что про него ты скажешь,
Что мерзавцем жил негодным,
Болтуном, лгуном, пройдохой,
И мутилой, и задирой, —
Это все сейчас ты скажешь
О знакомце о своем.

Тригей
(обращаясь к богине Мира)

Но ты-то почему молчишь, владычица?

Гермес

Не подарит она ни слова зрителям:
За муки все она на них разгневана.

Тригей

Так пусть с тобой поговорит хоть чуточку!

Гермес

Что думаешь о них, скажи мне, милая
Красавица. Доспехов Ненавистница!

(Как бы перешептывается с богиней Мира.)

Так, слышу, слышу. Жалуешься? Понял все!
Узнайте, почему она так сердится:
Сама она пришла к вам после Пилоса
С котомкой, договоров полной доверху.
Над ней в собранье трижды посмеялись вы.

Тригей

Мы согрешили, верно. Но уж ты прости!
Ушел у нас весь разум в кожу в те поры.[241]

Гермес

О чем сейчас меня спросила, слушайте!
Из здешних кто ей самый беспощадный враг
И кто ей друг и битв противник яростный?

Тригей

Всех больше ненавидит Клеоним войну.

Гермес

А в деле боевом слывет каким у вас
Вот этот самый Клеоним?..

Тригей

Душою храбр,
Зато не сын он вовсе своего отца.
Подкидыш он, и сам, попав в сражение,
Подкидывает щит свой обязательно.

---

241 ***Ушел у нас весь разум в кожу…*** *— Снова потревожена тень кожевника Клеона.*

Гермес

Еще о чем меня спросила, слушайте!
Кто завладел в собрании трибуною?

Тригей

Гипербол свил гнездо себе на месте том.

(Богине Мира.)

Но что с тобой? Зачем глядишь ты в сторону?

Гермес

Да, отвернулась. Сердится на город ваш
За то, что проходимца вожаком избрал.

Тригей

Мы от него откажемся. Но город наш
Сейчас остался без опеки, сир и гол,
И с горя проходимцем препоясался.

Гермес

А городу какая ж в этом выгода?

Тригей

В Совете нам полезен он.

Гермес

Но как, скажи?

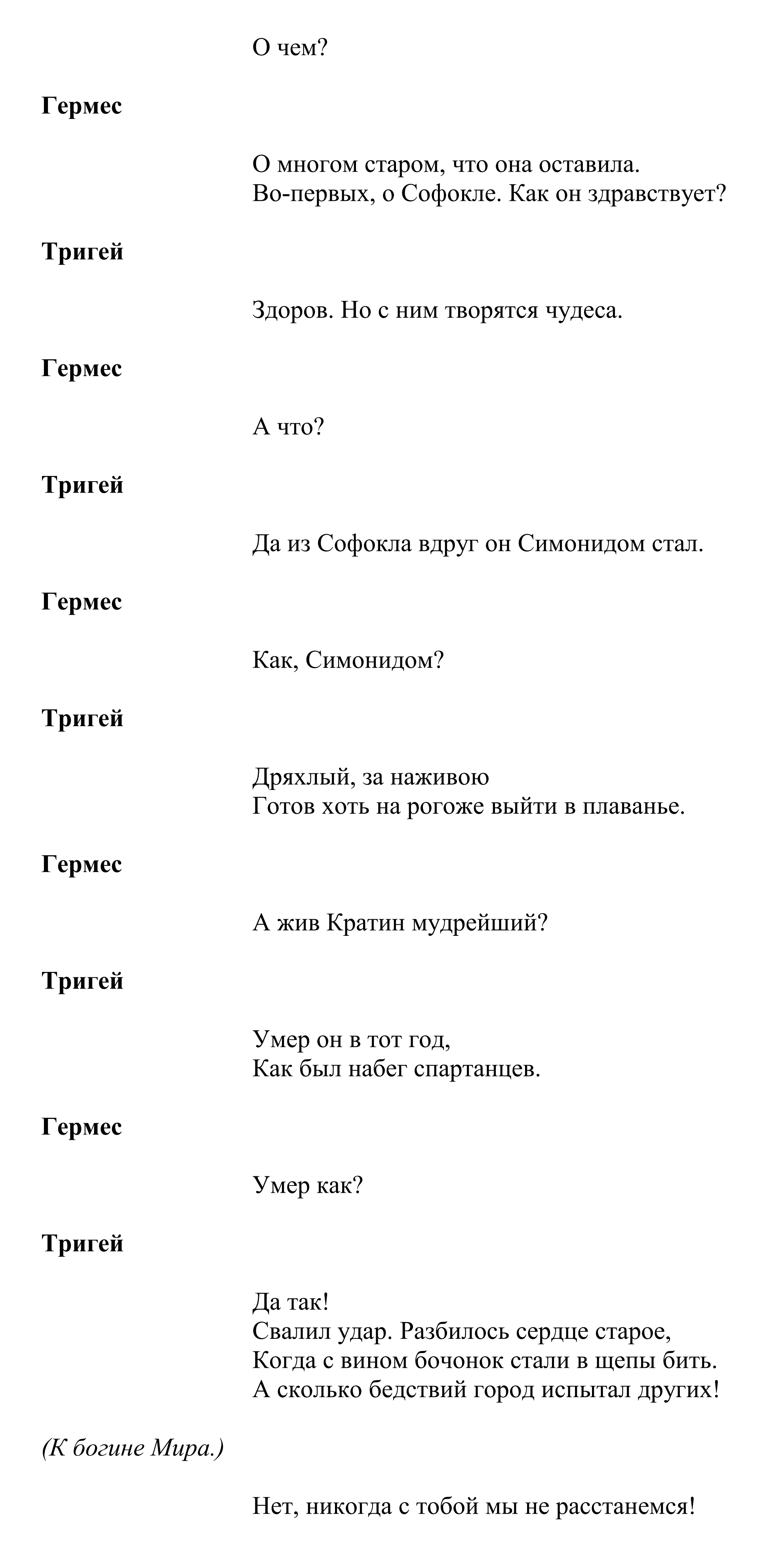
Тригей

Да видишь, ламповщик он.
До него в делах
Порой впотьмах блуждали мы и ощупью,
Сейчас же все при свете ламп решается.

Гермес
(как бы пошептавшись с богиней Мира)

Ого-го!
О чем сейчас велела мне спросить!

Тригей

О чем?

Гермес

О многом старом, что она оставила.
Во-первых, о Софокле. Как он здравствует?

Тригей

Здоров. Но с ним творятся чудеса.

Гермес

А что?

Тригей

Да из Софокла вдруг он Симонидом стал.

Гермес

Как, Симонидом?

Тригей

Дряхлый, за наживою
Готов хоть на рогоже выйти в плаванье.

Гермес

А жив Кратин мудрейший?

Тригей

Умер он в тот год,
Как был набег спартанцев.

Гермес

Умер как?

Тригей

Да так!
Свалил удар. Разбилось сердце старое,
Когда с вином бочонок стали в щепы бить.
А сколько бедствий город испытал других!

(К богине Мира.)

Нет, никогда с тобой мы не расстанемся!

Гермес

Так что же! В жены Жатву ты возьми себе,
На хуторе живи с ней, чтоб росли у вас,
Цвели и зрели гроздья виноградные!

Тригей
(к Жатве)

Так подойди ж и дай поцеловать себя,
Красотка! Вредно, думаешь,
Гермес-дружок,
Поспать мне будет с Жатвой после долгих лет?

Гермес

Нет, коль запьешь настойкою полынною.[242]
Возьми с собой и Ярмарку. И отведи
Ее в Совет. Там место ей законное!

Тригей

Совет, блаженство ждет тебя с женой такой!
Какая будет выпивка трехдневная!
А угощенье: суп, кишки вареные!
Гермес дражайший, будь здоров!

Гермес

И ты прощай!
Дружок, будь весел и не забывай меня!

Тригей

Эй, жук! Сюда! Пора лететь домой, домой!

Гермес

Нигде жука не видно.

Тригей

А куда ушел?

Гермес

Впряженный в колесницу Зевса, молнии
Влачит.

Тригей

---

242 ***Нет, коль запьешь настойкою полынной.*** *— К полынной настойке в древности прибегали, когда объедались; смысл: союз с Жатвой сулит пресыщение.*

Бедняга! Чем же он прокормится?

Гермес

Сыт будет Ганимедовой амвросией.[243]

Тригей

А как мне вниз спуститься?

Гермес

Но робей! Вот здесь
Сойдешь, с самой богиней вместо.

Тригей
(к Жатве и Ярмарке)

Милые!
Сюда за мной скорей идите. Многие
Вас ждут, желанья сладостного полные.

Тригей вместе с Житной и Ярмаркой спускается вниз и покидает орхестру. Хор остается один.

ПАРАБАСА

Корифей

Так иди же с весельем на радость! А мы отдадим на хранение слугам
Нашу утварь, кирки и веревки. Народ непутевый толпится у сцены.
Здесь воришек не счесть. Так и шарят они, что стащить бы и чем поживиться.
В оба глаза добро караульте! А мы обратимся: к собравшимся с речью,
Скажем зрителям все, что пришло нам на ум, и пройдемся дорогами мыслей.
Надзирателям палками следует бить комедийных поэтов, что смеют,
Выходя, пред театром себя восхвалять в анапестах и хвастать бесстыдно.
Но когда справедливо, о Зевсова дочь, превосходного славить поэта,
Кто соперников всех в комедийной игре одолел, став любимцем народа,
То тогда наш учитель считает, что он и хвалы и награды достоин.

243 ***Сыт будет Ганимедовой амвросией.*** *— Ганимед — прекрасный юноша, похищенный Зевсом и назначенный его виночерпием.*

Из поэтов один он противников всех уничтожил, кропателей жалких,

Кто над рубищем грязным смеяться привык, кто со вшами отважно воюет,

И с разинутой пастью Гераклов прогнал, вечно жрущих и вечно голодных.

Он с бесчестием выкинул их, от беды он избавил: рабов горемычных,

Суетящихся, строящих плутни везде, а в конце избиваемых палкой,

Выходящих обычно из дома в слезах и затем только автору нужных,

Чтобы раб-сотоварищ их мог поддразнить, над побоями зло насмехаясь:

«Ах, бедняк, это кто ж изукрасил тебя? Или с тылу с великою ратью

На тебя навалилась трехвостка? Иль ты к лесорубам попал в переделку?»

Наш поэт устранил эту грубую брань, шутовство балаганное это,

И большое искусство он создал для нас и высокую башню построил

Из возвышенных мыслей, из лажных речей, из тончайших, но рыночных, шуток.

Не на мелкую сошку, ничтожных людей, ополчился поэт, но на женщин,

Но с Геракловым мужеством: в гневной душе он восстал на великих и сильных

Он прошел через страшный кожевенный смрад, через злости вонючей угрозу.

Да, без трепета с первых шагов поднялся он на чудище с пастью зубастой,

Чьи глаза, как у Кинны распутной, огнем, словно плошки, свирепо горели,

А вокруг головы его лижущих сто языкон, сто льстецов извивались.

Его голос ревет, как в горах водопад, громыхающий, гибель несущий,

Он вонюч, словно морж, он задаст, как верблюд, как немытая Ламия, грязен.

Я взглянул на него, не дрожа, не страшась, я вступил с ним в смертельную битву.

Ради вас, ради всех островов я в борьбу с ним вступил. И за это сегодня

Вы должны благодарностью мне заплатить и старинную дружбу припомнить.

Я и в прежние годы, в счастливые дни, никогда но палестрам не шлялся,

Соблазняя красивеньких мальчиков. Нет, я домой убежать торопился.

Огорчал вас немного, и много смешил, и всегда надлежащее делал.

Потому-то должны вы друзьями мне быть,
Старики, и мужчины, и мальчики все,
А вдвойне и особо плешивых прошу
Посодействовать мне и в победе помочь.
А когда победить мне удастся сейчас,
На пирах, на попойках кричать будут все:
«Дать плешивому это, плешивому то,
И сластей и орехов! Не жаль ничего
Для того, кто хоть лысиной равен ему,
Благороднейшему из поэтов!»

Ода

Первое полухорие

Муза, забудь про войну,
К дружку своему подойди,
Пропляши со мною!
Свадьбы бессмертных, героев пиры,
Игры блаженных прославь!
Это удел твой, Муза.
Если ж попросит тебя Каркин
С его сыновьями сплясать,
Не поддавайся, не верь,
Льстивой не слушай просьбы!
Все они — помни твердо — пигалицы, плясуны-головастики,
Карлики, козий помет, мастера на дурацкие штуки.
Сам их родитель признался, что вечером
Драму, рожденную в муках,
Утащила кошка.

Антода

Второе полухорие

Пышноволосых Харит
Заветную песнь заведет песенник искусный.
Пусть он споет нам весною, когда
Ласточка лепит гнездо
И Морсима не слышно.
Да и Меланфий тогда молчит.[244]
Как мерзок мне голос его!
В хоре трагическом шел
Он и почтенный братец,
Оба с Горгоньим зубом,
Лакомки, гарпии, жрущие камбалу,
Хахали гнусных старух, как козлы, оба брата вонючи.
В рожу густою им плюнь блевотиною,

---

244 ***Морсим, Меланфий*** *— плохие поэты-трагики, сыновья Филокла, племянника и неумелого подражателя Эсхила.*

Муза-богиня! Со мною
В пляс пустись веселый!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Тригей со своими спутницами спускается «на землю» и появляется у ворот своего дома.

Тригей
(зрителям)

Не шутка прямиком к богам направиться!
Признаться вам, колени ломит здорово!
Малюсенькими сверху вы казались мне.
С небес взглянуть — вы подленькими кажетесь,
Взглянуть с земли — вы подлецы изрядные.

Раб Тригея выбегает ему навстречу.
Раб

Мой господин вернулся?

Тригей

Говорят, что да.

Раб

А что с тобою было?

Тригей

Ноги долгий путь
Перестрадали.

Раб

Расскажи нам!

Тригей

Что сказать?

Раб

Истрепал ли ты, чтоб кто-нибудь другой, как ты,
По небесам шатался?

Тригей

Нет. Блуждали там:
Две-три души певцов дифирамбических.

Раб

А для чего?

Тригей

Запевки крали в воздухе
Весенне-вейно-мглисто-серебристые.

Раб

Скажи, а правду говорят, что на небе,
Когда умрем, становимся мы звездами?

Тригей

Не правда!

Раб

Кто же там звездою сделался?

Тригей

Хиосец Ион.[245] Воспевал и прежде он
«Звезду-денницу». Как скончался, на небе
Его прозвали нее «Звездою утренней».

Раб

А это что за звезды? Полосой огня
Они скользят по небу.

Тригей

Возвращаются
От богача-звезды с пирушки звездочки
С фонариками, и огонь в фонариках.

(Рабу, указывая на Жатву.)

Теперь вот эту проводи скорее в дом!
Ополосни лоханку, вскипяти воды
И постели для нас ты ложе брачное,
А выполнив приказ мой, возвратись сюда!
А я в Совет вот эту провожу сейчас.

(Показывает на Ярмарку.)
Раб

---

245 ***Хиосец Ион*** *— лирик и трагик, умер в 422 г. до н. э. Два фрагмента из стихов Иона Хиосского вольно переведены Пушкиным («Вино» и «Юноша! скромно пируй…»).*

Где ты достал девчонок?

Тригей

Где же? На небе.

Раб

Не дам я и полушки за богов теперь:
Они, как мы здесь, сводниками сделались.

Тригей

Да, кое-кто живет и в небе с этого. Пойдем теперь.

Раб

Скажи лишь, чем кормить ее
Мы будем?

Тригей

Да ничем. Не станет есть она
Ни толокна, ни хлеба. У богов вверху
Она лизать амвросию приучена.

Раб

Что ж, полизать найдется для нее и здесь.

Раб уводит Жатву в дом.

Строфа 3

Первое полухорие

Сомнения нет у нас.
Дела старика теперь
Идут превосходно.

Тригей

А скоро женихом меня увидите блестящим!

Первое полухорие

Завидуем мы, старик,
Ты юность вернул себе,
Ты лоснишься маслом!

Тригей

Еще бы! А когда к груди прижму красотку Жатву?

Корифей

Блаженней будешь ты тогда, чем плясуны Каркина!

Тригей

И по заслугам. Это я Жука-навозника взнуздал,
Спасенье эллинам принес,
Чтоб все могли по деревням,
Не зная страхов, по ночам
И спать и забавляться.

Раб
(возвращается)

Помыта спереди и сзади девочка.
Готов пирог. Коврижки подрумянены.
Все приготовлено. За женихом черед!

Тригей

Но Ярмарку должны мы отвести сперва
И передать Совету.

Раб

Это кто ж еще?
Та самая, с которой во Бравроне[246] мы
Гуляли, нагрузившись молодым вином?

Тригей

Та самая, добытая в трудах.

Раб

Ой-ой! Не зад у ней, а праздничное шествие!

Тригей
(зрителям)

Эй, кто здесь честный человек? Кому вручить
На сбереженье эту вот красавицу?

(Рабу, который возится около Ярмарки.)

А ты чего тут крутишься?

---

246 ***Браврон*** *— местность в Аттике, где находилось святилище Артемиды и где каждые четыре года устраивались гулянья.*

Раб

На Истме[247] я
Хочу занять палатку для приятеля.

Тригей
(зрителям)

Никто в опекуны не вызывается?

(К Ярмарке.)

Иди сюда! Народу передам тебя.

Раб

Кивнул ей кто-то.

Тригей

Кто же?

Раб

Арифрад кивнул. Он хочет получить ее.

Тригей

Подлец, да он
Ее обгложет, обсосет, как косточку.

(К Ярмарке.)

А ты сперва на землю одежонку скинь!
Совет, пританы! Перед вами Ярмарка!
Взгляните, что за сладость вам вручается:
Раздвинуть ножки стоит лишь немножечко,
Для жертв местечко сразу приоткроется.
А тут, глядите, кухня.

Раб

Хороша-то как!
Понятно, почему она закопчена.
Здесь до войны
Совет пыхтел над вертелом.

Тригей

И с Ярмаркою сможете вы завтра за нее

---

247 ***Истм*** *— Коринфский перешеек, место, где происходили так называемые Истмийские игры.*

Устроить состязанья превосходные.
На четвереньках, на коленках, бок о бок,
Стоймя стоять, бороться врукопашную
И, умастившись, как бойцы кулачные,
По-молодецки драться, жать, долбить, копать.
На третий день устроите ристания.
На ездока наскочит на лету ездок,
Повозка на повозку рухнет с грохотом,
Помчатся, задыхаясь, тяжело храпя,
И здесь и там возницы, ниц простертые,
Без сил, в бесчестье будут у меты лежать.
Эгей, пританы, получайте Ярмарку!
Гляди, как принял радостно пртан ее,
Что значит — не с пустою приходить рукой
К начальству! А не то проходишь без толку.

Антистрофа 3

Второе полухорие

Чудеснейший малый он!
Всем гражданам верный друг —
Тригей наш любимый!

Тригей

Меня оцените вполне, когда созреет жатва.

Второе полухорие

Сейчас уже ясно все, Спасителем: всех людей
Тебя мы считаем!

Тригей

Что скажешь, нового вина хмельной глоток отведав?

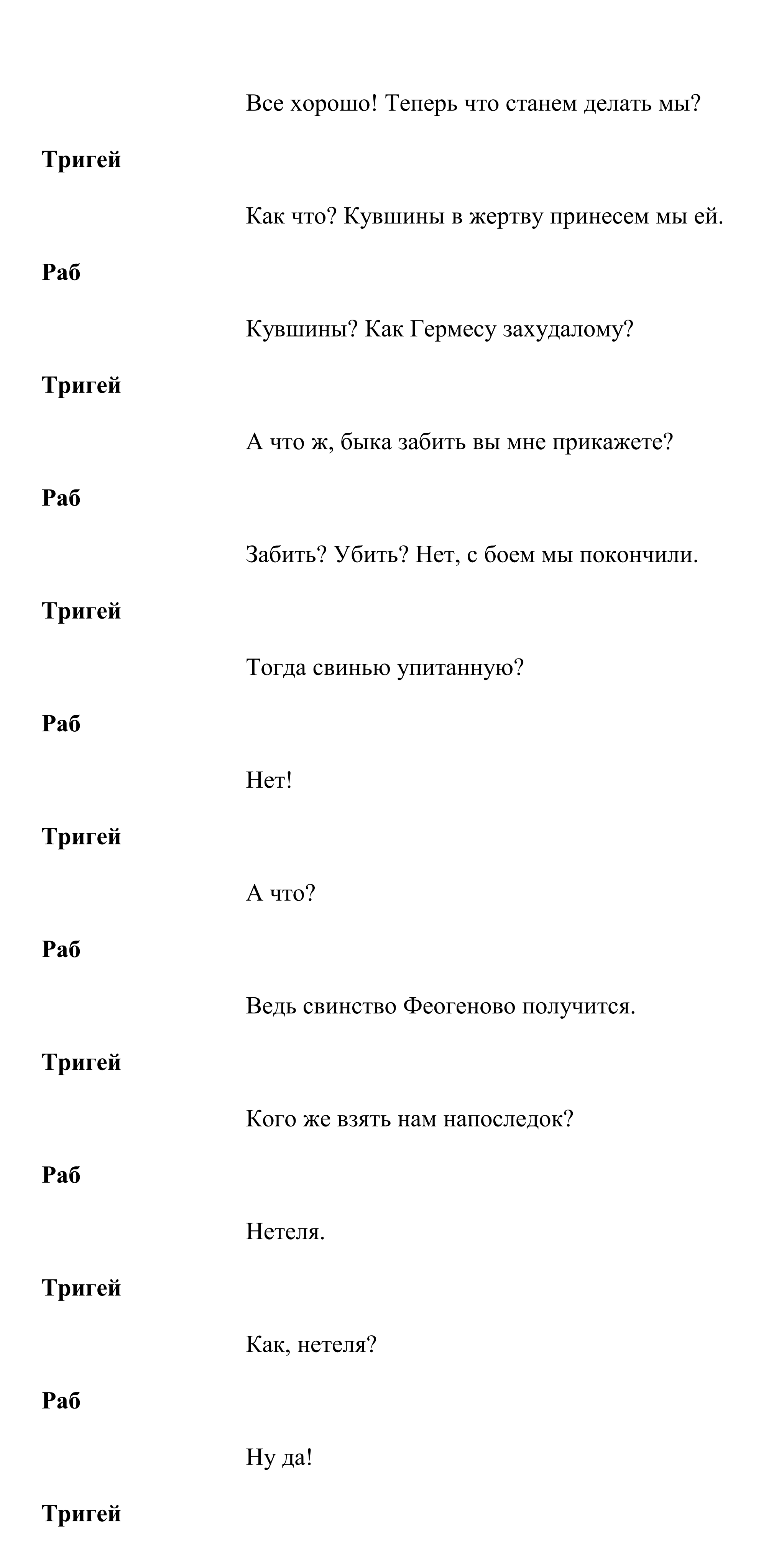
Корифей

Вслед за богами величать тебя мы будем, первым.

Тригей

Да, вашей стою похвалы
Я, из Афмонии Тригей.
Избавил я от горьких зол
Весь бедный люд
И деревенский весь народ,
Гипербола сразивши.

Раб

Все хорошо! Теперь что станем делать мы?

Тригей

Как что? Кувшины в жертву принесем мы ей.

Раб

Кувшины? Как Гермесу захудалому?

Тригей

А что ж, быка забить вы мне прикажете?

Раб

Забить? Убить? Нет, с боем мы покончили.

Тригей

Тогда свинью упитанную?

Раб

Нет!

Тригей

А что?

Раб

Ведь свинство Феогеново получится.

Тригей

Кого же взять нам напоследок?

Раб

Нетеля.

Тригей

Как, нетеля?

Раб

Ну да!

Тригей

Уж очень дикое
Словечко!

Раб

В самый раз. Когда в собрании
Начать войну предложат заседатели,
Тут все со страху замычат: нет, нет, нет, нет.

Тригей

Сказал ты дельно.

Раб

Станут все любезными
И кроткими друг с другом, словно телочки,
С союзниками сделаются ласковы.

Тригей

Так приходи сюда скорее с телочкой!

Тригей и раб спешат в дом.

Строфа 4

Первое полухорие

Как ладится счастливо все, лишь только бог захочет!
Как по маслу идет, все растет и растет
Наше дело. Какая удача!

Тригей
(возвращаясь)

И верно! Вот уже стоит алтарь перед дверями.

(Уходит в дом.)
Первое полухорие

Поспешите, пока он силен,
Этот ветер, грозящий войне,
Милосердный послал его бог!
Это ясно, на счастье теперь
Изменилась судьба и на радость.

Тригей
(возвращаясь)

Вот вам корзина с ячменем!

Вот вам топор и ленты!
Горит огонь, готово все.
Лишь телки не хватает.

Первое полухорие

Спешите, торопитесь, эй!
Не то увидит вас Хэрид,[248]
Незваным приплетется он.
В дуду дудеть, свистеть, потеть
Он станет, знаю хорошо,
Пока не поживится.

Тригей

Возьми корзину в руки и кропильницу,
По ходу солнца обойди скорей алтарь.

Раб

Готово! Обошел я. Дальше делать что?

Тригей

Дай факел, в воду окуну теперь его!

(Окропляет водой жертвенное животное.)

Стряхни скорей.

(Рабу.)

А ты теперь ячмень подай.
Сам руки окропи, и дай кропило мне,
И зрителей осыпь зерном.

(Осыпает животное горстью ячменя.)
Раб

Готово все!

Тригей

Осыпал всех?

Раб

Гермес свидетель, сделано!
В театре, сколько ни собралось зрителей,
Ни одного нет, кто б сидел без семени.

---

248 ***Хэрид*** *— фиванский музыкант, известный своей неумелой игрой.*

Тригей

И женщинам досталось?

Раб

Нынче вечером
Мужья им всыплют.

Тригей

Ну, тогда помолимся!
Кто здесь собрался?
Где благочестивый сонм?[249]

Раб

Уж я полью их, сей благочестивый сонм!

Тригей

Считаешь этих ты благочестивыми?

Раб

Да, сколько мы на них водицы вылили,
Стоят, как пни, ни с места не шелохнутся.

Тригей

Теперь скорей помолимся!

Раб

Помолимся!

Тригей

Пресвятая богиня, царица небес,
О Ирина могучая!
Хороводов владычица, свадеб глава,
Нашу мирную жертву с любовью прими!

Раб

Да, красавица наша, с любовью прими,
Зевс свидетель!
И брать не подумай пример
С похотливых, блудливых девчонок!
Они, створку чуть приоткрывши, за дверью стоят
И, головку просунув, глядят плутовски.

---

249 ***Где благочестивый сонм?*** *— Подлинная обрядовая формула.*

Только стоит им сердце отдать хоть на миг,
Убегают тотчас.
А пройдешь, снова выглянут, снова зовут.
С нами так никогда не играй, госпожа!

Тригей

Нет, во всем обаянье чудесной красы
Дай счастливым влюбленным глядеть на тебя!
Десять лет и три года в тоске и слезах
Мы взывали к тебе.
От усобиц избавь нас, от свары и драк,
«Прекращающей битвы» тебя назовем!
Подозрительность злую сними с наших душ,
Прекрати болтовню,
Под обличьем изящным грызущую нас.
Соком дружбы взаимной, прощеньем обид
Напои, как и встарь,
Нас, прекрасной Эллады счастливый народ,
В наше сердце веселую кротость пролей!
Рынок весь нам доверху добром завали!
Ранним яблоком, луком мегарским, ботвой,
Огурцами, гранатами, злым чесноком,
Рубашонками маленькими для рабов.
Беотийцев увидеть позволь нам опять
С куропатками, с кряквами, с гусем, с овцой,
Пусть в корзинках притащат кодайских угрей,
А кругом мы толпик-ся, кричим, гомоним,
Рвем из рук и торгуемся. Жмутся к лоткам
Знаменитые лакомки: Морих, Телей и Главкет.
Напоследок Меланфий придет:
Он на рынок приходит всех позже. Увы!
Все распродано. Стонет и плачет бедняк,
А потом из «Медеи» протяжно вопит:
«Все погибло, погибло! И я — сирота!
Сельдереевы дети, о, где вы, о, где?»
Люди добрые смотрят, смеются.
Так соверши по нашему молению,
Любимая!

(Рабу.)

Топор возьми! По-поварски
Зарежь тельца!

Раб

Никак нельзя.

Тригей

А почему?

Раб

Богиня Мира — враг; кровопролития.
Ее алтарь не терпит крови.

Тригей

В дом зайди,
Там заколи и вынеси нам окорок!
Телец хорегу целенький достанется.

Раб уходит в дом.

Антистрофа 4

Второе полухорие

Перед дверьми останься сам и выполни что надо.
И дрова наколи, чтоб костер развести,
Весь обряд соблюди, как пристало!

Тригей

Смотри-ка, прямо как жрецы, накладываю хворост!

Второе полухорие

Ну еще бы! На все ты мастак!
Ты во всем расторопен и мудр,
Нет труда не по силам тебе.
Ловок ты и хитер, а беду
Ты встречаешь с отважной душой.

Тригей

Прекрасно сложены дрова,
Стильбида[250] дым замучит.
Сейчас алтарь я принесу.
Без слуг мы обойдемся.
Второе полухорие
Ну кто же не воздаст хвалы
Ему? Он сил не пожалел,
Не пожалел своих трудов,
Чтоб город наш святой спасти!
Навеки будет он для всех
Завиднейшим примером!

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

---

250 ***Стильбид*** *— прорицатель, сопровождавший афинскую армию в походе на Сицилию.*

Тригей
(рабу, который возвращается с частью туши)

Все сделано! Клади на угли окорок,
А я за сердцем сбегаю и потрохом!

Раб

И сам схожу.

(Уходит в дом.)
Тригей

Чего же он копается?

Раб
(прибегает)

Да вот он я! Признайся, разве мешкаю?

Тригей

Теперь поджарим мясо. Погляди, идет
Какой-то щеголь, лаврами увенчанный.

Раб

Кто б это был?

Тригей

По виду он — бахвал и шут.

Раб

Пророк как будто?

Тригей

Нет же, просто Гиерокл,
Гадатель из Орея.

Раб

Самолично он. Послушаем, что скажет!

Тригей
Дело ясное:

Кричать он станет против перемирия.

Раб

Да нет, почуял, что запахло жареным.

Тригей

Прикинемся, что мы его не видим!

Раб

Да.

Гиерокл входит. Тригей и раб заняты жертвоприношением.
Гиерокл

Кто жертвы здесь приносит и каким богам?

Тригей
(рабу)

Молчи и жарь! И жиром сам не лакомись!

Гиерокл

Кому здесь жертва? Говорите!

Тригей

Хвост готов? Хрустит?

Раб

И как! Богиня Мира, милая!

Гиерокл

Тогда отрежь початок и отведать дай!

Тригей

Пускай еще пожарится!

Гиерокл

Сойдет и так! Готово!

Тригей

Нос не суй, куда не прошено!

(Рабу.)

Теперь разрежь!

Гиерокл

Где жертвенник?

Тригей

Неси вино!

Гиерокл

Язык отдельно режут.

Тригей

Знаем сами всё.

(Гиероклу.)

Сцена из комедии. Роспись кратера. IV век до н. э. Лондон. Британский музей

Ты вот что сделай!..

Гиерокл

Что же?

Тригей

Перестань болтать! Приносим жертву мы богине Мира здесь.

Гиерокл
(торжественно)

Смертные, вас охватило безумие.

Тригей

Сам ты помешан!

Гиерокл

Темен ваш разум, богов вы не чуете воли державной,
Мир заключаете с племенем дико глядящих мартышек.

Тригей

Ха-ха!

Гиерокл

Чего смеешься?

Тригей

Над мартышками.

Гиерокл

Вы, простодушные горлицы, верите хитрым лисицам.
Ложь у них в сердце и ложь у них в мыслях.

Тригей

Пускай прокоптится
В глотке твоей бестолковый язык, как вот это жаркое!

Гиерокл

Ежели не обманули Бакида[251] священные нимфы,
Или же смертных Бакид, иль опять-таки нимфы Бакида…

---

251 ***Бакид*** *— древнебеотийский прорицатель.*

Тригей

Жалкого смертью умри, перестань завывать о Бакиде.

Гиерокл

Боги еще не велят от неволи богиню избавить,
Прежде чем, раньше чем…

Тригей

Пресно! Прибавь еще чуточку соли!

Гиерокл
(продолжает вещать)

Нет, не угодно блаженным богам, чтобы миром и дружбой
Спор мы покончили прежде, чем волк обручится с овцою.

Тригей

Врун распроклятый! Да как это волк обручится с овцою?

Гиерокл

Знай, пока, бегством спасаясь, куница смердит тошнотворно
И непорожняя сука щенится слепыми щенками,
Вам до тех пор не дозволено мир заключить нерушимый.

Тригей

Что же нам делать? Друг с другом вести бесконечные войны?
Или уж бросить нам жребий, кто больше претерпит мучений?
А заключив договор, мы бы Грецией правили вместе.

Гиерокл

Нет же, ползти прямиком никогда не научишь ты рака!

Тригей

Нет, в Пританее[252] обедать тебе никогда не придется,
И не придется тебе сочинять предсказанья отныне.

Гиерокл

Помни, ежа никогда вам колючего мягким не сделать!

Тригей

---

252 ***Пританей*** *— общественное здание в греческих городах, считавшееся символическим центром государства. В Пританее поддерживался «вечный огонь», и там получали бесплатный обед члены коллегии пританов, а также заслуженные граждане и почетные иностранные гости.*

Иль никогда ты не кончишь афинян бахвальством дурачить?

Гиерокл

А по какому же слову богам вы приносите жертвы?

Тригей

Слово чудесное это старинный Гомер заповедал:
«Грозную тучу войны отогнали они и призвали
Снова Ирину к себе и с жертвами к ней обратились.
Тучные бедра сожгли они, сердца и легких вкусили
И возлияли вина. Был вожатым я в шествии славном!
Но прорицателю кубка никто не поднес золотого».

Гиерокл

С этим отнюдь не согласен. Не так возвещала Сивилла.[253]

Тригей

Правильно, Зевс мне свидетель, великий Гомер заповедал:
«Проклят, поруган и прогнан да будет навек окаянный,[254]
Кто возлюбил смертоносную междоусобную распрю».

Гиерокл

Бдителен будь, берегись, чтобы ястреб даров не похитил,
Ловко тебя обманув…

Тригей
(рабу)

Опасаться нам следует вора! Явно опасно телятине нашей пророчество это.
Чашу наполни вином, потроха передай мне и сердце!

Гиерокл

Ну, если так, самому управляться придется мне, видно!

Тригей

Вот — возлияние, вот — возлияние!

Гиерокл
(рабу)

Чашу наполни и мне и отведать позволь мне жаркого.

---

253 ***Сивилла*** *— так называли в древности женщин-прорицательниц.*
254 ***«Проклят, поруган, и прогнан…»*** *— цитата из «Илиады».*

Тригей

Нет, не угодно еще это сонму богов непорочных!
Будем сперва возлиять мы. А ты уходи поздорову!

(Торжественно.)

Мира богиня, владычица! С нами навеки останься.

Гиерокл

Живо язык мне подай!

Тригей

Со своим убирайся подальше!

Раб

Вот возлияю и я!

Тригей
(передавая рабу мясо)

Получай, да бери поскорее!

Гиерокл

Кто ж поднесет мне жаркого?

Тригей

Никак поднести невозможно!
Нет потрохов тебе, прежде чем волк обручится с овцою!

Гиерокл

Вот я коснулся колен твоих!

Тригей

Молишь напрасно, бедняга!
Знаешь, ежа никогда нам не сделать колючего мягким.

(Обращается к собравшемуся в театре народу.)

Эй, зрители, сюда! От блюд отведайте
От наших.

Гиерокл

Как же я?

Тригей

А ты — Сивиллу жуй!

Гиерокл
Клянусь Землею, вам не пировать одним!
И я урву жаркого! Дело общее!

(Пытается стащить кусок. Тригей бьет его.)
Тригей

Лупи Бакида!

Гиерокл
(зрителям)

Вас зову в свидетели!

Тригей

И я. Ты — вор, обжора и дрянной хвастун!

(Рабу.)

Лупи его! Дубась бахвала палкою!

Раб

Ты бей. А я его из шкуры вытащу,
В которую он под шумок закутался.

Тригей

Отдай, святоша, шкуру! Раздевайся, эй!
Слыхал, ворона мерзкая орейская![255]
Лети назад, в Элимний![256] Торопись! Эй-эй!

Тригей и раб бьют Гиерокла. Тот убегает. Они преследуют его и покидают орхестру.

МАЛАЯ ПАРАБАСА

Ода

Первое полухорие

Хорошо, хорошо!

---

255 ***Орей*** *— город на острове Эвбее.*
256 ***Элимний*** *— местность на острове Эвбее.*

Шлемов больше не видать!
Лука нет, и сыра нет!
Не любитель я войны.
Лучше вечер зимний
С тем, кто мил, с тем, кто друг и сосед,
Проводить у огня, наколов
Жарких и сухих дровец,
Что сушились лето все,
Греть у угольков орешки,
И поджаривать каштаны,
И служанку целовать,
Если дома нет жены.

Эпиррема

Предводитель первого полухория

Что милей всего на свете?
Дни, когда закончен сев.
Небо дождик посылает, и сосед нам говорит:
«Чем бы нам таким заняться, отвечай-ка, Комархид!»
«Выпить хочется мне, вот что!
С неба галет ненастье бог!
Эй, жена, бобов поджарь нам, да побольше, меры три!
И муки прибавь пшеничной и маслин не пожалей!
И Манета пусть покличет Сира с улицы домой;
Все равно ведь невозможно нынче лозы подрезать
И окапывать напрасно: землю дождичек смочил,
Пусть пошлют за перепелкой, двух тетерок принесут!
Молоко найдется в доме и от зайца три куска,
Если только прошлой ночью не стащила кошка их;
Что-то очень уж шумела и возилась там она.
Два куска неси нам, мальчик, третий дедушке оставь!
Мирта ветвь у Эсхинада попроси, да чтоб в цвету!
Заодно и Харинада по дороге пригласи!
С нами пусть он нынче выпьет!
Посылает бог удачу
Нашим нивам и садам».

Антода

Второе полухорие

В дни, когда луг звенит
Песней милою цикад,
Я разглядывать люблю,
Не созрели ли уже
Грозди лоз с Лемноса.
Прежде всех зреет плод этих лоз,
А потом горстку фиг с ветки рву,

Спелость пробую на вкус,
Фиги тают — так сочны!
«Оры милые», — пою я,
И настоечку хлебаю,
И за лето становлюсь
Жирен, гладок и лоснист.

Антэпиррема

Предводитель второго полухория

Много хуже таксиархом[257] любоваться, — чтоб он сдох! —
С гребнями тремя на шлеме, в алом пламенном плаще.
«Крашен плащ, — бахвал клянется, — в сардский пурпур, в чистый цвет».
Но когда придется драться в этой пурпурной красе,
Тут окрасится накидка в самый подлый рыжий цвет.
Первым франт несется с поля, словно рыжий конь-петух.
Я, как птицелов, глазею. А султан его дрожит.
Но зато уж, сидя дома, шутки дикие творят.
В список призывной внесут нас, после вычеркнут опять,
Впишут снова, дважды, трижды. Вдруг кричат: «В поход идем!»
А еды не закупили. Ведь не знали ни про что.
К Пандионовой[258] колонне подлетишь и, тут себя
В призывном увидев списке, с горькой злобою уйдешь.
Вот что терпим мы, крестьяне, терпим больше городских
От трусливых щитобросов — людям и богам врагов.
С ними, если Зевс позволит, расквитаемся за все!
Нам от них беда и слезы,
Львы они в кругу домашнем,
Хитролисы на войне!

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Тригей выходит из дверей дома, за ним — слуги.

Тригей

Ну-ну!
На свадьбу, на пирушку привалил народ.
Возьми султаны эти, обмети столы,
Ведь ни на что другое не годны они.
Перепелов неси сюда и рябчиков,
Зайчатины и хлеба дай пшеничного.

Собирается народ.
Входят кузнец и горшечник.

---

257 ***Таксиарх*** *— пехотный командир.*

258 ***Пандион*** *— покровитель одной из аттических фил (территориально-политических общин) — Пандиониды.*

Кузнец

Где, где Тригей?

Тригей

Да здесь я! Жарю рябчиков.

Кузнец

Тригей, дружок любезный! Сколько радости
Принес ты нам, вернувши снова мир! Никто
И за полушку кос не покупал у нас.
А нынче за пять драхм я продаю косу.
А тот три драхмы за кувшин с селян берет.
Прими ж в подарок лучшую косу, Тригей,
Кувшин возьми, бери и это! Даром все!
Мы нажились в торговле. И за то теперь
К тебе пришли на свадьбу с приношеньями.

Тригей

Спасибо! Всё сложите и идите в дом!

Кузнец и горшечник уходят. Входит торговец оружием, за ним копейщик, панцирщики другие поставщики военного снаряжения.

Спешите на пирушку! Поглядите-ка:
Подходит оружейник. Он ужасно зол.

Торговец оружием

Ай-ай, Тригей! Меня ты разорил дотла!

Тригей

Чего ты, горемыка? Шлемом рвет тебя?

Торговец оружием
(указывая на мастера, изготовляющего султаны)

И ремесла и хлеба ты лишил меня,
И вот его, и мастера-копейщика!

Тригей

За эти два султана сколько просишь ты?

Торговец оружием

А сколько дашь?

Тригей

Что дам? Мне, право, совестно,
Но чтоб над вязкой не трудиться веников,
Три мерки фиг за оба дам, и со стола
Теперь сметать я буду сор султанами.

Торговец оружием

Зайди во двор и фиг три мерки вынеси!
Ведь лучше что-нибудь, чем ничего, дружок!

Тригей
(рассматривая султаны)

Прочь убери, к воронам, этот подлый хлам!
Да из твоих султанов лезут волосы.
За эту дрянь и фиги я не дам тебе!

Торговец оружием

Куда ж девать мне панцирь замечательный?
С роскошною чеканкой, в десять мин ценой?

Тригей

На панцире убытка не потерпишь ты.
За ту же цену у тебя куплю его.
Отлично, как стульчак его использую.

Торговец оружием

Не издевайся, дерзкий, над моим добром!

Тригей

Сюда еще три камешка — и кончено!

Торговец оружием

Невежа! Как же подтираться думаешь?

Тригей

Вот так просуну руку через скважину,
А этак вот другую.

Торговец оружием

Через обе?

Тригей

Да! У кораблей не занимать же дырочек!

Торговец оружием

Уплатишь ты за нужник десять мин, чудак?

Тригей

Еще бы! Зевс свидетель! Что ж ты думаешь,
Дешевле тыщи драхм ценю я задницу?

Торговец оружием

Иди ж, и деньги принеси!

Тригей
(вскакивает)

Постой, дружок! Жмет в мягком месте.
Не куплю! Неси назад!

Торговец оружием

А с этой боевой трубой что делать мне?
Ведь за нее я отдал шесть десятков драхм.

Тригей

Сюда в воронку жидкого свинца нальем,
Прицепим сверху небольшую палочку,
И коттаб[259] превосходнейший получится.

Торговец оружием

Ты все смеешься?

Тригей

Вот тебе другой совет:
Налей свинца в воронку, как указано,
Привесь грузило к кончику, бечевкою
Перевяжи как следует, получится
Безмен, чтоб фиги домочадцам взвешивать.

Торговец оружием

Меня зарезал без ножа, чудовище!
Я заплатил когда-то мину целую

---

259 ***Коттаб*** *— распространенная в Афинах игра: остаток вина выплескивался из кубка в металлический сосуд, и при этом произносилось имя возлюбленной. Если вино целиком попадало в сосуд и производило чистый звук, влюбленный мог рассчитывать на ее благосклонность.*

За эти шлемы. А теперь кому продам?

Тригей

Ступай и шлемы предложи египтянам!
Слабительное будут в них размешивать.

Торговец оружием

Ох, горе, шлемщик, горе, ох, погибли мы!

Тригей

А с ним какая же беда?

Торговец оружием

Смешной вопрос! Кому же может пригодиться шлем теперь?

Тригей

Такие вот приделай рукоятки к ним,
Пойдет товар гораздо лучше, верь мне, друг!

Торговец оружием

Пойдем, копейный мастер!

Тригей

Погоди-ка ты! Хочу я эти копья у него купить.

Торговец оружием

А сколько дашь?

Тригей

Перепили их надвое. Возьму за драхму сотню штук для колышков.

Торговец оружием

Уйдем, мой друг, над нами издеваются!

Уходят.

ЭПИСОДИЙ ШЕСТОЙ

Из дома появляются два мальчика.

Тригей

Гостей моих сынишки, глянь, идут сюда,
Отлить хотят. Да заодно испробовать
Те песни, что решили на пирушке спеть.
Эй-эй! Мальчишка! Что пропеть ты думаешь?
Поди ко мне, давай-ка я прослушаю.

Сын Ламаха
(поет)

«Воинов вооруженных поем мы…»

Тригей
(прерывает его)

Постой, погоди ты!
«Воины вооруженные» где же?
О чем же поешь ты?
Ведь возвратилась к нам снова Ирина.
О глупый невежда!

Сын Ламаха
(продолжает)

«Только друг к другу они подошли, устремляясь на битву,
Тотчас же сшиблись щитами и медью доспехов звенящих».

Тригей

Что еще, «сшиблись щитами»? Чтоб мне о щитах и не слышать!

Сын Ламаха
(продолжает)

«Воинов вопли раздались, а там — ликования крики…»

Тригей

Что это? «Воинов вопли»? Клянусь Дионисом, завоешь,
Если о воплях ты будешь мне петь и о меди звенящей!

Сын Ламаха

Ну, так о чем же запеть? Подскажи мне, чего ты желаешь?

Тригей

Да хоть о том, как «быков закололи они», и так дальше,
Или о том, как «был подан им завтрак и сладкие блюда».

Сын Ламаха
(поет)

«После быков закололи они, распрягли утомленных
Коней, дымящихся потом. Насытившись тяжкой войною…»

Тригей

Славно! «Войною насытившись, приналегли на жаркое».
Это вот пой, как, насытившись, жрали и допьяна пили!

Сын Ламаха
(поет)

«Но, отдохнувши, взялись они снова…»

Тригей
За песни, наверно?
Сын Ламаха
(поет)

«Бросились бешено к башням с неистовым воинским криком»
…

Тригей

Чтоб ты пропал, мальчишка, вместе с битвами!
Одно и знаешь, петь войну! Ты кто и чей?

Сын Ламаха

Кто я?

Тригей

Да, ты, свидетель Зевс!

Сын Ламаха

Ламаха сын.

Тригей

Ага! Ага!
Не удивительно вовсе мне слышать, что ты — порожденье
Ахов-ламахов-бабахов, ломалыциков, головоломов.
Уйди! Твои для копьеносцев песенки.

Мальчик уходит.

А где еще тут чадо Клеонимово?

(К другому мальчику.)

Останься здесь и спой нам! Знаю, про войну
Не станешь петь, ты — сын отца разумного.

Сын Клеонима
(декламирует)

«Воин Салийский гордится щитом моим. Бросить пришлось мне,[260]
С поля бежав, под кустом свой знаменитый доспех».

Тригей

Эй, коротыш, отвечай, про отца ты поешь эту песню?

Сын Клеонима

«Но сохранил я дыханье…»

Тригей

Родителям на поношенье…
Войдем же в дом! Уверен я, мой миленький,
Что песенки о том, как нужно щит бросать,
Не позабудешь. На отца похож сынок.

Сын Клеонима уходит.

ЭКСОД

Тригей
(к хору)

А вы останьтесь на пиру, друзья, забота ваша —
Отважно взяться за еду! Набить потуже брюхо!
Вгрызайтесь с силой! Раз и два!
Пусть храбро челюсти жуют! Затем дарован людям
Зубов блестящих белых ряд, чтоб мы жевали ими.

Корифей

Спасибо за советы, друг!
Да тут совет не нужен.
Довольно голодали мы.
В зайчатину впивайтесь!
Случается не каждый день,
Чтоб без хозяев пироги по улицам гуляли.
Кусайте смело!
А не то раскаетесь, да поздно!

Тригей

---

260 ***«Воин Салийский гордится…»*** *— цитируется известное стихотворение Архилоха (VII в. до н. э.).*

Час настал благоречья! Настала пора проводить нам невесту из дома

И поднять огненосные факелы ввысь, всем народом плясать и смеяться.

И с киркой и с сохой возвратиться в поля, в виноградники, на огороды,

Поплясав хорошенько, натешившись всласть и Гипербола вытолкав в шею.

Пляшут.

А теперь обратимся с молитвой к богам:
Пусть Элладе обилье и милость пошлют,
Пусть богато ячмень уродится у нас
И хмельное вино, и плодятся в садах
Грозди сочные смокв.
Пусть рожают нам жены детей-крепышей,
Пусть сокровища все, что война отняла,
К нам вернутся сторицей! И пусть навсегда
Мы забудем о блеске железа!

Из дома выходит свадебное шествие во главе с нарядно одетой невестой Жатвой. Тригей идет ей навстречу.

Тригей

Эй, жена, идем в поля!
Красавица, сладко
Поспим мы с тобою!
Гимен-Гименей, о![261]

(обнимает Жатву)

Корифей

Счастливчик, по праву ты
Блаженства утех достиг!

Хор

Гимен-Гименей, о! Гимен-Гименей, о!

Тригей

Что делать нам с нею?

Хор

Что делать нам с нею?

Тригей

Сорвем ее спелый плод!

---

261 ***Гимен-Гименей, о!*** *— Обращение к богу брака Гименею было обычным припевом свадебных песен.*

Хор

Сорвем ее спелый плод!

Корифей

А мы жениха возьмем,
Соседи, и на плечи
Со славой подымем!

Хор

Гимен-Гименей, о! Гимен-Гименей, о!

Тригей

Живите сытехонько,
Уйдя от тревог войны,
И смоквы сбирайте!
Гимен-Гименей, о!
Гимен-Гименей, о!

Корифей

Сучок его прям и тверд,
Сладка ее смоква!

Тригей

Налегайте на еду!
Пусть вино течет рекой!
Гимен-Гименей, о!
Гимен-Гименей, о!

(Зрителям.)

Желаю вам счастья всем,
Ступайте за мною: ждут
Коврижки: и сласти!

В праздничном шествии актеры и хор покидают орхестру.

МЕНАНДР

Менандр (342–292 гг. до н. э.) родился в Афинах, в очень богатой семье. По античным свидетельствам, Менандр отказался переехать в Александрию, куда его приглашал царь Птоломей I Сотер, и прожил всю жизнь со своей верной подругой Гликорой в приморском пригороде Афин. Менандр погиб, утонув в Пирейской бухте во время купанья.

В 1905 г. в Египте при раскопках была найдена рукопись с большими фрагментами

четырех комедий Менандра («Герой», «Третейский суд», «Отрезанная коса» и «Самиянка»). В 1950 г. один швейцарский коллекционер купил на рынке в Александрии папирус с текстом комедии «Брюзга».

БРЮЗГА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пан, бог.
Хэрей, прихлебатель.
Сострат, влюбленный.
Пиррий, раб.
Кнемон, отец.
Девушка, дочь Кнемона.
Дав.
Горгий, пасынок Кнемона.
Сикон, повар.
Гета, раб.
Женщина, мать Сострата.
Симиха, старуха.
Каллипид, отец Сострата.

Сцена представляет собой сельскую местность в Аттике. Видны дома Кнемона и Горгия и вход в пещеру — святилище нимф.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Из святилища выходит Пан.

Пан

(к зрителям)

Условимся, что это Филы[262] в Аттике,
А та пещера, из которой вышел я,
Слывет великим храмом нимф у жителей
Скалистых этих мест, неплодородных Фил.
А справа там — усадьба, где хозяином
Кнемон, крутой старик, из бирюков бирюк,
На всех он зол и людям никогда не рад.
Да что там рад! Ведь он словечка доброго
За весь свой долгий век и то не вымолвил
И первым никогда не заводил речей
Ни с кем, ну, разве — как-никак соседи мы —
Со мною, с Паном. Да и в этом тотчас же
Раскаивался, знаю. И такой брюзга
Взял женщину, недавно овдовевшую,
Себе в супруги, хоть от брака первого
Сын у нее остался, — тот был мал тогда.
Прескверно жил Кнемон. С женой он ссорился
Добро бы только днем — так нет, ухватывал
Часок и ночью. А с рожденьем дочери
Совсем житья не стало. Горе горькое!

---

262 ***Филы*** *— название дома в Аттике, не путать с филой (территориально-политическая община). Дем — меньшая административно-территориальная община, чем фила.*

Беда такая, что и передать нельзя!
Пришлось жене в свой прежний возвратиться дом,
Где оставался сын ее: усадебку
Имел он по соседству, небольшой надел,
Которым, хоть и впроголодь, а кормятся
Теперь и сам, и мать, и дому преданный,
Еще отцовский раб. Сынок стал юношей
Большого, зрелого не по годам ума:
Ведь лучшая наука — опыт жизненный!
Ну, а старик — он с дочерью один теперь
Да со служанкой старой. Все в трудах, в трудах:
То по дрова, то в поле. Всех решительно —
Жену, соседей, вплоть до дальних, в Холарге,[263]
Он люто ненавидит. Что ж до девушки,
То ей такое воспитанье впрок пошло:
Греха не знает. И меня почтительным
Радением о близких мне и родственных
Богинях-нимфах побудила девушка
Ей тоже порадеть. И вот устроил я,
Чтоб юноша один, — он сын богатого
Землевладельца здешнего и городским
Блистает лоском, — на охоту идучи,
Сюда случайно завернул с товарищем
И, девушку увидев, потерял покой.
Вот существо событий. А подробности
Вольно самим увидеть. Соизвольте лишь!
Со стороны деревни на сцене появляются Сострат и Хэрей.
Да, кстати, легки на помине, вот они —
Влюбленный с приживалом-прихлебателем:
Как раз об этом деле разговор ведут.

(Уходит в святилище.)
Хэрей

Итак, Сострат, ты девушку свободную
Увидел здесь — венок она плела для нимф —
И сразу же влюбился?

Сострат

Сразу.

Хэрей

Быстро как! Видать, влюбиться ты решил заранее.

Сострат

Тебе смешно, Хэрей, а я в беду попал.

Хэрей

---

263 ***Холарг*** *— название аттического дема.*

Охотно верю.

Сострат

Потому и помощи
Твоей прошу: ты друг мне и собаку съел
В делах подобных.

Хэрей

Да, Сострат, в таких делах
Цены мне нет. Вот, скажем, друг мой влюбится
В гетеру. Что тут делать? Я краду ее,
Подпаиваю, распаляю, времени
Не трачу на расспросы: лишь бы был успех!
Любовь растет от ожиданья долгого
И быстро гаснет, быстро получив свое.
Иначе я веду себя, коль речь идет
О браке со свободной: тут уж выясню
Род, состоянье, нрав ее. Ведь как ни кинь.
А другу до скончанья дней запомнится
Мое решенье дела.

Сострат

Это верно все,
Да радости мне мало.

Хэрей

Вот и надо нам
Все разузнать сначала.

Сострат

Утром из дому
Я Пиррия-раба — мы с ним охотились —
Уже послал сюда.

Хэрей
К кому?
Сострат

К отцу ее,
Или, вернее, вообще к хозяину
Усадьбы этой, кто б он ни был.

Хэрей

О, Геракл! Вот это новость!

Сострат

Я сглупил. Не стоило
Рабу такое доверять.
Но трудно ведь,
Когда влюблен ты, действовать обдуманно.
Однако он замешкался. Давно уже
Пора ему вернуться: было велено,
Чтоб сразу шел домой, как разузнает все.

Со стороны усадьбы Кнемона на сцену вбегает Пиррий.

Пиррий

Прочь! Берегись! Беги скорей, покуда цел!
Как бешеный, он гонится!

Сострат

Да что с тобой?

Пиррий

Бегите!

Сострат

Что такое?

Пиррий

Закидал меня землей, камнями.
Горе мне!

Сострат

Постой!

Пиррий

Ужель
Отстал он, бешеный?

Сострат

Ну да.

Пиррий

Ах, так!

Сострат

О чем ты говоришь?

Пиррий

Молю тебя, бежим!

Сострат

Куда?

Пиррий

Куда угодно, только бы подалее
От этой двери. То ли черножелчием
Страдает он, несчастный, то ли бес какой
Попутал человека, в дом которого
Я, как назло, был послан. На ногах ссадил
Себе все пальцы, спотыкаясь.

Сострат
(Хэрею)

Видимо,
Набедокурил в доме он.

Хэрей

Сомненья нет. Отъявленный болван.

Сострат

Увы.

Пиррий

Погибнуть мне,
Сострат, на месте, если я хоть что-нибудь…
Ох, отдышаться дай сперва, чтоб связную
Речь повести… Так вот, я постучался в дверь,
Хозяина спросил. Карга какая-то
Выходит и отсюда, где сейчас стою,
Указывает вон на тот пригорочек.
Гляжу туда: согнувшись в три погибели,
Он груши собирает.

Хэрий

То-то злой такой!

Пиррий

И что же дальше, милый? Я во двор вхожу,

Иду к нему и этак скромно, вежливо,
Ну, как нельзя учтивей и приветливей,
Речь завожу издалека и говорю:
«Отец, по делу, что тебя касается,
К тебе пришел я». В крик он сразу: «Ах, злодей,
Да как же ты, такой-сякой, осмелился
Ступить на мой участок?» И без промаха
Комком земли в лицо мне изо всех-то сил!

Хэрей

Вот незадача!

Пиррий

Не успел я вымолвить:
«Чтоб Посейдон тебя», — он жердь предлинную
Схватил и ну лупить меня. «У нас с тобой
Какие могут быть дела? Забудь, кричит,
Ко мне дорогу!»

Хэрей

Видно, окончательно
Рехнулся земледелец.

Пиррий

Он бежал за мной
Ну добрых полтора десятка стадиев,
Сперва вокруг пригорка, после — рощею,
И если под рукой другого не было,
То землю, камни, груши мне вослед кидал.

Хэрей

Какая дикость! Он злодей поистине,
Старик твой.

Пиррий

Умоляю, уходите.

Сострат

Трус!

Пиррий

Нет, вы его не знаете. Он мокрое
От вас оставит место.

Хэрей

Очень может быть,
Что нынче он не в духе. А поэтому,
Пожалуй, встречу лучше отложить, Сострат,
Любое дело надо делать, выбравши
Срок подходящий.

Пиррий

Верно!

Хэрей

Доброты не жди
От земледельца бедного.
И наш старик —
Не исключенье.
Завтра я чуть свет к нему
Схожу один, поговорю, тем более
Что дом теперь я знаю. А пока ступай
Домой, Сострат, и жди. Все образуется.

Пиррий

Последуем совету!

Сострат
(в сторону)

Ишь как поводу
Он рад уйти. Ведь сразу было ясно: шел
Со мной он без охоты и намерений
Моих не одобрял.

(Пиррию.)

Ты негодяй, подлец,
И пусть пошлют тебе все боги правые
Собачью смерть.

Пиррий

Но в чем, Сострат, вина моя?

Сострат

Наверно, кто-то что-то со двора унес.

Пиррий

О чем ты? Я не крал.

Сострат

Избили, стало быть,
Тебя без основанья.

Пиррий

Без малейшего.

Со стороны усадьбы появляется Кнемон.

Да вот и он.

Хэрей

Уйди.

Сострат

Поговори с ним ты!

Хэрей

Нет, не смогу! И так-то в красноречии
Я не силен. А тут не нахожу и слов.

(Уходит.)
Пиррий прячется в стороне.
Сострат

Вид у него не очень-то приветливый,
Свидетель Зевс. И как спешит! Нет, лучше я
Посторонюсь от двери. Феб, он сам с собой
Вслух на ходу беседует. Мне кажется,
Он не в своем уме. Сказать по совести,
Я вне себя от страха. Что греха таить?

Кнемон
(не замечая Сострата)

Ну, разве не был счастлив, и вдвойне притом, Персей?
Во-первых, обладая крыльями,
Он ото всех, кто землю топчет, скрыться мог.
А во-вторых, любого, кто в докуку был,
Мог в камень обратить. Вот если б мне теперь
Такой же дар! Лишь каменные статуи
Кругом стояли молча бы, куда ни глянь.
А то и жить нельзя, клянусь Асклепием!
Ведь до того дошло, что с разговорами
Ко мне во двор суются. Я и так уже,
Спасаясь от прохожих надоедливых,

Свидетель Зевс, решил не обрабатывать
Часть поля, у дороги. Так они теперь —
Шасть на пригорок! Вот, уж право, спасу нет.

(Замечает Сострата.)

О, горе, снова кто-то у дверей моих
Стоит, я вижу.

Сострат
(в сторону)

Неужели бить начнет?

Кнемон

Хотя бы даже ты решил повеситься,
И то нигде безлюдных не отыщешь мест.

Сострат
(в сторону)

Зол на меня.

(Кнемону.)

Я жду, отец, приятеля:
Назначил встречу здесь.

Кнемон

Ну, вот, пожалуйста!
Что это, портик вам или торговый ряд?
Уж если вы свиданья назначаете
У дома моего, то поудобнее
Устраивайтесь: выстройте сидения,
А то и зал, пожалуй.

(Уходит в свой дом.)
Сострат

Дело скверное!
Старик — сама зловредность.
Горе, горе мне!

Из своего укрытия выходит Пиррий.
Пиррий

Да, это дельце не из легких, видимо,
Не из простых. Здесь, милый мой, потрудишься,
Да как еще.

Сострат

А если сразу сбегать мне
За Гетою, рабом отца? Вот это мысль!
За что он ни возьмется, у него в руках
Горит любое дело. Он живехонько
Дурную эту хмурь со старика стряхнет!
Да, медлить при подобных обстоятельствах
Никак нельзя. Ведь многое меняется
И в день один. О, боги, дверью хлопнули.

Из дома Кнемона выходит его дочь.
Дочь Кнемона

О, горе мое, горе! О, беда, беда!
Как быть теперь мне? Няня, воду черпая,
Ведро в колодец уронила.

Сострат
(в сторону)

Зевс-отец,
Феб-врачеватель,
Диоскуры милые,
Красавица какая!

Дочь Кнемона

Уходя, отец
Велел воды согреть мне.

Сострат
(в сторону)

Люди, как мне быть?

Дочь Кнемона

Узнает он о няниной оплошности —
Убьет старуху.

Сострат
(в сторону)

Мешкать, видит Зевс, нельзя.

Дочь Кнемона

У вас воды взяла бы, нимфы милые,
Да помешать стесняюсь тем, кто, может быть,
Приносит жертву там!

Сострат

Ты только дай кувшин —
Я мигом наберу тебе полнехонький.

Дочь Кнемона
(дает Сострату кувшин)

Спасибо.

Сострат

Благородство есть какое-то
В дикарке этой. Боги многочтимые,
Кто бы меня от мук избавил?

(Уходит в пещеру за водой.)
Дочь Кнемона

Горе мне,
Шаги я слышу.
Кажется, отец идет.
Тогда беда: увидит — вышла из дому,
И быть мне битой.

Из дома Горгия выходит раб Дав. Первые свои слова он произносит в дверях, обращаясь к матери Горгия, которая находится внутри дома.
Дав

Все на побегушках я
Здесь у тебя. А землю он один копай!
Пойти к нему я должен.
Бедность мерзкая,
Зачем ты нас терзаешь столько лет подряд?
Зачем к нам в дом явилась и непрошеной
В нем поселилась гостьей?

Из пещеры выходит Сострат.
Сострат
(Дочери Кнемона)

Вот кувшин с водой,
Возьми.

Дав выхватывает кувшин из рук Сострата.
Дав

Давай сюда!

(В сторону.)

Что нужно здесь ему?

(Дочери Кнемона.)

Держи, да знай получше за отцом ходи.

Дочь Кнемона уходит с кувшином в дом отца. Дав уходит в дом Горгия.
Сострат

Как не везет мне!

Пиррий

Нечего печалиться. Все обойдется.

Сострат

Обойдется?

Пиррий

Будь смелей,
Ступай скорей за Гетой, поподробнее
Все расскажи ему и с ним сюда — бегом.

Сострат и Пиррий уходят. Из дома Горгия выходит Дав.
Дав

Час от часу не легче! Дело скверное,
Добра не жди. Мальчишка увивается
Вокруг девчонки. Я молю богов, Кнемон,
Чтобы тебе нелегкую послали смерть!
Ты оставляешь в полном одиночестве,
В безлюдном месте, без присмотра должного
Невинное дитя! Вот и проведал он,
Наверное, об этом, да и случаем
Воспользоваться рад. Нет, надо сразу же
Все брату рассказать ее, чтоб девушку
Заботливой опекой уберечь от зла.
Ну, что же, побегу к нему, тем более
Что вон и богомольцы Пана чествовать
Идут сюда, подвыпив, и, по-моему,
Сейчас не время с ними в разговор вступать.

(Уходит.)
Хоровая сцена.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Горгий и Дав.
Горгий

Ты, значит, в этом деле показал себя

Лентяем равнодушным?

Дав

Почему?

Горгий

О, Зевс!
Ты должен был поговорить с молодчиком,
Кто б ни был он, тогда же и сказать ему,
Чтоб навсегда дорогу к
Дому девушки
Забыл. А ты — в сторонку, словно это все
Дела чужие. Нет, от святей родственных
Нельзя отречься, Дав, и я по-прежнему
Забочусь о сестре. Пускай отец ее
К нам — как к чужим, а мы его злонравия
Перенимать не станом. Если грех какой
С моей сестрой случится, на меня падет
Ее позор. Ведь глазу постороннему
Не видно, кто виновен, а видна ему
Сама вина лишь.

Дав

Милый, старика боюсь.
Поймает вдруг у двери — и прости-прощай:
Повесит.

Горгий

Да, вступать с ним в словопрения —
Напрасный труд,
Каким ни действуй способом,
Ни силу в ход пустив, ни уговорами —
Его упорства злого но сломить ничем.
Закон ему защита от насилия,
А от внушенья мирного — ужасный нрав.

(Хочет уйти в поле.)
Дав

Постой-ка, Горгий. Мы пришли не попусту:
Опять, как я и думал, он идет сюда.

Входит Сострат.
Горгий
(Даву)

Вот этот малый в тонком шерстяном плаще?

Дав

Он самый.

Горгий

Сразу видно по глазам — подлец.

Горгий и Дав отходят в сторону.

Сострат

Как назло, Гету дома не застал сейчас.
Мать жертву богу принести какому-то —
Но помню уж какому — собралась (она
Их каждый день приносит, все святилища
Подряд обходит в доме) и поэтому
Послала Гету повара нанять. А я
Сбежал от богомольцев и сюда пришел.
Довольно проволочек! Сам я вгаступлю
Ходатаем своим! Я постучу сейчас
В дверь к старику, чтоб больше не раздумывать.

Горгий
(подходя к Сострату)

Позволь, приятель, несколько серьезных слов
Сказать тебе.

Сострат

Пожалуйста, я слушаю.

Горгий

По-моему, у всех людей решительно,
И у счастливцев и у неудачников,
Какой-то свой рубеж есть, поворот судьбы,
И удаются все дела житейские
Счастливцу до тех пор, покуда может он
Своим прекрасным наслаждаться жребием,
Не совершая зла. А не удержится
От зла в хмелю успеха — и дела его
Пойдут иначе, примут оборот дурной.
Зато и те из бедняков, которые
Зла не творят и незавидный жребий свой
С достоинством несут, — они заслуженно
Дождутся лучшей доли — только срок им дай!
Так вот, и ты, коль ты богат, не очень-то
На это уповай и нас, хоть нищи мы,
Не презирай. Пусть видно будет всякому,
Что ты и впрямь достоин столь благой судьбы.

Сострат

По в чем сейчас я виноват, по-твоему?

Горгий

Мне кажется, ты что-то нехорошее
Задумал: то ли девушку свободную
Подбить на грех речами, то ли выждать миг
И преступленье совершить, достойное
Премногих казней.

Сострат

Аполлон!

Горгий

Негоже, друг,
Чтоб мы из-за твоей страдали праздности,
Мы люди занятие. Нетерпимей всех —
Запомни навсегда — бедняк обиженный.
Сперва он жалок, а потом становится
Обидчив и чуть что — уже вспылить готов.

Сострат

Дай бог тебе удачи, друг! Но выслушай
Теперь меня.

Дав
(Горгию)

Клянусь я счастьем собственным,
Ты молодец, хозяин!

Сострат
(Даву)

Помолчи, болтун.

(Горгию.)

Так вот, я здесь в одну влюбился девушку,
И если это преступленье — спору нет,
Преступник я. Однако я пришел сюда
Совсем не к ней. Мне повидать хотелось бы
Ее отца. Свободный от рождения
И не бедняк, я в жены без приданого
Ее согласен взять, чтобы всю жизнь в любви
Прожить с ней. Если же мои намеренья
Нечестны, если замысел таю лихой,

Тогда пускай и Пан и нимфы, юноша,
Меня параличом близ дома этого
На месте поразят. Поверь, мне совестно,
И очень, если подлецом кажусь тебе.

Горгий

А если я в запальчивости лишшего
Наговорил чего-то, не сердись, прости.
Ты убедил меня и мне понравился.
А я ей не чужой. Я этой девушке
Одноутробный брат, так и запомни, друг.

Сострат

Клянусь, ты будешь мне полезен в будущем.

Горгий

Полезен? Чем?

Сострат

Ты человек порядочный.

Горгий

Не для того, чтоб от тебя отделаться,
А чтоб ты правду знал, скажу: отец ее
Такой старик, что старика подобного
На свете нет и не было.

Сострат

Зол на весь мир?
Пожалуй, знаю.

Горгий

Это верх зловредности.
Здесь у него земли кусок, таланта и два
Ценою, где обычно в одиночество
Он трудится, и никаких помощников —
Будь то раба, соседа иль наемника
Из здешних — знать не хочет.
Неё как перст один.
Его бы воля — он людей, наверно бы, совеем не видел.
Часто, впрочем, с дочерью
Работает вдвоем. Он только с ней одной
И говорит, а с прочими — поди заставь!
Твердит, что, лишь когда ему приглянется
Нрав жениха, он выдаст замуж дочь.

Сострат

Скажи,
Что никогда.

Горгий

Напрасными заботами
Не мучь себя, приятель.
Предоставь уж нам,
Его родным, справляться со своей судьбой.

Сострат

О, боги, неужели не влюблялся ты:
Ни разу?

Горгий

Милый, мне нельзя.

Сострат

Но что, скажи,
Тебе мешает?

Горгий

Мысли непрестанные
О злополучье нашем, о житье плохом.

Сострат

Да, видно, ты в таких долах неопытен
И впрямь, коль отступиться мне советуешь:
То воля бога, не моя.

Горгий

Так, стало быть.
Ты попусту страдаешь и пред нами чист.

Сострат

Как мне на ней жениться?

Горгий

Вряд ли женишься.
Сам убедишься в этом, коль пойдешь со мной:
Он, кстати, здесь поблизости работает,

В овраге.

Сострат

Как начать?

Горгий

Я завести могу
Речь о замужестве сестры. По опыту
Известно мне, что будет. С удовольствием
Он сразу всех на свете поносить начнет
За образ жизни. Но уж зверя лютого
Разбудит в нем холеный твой и праздный вид.

Сострат
(указывая на дом Кнемона)

Он там сейчас?

Горгий

Да, но вот-вот отправится
В обычный путь.

Сострат

Ты говоришь, он девушку
С собой берет?

Горгий

Ну, это уж по-разному
Бывает.

Сострат

Я, куда ни повелишь, пойду,
Но помоги ты мне.

Горгий

Каким же образом?

Сострат

Любым. Пошли!

Горгий

Ты будешь с нами рядышком
Вот так, в плаще, покуда мы работаем,

Стоять?

Сострат

А почему бы нет?

Горгий

Да он тебя
Землею закидает, скажет: «Лодырь ты
Несчастный». Нет, копай уж с нами. Может быть,
Тогда тебя хоть пожелает выслушать,
Решив, что ты бедняк, живущий собственным
Трудом.

Сострат

На все согласен я. Пойдем скорей!

Горгий

Зачем себя ты мучаешь?

Дав
(в сторону)

Не худо бы
Сегодня поработать нам поболее,
Чтоб грыжу нажил он и после этого
Оставил нас в покое, не ходил сюда.

Сострат

Мотыку принеси мне!

Горгий

Ты с моей ступай.
А я, коль так, примусь ограду складывать,
Ведь это тоже нужно.

Сострат

Вот спасибо-то! Давай.

Дав

Пойду, кормилец, ну, а вы — за мной!

(Уходит.)
Сострат

Одно из двух дано мне: или смерть принять,
Иль жить с любимой.

Горгий

Ну так, если искренни
Слова твои, будь счастлив.

Сострат

Видят боги все;
Когда ты отступиться мне советуешь,
Во мне с двойною силой закипает страсть.
Ведь если эта девушка воспитана
Не в женском окруженье и поэтому
От мамок и от теток всяким мерзостям
Не научилась, а, храня порядочность,
Со строгим и взыскательным отцом жила,
То встретиться с такою — счастье сущее!

Горгий уходит. Сострат борет мотыку.
А мотыка-то, однако, тяжелехонька.

Надсадиться! А впрочем — поднатужимся:
Уж раз взялся за дело, до конца держись!

(Уходит.)
Входит повар Сикон. Он тащит барашка.
Сикон

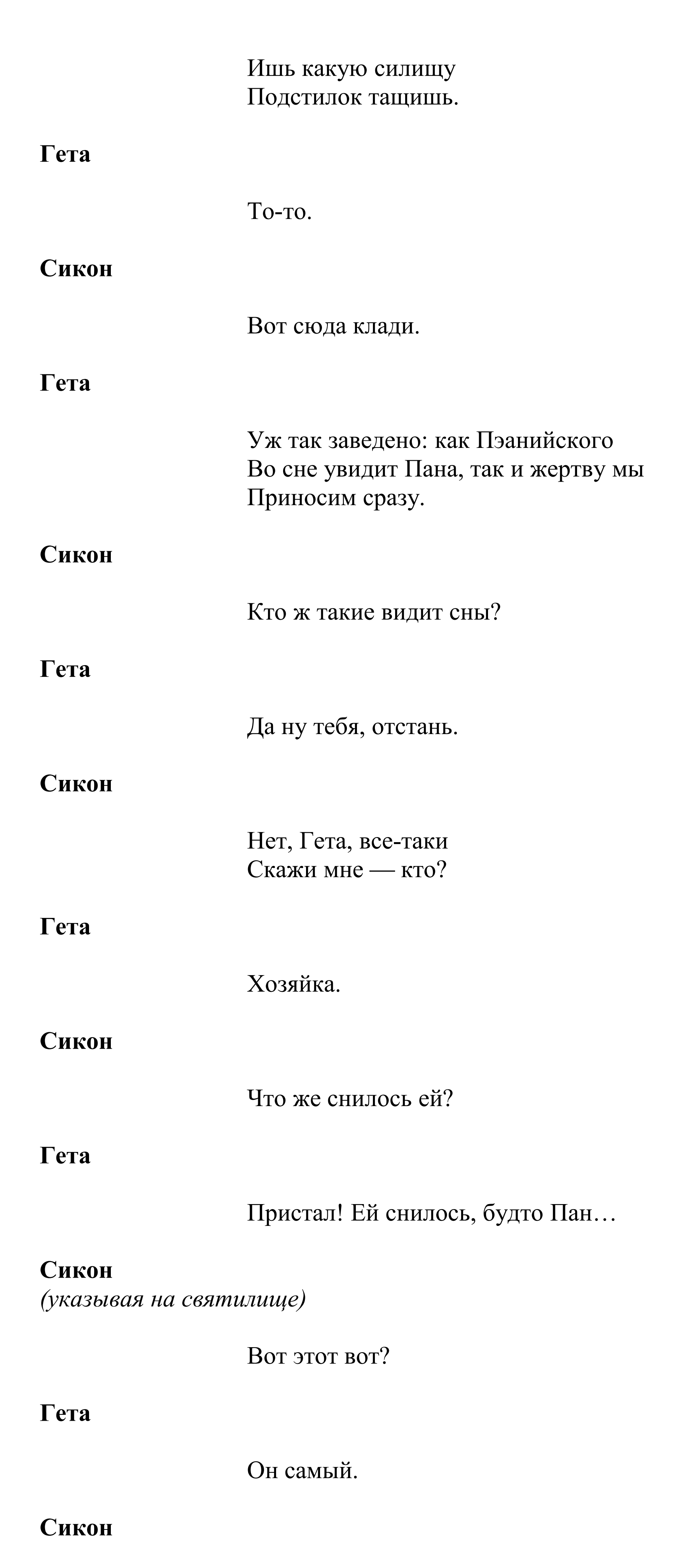
Ну и баран! Такого поищи поди,
Будь он неладен. Если на руках несешь —
Зубами за смоковницы цепляется,
Обгладывает ветки, так и рвется вниз.
А если наземь спустить — не идет вперед,
Назад несется. Из меня, из повара,
Он отбивную сделал. Все силком тащу.
Но вот уж наконец-то и святилище,
Где жертву принесем. Привет мой Пану. Эй,
Никак, совсем отстал ты, Гета?

Входит Гета.
Гета

Шутка ли,
Как добрых четырех ослов, навьючило
Проклятое бабье меня.

Сикон

Народу тьма,
Видать, здесь будет.

Ишь какую силищу
Подстилок тащишь.

Гета

То-то.

Сикон

Вот сюда клади.

Гета

Уж так заведено: как Пэанийского
Во сне увидит Пана, так и жертву мы
Приносим сразу.

Сикон

Кто ж такие видит сны?

Гета

Да ну тебя, отстань.

Сикон

Нет, Гета, все-таки
Скажи мне — кто?

Гета

Хозяйка.

Сикон

Что же снилось ей?

Гета

Пристал! Ей снилось, будто Пан…

Сикон
(указывая на святилище)

Вот этот вот?

Гета

Он самый.

Сикон

Что же?

Гета

На Сострата будто бы…

Сикон

На этого красавца!

Гета

Кандалы надел.

Сикон

О, Аполлон!

Гета

Затем ему овчину дал,
Вручил мотыку и тот здесь, поблизости,
Велел вскопать участок.

Сикон

Бредни!

Гета

Жертву мы
Приносим, не хотим, чтоб страшный сон сбылся.

Сикон

Понятно. Так возьми же снова на плечи
Свой груз и в храм снеси. Циновки загодя
Расстелим, приготовим все, чтоб не было
Потом помех, на славу чтоб прошел обряд.
Напрасно ты состроил рожу кислую,
Мое попомни слово: нынче будешь сыт.

Гета

Что повар ты умелый, против этого
Не возражаю. Только веры нет тебе.

Сикон и Гета уходят в святилище. Хоровая сцена.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кнемон выходит из своего дома. К святилищу приближается толпа богомольцев.
Кнемон
(Симихе, находящейся внутри дома)

Запри, старуха, дверь, да никому, гляди,
Не отворяй, покуда не приду домой.
А я до ночи не вернусь, наверное.

Мать Сострата

Поторопись, Плангона.
Совершить обряд
Пора бы нам давно.

Кнемон
(в сторону)

Что за напасть еще? Идут оравой.

Мать Сострата

Ты, Парфений, Пану песнь
Сыграй на дудке. Молча к богу этому,
Слыхала я, не ходят.

Из святилища выходит Гета.
Гета

Вот и прибыли.
А мы уж истомились. Столько времени
Сидим и ждем!

Мать Сострата

А все ли приготовлено
Для нас, как надо?

Гета

Ну, еще бы! Видит Зевс,
Барашек еле жив остался.

Мать Сострата

Бедненький!

Гета

Ждет не дождется вас. Ну, что ж, в святилище
Ступайте, приготовьте приношения,
Корзины, воду.

(Одному из рабов.)

Что разинул рот, болван?

Участники обряда уходят в святилище.

Кнемон

Будь вы неладны. Из-за вас баклуши бей,
Сиди без дела. Ведь нельзя же бросить дом
На произвол судьбы. Соседство с нимфами —
Беда такая, что придется, видимо,
Дом разобрать и где-нибудь в других местах
Построить снова. Как они, разбойники,
Приносят жертву! Кружки и ларцы у них
Не для богов, а для себя. Лепешку бы
Да ладану принесть — и жертву полностью
Бог примет из огня. Так нет, богам суют,
Что несъедобно, — желчь, от кострeца кусок,
А остальное сами жрут. Эй, старая,
Дверь откорм скорей! Видать, придется мне
С тобою домовничать, чтоб свой скарб сберечь.

(Уходит в дом.)
Из святилища выходит Гета.

Гета

Забыли, говоришь ты, котелок? Совсем
Вы протрезвились. Как же нам теперь-то быть?
Побеспокоить мне придется, видимо,
Соседей бога.

(Стучит в дверь Кнемона.)

Эй, девчонка!

Пауза.

Нет, клянусь,
Прислуги хуже этой не найти нигде
На белом свете… Эй, рабыни! Все бы им
Лишь глазки строить… Эй, девчонки, слышите?..
Да на мужчин клепать потом… Девчонка, эй!

Пауза.

Что за несчастье! Эй, рабы! Ужели, там
Нет ни души? Вот кто-то наконец идет.

Выходит Кнемон.

Кнемон

Зачем, паскуда, к двери подошел, ответь!

Гета

Не укуси смотри.

Кнемон

Да я живьем тебя
Съем, видит Зевс.

Гета

Богов побойся, смилуйся.

Кнемон

Скажи мне, прощелыга, есть ли общие
У нас дела?

Гета

Дел никаких. Ведь я пришел
Не долг с тебя взыскать иль вызвать в суд тебя,
Нет, просто попросить я котелок хочу!

Кнемон

Что? Котелок?

Гета

Да, котелок!

Кнемон

Мерзавец ты!
Ты думаешь, я, как и вы, на жертвенник
Быков кладу?

Гета

Да ты улитки, думаю,
И той-то не положишь.
Ну, прощай. К тебе
Мне приказали постучаться женщины.
Я так и сделал. Нет так нет. Пойду скажу,
Что котелка, мол, нет. О боги правые,
Гадюка здесь живет, а не старик седой.

(Уходит в святилище.)
Кнемон

Вот звери-душегубы! Словно в отчий дом.
Ко мне стучатся. Если я кого-нибудь
Поймаю здесь у двери и другим в пример
Не проучу, меня считать вы можете
Таким же, как и все. Вот только этому,
Не знаю почему, но повезло сейчас.

(Уходит в дом.)
Из святилища выходит Сикон и Гета.
Сикон

Будь ты неладен. Если он прогнал тебя,
То, видно, плохо ты просил. Не каждому
Дано уменье это. Но уж я ловкач!
Ведь скольких я обслуживаю в городе,
А всё соседей их тревожу, всякую
Беру у них посуду. Просишь что-нибудь —
Заискивать умей. Старик мне дверь открыл —
«Отцом» или «папашей» старика зову.
Старухе — «мать» скажу, а выйдет женщина
Немолодая — «жрицей» величаю. Раб
Всегда «голубчик». Ну, а вас, невеж таких,
Повесить мало. Можно ли «рабы» кричать?
Нет, вот как нужно:

(кричит)

Выйди, выйди, батюшка!

Выходит Кнемон.
Кнемон
(не глядя на Сикона)

Опять пришел?

Сикон

За тем же.

Кнемон

Ты повадился
Дразнить меня?
Тебе же было сказано:
Не суйся на порог.
Старуха, кнут!

Сикон

О нет,
Не надо, милый, именем богов молю.

Кнемон

Опять пришел!

Сикон

Чтоб Посейдон…

Кнемон

Помалкивай!

Сикон

Горшок я попросить пришел.

Кнемон

Напрасный труд!
Нет ни горшка, ни топора, ни уксуса,
Ни соли у меня. И здешних жителей
Прошу я вообще не подходить ко мне.

Сикон

Меня ты не просил.

Кнемон

Так вот теперь прошу.

Сикон

Не очень-то любезно. А не скажешь ли,
Где бы его достать мне?

Кнемон

Повторяю: нет! Заткнешься ли?

Сикон

Ну, будь здоров.

Кнемон

Плевать хотел
На ваши пожеланья.

Сикон

Так не будь здоров.

Кнемон

О, горе мое, горе!

(Уходит в дом.)

Сикон

Он недурненько
Разделался со мною.

Гета

Вот что значит, друг,
Умело попросить.

Сикон

Да, толк один. Пойти
К другим дверям? Но если люди здешние
Такие драчуны — беда. Не проще ли
Зажарить мне все мясо? Неплохая мысль!
Есть миска, на худой конец. Чем кланяться
Филийцам, лучше миской обойтись одной.

Сикон и Гета уходят в святилище. Со стороны поля входит Сострат.

Сострат

Тот, кто до бед охотник, поохотиться
Пускай приходит в Филы. Я в тройной беде:
Бока, спина и шея — словом, тело все —
Моя беда. Я с превеликим рвением
Взялся за дело. Новичок неопытный,
Я принялся орудовать мотыкою,
Как землекоп заправский. Но надолго мне
Запала не хватило. Озираться стал,
Оглядываться — не идет ли с дочерью
Старик. Сперва я за бока украдкою
Хватался, но затем, поскольку времени
Прошло немало, совершенно скрючился
И одеревенел. А их все нет и нет.
А солнце припекает. На меня взглянув,
Увидел Горгий: как журавль колодезный,
С трудом я выпрямляюсь, а потом опять
Клонюсь к земле. И говорит: «Наверное,
Сегодня не придет он». — «Что же делать нам?» —
Я говорю. А он: «Подстережем давай
Его мы завтра. А сейчас, оставь!» И Дав
Сменил меня в работе. Вот как кончился
Наш первый приступ. Почему я снова здесь —
Того не знаю, боги мне свидетели.
Моя любовь сама меня влечет сюда.

Из святилища выходит Гета.
Гета
(Сикону, который остался внутри)

Вот наказанье! У меня, ты думаешь,
Сто рук, Сикон? То угли раздувай тебе,
То мясо принимай, да обмывай, да режь,
То хлеб меси, то разноси. О, Пан святой,
Дым: все глаза мне выел! Вот так праздничек
Сегодня у меня!

Сострат

Эй, Гета, ты ли здесь?

Гета
(оглядываясь)

Кто кличет?

Сострат

Я.

Гета не узнает скрючившегося, одетого в овчину Сострата.
Гета

А кто ты?

Сострат

Иль не видишь?

Гета

Ба! Хозяин!

Сострат

Вы зачем здесь?

Гета

То есть как зачем?
Сейчас мы жертву принесли и вам теперь
Обед готовим.

Сострат

Здесь ли мать?

Гета

Давно уж здесь.

Сострат

А где отец?

Гета

Мы ждем его. Ты в храм входи.

Сострат

Сначала отлучусь.

(Размышляя вслух.)

Обряд сегодняшний,
Пожалуй, кстати.
Поскорее сбегаю
За этим малым, приведу сюда его,
Да и раба с ним вместе.
Угостятся пусть
На жертвенном пиру, чтоб впредь ретивее
Мне помогали оба в сватовстве моем.

Гета

Что? Ты позвать кого-то собираешься
К нам на обед? По мне, хоть бы три тысячи
Гостей пришло. Ведь мне, я знал заранее,
Ни крошки не достанется. Откуда ждать?
Зовите всех: такая жертва славная,
Что просто загляденье. Но бабьё, бабьё —
На вид-то хороши, а горсти соли ведь
От них, клянусь Деметрой, не дождешься.

Сострат

День
Удачным будет, Гета. Я решительно
Пророком становлюсь, хотя почтительно
Тебе, о Пан, молюсь неукоснительно.

(Уходит в поле.)
Из дома Кнемона выбегает старуха Симиха.
Симиха

О, горе мне, о, горе мне, о, горе мне!

Гета

Вот снова бабу принесла нелегкая
Из дома старика.

Симиха

Что будет? Вытащить
Хотела потихоньку от хозяина
Ведро я из колодца и, веревку взяв
Некрепкую, гнилую, привязала к ней
мотыку, дура, — ну, веревка сразу же
И порвалась.

Гета

Еще бы!

Симиха

Утопила я
Вдобавок и мотыку…
Ох, беда, беда!

Гета

Самой теперь туда осталось броситься.

Симиха

А он как раз навоз надумал выгрести
Сегодня со двора и перерыл весь дом,
Искал мотыку.

(Прислушивается.)

Дверью хлопнул, кажется.

Гета

Беги, карга, гляди, еще убьет тебя.
А то так сдачи дай.

Выходит Кнемон.
Кнемон

Где эта гадина?

Симиха

Нечаянно, хозяин, утопила.

Кнемон

В дом
Ступай скорей!

Симиха

Что сделаешь?

Кнемон

Что сделаю?
Спущу тебя в колодец.

Симиха

Пощади, молю!

Кнемон

На этой же веревке.
Даже радуюсь,
Клянусь богами, что она сгнила совсем.

Симиха

На помощь Дава позову соседского.

Кнемон

Ах, Дава позовешь сюда, негодница?
А я кому сказал: домой?

Симиха уходит.

О, горе мне!
Я, как никто на свете, одиночество
Люблю и сам спущусь в колодец. Что еще
Мне остается?

Гета

А канат и прочее
Возьми у нас.

Кнемон

Пусть боги смертью страшною
Тебя накажут, если ты хоть раз еще
Со мной заговоришь!

(Уходит в дом.)

Гета

И поделом! Опять
Ушел, несчастный.
Нечего сказать, житье!
Вот настоящий землероб аттический:
С камнями, что шалфей лишь да чабрец родят,
Воюет, с горем дружит, а с удачей — нет!
Но вот идет, однако, и хозяин мой
Со зваными гостями.
Это, кажется.
Какие-то крестьяне.
Что за новости!
Зачем он их ведет сюда и где, чудак,
Знакомство с ними свел?

Со стороны поля входят Сострат, Горгий и Дав.
Сострат
(Горгию)

Нет, не отвертишься.
Всего у нас, поверь мне, вдоволь. Кто ж ото,
Клянусь Гераклом, к доброму знакомому
Откажется на жертвенный обед прийти?
А я твой давний друг. Я стал: им, в сущности,
До нашего знакомства.

(Указывая на овчину и мотыку.)

Дав, как в дом снесешь
Вот это, приходи.

Горгий

Нет, мать, смотри, одну
Не оставляй ты дома. Поухаживай
За ней немного. Скоро я и сам приду.

Сострат и Горгий уходят в святилище, Дав — в дом Горгия. Хоровая сцена.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Из дома Кнемона выбегает Симиха.
Симиха

Спасите, помогите! Ах, беда, беда! Спасите! Помогите!

Из святилища выбегает Сикон.
Сикон

О, Геракл святой!
Ради богов и духов, сжальтесь, дайте нам
Закончить возлиянье! Все вы ссоритесь,

Деретесь и кричите. Что за странный дом!

Симиха

Хозяин наш в колодце!

Сикон

А зачем?

Симиха

Зачем?
Полез, чтобы ведро с мотыкой вытащить,
Да поскользнулся наверху и сразу же
Свалился.

Сикон

Это вздорный старикашка-то?
Отлично сделал, небом пресвятым клянусь,
Теперь, бабуся, дело за тобой.

Симиха

За мной?

Сикон

Возьми булыжник иль другой увесистый
Предмет любой и брось туда.

Симиха

Спустился бы
Ты, милый, право.

Сикон

Чтоб, как в басне, в бой вступить[264]
С собакою в колодце? Нет, уволь, уволь.

Симиха

О Горгий, где ты?

Из святилища выходит Горгий.
Горгий

Вот он я. Но что, скажи,

---

264 ***Чтоб, как в басне, в бой вступить с собакою…*** *— намек на басню легендарного баснописца Эсопа, включенного в IV в. до н. э. в число семи мудрецов.*

Стряслось, Симиха?

Симиха

Что стряслось? Скажу тебе:
Хозяин наш в колодце.

Горгий

Эй, Сострат, сюда! Поторопись!

Из святилища выходит Сострат.
Сострат

Веди меня скорее в дом!

Сострат, Горгий и Симиха уходят в дом Кнемона.
Сикон

Клянусь я Дионисом, в мире боги есть!
Ты отказался, святотатец скаредный,
Дать богомольцам котелок. Так выпей же
Всю воду из колодца, не делясь ни с кем!
Вот нимфы наконец по справедливости
Ему воздали. Кто обидел повара,
Уйти от наказанья не надейся, нет.
Священно наше ремесло. Не страшно лишь
Рабами помыкать, что блюда подают.

Из дома доносится голос дочери Кнемона.
Дочь Кнемона

Ах, жив ли он? Ужель отца любимого
Я потеряла?

Сикон

Кто-то плачет. Вряд ли плач
………………………………………………
………………………………………………
………………………………………………
………………………………………………
Конечно, ……………………………………
Так вытащи …………………………………
Ну, и хорош, клянусь богами ………………
Сейчас он будет: мокрый, изувеченный,
Дрожащий. Я б с великим удовольствием,
Клянусь вам Аполлоном, на него взглянул.
Так совершите возлиянье, женщины,
И помолитесь, чтоб старик был вытащен
Хромым, увечным: только так и станет он
Соседом безобидным богу этому

И богомольцам здешним.

(В сторону.)

Я пекусь о том
На случай, если снова здесь наймут меня.

(Уходит в святилище.)
Из дома Кнемона выходит Сострат.
Сострат

Друзья, клянусь Деметрой, и Асклепием,
И прочими богами, никогда еще
Не видел я, чтоб кстати так и вовремя
Стал человек тонуть. Какой счастливый миг!
Как только в дом вошли мы, Горгий сразу же
Полез в колодец. Ну, а я и девушка
Остались наверху без дела. Правда ведь,
Чем мы могли помочь? Она лишь волосы,
Рыдая, на себе рвала и в грудь себя
Нещадно била. Я же — я поблизости,
Счастливый, этаким ее защитником
Стоял, моля красавицу утешиться,
И любовался ею. На тонувшего
Плевать мне было, хоть его вытаскивать,
Как ни противно, все-таки и мне пришлось.
Свидетель Зевс, я чуть не погубил его:
Веревку, заглядевшись на красавицу,
Я раза три, наверно, выпускал из рук.
Но Горгий как Атлант: он поднатужился
И старика извлек. Тогда, не мешкая,
Оттуда убежал я: ведь владеть собой
Не мог я больше и вот-вот бы девушку
Расцеловал. Так страстно я люблю и в брак
Хочу вступить с любимой.

(Прислушивается.)

Дверь, однако же,
Там скрипнула.

Из дома выходят Кнемон, Горгий и дочь Кнемона.

Что вижу я, о Зевс-отец!

Горгий

Чего, Кнемон, ты хочешь?

Кнемон

Что сказать тебе?

Мне худо.

Горгий

Не сдавайся.

Кнемон

Вот умрет Кнемон
И от докуки вас на веки вечные
Избавит.

Горгий

Вот что значит одиночество!
Ты видишь, ты на волосок от смерти был.
В такие годы надо под опекою
Дни коротать.

Кнемон

Я знаю, что дела мои
Нехороши. Ты, Горгий, мать зови сюда.
Уж так ведется, видно, — только горести
Воспитывают нас. Тебя же, доченька,
Я попрошу дать руку мне.

Сострат

Счастливейший
Ты человек!

Кнемон
(заметив Сострата)

А ты-то здесь зачем стоишь?
…………………………………………………………
…………………………………………………………
…………………………………………………………
…………………………………………………………
…………………………………………………………я хотел
………………………………………………пусть Миррина,
Горгий пусть
………………………………………………………………………
предпочел.
……………………………………в этом никому из вас меня
Разуверить не удастся. В этом я, признайтесь, нрав.
Но в одном я ошибался: думал я, что и один,
Обособившись от мира, преспокойно проживу.
А теперь, когда воочью смертный свой увидел час,
Понял я, как заблуждался, как от правды был далек.
И жена, и сын-помощник — оба жить должны со мной.

Но таким, Гефест свидетель, черствым стал я оттого,
Что на низость человечью, на корыстный ум людской
Нагляделся в жизни вдоволь. Я уверен был: никто
Никому на свете блага не желает. Это мне
И вредило. Только Горгий, да и то с большим трудом,
Мне глаза открыл, поступок благородный совершив.
Старика он спас, который на порог его пускать
Не велел, ни разу в жизни не помог ему ни в чем
И к нему с учтивой речью никогда но подходил.
Мог сказать бы он но праву: «Не велишь мне приходить —
Не приду к тебе; не хочешь помогать нам — ну, и я
Помогать тебе не стану». Знай же, мальчик, буду ль жив
Или, что всего вернее, — слишком скверно мне, — умру,
Я тебя усыновляю, все имущество свое
Отдаю тебе отныне и тебе вверяю дочь.
Мужа ей найди. Ведь я бы, и поправившись вполне,
Не нагнел его: никто мне все равно не угодит
Никогда! А мне позвольте жить, как я того хочу.
Сам веди теперь хозяйство: не обижен ты умом
И сестре защитник верный. Разделив добро мое
На две части, половину ей в приданое отдай,
А себе возьми другую да корми меня и мать.
Помоги мне, дочь, улечься. Тары-бары разводить —
Не мужское это дело. Но одно запомни, сын:
О своем тебе я нраве вот что коротко скажу.
Если б все такие были, мы не знали бы вовек
Ни судилищ, ни узилищ, где томится человек,
Ни войны. Достаток скромный всех бы радовал тогда.
Но, как видно, вас другое привлекает. Что ж, пускай!
Вам мешать не будет больше надоедливый брюзга.

Горгий

Все исполню, как велишь ты. Так подыщем же с тобой
Жениха сестре скорее, с разрешенья твоего.

Кнемон

Что хотел сказать, сказал я. А теперь отстань, молю!

Горгий

Говорить с тобой желает…

Кнемон

Нет, нет, нет, отстань, молю!

Горгий

Он на ней жениться хочет…

Кнемон

Это дело не мое!

Горгий

Он спасал тебя…

Кнемон
(указывая, на Сострата)

Вот этот?

Горгий

Этот.

(Сострату.)

Подойди сюда!

Сострат подходит.
Кнемон

Загорел неплохо, вижу. Земледелец?

Горгий

Да какой! Не из тех он белоручек, что весь день баклуши бьет!

Кнемон

Не моя — твоя забота.

(Уходит в дом, опираясь на руку дочери.)
Горгий

А теперь, Сострат, скажи:
Ты на ней жениться хочешь?

Сострат

Ну конечно. И отец
Разрешит мне, знаю твердо.

Горгий

Я тебе сестру свою
Отдаю, Сострат. За нею при свидетелях возьми
То приданое, с которым ей положено уйти.
Дело вел ты без лукавства, ты с открытою душой
К нам явился. Белоручка, на любой тяжелый труд

Ты готов был ради свадьбы. Взял мотыку, стал копать,
Не щадил себя. А в этом познается человек,
Если он, живя в достатке, стать на место бедняка
Не боится. Это значит, что превратности судьбы
Не страшны ему. Отлично ты себя нам показал.
Будь всегда таким.

Сострат

Пожалуй, постараюсь лучше стать.
Впрочем, это некрасиво — самому себя хвалить.
Вот идет отец мой кстати.

Входит Каллипид.

Горгий

Это что же, Каллипид —
Твой отец родной?

Сострат

Конечно.

Горгий

И богат, и справедлив,
И хозяин превосходный!

Каллипид

Я, как видно, опоздал?
Без меня барашка съели да, наверное, давно
В поле двинулись?

Горгий

О, боги, он же голоден, как волк!
Сразу все ему расскажем?

Сотрат

Нет, сначала пусть поест. Мягче будет.

Каллипид

Вы, наверно, пообедали, Сострат?

Сострат

На твою осталось долю. Проходи.

Каллипид

Иду, иду.

(Уходит в святилище.)
Горгий

Если хочешь с глазу на глаз побеседовать с отцом,
То ступай за ним.

Сострат

Ты дома подождешь?

Горгий

Я никуда выходить не буду.

Сострат

Ладно. Скоро вызову тебя.

Сострат уходит в святилище, Горгий — в свой дом. Хоровая сцена.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Из святилища выходят Сострат и Каллипид.
Сострат

Не так, отец, как ждал я и надеялся,
Со мной ты обошелся.

Каллипид

Почему не так?
Я разве запретил тебе с любимой жить?
Наоборот, я рад.

Сострат

На вид не очень-то.

Каллипид

Клянусь тебе богами, рад-радехонек.
Известно ведь, что если в годы юные
Жениться по любви, то будет прочен брак.

Сострат

Но если на сестрице парня этого
Женюсь я, — с нами породниться, стало быть,
Достоин он. Так почему не хочешь ты

Отдать ему мою сестру?

Каллипид

Болтаешь вздор —
К невесте нищей не желаю нищего
Брать жениха в придачу. Хватит с нас одной.

Сострат

О деньгах говорить, а деньгам веры нет!
Добро бы знал ты, что на веки вечные
Они тебе достались, — ну, тогда бы пусть
Берег их, но делясь ни с кем. А то ведь все,
Чем ты богат, подвластно не тебе — судьбе.
Так для чего ж, отец, скупаться, жадничать,
Когда судьба другому, недостойному,
Играя, может все твое добро отдать?
А потому, отец, покуда денежкам
Хозяин ты — щедрее и смелее трать,
Всем помогай и чаще по возможности
Твори благодеянья. Вот где кроется
Бессмертное богатство, вот где черпают
Уверенность и силы, коль беда придет:
Иметь гораздо лучше друга явного,
Чем потайной, зарытый в подземелье клад.

Каллипид

Ведь я всего добра, что мною нажито,
С собой в могилу не возьму — не так ли, сын?
Оно твое. Ты хочешь друга верного
Приобрести? Так сделай это, в добрый час!
Зачем же поучать меня? Пожалуйста,
Отдай, раздай. На все тебе согласье дам.

Сострат

По доброй воле?

Каллипид

Можешь не тревожиться,
По доброй воле.

Сострат

Горгия позвать пора.

Из своего дома выходит Горгий.
Горгий

Весь разговор ваш, от начала самого,
Я, выходя, случайно услыхал в дверях.
Что вам сказать? Тебя, Сострат, товарищем
Считаю верным я и от души люблю.
Но не хочу, и далее при желании
Не смог бы, Зевс свидетель мне, богаче жить.

Сострат

О чем ты, не пойму.

Горгий

Куда как выгодно,
Женив тебя на собственной сестре, твою
Себе взять в жены!

Сострат
Выгодно?
Горгий

Не сладко мне
Чужим добром кормиться незаслуженно,
Свое нажить хочу.

Сострат

Какие глупости! Ты недостоин, думаешь, ее руки?

Горгий

Руки ее достоин я, по-моему,
Но недостойно посягать, по-моему,
На многое, немногое имея.

Каллипид

Ты
Не в меру горд, однако.

Горгий

Почему?

Каллипид

Ты нищ,
А хочешь слыть имущим.
Быть по-твоему:
Возьми немного.

Горгий

Ладно. Дважды жалок тот,
Кто беден, и, однако же, до глупости
Спасительный упорно отвергает путь.

Сострат

Теперь осталось только обручиться нам.

Каллипид
(Горгию)

Итак, я дочь отдам тебе, чтоб с него ты
Детей родил законных. А приданого
Получишь три таланта.

Горгий

За моей сестрой
Приданого один талант.

Каллипид

Один талант?
Не слишком ли…

Горгий

Не бойся, есть.

Каллипид

Усадьбу всю
Возьми себе ты, Горгий.
А теперь сюда
Мать пригласи с сестрою, чтобы к женщинам
Их отвести, что с нами здесь.

Горгий

Придется уж.

Сострат

Мы все сегодня на ночь здесь останемся
И будем пировать. А завтра свадебный
Обряд исполним. Горгий, приведи сюда
И старика. Он все необходимое
У нас найдет скорее.

Горгий

Не захочет, нет.

Сострат

А ты уговори.

Горгий

Смогу ли?

(Уходит в дом Кнемона.)
Сострат

Славная
У нас, отец, попойка будет. Женщинам
Всю ночь не спать.

Каллипид

Как раз наоборот, мой сын:
Они-то будут пить, а вот не спать всю ночь
Придется нам. Пойду-ка приготовлю я,
Что нужно.

Трагический актер с маской. Роспись кратера. IV век до н. э. Вюрцбург. Музей Мартина фон Вагнера.

Сострат

Будь так добр.

Каллипид уходит в святилище .

Впадать в отчаянье
Не должен человек, в котором разум есть:
Усердьем и трудом всего решительно
Достигнуть можно. Я живой пример тому:
Женитьбы, о какой и не мечтал никто,
Добиться удалось мне за один лишь день.

Из дома Кнемона выходит Горгий с матерью и сестрой.
Горгий

Скорее проходите!

Сострат

Вот сюда, прошу.
Мать, принимай гостей!
А что ж Кнемона нет?

Горгий

Он и старуху даже увести просил,
Чтобы остаться вовсе одному.

Сострат

О, нрав
Несносный!

Горгий

Невозможный. Ну, и пусть его!

Сострат

А мы пойдем.

Горгий

Поверь, Сострат, стесняюсь я:
Там столько женщин.

Сострат

Глупости! Ступай вперед.
Отныне это все дела семейные.

Сострат и Горгий уходят в святилище. Из дома Кнемона выходит Симиха.
Симиха

(в дверях, Кнемону, который остался дома)

И я уйду, клянусь тебе. Ты здесь теперь
Лежи один, страдай за свой несчастный нрав.
Тебя просили люди в божий храм прийти —
Ты отказался. Как бы только новая
Нас не постигла, да еще страшней, беда.

Из святилища выходит Гета.
Гета

А ну-ка, погляжу, как там дела идут.

(Одному из музыкантов, играющему на свирели.)

Эй, перестань дудеть, балда! Еще я занят, видишь.
Меня послали в этот дом, чтоб навестить больного.

Симиха

Пусть лучше кто-нибудь другой с ним посидит из ваших,
А я с питомицей своей хочу перед разлукой
Поговорить, проститься.

Гета

Что ж! Ступай себе, прощайся! Я поухаживаю сам за стариком.
Симиха уходит в святилище.
Давно уж Такого случая ищу. Ну наконец потешусь…
………………………………………………………………Эй, повар,
Сикон, скорей сюда иди! О, Посейдон-владыка,
Мы славно время проведем!

Из святилища выходит Сикон.
Сикон

Ты звал меня?

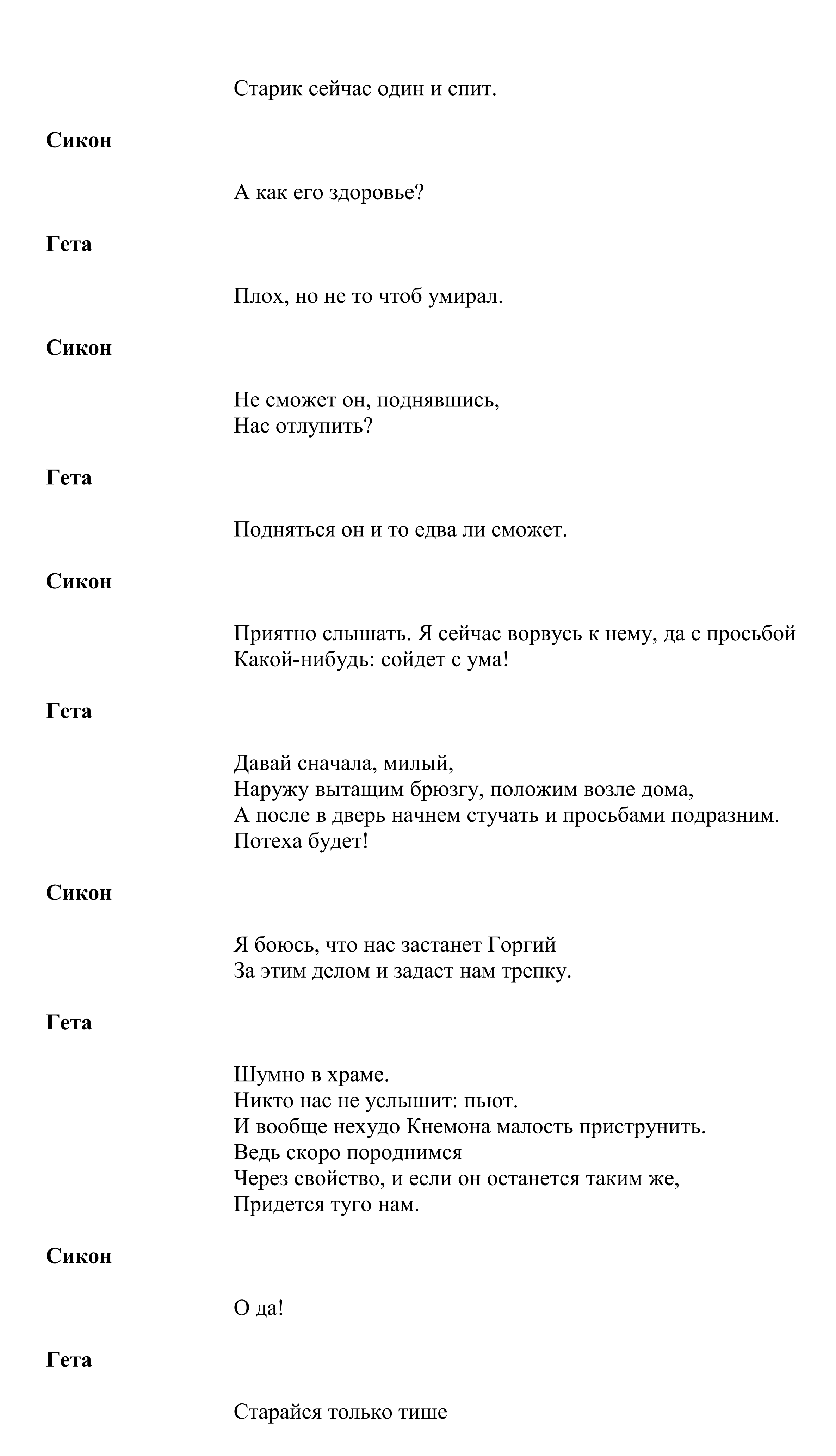
Гета

А кто же? За надругательство, скажи, ты рассчитаться хочешь?

Сикон

Кто надругался надо мной?
Растак тебя разэтак!

Гета

Старик сейчас один и спит.

Сикон

А как его здоровье?

Гета

Плох, но не то чтоб умирал.

Сикон

Не сможет он, поднявшись,
Нас отлупить?

Гета

Подняться он и то едва ли сможет.

Сикон

Приятно слышать. Я сейчас ворвусь к нему, да с просьбой
Какой-нибудь: сойдет с ума!

Гета

Давай сначала, милый,
Наружу вытащим брюзгу, положим возле дома,
А после в дверь начнем стучать и просьбами подразним.
Потеха будет!

Сикон

Я боюсь, что нас застанет Горгий
За этим делом и задаст нам трепку.

Гета

Шумно в храме.
Никто нас не услышит: пьют.
И вообще нехудо Кнемона малость приструнить.
Ведь скоро породнимся
Через свойство, и если он останется таким же,
Придется туго нам.

Сикон

О да!

Гета

Старайся только тише

Его вытаскивать сюда. Иди. Я за тобою.

Сикон

Не оставляй меня, смотри. Богами заклинаю,
Не уходи. И не шуми.

Гета

Не бойся. Я тихонько.

Входят в дом и вскоре выносят спящего Кнемона: впереди Сикон, Гета позади. Правей.

Сикон

Бот так.

Гета

Сюда клади. Теперь начнем, пожалуй.
Я первым к дому подойду.
А ты гляди и слушай.

Сикон отходит в сторону. Гета стучит в дверь дома Кнемона.

Эй, люди, эй, рабы, рабы!

Кнемон
(просыпается)

О, боги, умираю.

Гета
(оборачивается и притворяется удивленным)

А это кто еще? Ты здесь?

Кнемон

А где ж? Чего ты хочешь?

Гета

Хочу у вас я котелок и тазик взять.

Кнемон

Подняться
Кто мне поможет?

Гета

Есть у вас, ведь есть же это, знаю!
И семь треножников еще, ну, и столов двенадцать!
Скорей к хозяевам, рабы! Спешу!

Кнемон

Пойми ты, в доме
Нет ничего.

Гета

Да ну?

Кнемон

Сто раз тверди тебе.

Гета

Прощай же!

(Отходит в сторону.)
Кнемон

О, горе мне! Каким я здесь вдруг очутился чудом?
Кто перенес меня?

К двери подходит Сикон.

И ты проваливай.

Сикон

Я рад бы,

(Стучит в дверь.)

Эй, слуги, ключница, рабы, рабыни!

Кнемон

Сумасшедший! Ты дверь сломаешь!

Сикон

Девять нам ковров, да поскорее
Вы одолжите!

Кнемон

Где их взять?

Сикон

И покрывало тоже
Заморской ткани, футов ста в длину.

Кнемон

Добро бы было!

Сикон

Да есть.

Кнемон

Откуда? Где же ты, старуха?

Сикон

Постучусь-ка
В другие двери.

Кнемон

Прочь, ступай. Симиха!

Сикон

Пусть же боги
Собачью смерть тебе пошлют.

Сикон отходит в сторону. К дому снова подходит Гета.
Кнемон
(Гете)

Зачем опять явился?

Гета

За медной чашей для вина, большой.

Кнемон

Кто мне поможет
Подняться?

Гета

Есть она у вас.

Сикон снова подходит к дому.
Сикон

И покрывало тоже
Найдется, дед.

Кнемон

Свидетель Зевс…

Гета

И чаши не найдется?

Кнемон

Убью Симиху эту.

Гета

Спи и не ворчи напрасно.
Людей обходишь стороной, не терпишь баб, не хочешь
Идти на праздник наш — ну, что ж! Тогда и не надейся
На помощь. Самого себя терзай теперь и мучай!

Сикон

Все слушай по порядку.

Кнемон

Богов побойся, негодяй, оставь меня в покое!

Сикон

Жена и дочь-то в храм пошли.

Кнемон

Какая ж это радость —
Жену и дочку в храме ждет?

Сикон

Сперва пойдут объятья,
Рукопожатья. Это все приятные занятья.
А для мужчин уже давно обед отличный в храме
Я приготовил. Слышишь, дед? Не спи!

Кнемон

Поспишь тут, как же… О, горе!

Гета

Не пойдешь туда?

Сикон

Ну, что же, слушай дальше.
Хлопот хватило. Пол устлал циновками……..
…………………………………………………столы я.
Ведь эти все на мне лежат обязанности.
Слышишь? Я повар, вспомни.

Гета

Присмирел наш старичок, однако.

Сикон

Один над чашей наклонил кувшин широкобокий
И Вакха ненную струю со влагой нимф сливает.
Другой обходит круг с ковшом и угощает женщин.
Рекою льется там вино. Ты слышишь? Дальше слушай!
Вот, захмелев, цветок лица красавица служанка
Прикрыла, пляску начала и песню затянула,
Стыдливо песне этой в лад покачивая грудью.
А вот другая, руку ей подав, пустилась в пляску.

Гета

Теперь, несчастный, поднимись и попляши с гостями!

Сикон и Гета пытаются поставить Кнемона на ноги.

Кнемон

Вы драться? Подлецы! Зачем ко мне пристали?

Гета

Лучше
Сам поднимись, дикарь.

Кнемон

О нет!

Гета

Ну, что ж, тогда придется
Внести тебя туда.

Кнемон

Зачем?

Сикон

Чтоб поплясал.

Кнемон

Несите! Уж лучше, верно, там, чем здесь.

Сикон

Ты прав. Мы победили.

Гета

Мы победили! Эй, Донакс, и ты, Сикон,
Его приподнимите и внесите в храм.
А ты, Кнемон, запомни: если вздумаешь
Опять дурить, тогда уже без жалости
Тебя отлупим:. А теперь пусть факелы
Дадут нам и венки.

Рабы приносят венки и факелы.
Сикон
(Гете)

Вот этот ты надень.

Гета

Надел. Итак, мужчины, дети, юноши,
Порадуйтесь, что старика несносного
Мы одолели, щедро нам похлопайте,
И пусть Победа, дева благородная,
Подруга смеха, будет к нам всегда добра.

Все уходят в святилище. Кнемона уносят.

ТИТ МАКЦИЙ ПЛАВТ

Биографические сведения о Плавте (ок. 250–184 гг. до н. э.) очень скудны. В «Хронике» христианского писателя Иеронима Плавт упомянут так: «Плавт, родом из Сарсины в Умбрии, умер в Риме. Из-за трудностей с продовольствием он нанялся к мельнику на ручную мельницу и там и свободные от работы часы обычно писал комедии и продавал их». О том, что Плавт ради куска хлеба вертел жернова на мельнице, сообщает и римский писатель II в. н. э. Авл Геллий.

Сохранилось двадцать комедий Плавта. Помещенная в этом сборнике комедия «Два Менехма», как и большинство пьес Плавта, — типичнейшая комедия интриги. Ситуация «Двух Менехмов» использована Шекспиром в «Комедии ошибок». Лучшая плавтовская комедия характеров «Горшок» послужила образцом для «Скупого» Мольера. Некоторые

ситуации «Горшка» переработаны А. Н. Островским в комедии «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Островский вообще любил Плавта и перевел на русский язык его комедию-фарс «Ослы».

ДВА МЕНЕХМА

СОДЕРЖАНИЕ

(«Содержание» в форме акростиха не принадлежит Плавту. Это позднейшее добавление к списку комедии. Оно переведено С. Ошеровым.)

Два близнеца родились у отца-купца
В Сицилии. Один из них похищен был,
А брата, что остался, нарекли тогда
Менехмом, имя дав ему пропавшего.
Едва он вырос — странствовать отправился,
Найти надеясь брата. В Эпидамне он
Его нашел; но прежде, чем им встретиться,
Хлебнул он горя: ведь пришельца все сочли
Менехмом — тесть, жена, подружка братнина.
А как все было — сами вы увидите.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Столовая Щетка, парасит.
Менехм I и Менехм II (Сосикл) — братья-близнецы.
Эротия, гетера.
Килиндр, повар.
Мессенион, раб Менехма II.
Служанка гетеры.
Матрона, жена Менехма I.
Старик, отец матроны.
Лекарь.
Рабы.
Действие происходит в Эпидамне.

ПРОЛОГ

Желаю вам, почтеннейшие зрители,
Да и себе желаю долго здравствовать!
Вам Плавта приношу… не на руке, в словах
И выслушать прошу вас с благосклонностью.
Теперь скажу вам вкратце содержание,
А вы его прослушайте внимательно.
Так все поэты делают в комедиях:
Всегда в Афины помещают действие,
Чтоб все казалось непременно греческим.
А я вам не солгу о месте действия.
Конечно, дух и здесь остался греческий,
Но не аттический, а сицилический.

Но это было только предисловие,
Теперь рассказ я перед вами высыплю,
Не горсточкой, не пригоршней, а ведрами, —
С такою буду говорить готовностью!
Жил в Сиракузах некий пожилой купец.
Два близнеца родились у него, и так
Похожи друг на друга, что кормилица
Их отличить была не в силах. Мать и та,
Хоть и сама их родила, а путала.
Так говорил мне мой знакомый, знавший их,
Я ж не видал их, этого не думайте.
Когда же лет семи достигли мальчики,
Отец их, нагрузив корабль товарами,
Взял одного с собою сына в плаванье
И для торговли с ним в Тарент[265] отправился,
Другого же оставил он у матери.
Как раз тогда на игры много съехалось
В Тарент народу разного из разных стран,
И в этой давке мальчик потерял отца.
Купец из Эпидамна[266] увидал его
И, подобрав, увез к себе на родину.
Отец несчастный, потерявши мальчика
И расхворавшись с горя и отчаянья,
В Таренте и скончался в скором времени.
Когда же к деду в Сиракузы весть дошла,
Что потерялся мальчик, что отец его
В Таренте умер, то другого мальчика,
Оставшегося, назвал он по-новому.
Так сильно внука он любил пропавшего,
Что тем же именем, каким тот назван был,
Менехмом стал отныне он другого звать;
К тому ж и сам он звался тем же именем…
Я твердо помню имя с той поры еще,
Как мальчика глашатай звал на площади.
И, чтоб вы не ошиблись, наперед скажу:
Зовут обоих близнецов Менехмами.
Теперь мне надо будет в Эпидамн пойти,
Вам выложить, как есть, всю подноготную.
А если в Эпидамне порученье есть
У вас — скорей скажите, прикажите мне,
Но только так, чтоб мог его я выполнить:
Коль денег не дадите, прогадаете…
А коль дадите, больше прогадаете!
Но, впрочем, возвращаюсь вновь к рассказу я.
Тот Эпидамна житель — говорил уж я,
Что взял к себе он мальчика пропавшего, —
Он был бездетным, но зато богатым был

---

265 ***Тарент*** *— старинная греческая колония в Италии, основанная в VIII в. до н. э. спартанцами и подчинившаяся римскому господству в 272 г. до н. э.*

266 ***Эпидамн*** *— греческий торговый город в Иллирии, на берегу Адриатического моря. Римлянам название «Эпидамн» по созвучию напоминало слово «дамнум», что значит «ущерб», «убыток», «урон» (это созвучие обыграно Плавтом, см. стр. 572), и они переименовали Эпидамн в Диррахий (отсюда нынешнее албанское название — Дуррес).*

И пожелал усыновить найденыша;
Ему невесту отыскал богатую,
Назначив сверх того своим наследником.
Однажды он в деревню шел из города,
Под сильным ливнем реку перейти хотел
И был похищен похититель мальчика
Потоком злобным, так и кончил дни свои,
Оставив все сокровища приемышу.
Вот здесь живет он, наш близнец похищенный.
А тот, другой, который в Сиракузах жил,
Сегодня прибыл в Эпидамн с рабом своим,
Ища повсюду близнеца пропавшего.

(Показывая на декорацию.)

А город этот Эпидамн — сегодня лишь!
Другим он будет для другой комедии.
И обитатели его меняются:
То здесь старик, то сводник здесь, то юноша,
То парасит, то царь, а то и нищий здесь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Столовая Щетка.

Столовая Щетка

Меня Столовой Щеткой молодежь зовет
За то, что за едою гладко чищу стол.
Кто заковать стремится в цепи пленника
Иль кто в колодках беглого раба томит,
Преглупо поступает тот, по-моему:
Чем больше ведь несчастий у несчастного,
От них тем больше хочет он избавиться:
И из цепей он умудрится выскользнуть,
Кольцо ж сумеет распилить напильником
Иль камнем гвозди обобьет. Вздор это все!
Нет, если хочешь, чтоб остался пленник твой,
Так ты едою да питьем свяжи его,
Пихай ему побольше в пасть открытую,
И если будет, сколько влезет, есть и пить,
Чего захочет, каждый день и досыта,
Так не уйдет, хотя б грозила казнь ему.
Стеречь не трудно, если так сковать сумел;
Удобны эти привязи съедобные;
Чем больше тянешь, тем плотней сжимаются.
Так и со мной. Зачем иду к Менехму я,
Давно в долгах и нынче задолжаю вновь?
Затем, что он едою возрождает нас.
Никто лекарства лучшего не выдумал.

Да, юноша не промах! Сам поесть горазд,
Да и других по-царски угостит; таких
Наворотит съестного гор, что, право же,
Кусочков верхних лежа не достать никак.
Да вот давненько уж не заходил к нему —
Сидел с моими дорогими дома я.
Ведь все, что ешь, ужасно стало дорого;
Да вот к тому же убывают с каждым днем
Припасы дорогие… Но открылась дверь.
Никак, Менехм? Он самый. Вот, выходит к нам.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Менехм I, Столовая Щетка.
Менехм I

Если б глупа ты не была,
Если б с ума ты не сошла,
То, что для мужа противно, — того
Ты бы старалась не делать сама.
Если ж ты будешь вновь, как сейчас, ныть и выть,
Знай, уйдешь прочь совсем вновь к отцу, как вдова!
Только из дому уйти захочу,
Держишь меня, и зовешь, и кричишь:
«Стой, балда! Ты куда? Дело есть! Где, когда?
Что несешь?» Вот беда! Невтерпеж мне галдеж!
Сторож ты, не жена! Всякий раз надо мне
Все сказать: где я был, буду где, делал что.
Слишком я с тобой стеснялся, а теперь решаю вот как:
Служанки есть, и лакомства, и золото, и вышивки,
Наряд цветной, и нет ни в чем отказу, — так одумайся,
За мужем перестань следить!
Или нет, я за усердье награжу тебя теперь
И сегодня ж на пирушку потаскушку поведу!

Столовая Щетка
(в публику)

Думает, жену бранит он, а бранит-то ведь меня;
Коль обедает не дома, я наказан, не она!

Менехм I
(в публику)

Каково свою супругу я заставил отступить?
Но где ж послы мужей неверных? Что не тащат мне даров,
Чего же медлят с поздравленьем, разве плохо бился я?
У супруги плащ украл я, к милой отнесу его.
Вот так-то надо ловким словом хитрой отвечать жене!
Вот это подвиг, это славно, это чисто сделал я!
Я отнял плащ у злой жены, хоть сам себя ограбил,

А все ж добычу у врага отбил победоносно.

Столовая Щетка
(к Менехму)

Эй, голубчик, а добычей ты поделишься со мной?

Менехм I

Ой, погиб, попал в засаду.

Столовая Щетка

За ограду, уж верней.

Менехм I

Кто тут?

Столовая Щетка

Я.

Менехм I

О мой любимый, мой желанный, здравствуй, друг.

Столовая Щетка

Здравствуй.

Менехм I

Как живешь?

Столовая Щетка

Надеждой на кормильца я живу.

Менехм I

Знаешь, трудно было б выбрать для прихода лучший час.

Столовая Щетка

Я всегда так; уж не скрою, в этом я собаку съел.

Менехм I

Хочешь кое-что увидеть?

Столовая Щетка

Коль съестное — хоть сейчас.
Сразу увидать сумею, хороша стряпня иль нет!

Менехм I

Отвечай-ка, на картинах похищенья ты видал —
Иль с Адонисом Венера, или Ганимед с орлом?

Столовая Щетка

Да, но что мне в тех картинах?

Менехм I

Погляди-ка на меня.
Разве хуже, чем орел, я?

Столовая Щетка

Для чего такой наряд?

Менехм I

Нет, скажи, что я прелестен.

Столовая Щетка

Ну, а где мы будем есть?

Менехм I

Нет, скажи, как приказал я!

Столовая Щетка

Ну, прелестный человек,

Менехм I

От себя прибавь немножко.

Столовая Щетка

И веселый человек.

Менехм I

Ну, еще прибавь!

Столовая Щетка

Не стану, раз не знаю, для чего!
Ведь с женой ты поругался, так в тебе какой мне прок?

Менехм I

От жены укрыться б только, а убить сумеем день.

Столовая Щетка

А вот это дело, только убивать его спеши —
Видишь ведь, и так уж поздно, день наполовину мертв.

Менехм I

Погоди, не прерывай же!

Столовая Щетка

Замолчал, совсем немой, —
Хоть убей, а без приказу я ни слова не скажу.

Менехм I

Отойди от дому.

Столовая Щетка

Ладно!

Менехм I

Ну еще.

Столовая Щетка

Еще готов.

Менехм I

Ну, еще, от дикой львицы ты смелее отступай!

Столовая Щетка

Здорово, я вижу, был бы ты возницею лихим.

Менехм I

Почему?

Столовая Щетка

Да от супруги далеко б умчался ты.

Менехм I

Вот, скажи-ка.

Столовая Щетка

Все скажу я, как захочешь: да иль нет.

Менехм I

Ну скажи, а ты умеешь все по нюху распознать,
Чем здесь пахнет?

Столовая Щетка

Я-то? Сотню созови сюда людей,
Самых тонких, в этом деле, — я всех лучше окажусь,

Менехм I

Ну, понюхай-ка, чем пахнет этот плащ?
Воротишь нос?

Столовая Щетка

Надо нюхать верх одежды женской, иль не знаешь ты?
А не то уж слишком тяжким запахом ударит в нос.

Менехм I

Ну, так здесь понюхай, Щетка. Нравится, я вижу?

Столовая Щетка
Да!
Менехм I

Чем же пахнет, отвечай мне.

Столовая Щетка

Кражей, девкой и едой.

Менехм I

Ай да Щетка! Чуть понюхал, все три вещи угадал!
У жены своей и вправду своровал я этот плащ.
А теперь его к подружке я, к Эротии, снесу
И велю ей сделать завтрак нам троим.

Столовая Щетка

Вот это да!

Менехм I

Будем пить и веселиться мы до утренней звезды.

Столовая Щетка

Это правильно и ясно! Что ж, стучаться в дверь?

(Направляется к дому гетеры Эротии.)
Менехм I

Стучись.
Или нет, постой немножко.

Столовая Щетка

Что ж стоять? Попойка ждет.

Менехм I

Ты стучи не очень сильно.

Столовая Щетка

Не из глины дверь небось.

Менехм I
Погоди, она выходит из дверей сама. Смотри,

Ведь она затмила солнце ослепительной красой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Эротия, Столовая Щетка, Менехм I.
Эротия
(выходит из своего дома)

Будь здоров, Менехм мой милый.

Столовая Щетка

Ну, а я?

Эротия

А ты не в счет.

Столовая Щетка

Вот судьба легионера, что оставлен про запас!

Менехм I

У тебя сегодня битву с ним затеять я хочу.

Эротия

Что же, пусть сегодня.

Столовая Щетка

Будем в этой битве оба пить,
И тому, кто станет драться и усердней и храбрей,
Быть твоим легионером — провести с тобою ночь!

Менехм I

Страсть моя, тебя увижу — и жену проклясть готов.

Столовая Щетка

А небось в ее одежды одеваться ты горазд?

Эротия

Это что?

Менехм I

Для милой розы плащ украл я у жены.

Эротия

Ах, над всеми торжествуешь, потому что лучше всех!

Столовая Щетка
(в публику)

Лишь тогда они ласкают, если им дары несут.
А небось, когда б любила, целовала бы не так!

Менехм I

Подержи-ка это, Щетка; дар обещанный отдам.

Столовая Щетка

Ну, держу; а только раньше поплясал бы ты в плаще.

Менехм I

Мне плясать? С ума сошел ты.

Столовая Щетка

Неизвестно, ты иль я. Ну, снимай, когда не хочешь.

Менехм I

И с опасностью какой
Я украл его! Наверно, Ипполиты пояс взять
Легче было Геркулесу, чем добычу эту мне.
Только твой мне нрав по нраву: забирай же плащ себе.

Эротия

О, спасибо, вот достойный всем любовникам пример.

Столовая Щетка
(в публику)

Если все они желают век свой кончить нищетой.

Менехм I
(указывая на плащ)

За него недавно сотни для жены я заплатил.

Столовая Щетка
(в публику)

Значит, сотни и пропали, здесь совсем простой расчет!

Менехм I

Знаешь ли, что я задумал?

Эротия

Рада буду сделать все.

Менехм I

Прикажи-ка поскорее сделать завтрак нам троим.

Столовая Щетка

Да полакомей кусочков с рынка принести вели.
И ветчинки, и свининки, разных там окорочков,
Да головки поросячьей, да еще чего-нибудь.
Пусть их сжарят, пусть их сварят, чтоб мой голод утолить!

Менехм I

И скорей!

Эротия

Уж будет скоро!

Менехм I

Мы ж на форум побежим.
И сейчас назад: а ужин — не готов, так мы попьем.

Эротия

Приходи, когда захочешь, будет все готово.

Менехм I
(к параситу)

Ну,
Марш, за мной.

Столовая Щетка

Уж за тобою всюду побегу, клянусь!
От тебя я не отстану, хоть полцарства мне сули.

Менехм и Щетка уходят.
Эротия

Позовите мне Килиндра-повара сюда скорей!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Эротия, Килиндр.
Входит Килиндр.
Эротия

Забирай корзину, деньги — вот три нумма, на тебе.

Килиндр

Ладно!

Эротия

Закупи на рынке. Чтоб хватило на троих, —
И не больше и не меньше.

Килиндр

Кто такие эти три?

Эротия

Я, Менехм и Щетка.

Килиндр

Щетка? Вас тут десять человек!
Щетка ведь легко заменит в этом деле восьмерых.

Эротия

Я сказала, кто такие, думай сам об остальном.

Килиндр

Ладно, все почти готово! Хоть за стол…

Эротия

Скорей.

Килиндр

Сейчас.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Менехм II, Мессенион.
Менехм II

Для морехода нету большей радости,
Мессенион, по мненью моему, чем вдруг
Увидеть с моря землю.

Мессенион

Больше, право, есть —
Родную видеть землю после странствия.
Позволь спросить: мы в Эпидамн зачем пришли?
Иль к каждой мы должны причалить пристани?

Менехм II

Ведь знаешь ты, я брата-близнеца ищу.

Мессенион

Ну, сам подумай: как же нам найти его?
Шестой уж понапрасну год скитаемся.
Испанию, Иллирию, Массилию,
Все море и всю Грецию Великую,
Италии морские берега мы все
Объездили. Булавку если б ты искал,
Наверное, булавку мы давно б нашли.
Ведь мертвого мы ищем средь живых людей,
А был бы жив он, так давно б нашли его.

Менехм II

Ну, ладно. Но кого-нибудь сыскать хочу,
Кто б мне наверно мог сказать, что умер брат.
Тогда сейчас же прекращу я поиски,
А иначе не брошу их, покуда жив,
Ведь ты понять не можешь, как он дорог мне!

Мессенион

Совсем пустое дело.
Эх, пора б домой,
Коль мы не изучаем географии.

Менехм II

Довольно шуток. Слушаться!
Не то смотри,
Ведь все равно по-твоему не будет.

Мессенион

Вот!
Угодно ли услышать? Знай, мол, кто таков.
Что ж, раб я, знаю, ясно ведь и сказано!
Конечно, так, а все же не могу смолчать.
Менехм, послушай: вот я в кошелек взглянул,
Осталось ведь немного вовсе денег-то.
Ой, берегись, растратим: всё в пустых мечтах
До братца твоего добраться как-нибудь.
Ведь здесь народ-то, в Эпидамне, — прямо страх!
Развратники и пьяницы последние
Отсюда все; воришки, прихлебатели
И кляузники, право! Говорят еще,
Что здесь гетеры самые бедовые.
Ох, Эпидамн — погибель всем.
Ох, страшно мне — На горе в этот город мы заехали!

Менехм II
Остережемся. Дай-ка кошелек сюда.
Мессенион

Зачем?

Менехм II

А страшно за тебя, коль правда все.

Мессенион

Чего же страшно?

Менехм II

Горе мне доставишь ты.
Ведь у тебя большая слабость к женщинам,
А я во гневе лютый зверь; так вот оно
Вдвойне спокойней, если кошелек со мной:
И не растратишь, и побит не будешь ты.

Мессенион

Что ж, очень рад. Вот сохраняй. Пожалуйста.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Килиндр, Менехм II, Мессенион. Килиндр.

Провизию недурно закупил, ей-ей.
Гостей отличным угощу я завтраком…
Но что я вижу! Тут Менехм! Быть битым мне!
С припасами вернуться не успел еще,
А гости перед дверью. Подойду к нему.
Привет Менехму.

Менехм II

И тебе, кто б ни был ты.

Килиндр

Как так «кто б ни был»?
Будто незнаком со мной?

Менехм II

Нисколько.

Килиндр

Где ж другие сотрапезники?

Менехм II

Где… кто?

Килиндр

О парасите говорю твоем.

Менехм II

О парасите? Верно, сумасшедший он.

Мессенион
(на ухо Менехму)

Я говорил ведь… много здесь доносчиков!

Менехм II

Мой парасит? О ком ты вздумал спрашивать?

Килиндр

А Щетка?

Мессенион

Щетка? У меня в мешке лежит.

Килиндр

Менехм, пришел ты слишком рано к ужину.
Вот с рынка возвращаюсь…

Менехм II

Отвечай-ка мне,
Почем здесь поросенок, чтобы гнев богов
Умилостивить?

Килиндр

Нумм — цена.

Менехм II

Вот нумм тебе:
Очистись от болезни этой жертвою.
Ведь ты совсем свихнулся, — здесь сомнений нет! —
Коль пристаешь и липнешь к незнакомому.

Килиндр

Да я — Килиндр! Иль позабыл, как звать меня?

Менехм II

Килиндр, Кориндр — мне все равно! И раньше я
Тебя не знал, и нынче не желаю знать.

Килиндр

А ты — Менехм!

Менехм II

Менехм, не отрекаюсь я,
На этот раз сказал ты слово здравое.
Но как узнал ты имя?

Килиндр

Как же мне не знать!
Ведь я же повар у твоей Эротии.

Менехм II

Моей? Не больше с нею, чем с тобой, знаком.

Килиндр

Со мною не знаком ты? Ну, а кто ж тебя
Вином-то потчует у нас?

Мессенион

Вот горе-то! Не знаю, чем ему расквасить голову.

Менехм II

Меня вином ты потчуешь?! Да только что
Я в Эпидамн приехал в первый раз!

Килиндр

Вот как?

Менехм II

Ну да, конечно.

Килиндр

Так что в этом доме ты

И не жил?

Менехм II

Пусть подохнут те, что там живут!

Килиндр
(в публику)

Вот он свихнулся, коль уж сам себя клянет.
Менехм, послушай.

Менехм II

Что тебе?

Килиндр

Вот нумм ты мне
Дать обещался, лучше сбереги его, —
Ведь ты как будто вправду не в своем уме,
Коль сам себя ты осыпаешь руганью, —
Вели уж поросенка для себя купить!

Менехм II

Каков проклятый! Привязался, мочи нет.

Килиндр
(в публику)

Вот так всегда со мной он рад пошучивать.
Веселый он… как только от жены уйдет!

(К Менехму.)

Скажи-ка…

Менехм II

Что?

Килиндр

На вас троих довольно тут,
Иль прикупить мне: для тебя, Эротии
И парасита?

Менехм II

Что там за Эротия?
Какие паразиты?

Мессенион

Вот мошенник-то! Чего пристал?

Килиндр

С тобою разговаривать
Не собираюсь. Говорю с знакомым я.

Мессенион

Ой, вижу ясно, ты совсем помешанный.

Килиндр

Сейчас начну я стряпать; вмиг готово все.
Уж ты останься где-нибудь поблизости.
Прощай пока!

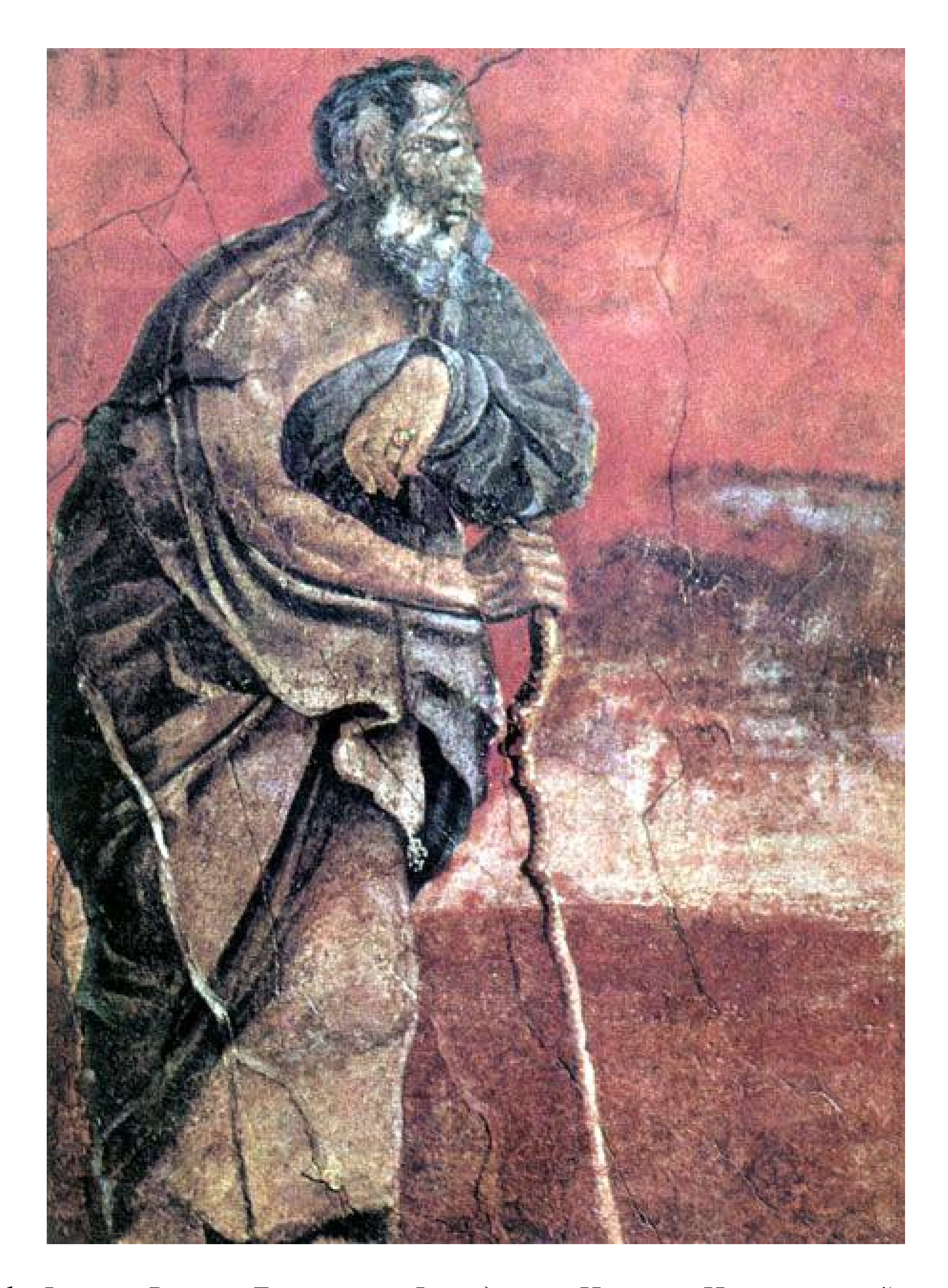
Менехм II

Прощу, лишь убирайся прочь.

Килиндр

А то, быть может, подождешь ты в комнатах,
Пока я мясо на огне Вулкановом
Изжарю… мигом позову Эротию,
Пусть в дом попросит… что ж стоять на улице.

(Уходит в дом Эротии.)

Философ. Фреска. Вилла в Боскореале. I век до н. э. Неаполь. Национальный музей

Менехм II

Ох, с плеч гора… Насилу-то ушел! Ну да,
Ты прав был, это вижу…

Мессенион

Берегись еще!
Мне кажется, гетера проживает здесь:
Ведь так сказал нам только что помешанный.

Менехм II

Откуда ж мог узнать он, как зовут меня?

Мессенион

Да очень просто. Ловки эти женщины:
Рабов, служанок посылают к пристани.
Чуть подойдет корабль из чужеземных стран,
Сейчас допрос: откуда, кто да имя как —
И сразу же привяжутся, прицепятся
И разоренным отошлют на родину.
Вот здесь засел, мне кажется, в засаде враг,
И, право, было б лучше поберечься нам,

Менехм II

Что ж, вовремя совет твой.

Мессенион

Если вовремя,
Так постарайся остеречься вовремя!

Менехм II

Тсс… помолчи немного… заскрипела дверь.
Посмотрим, кто-то выйдет.

Мессенион

А поклажу здесь
Сложу.

(Носильщикам)

Постерегите, корабельный люд.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Эротия, Менехм II, Мессенион.
Эротия
(служанке, стоящей в дверях ее дома)

Дверь открытой оставь, к чему закрывать?
И все внутри смотри устрой,
Как надо: пусть будет мягко лежать,
Пусть пахнут сладко куренья.
Приятна нега влюбленным,
И что в пагубу им, то прибыль для нас.
Но где же он, повар его увидал перед домом!
Ах, вот и стоит он,
Кто более прочих выгоден мне,
И за то но заслугам в доме моем он будет самым желанным.
Я к нему подойду, начну разговор.

Сердечко мое, почему ты стоить
Перед входом? Ведь двери открыты
Всегда для тебя, ведь дом этот — твой.
Готово уж все, войди, убедись,
Как ты приказал, как ты захотел,
И задержки ни в чем больше нет.
Угощенье уж готово; хоть сейчас к столу прошу.

Менехм II

С кем ты говоришь?

Эротия

С тобою.

Менехм II

Вот как? Отчего ж со мной? Что же общего меж нами?

Эротия

То, что именно тебя
Мне Венера повелела по заслугам возлюбить.
Ведь щедротами твоими я обласкана всегда.

Менехм II
(Мессениону)

Что, ума она лишилась или пьяной напилась,
Чтобы так запанибрата с незнакомым говорить!

Мессенион

Я предупреждал недаром; это цветики пока,
Поживи еще, увидишь: ягодки-то впереди!
Таковы уж здесь гетеры: рады выманить деньгу.
Дай-ка я поговорю с ней. Женщина!

Эротия

Тебе чего?

Мессенион

Познакомилась ты где с ним?

Эротия

Там же, где и он со мной,
В Эпидамне.

Мессенион

В Эпидамне? Да сегодня в первый раз
Он ступил на здешний берег.

Эротия

Шутки вздумал ты шутить.
Мой Менехм, прошу, войди же; право, лучше будет там.

Менехм II

«Мой Менехм» — а? что ты скажешь?
Верно имя назвала! Ничего не понимаю.

Мессенион

Да почуяла она,
Что кошель с собою носишь.

Менехм II

Верно, так возьми его,
И посмотрим, что ей слаще: я иль этот кошелек.

Эротия

Ну, пойдем к столу.

Менехм II

Спасибо, не хочу я что-то есть.

Эротия

Так зачем тогда велел ты приготовить нам еду?

Менехм II

Я велел еду готовить?

Эротия

Паразиту и тебе.

Менехм II

Что? Какому паразиту? Нет, помешана она!

Эротия

Как какому? Щетке.

Менехм II

Щетке? Той, что чистят башмаки?

Эротия

Да ведь с ним пришел ты нынче и принес в подарок мне
Плащ, украденный сегодня у жены.

Менехм II

Постой, постой.
Я украл тебе в подарок плащ?
Да ты с ума сошла.
Эта женщина, как лошадь, умудрилась стоя спать!

Эротия

Что ты вздумал издеваться надо мной и отрицать
То, что сделал?

Менехм II

Что ж я сделал, в чем теперь не сознаюсь?

Эротия

От жены своей принес ты плащ?

Менехм II

Плаща не приносил
И с тех пор, как я на свете, не был никогда женат.
В этом городе я также не бывал с тех самых пор,
Плыл на корабле и только вот сейчас с него сошел.

Эротия

Нет, все кончено! Какой там вдруг корабль?

Менехм II

Корабль какой?
А такой вот, что по морю плавает туда-сюда.
Есть и палуба и мачты, снасти есть и паруса…

Эротия

Ах, прошу, довольно шуток.
В дом входи же наконец.

Менехм II

Уж кого, не знаю, право, только не меня зовешь.

Эротия

Как, зову я не Менехма, не был Мосх твоим отцом?
Разве ты не в Сиракузах Сицилийских родился,
Где был Агафокл правитель, после Пинфий[267] стал царем,
Третьим Линарон, что царство Гиероиу передал,
Гиерон поныне…

Менехм II

Правду говоришь ты.

Мессенион

Чудеса! Верно, там она бывала, что так точно знает все.

Менехм II

Да, придется согласиться и войти.

Мессенион

Ой, нет, постой! Чуть порог ты переступишь, пропадешь.

Менехм II
(Мессениону, тихо)

Молчи, молчи.
Дело начато прекрасно. Я поддакивать начну
И добьюсь гостеприимства.

(Эротии.)

Милая, перед тобой
Я нарочно запирался, испугавшись, как бы он
Не донес моей супруге о пирушке и плаще,
А теперь войти готов я.

Эротия

Парасита будем ждать?

Менехм II

Нет, не будем, надоел он.
Даже если и придет,

---

267 ***Пинфий, Липарон*** *— эти имена сиракузских правителей выдуманы Плавтом. Другие два имени в этом перечне — исторические.*

Так скажи, чтоб не пускали.

Эротия

С удовольствием скажу,
Милый, знаешь, попрошу я…

Менехм II

Все, что хочешь, прикажи.

Эротия

Плащ, который ты принес мне, в переделку отнеси,
Пусть починят и немного украшений подошьют.

Менехм II

Что ж, я очень одобряю. Пусть он будет изменен,
И жена узнать не сможет, если встретишь ты ее.

Эротия

Значит, ты его захватишь?

Менехм II

Непременно захвачу.

Эротия

Ну, войдем.

Менехм II

Сейчас иду я. Только с ним поговорю.

Эротия уходит.

Эй, Мессенион, поди-ка.

Мессенион

Для чего?

Менехм II

Живее, марш!

Мессенион

Да зачем?

Менехм II

Затем! Я знаю, что ты скажешь…

Мессенион

Очень рад.

Менехм II

Уж в руках моих добыча. Дело ладное. Иди
Отведи скорей вот этих ты на постоялый двор
И еще к заходу солнца приходи сюда за мной.

Мессенион

Господин мой, ты не знаешь этих женщин.

Менехм II

Замолчи!
Если сделаю я глупость, мне же хуже, не тебе.
Эта женщина ведь дура; и, насколько вижу я,
Будет здесь для нас добыча.

Мессенион

Стой, уходишь? Ну, погиб.
Кончено. Теперь бедняга у разбойников в руках.
Да и я хорош. Пытался господина удержать!
Я ведь куплен, чтоб приказы исполнять, а не давать.

(Носильщикам.)

Ну, скорей за мной, чтоб мог я вовремя сюда прийти.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Столовая Щетка.
Столовая Щетка

Мне уж больше трех десятков, а еще ни разу я
Хуже, гаже и постыдней преступленья не свершал,
Чем сегодня. Затесался, глупый, в самую толпу,
Там чего-то зазевался, а Менехм — и ускользни!
И, наверно, уж к подруге, позабыв меня, пошел…
Пусть того погубят боги, кто придумал в первый раз

Эти сходки, чтобы время отнимать у занятых,
Пусть бы праздных выбирали, чтоб на сходки приходить.
С них бы можно за неявку требовать изрядный штраф.
Ведь таких людей немало, что один раз в день едят,
На обед не ходят, в гости не зовут, — что делать им?
На комиции, на сходки пусть заставят их ходить.
Вот тогда бы угощенья нынче я не потерял.
А уж я-то был уверен, что как следует поем!
Но войду, быть может, все же хоть остатки получу…
Что я вижу! Уж выходит из дверей Менехм в венке.
Кончена еда; пришел я кстати, нечего сказать.
Послежу за ним немного; а потом ему задам.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Менехм II, Столовая Щетка.

Менехм II

(Эротии)

Уж будь спокойна, принесу я плащ тебе
Чудесно изготовленным и вовремя,
Ну, прямо не узнаешь, так изменится!

Столовая Щетка

Так вот каков ты! В переделку плащ несешь,
Накушавшись, напившись и меня забыв?
Ну, коль теперь обиды я не вымещу,
Так больше я не Щетка. Погоди же ты!

Менехм II

Клянусь богами, больше видеть радостей
Нельзя зараз нежданно и негаданно!
Покушал, выпил, был с гетерой, взял с собой
Вот этот плащ и, право, буду с ним таков.

Столовая Щетка

Никак подслушать не могу я слов его.
Поди смеется надо мной, насытившись.

Менехм II

Она сказала, что я сам ей отдал плащ,
Взяв у жены. Как только я смекнул, что здесь
Ошибка, то знакомым с ней прикинулся
И уж во всем старался ей поддакивать.
Да что еще тут говорить? Ни разу мне
Не удавалось пировать так дешево.

Столовая Щетка

Пора в атаку. Руки так и чешутся.

Менехм II

А это кто ж такое приближается?

Столовая Щетка

Ну, негодяй, как ветер легкомысленный,
Бессовестный, хитрейший и бесстыднейший,
За что, скажи, за что ты погубил меня?
Небось поспешно убежал ты с форума,
Чтоб без меня покончить с угощеньями?
Да как меня ты обмануть осмелился?

Менехм II

Скажи мне, парень, что ты пристаешь ко мне?
Чего браниться вздумал ты с прохожими?
Ведь на слова я делом отвечать могу.

Столовая Щетка

Ты дело-то дурное уж успел свершить.

Менехм II

Пожалуйста, скажи мне, как зовут тебя.

Столовая Щетка

Меня? Да ты смеешься надо мной еще?

Менехм II

Смеюсь? Да никогда тебя не видывал
И не знаком с тобою. Но кто б пи был ты,
Будь осторожен лучше и не зли меня.

Столовая Щетка

Менехм, проснися.

Менехм II

Да не сплю я, кажется.

Столовая Щетка

Я парасит твой, понимаешь?

Менехм II

Понял я.
Ты, парень, — сумасшедший; узнаю теперь.

Столовая Щетка

Скажи-ка мне: сегодня ты похитил плащ
И от жены понес его к Эротии?

Менехм II

Не похищал, не относил к Эротии
И не женат. Услышал ты, помешанный?

Столовая Щетка

Все кончено! Иль скажешь, не видал тебя
Одетым в плащ предлинный?

Менехм II

Ах, презреннейший! На свете скоморохи все, по-твоему,
Как ты, чтоб в плащ рядиться? Ты видал меня?

Столовая Щетка

Видал, конечно.

Менехм II

Поскорей проваливай
И от болезни поспеши очиститься.

Столовая Щетка

Теперь никак пощады ты не вымолишь.
Все по порядку расскажу жене твоей.
И мы припомним все твои ругательства…
И то, что съел ты без меня, припомнится!

(Уходит.)
Менехм II

Что это значит? Все, кого ни встречу я,
Меня морочат… тише, заскрипела дверь.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Служанка, Менехм II.

Служанка

Снеси вот это к золотых дел мастеру,
Вели прибавить золота на унцию, —
Пусть эту змейку заново отделает.

Менехм II

Исполню все, и если что еще велит,
Скажи, с таким же выполню усердием.

Служанка

Ты помнишь змейку?

Менехм II

Помню, что из золота…

Служанка

Да как же? Ты недавно ведь рассказывал:
Ее ты выкрал у жены из ящика.

Менехм II

Вот чепуха-то, право!

Служанка

Как, непомнишь ты?
Отдай же змейку, если позабыл…

Менехм II

Постой,
Нет, нет, я вспомнил, так и есть, та самая!
Еще браслет побольше я тогда принес?

Служанка

Нет, и не думал.

Менехм II

Верно, и не думал я.

Служанка

Так что ж ответить?

Менехм II

Все, скажи, устрою я
И плащ со змейкой вместе принесу назад.

Служанка

Менехм, голубчик, прикажи, пожалуйста,
Мне сделать серьги — легкие! — из золота —
Тебя встречать я буду с большей радостью…

Менехм II

Что ж, я работу оплачу: дай золота.

Служанка

Нет, заплати уж сам, а я потом отдам.

Менехм II

Нет, заплати сама, а я вдвойне отдам.

Служанка

Дала б, да нету…

Менехм II

Нет, так подожди пока.

Служанка

Ну, до свиданья.

(Уходит.)
Менехм II

Так скажи, устрою все…
Да так, что плащ и змейка будут проданы.
Ушла служанка? Наконец! Закрыла дверь!
Воистину все боги помогают мне.
Но я-то что же медлю? Благо время есть,
От всех соблазнов здешних убегу, — скорей,
Спеши, Менехм! Живее в путь, ускорь шаги!
Венок сниму и брошу вот сюда, а сам
Бегу направо, чтобы замести следы.
Теперь Мессениона я найти хочу,
Чтоб перед ним удачею похвастаться.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Матрона, Столовая Щетка.
Матрона

Тайком ворует все, что может, из дому,
Чтоб отнести к подружке? Вот примерный муж!
Так не стерплю же этого.

Столовая Щетка

Постой, постой.
На месте преступленья будет пойман он.
Венок напялив, вышел он, напившись пьян,
Чтоб отнести в починку плащ украденный…
Да вот венок тот самый! Что ж, по-твоему,
Соврал я? Так по следу и пойдем за ним.
Да вот и сам он, кстати, возвращается,
И без плаща.

Матрона

Ну как же обойтись мне с ним?

Столовая Щетка

Да как всегда: наискрернейшим образом.
Но отойдем в засаду. Здесь послушаем.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Менехм I,Столовая Щетка, Матрона.
Менехм I

Ну это ль не глупость, не вздор, не обуза!
Однако ж мы все чем знатней, тем сильнее
Виновны в обычае этом нелепом.
Клиентов побольше хотим залучить мы,
А честные, нет ли — какое нам дело!
Теперь нам важны только деньги клиента.
Будь честен, да беден, ты нам не пригоден,
Нам нужен богатый, хотя б и мошенник.
Закон, справедливость и право не ставят
Они ни во что и патронов терзают.
Взяв долг, отрекаются, рады судиться,
И рады ограбить, и рады надуть.
В рост деньги ссужают и данную клятву
Нарушить они не боятся.
А когда их в суд потащат, должен и патрон идти.
Должен их дела дурные он словами прикрывать,

Отвечать перед народом, перед претором, в суде!
Вот и нынче так замучен я клиентом и не мог
К милой вовремя поспеть я, так меня он замотал.
У него там накопилась куча самых темных дел.
Как тут защитить? Я путал, и крутил, и заводил.
И направо и налево… предлагаю, наконец,
На условиях хитрейших биться с нами об заклад.[268]
Ну, а что ж клиент мой? Лезет все же прямо напролом!
Ну конечно, и попался, и процесс свой проиграл:
Три свидетеля бесспорных доказали все как есть.
Чтоб гром его пришиб за то,
Что день совсем испортил мне.
Да и меня за то, что вдруг
На форум нынче сунулся.
А мог быть день чудеснейший.
Хотел устроить пиршество,
Давно уж ждет Эротия.
Чуть кончил дело, в тот же миг
Бегом пустился с форума.
Она, наверно, сердится.
Да пусть плащом утешится.
Его стащил недаром у жены своей.

Столовая Щетка

Что ты скажешь?

Матрона

А то, что мой муж — негодяй!

Столовая Щетка

Ты слова его слышала ясно?

Матрона

Очень ясно.

Менехм I

Войду же; там радости ждут.

Столовая Щетка

Погоди, огорченья, быть может.

Матрона

Этот плащ себе на горе ты стащил.

---

268 ***…предлагаю… биться… об заклад*** *— то есть чтобы обе стороны внесли перед разбором дела денежный залог, который затем достанется выигравшей стороне.*

Столовая Щетка
(Матроне)

Еще наддай!

Матрона

Или подлости такие думал ты свершать тайком?

Менехм I

Но скажи мне, в чем же дело?

Матрона

Смеешь спрашивать меня?

Менехм I

Не его же! В чем обида, женушка?

Столовая Щетка

Ишь ласков как!

Менехм I

Я не звал тебя, чего ты привязался?

Матрона

Руки прочь! Обниматься не желаю.

Столовая Щетка

Правильно!

Менехм I

Жена моя,
Почему грустишь?

Матрона

Не знаешь?

Столовая Щетка

Притворяется, подлец.

Менехм I

В чем причина?

Матрона

Плащ — причина.

Менехм I

Плащ?

Матрона

А что ж ты побледнел?

Менехм I

Я? Ни чуточки.
А впрочем, виноват твой плач, не плащ.

Столовая Щетка

Без меня еду прикончил.
На ж тебе.

(К матроне.)

Еще наддай!

Менехм I
(Щетке)

Замолчи!

Столовая Щетка
Не замолчу я.
(Матроне.)

Мне кивает, чтоб молчал.

Менехм I

Нет, клянусь, что я ни разу не кивал и не мигал.

Столовая Щетка

Вот нахальство! То, что оба мы видали, отрицать?

Менехм I

Всеми я клянусь богами — видишь, клятва велика! — Не кивал я.

Столовая Щетка

Ладно, к делу возвращайся поскорей.

Менехм I

А куда мне возвращаться?

Столовая Щетка

А туда, где чинят плащ.

Менехм I

Что за плащ?

Столовая Щетка

Я умолкаю. Ты чего ж не говоришь?

Матрона

Что ж мне говорить, несчастной!

Менехм I

Чем несчастна ты, скажи?
Может, раб или рабыня провинились пред тобой,
Нагрубили? Отвечай же. Я задам им.

Матрона

Чепуха.

Менехм I

Ты меня своей печалью огорчаешь.

Матрона

Чепуха.

Менехм I

На кого-нибудь ты дома рассердилась?

Матрона

Чепуха.

Менехм I

Уж не на меня ль сердита?

Матрона

Вот теперь не чепуха.

Менехм I

Но ни в чем я не виновен.

Матрона

Это снова чепуха.

Столовая Щетка
(Менехму)

Вот теперь небось не будешь бегать без меня на пир
И не будешь в пьяном виде издеваться надо мной.

Менехм I

На пиру и не бывал я, даже в дом не заходил.

Столовая Щетка

Не был, говоришь?

Менехм I

Конечно.

Столовая Щетка

Не был, а? Каков наглец!
Что же, я тебя не видел перед дверью и в венке?
Иль, по-твоему, меня ты сумасшедшим неназвал,
Говоря, что ты приезжий и со мною не знаком?

Менехм I

Да с тех пор, как мы расстались, я сюда не приходил.

Столовая Щетка

Ладно, думал ты, наверно, что тебе не отомщу.
Все твоей жене сказал я.

Менехм I

Что сказал?

Столовая Щетка

Не помню что
Ты б ее спросил.

Менехм I

В чем дело? Что тебе он рассказал?
Ты молчишь? Ты мне не скажешь?

Матрона

Будто ты не знаешь сам? Ну, к чему вопросы?

Менехм I

Знал бы, так не спрашивал.

Столовая Щетка

Наглец!
Сколько хочешь притворяйся, все равно не сможешь скрыть.
Рассказал я все, как было,

Менехм I

Что?

Матрона

Коль так бесстыден ты
И сознаться сам не хочешь, ну, так выслушай меня
И узнаешь, что сказал он, чем меня он огорчил.
У меня ведь плащ украли.

Менехм I

Плащ украли у меня?

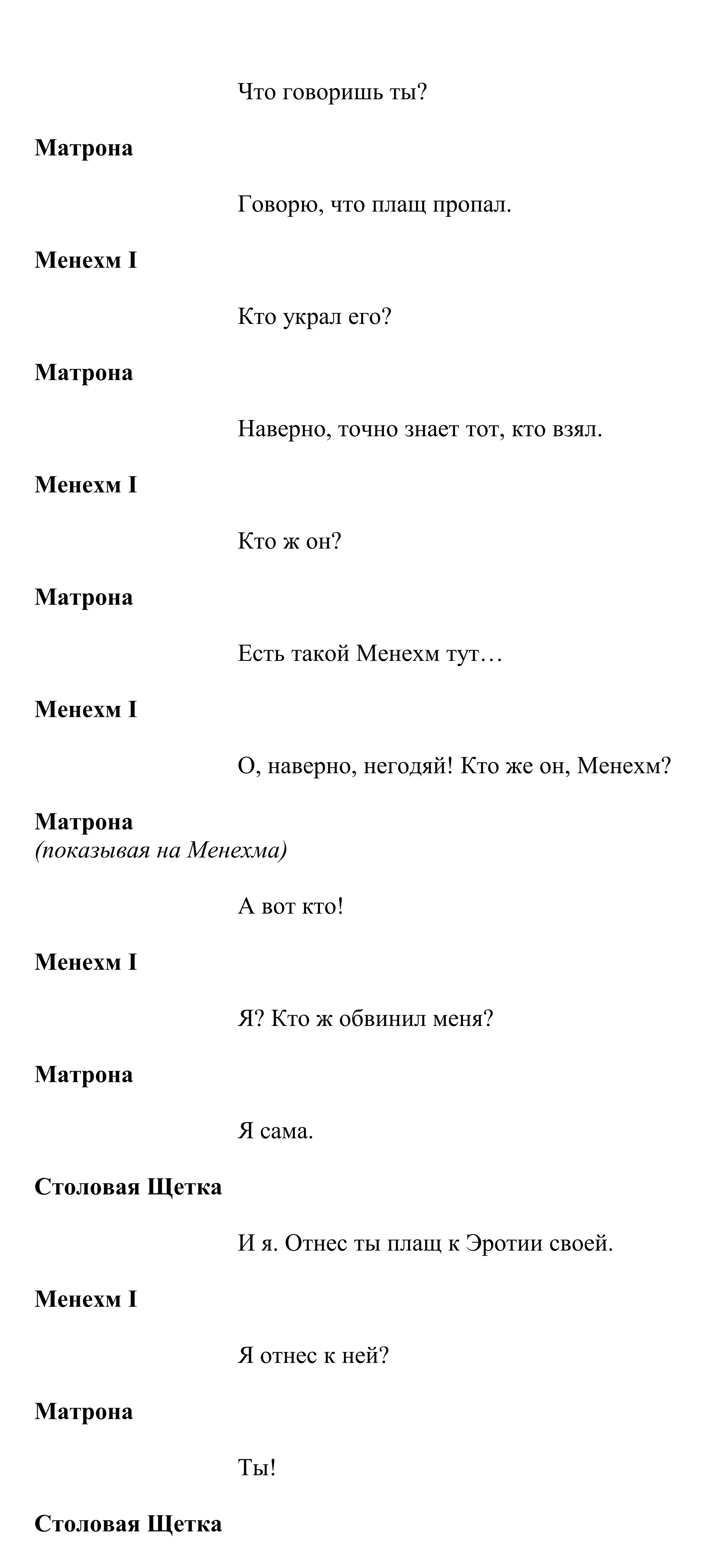
Столовая Щетка

Изворотлив же мерзавец! У нее, не у тебя!
Если б у тебя украли, плащ на месте бы лежал.

Менехм I
(Щетке)

Прочь пошел!

(Жене.)

Что говоришь ты?

Матрона

Говорю, что плащ пропал.

Менехм I

Кто украл его?

Матрона

Наверно, точно знает тот, кто взял.

Менехм I

Кто ж он?

Матрона

Есть такой Менехм тут…

Менехм I

О, наверно, негодяй! Кто же он, Менехм?

Матрона
(показывая на Менехма)

А вот кто!

Менехм I

Я? Кто ж обвинил меня?

Матрона

Я сама.

Столовая Щетка

И я. Отнес ты плащ к Эротии своей.

Менехм I

Я отнес к ней?

Матрона

Ты!

Столовая Щетка

Ты, ты, ты… хочешь, дятла принесем,
Чтоб вдолбил тебе он в череп?
Мы устали «ты» кричать.

Менехм I

Всеми я клянусь богами — видишь, клятва велика!
Не давал я…

Столовая Щетка

Мы ж клянёмся, что мы правду говорим.

Менехм I

Не давал его… в подарок, лишь на содержанье дал.

Матрона

Если б я твою хламиду постороннему дала,
Ты бы рад был? Пусть бы лучше за своей следила я,
Ты же за своей одеждой. Возврати-ка плащ скорей.

Менехм I

Мигом возвращу!

Матрона

Ну, что же, очень рада за тебя,
Потому что без него ты в этот дом не попадешь.
До свиданья.

Столовая Щетка

А за помощь ты не наградишь меня?

Матрона

Помогу тебе, коль кража будет в доме у тебя.

(Уходит.)
Столовая Щетка

Никогда не будет кражи. Дом мой совершенно пуст.
Чтоб вас громом разразило, мужа и жену! Пойду
Я на форум, здесь уж, видно, нечем поживиться мне.

(Уходит.)
Менехм I
(смотря вслед жене)

Думаешь, что наказала, выгнав из дому меня,
Будто нет такого дома, где мне будет веселей?
Гнев твой перенесть поможет мне Эротии любовь;
Здесь уж двери не закроют перед носом у меня.
Попрошу ее, пускай мне плащ подаренный вернет.
Ей куплю еще дороже. Эй, придверника сюда!
Отворите, позовите мне Эротию скорей.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Эротия

Кто здесь?

Менехм I

Тот, кому дороже ты, чем собственная жизнь.

Эротия

Мой Менехм, к чему ж стоять нам перед дверью…

Менехм I

Погоди,
Знаешь, для чего пришел я?

Эротия

Знаю, чтоб меня обнять.

Менехм I

Вовсе нет. А вот в чем дело: плащ, пожалуйста, верни,
Тот, что дал тебе в подарок. Все пронюхала жена.
А тебе куплю я вдвое лучше. Выбери сама!

Эротия

Да его для переделки я тебе уж отдала
И еще просила змейку я исправить заодно.

Менехм I

Ты дала мне плащ и змейку? Брось, пожалуйста, шутить.
Помнишь, я принес подарок? А потом с тех самых пор
С форума не возвращался.

Эротия

Вот ты что затеял? Так!
Обмануть меня ты хочешь, чтоб вещей не возвращать!

Менехм I

Вовсе не хочу тебя я обмануть. Уж я сказал:
Все жена узнала.

Эротия

Ладно. Не просила у тебя
Я подарка, сам принес мне, сам же требуешь назад
То, что дал. Пускай. Согласна. Отнимай. Хоть сам носи,
На жену напяль, коль хочешь, или в ящик положи,
Но зато ко мне отныне не трудись уж приходить,
Если только ты не сможешь денег выложить на стол,
Безнаказанно не дам я издеваться надо мной, —
Поищи другую дуру, чтобы даром обнимать.

(Уходит.)
Менехм I

Слитком ты погорячилась. Погоди немного, эй!
Возвратись, постой! Неужто не вернешься ты ко мне?
Нет, ушла. Закрыла двери. Отовсюду выгнан я.
И к жене нельзя вернуться, и к Эротии войти.
Посоветуюсь с друзьями, как теперь мне поступить.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Менехм II, Матрона.
Менехм II

Я очень глупо сделал, что кошель беречь
Мессениону поручил. Ведь он теперь
Застрял, неверно, в кабаке каком-нибудь.

Матрона
(выходит)

А погляжу-ка, скоро ль мой супруг придет.
Да вот и он. Ну, слава богу, плащ принес.

Менехм II
(не замечая Матроны)

Не понимаю, где Мессенион торчит.

Матрона

А ну-ка, с ним поговорю как следует!
И смеешь ты, бесстыдник, на глаза мои
С плащом являться этим?

Менехм II

Что за вздор еще? Ты, женщина, что злишься?

Матрона

Как решаешься
Пролепетать хоть слово, говорить со мной?

Менехм II

А что ж я сделал, чтобы не решаться-то?

Матрона

Ты спрашиваешь? Ах, наглец бесстыднейший!

Менехм II

А знаешь ты, за что прозвали эллины
Собакою Гекубу?

Матрона

Нет, не помню я.

Менехм II

Не помнишь? А за подвиги такие же:
Всех встречных осыпала страшной, руганью
И по заслугам названа Собакою.

Матрона

Нет, не стерплю я поношений этаких…
Уж лучше мне без мужа целый век прожить,
Чем эти оскорбления выслушивать!

Менехм II

Да мне-то что за дело, будешь с мужем ты
Иль с ним расстаться хочешь? Что, обычай здесь
Приезжим басни всякие рассказывать?

Матрона

Какие басни? Лучше, говорю тебе,
Мне жить одной, чем твой бесстыдный нрав терпеть.

Менехм II

Да мне-то что? Живи одна, пожалуйста,
Хоть до кончины самого Юпитера.

Матрона

А говорил, что у меня не крал плаща,
И сам его приносишь! И не срам тебе?

Менехм II

И наглая ж и скверная ты женщина!
Мне этот плащ другая, а не ты дала, —
Для переделки. Перестань выдумывать!

Матрона

Так вот как! Мигом позову отца сюда
И по порядку все, как было, выложу.
Эй, Децион, ты сбегай за отцом моим,
И пусть живей приходит. Дело важное!
Я о твоих поступках расскажу.

Менехм II

О чем? Свихнулась ты?

Матрона

Воруешь вечно из дому
Плащи мои, браслеты и уносишь все
К подружке; что же, басни это, скажешь ты?

Менехм II

Не знаешь ли, какого зелья выпить мне,
Чтоб я твое нахальство мог выдерживать?
Кем ты меня считаешь, неизвестно мне,
С тобой знаком я, как с троянским Гектором.

Матрона

Что ж, смейся, как-то будешь над отцом моим
Смеяться. Вот, ты видишь, он идет сюда.
Хоть с ним знаком ты?

Менехм II

Осаждал я Трою с ним.
И в тот же день с тобою познакомился.

Матрона

Не хочешь знать меня? Отца не хочешь знать?

Менехм II

Нет, не хочу, хоть дедушку зови сюда.

Матрона

Что раньше, что сейчас! Все штуки старые!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Старик

Старик я! Мой шаг слаб, в ногах дрожь, вперед я
Могу лишь тихонько идти, еле-еле.
И то мне большой труд, скрывать я не стану!
Проворства пропал след, годами согбен я.
Тяжел на подъем: нынче, сил нету прежних.
Ох, старость — не радость, ох, дряхлым беда быть!
Несет сколько злой доли тем, кто уж стар стал.
Сказать все и сил нет, и слишком уж долго…
Да вот невдомек мне, чего ж это дочь вдруг
Меня так поспешно к себе просит нынче!
И что тут? Веда в чем? К чему так спешить мне?
Но, кажется, сам я уж знаю, в чем дело.
Опять с мужем спор, верно, стал слишком жарким.
Таков нрав тех жен, что с приданым вошли в дом
Супруга, — хотят, чтоб рабом стал для них он…
Совсем без греха тут и муж не бывает,
К тому же терпенью жены есть предел ведь.
Когда ж звать отца дочь без толку захочет!
Вины мужа тут есть, наверно, немало.
Сейчас все узнаю. Стоит дочка здесь уж,
А вот муж поодаль. Мрачней тучи, вижу!
Ну так, как я и думал. Позову к себе я дочку.

Матрона

Здравствуй, милый мой отец.

Старик

Здравствуй. Все ль благополучно здесь? И почему зовешь?
Ты мрачна, а он рассержен, и стоите оба врозь?

Почему-нибудь, наверно, вы поссорились опять.
Ну, кто прав, а кто виновен, говори без долгих слов.

Матрона

Я ни в чем не погрешила.
Вот тебе мой первый сказ.
Но остаться здесь и дольше мучиться не в силах, я.
Уведи, меня отсюда!

Старик

Почему ж?

Матрона

А ни во что
Здесь меня не ставят.

Старик

Кто же?

Матрона

Муж, тобою данный мне.

Старик

Значит, снова перебранка? Сколько раз я повторял:
Ваших жалоб друг на друга больше слышать не хочу!

Матрона

Как же избежать мне жалоб?

Старик

Стоит только захотеть.
Сколько раз уж говорил я. Мужу угождай во всем,
Не следи, куда идет он, что он делать собрался…

Матрона

Но завел он здесь гетеру по соседству!

Старик

Ну так что ж? За твое шпионство мог бы нескольких он завести.

Матрона

Но он пьет там!

Старик

Что ж, прикажешь, чтоб он вовсе бросил пить
Там, иль тут, иль где угодно? Что ты обнаглела так?
Право, не хватало только, чтоб он в гости не ходил
И к себе гостей не смел бы приглашать. Да что он, раб
Или муж тебе? Ты: рада б дать ему дневной урок,
Посадить среди служанок и заставить пряжу прясть.

Матрона

Призвала я адвоката, видно, мужу, не себе.
Ты меня возьми в защиту.

Старик

Если провинился он,
Обвиню его гораздо строже, чем тебя винил,
Но ведь в платьях, в украшеньях, и в служанках, и в деньгах
Ты не видишь недостатка, что ж ты злишься на него?

Матрона

Да из ящиков крадет он драгоценности, плащи.
Он меня совсем ограбит, все таская для гетер.

Старик

Если правда, это скверно; если нет, то ты скверна,
Обвиняя невиновных.

Матрона

Видишь, держит он мой плащ.
Я узнала о покраже, вот он и принес назад.

Старик

Все сейчас я разузнаю; с ним самим поговорю.
Мой Менехм, тебя прошу я, в чем: тут дело, объясни.
Ты грустишь, она сердита, и стоите оба врозь.

Менехм II

Слушай, старец, кто б ты ни был.
Я Юпитером клянусь
И богами остальными…

Старик

В чем же ты клянешься так?

Менехм II

Что ничем я не обидел: этой женщины. Она ж
Уверяет, что украл я плащ из дома у нее.
Да пускай меня отныне все несчастья поразят,
Если был я хоть минуту в доме, где она живет.

Старик

Что ты, что ты, сумасшедший, накликаешь на себя.
Будто не был в этом доме, где ты сам всегда живешь.

Менехм II

Что, старик, вот в этом доме я, по-твоему, живу?

Старик

Иль неправда?

Менехм II

Да, неправда.

Старик

Видно, шутки шутишь ты.
Разве выехал отсюда ночью?
Дочка, подойди.
Выехали вы отсюда, правда?

Матрона

Что ты, для чего?

Старик

А почем я знаю?

Матрона

Видишь, он смеется над тобой.

Старик

Ну, Менехм, довольно шуток.
К делу перейдем теперь.

Менехм II

Нет, скажи, чего ты лезешь?
Кто ты: и откуда ты?
За какие преступленья вы изводите меня?

Матрона

Вот, глаза позеленели, и на лбу и на висках
Разлилася желчь, ты видишь?
Видишь, как блестят белки?

Менехм II
(в публику)

Думают, что я безумен? Что же, ладно, в добрый час.
Сам прикинусь я безумным и отделаюсь от них.

Матрона

Рот открыт, руками машет, — что же делать мне, отец?

Старик

Подойди ко мне, родная, и подальше от него.

Менехм II

О Иакх, о Бромий, в чащу на охоту ты зовешь.[269]
Слышу, слышу, но не в силах я уйти из этих мест.
Псица яростная слева стережет мои шаги,
А козел бодливый справа. Он уж многих на суде
Погубил невинных граждан показаньем, полным лжи.

Старик

Чтоб ты лопнул!

Менехм II

Вот вещает повелитель Аполлон
Взять воспламененный факел, чтобы выжечь ей глаза.

Матрона

Ай, ай, ай, отец, ты слышишь, выжечь мне глаза грозит.

Менехм II
(в публику)

Говорят, что я безумен, а ведь сами без ума.

---

269 ***О Иакх, о Бромий…*** *— Притворяясь бесноватым вакхантом, герой выкрикивает культовые имена Диониса.*

Старик

Дочка, горе!

Матрона

Что ж нам делать?

Старик

Не позвать ли мне рабов?
Пусть его скорее схватят, свяжут, унесут, запрут,
Чтобы натворить не мог он больших бед.

Матрона

Ты прав, спеши.

Менехм II
(в публику)

Что-нибудь придумать надо, чтоб меня не унесли.

(Громко.)

Ты велишь мне, что есть силы, исковеркать ей лицо,
Если тотчас не успеет с глаз моих убраться прочь…
Аполлон, приказ исполню!

Старик

Убегай-ка поскорей! А не то ведь поколотит.

Матрона
(тихо)

Убегу, а ты смотри,
Чтобы не ушел он.
Вот уж вправду горький мой удел!

Менехм II

Эту выгнал я недурно.
(Громко.)
А теперь ты мне велишь,
Чтобы дряхлый нечестивец,
Кикнов сын…[270] чтобы ему,
Бородатому Тифону,[271] посох выхватив из рук,

---

270 ***Кикнов сын.*** *— Кикн — имя по меньшей мере пяти мифологических героев. Кого из них имеет в виду Плавт — непонятно.*

271 ***…бородатому Тифону…*** *— Тифон — сын троянского царя Лаомедонта. Полюбив Тифона, богиня*

Раскроил я череп, кости раздробил.

Старик

Эй, берегись! Ты меня не смей касаться, подходить ко мне не смей.

Менехм II

Твой приказ исполню снова. Нападу на старика
И двуострою секирой внутренности раскрошу.

Старик

Ну, теперь пора беречься и скорее убегать.
А не то, боюсь, угрозу выполнит и вправду он.

Менехм II

Аполлон, приказ твой труден. В колеснице лошадей
Необъезженных и диких ты велишь теперь мне стать,
Чтоб беззубый и вонючий этот лев раздавлен был?
Я всхожу на колесницу, вожжи взял, и бич в руке.
Мчитесь, кони, быстро мчитесь, пусть раздастся звон копыт,
Ноги легкие согните, напрягите и вперед!

Старик

Мне грозишь ты колесницей!

Менехм II

Снова, снова, Аполлон,
На него велишь напасть мне, опрокинуть и убить.
Кто ж, однако, мне вцепился в волосы и вдруг низверг
С колесницы, нарушая твой приказ, о Аполлон!

(Падает.)

Старик
Уж вот болезнь ужасная, воистину!
Ведь был еще недавно он совсем здоров —
И вот такое сразу сумасшествие!
Пойду-ка поскорее вызвать лекаря.

(Уходит.)
Менехм II
(приподнимаясь)

утренней зари Эос уговорила Зевса даровать ему бессмертие, но не выпросила для своего возлюбленного вечной юности, и Тифон одряхлел: у него стали сохнуть руки и ноги и пропал голос. Менехм II называет Тифоном отца матроны за его старость.

Ну, наконец-то удалились с глаз моих
Принудившие здравого безумствовать!
На палубу скорее, благо вырвался!

(К зрителям.)

Вы ж, господа, не говорите старому,
Какой отсюда убежал я улицей.

(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Старик, лекарь.
Старик

Сидеть устали кости и глаза — глядеть,
А все никак не мог дождаться лекаря.
Потом, вернувшись, стал он говорить, что он
И Эскулапу излечил полом ноги,
И Аполлону руку. Так что, кажется,
Ваятеля позвал я, а не лекаря.
Да вот он! Будто черепаха, движется.

Лекарь

Ну, чем он болен? Все мне расскажи, старик.
Он одержимый или слабоумный лишь?
Что с ним такое? Спячка ли, водянка ли?

Старик

А для того и зван ты, чтоб узнать болезнь
И вылечить.

Лекарь

Ну, это дело легкое! Ручаюсь честью, мигом будет вылечен.

Старик

Нет, ты его вылечивай старательно.

Лекарь

Сто раз на дню я буду горевать над ним:
С таким примусь стараньем за лечение.

Старик

Да вот и он. Посмотрим, что он сделает.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Менехм I, старик, лекарь.

Менехм I

(входит)

Вот уж, право, день нелепый, неудачный и дурной! —
Что тайком хотел я сделать, обо всем мой парасит
Растрезвонил, и напуган и обруган я теперь.
Словно он Улисс, чтоб горя столько причинять царю!
Но поплатится за это скоро жизнью он своей.
Впрочем, жизнь его давно уж стала мне принадлежать:
Он ведь жив моей едою. Так лишу его души!
Хороша же и гетера! Постояла за себя.
Я прошу мне дать обратно плащ, чтобы вернуть жене,
А она в ответ: «Дала уж!» Горе мне, несчастлив я.

Старик

Что он говорит?

Лекарь

Несчастлив, говорит.

Старик

Ну, подходи.

Лекарь

Здравствуй, мой Менехм. Ты что же руку обнажил?
Прикрой. Это при твоей болезни может очень повредить.

Менехм I

Убирайся, чтоб ты лопнул.

Старик

Замечаешь?

Лекарь

Как же нет!
Здесь втираньями простыми чемерицы не помочь.
Вот что, друг мой…

Менехм I

Что?

Лекарь

Скажи мне, пьешь ты белое вино,
Или красное ты любишь?

Менехм I

Что за вздор! К чему вопрос?

Лекарь

Это чрезвычайно важно.

Менехм I

А пошел ты прочь скорей.

Лекарь
(старику)
Вот, безумствовать уж начал!
Менехм I

Ты б еще меня спросил,
Хлеб пурпурный, или алый, или желтый я люблю?
Не люблю ли рыбу в перьях или птицу в чешуе?

Старик
(лекарю)

Слышишь, что он там городит?
Хоть лекарство, что ли, дай.
Да скорей, не то припадок снова овладеет им.

Лекарь

Погоди, еще я должен расспросить.

Старик

Скорей, болтун!

Лекарь
(Менехму)

У тебя бывают часто выкаченные глаза?

Менехм I

Что я, краб приморский, что ли, чтоб выкатывать глаза?

Лекарь

А скажи-ка мне: бурчанье ты в желудке замечал?

Менехм I

Если сыт, так все спокойно; если голоден, бурчит.

Лекарь

Вот теперь он так ответил, будто не сходил с ума!
Ну, а спишь ты до рассвета? Засыпаешь быстро ты?

Менехм I

Коль с долгами расплатился, так великолепно сплю.
Чтобы гром тебя, допытчик, тут на месте поразил!

Лекарь

Приближается припадок, судя по его словам.

Старик

Он теперь умен, как Нестор, судя по его словам.
А недавно назвал псицей собственную он жену.

Менехм I

Я-то назвал?

Старик

Да, в безумье.

Менехм I

Я?

Старик

Ну да, конечно, ты.
И четверкой диких коней растоптать меня грозил.

Менехм I

Что за вздор? Кто это видел? Кто посмеет утверждать?

Старик

Я видал и утверждаю, что ты делал это все.

Менехм I

Я же видел, что украл ты у Юпитера венок.
Видел также, что в темницу бросили тебя за то,
А потом, связав, в колодках, выпороли поделом.
Видел, как отца убил ты и как продал в рабство мать.
Видишь, я здоров! Умею бранью отвечать на брань.

Старик

Лекарь, лекарь, умоляю, поскорее помоги.
Видишь сам — он сумасшедший.

Лекарь

Вот что надо сделать нам. Пусть его ко мне притащат.

Старик

Будет лучше?

Лекарь

Разве ж нет? За него примуся дома я по-своему.

Старик

Примись.

Лекарь

У меня он чемерицы поглотает двадцать дней.

Менехм I

У меня же повопишь ты под плетьми и тридцать дней.

Лекарь

Позови людей скорее, пусть возьмут.

Старик

А скольких звать?

Лекарь

Для него, в таком безумье, уж не меньше четверых.

Старик

Мигом будут; ты же, лекарь, стереги его.

Лекарь

Ну, нет.
Лучше дома приготовлю все, что надо. Так скажи
Ты рабам, пускай притащат.

Старик

Ладно.

Лекарь

Ухожу.

Старик

Прощай.

Оба уходят.
Менехм I

Тесть ушел, ушел и лекарь. Наконец-то я один!
В чем тут дело, что безумным вздумали меня считать!
Ведь с тех нор, как я родился, я ни разу не болел,
И совсем я не безумен: драк и ссор не затевал,
Сам я здрав, встречаю здравых, знаю тех, с кем говорю.
А кричат, что я безумен… или сами без ума?
Как мне быть? Домой хочу я — да не пустит ведь жена.

(Показывая на дом Эротии.)

А туда и не пытаюсь; слишком плохи там дела.
Что ж, останусь здесь; хоть ночью пустят, может быть, домой.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Мессенион
(входит)

Пример всем рабам тот мудрец-раб, блюдет кто,
Забот полон страхов, добро господина.
Пусть тот прочь ушел, раб храпит все, как прежде,
Усердно и так, будто смотрят за ним.
Ведь тот, кто умом здрав, поймет, что важней быть
Небитым, чем есть, сколько влезет в живот.
Пусть вспомнит бездельник, награда какая
Его ждет за лень от руки господина:
Битье, труд на мельнице тяжкий, колодки,
И голод, и холод
Порокам его воздаянье.
Вот потому-то, я уверен, лучше добрым быть слугой.

Ушам приятней разговоры, чем спине кулак и плеть.
Приятней поедать хлеба, чем хлеб на мельнице молоть.
Вот потому-то я послушен и усерден потому
И, право, пользу вижу в том!
Пускай другие поступают как угодно, я ж мой долг
Со страхом буду выполнять, чтоб мне не провиниться в чем.
Ведь в том и добродетель наша — всякой избегать вины.
И те, что глупы и беспечны, все раскаются потом,
А я надеюсь за усердье скоро волю получить.
Я спину гну, но от побоев этим спину берегу.
Теперь отвел рабов с поклажей я на постоялый двор,
И вот спешу сюда навстречу. Постучу-ка в дверь к нему,
Попытаюсь из притона я хозяина спасти.
Но, боюсь, пришел я поздно и уже проигран бой.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Старик, Менехм I, рабы, Мессенион.

Старик

(рабам)

Заклинаю вас богами, приказание мое
Вы усердно выполняйте; вот, еще раз повторю:
Вы его хватайте мигом и к врачу бегите с ним,
Если палок не желают ваши спины и бока.
Да смотрите, не пугаться, коль он будет угрожать!
Ну что ж стоите, что ж боитесь? Уж давно хватать пора.
А я пойду к врачу скорей и там вас встречу.

(Уходит.)

Менехм I

Горе мне!
Что тут за притча? Что за люди?
Для чего ко мне бегут? Чего хотите?
Что вам надо? Окружать меня к чему?
Зачем хватать? Куда несете? Стойте!
Умоляю вас,
Сограждане, скорей на помощь!
Отпустите вы меня.

Мессенион

Благие боги, что же это, что же это вижу я?
Уносят эти негодяи господина моего.

Менехм I

Помочь никто мне не решится?

Мессенион

Я решусь, мой господин
Злодейство недостойное,
О граждане, чтоб кто-нибудь
Похитить в мирном городе
Средь бела дня осмелился
Свободного приезжего! Отпустите!

Менехм I

Умоляю, кто б ты ни был, заступись.
И такого преступленья не позволь им совершить!

Мессенион

Ни за что я не позволю, заступлюсь и помогу
И тебе не дам: погибнуть — лучше уж погибну сам.
Вот того хвати по глазу, что впился тебе в плечо,
Я же быстро постараюсь остальным разбить носы.
Вот увидите, схватили вы его себе назло.

(Бьет рабов.)
Менехм I

Вот хватил его по глазу!

Мессенион

Выбей глаз ему совсем,
Вот вам, плуты, негодяи и разбойники.

Рабы
(продолжая держать Менехма)

Постой! Пощади!

Мессенион

А вы оставьте!

Менехм I

Что ж вы держите меня? Колоти еще!

Мессенион

Бегите, уносите ноги прочь!
Ты, я вижу, вздумал медлить? Получи еще удар.

Рабы убегают.

Господин мой, что ты скажешь, славно я отделал их

И тебе на помощь, правда, вовремя сумел прийти?

Менехм I

Пусть же, кто б ты ни был, боги наградят тебя за то.
Не дожить бы мне до ночи, если б ты не спас меня.

Мессенион

И за это справедливо, чтобы мне ты волю дал.

Менехм I

Чтобы я тебе дал волю?

Мессенион

Я ведь спас тебя.

Менехм I

Постой. Ты ошибся, друг мой.

Мессенион

В чем же?

Менехм I

Да Юпитером клянусь,
Что тебе не господин я!

Мессенион

Брось шутить.

Менехм I

Я не шучу. Ни один мой раб ни разу не спасал меня, как ты!

Мессенион

Вот как? Значит, на свободу ты позволишь мне идти?

Менехм I

Мне-то что же? Будь свободен, уходи, я не держу.

Мессенион

Приказать мне можешь?

Менехм I

Ладно, вот, приказываю я.

Мессенион

Мой патрон, спасибо.

(Изображая других, поздравляющих его, рабов.)

«С волей мы, Мессенион, тебя
Поздравляем». Да? Спасибо. Но прошу тебя, патрон,
Мной располагай свободным так, как будто я твой раб.
У тебя и жить я буду, и домой вернусь с тобой.

Менехм I
(в публику)

Как же, так тебя и пустят!

Мессенион

Я на постоялый двор
Сбегаю сейчас: поклажу принесу и кошелек, —
Он надежно мною спрятан!

Менехм I

Кошелек? Неси, неси!

Мессенион

Сколько было денег, столько и верну. Ты здесь пожди!

(Уходит.)
Менехм I

Нет, поистине сегодня здесь творятся чудеса!
Те меня смешали с кем-то, отовсюду выгнав прочь,
А вот этот уверяет, что он был моим рабом!
Принести еще хотел он мне какой-то кошелек.
Пусть несет! Его сейчас же на свободу отпущу.
А не то, очнувшись, станет деньги требовать с меня.
Ну, а лекарь с тестем молвят, будто я сошел с ума.
Ничего не понимаю! Иль приснилось это мне?
Вновь к гетере попытаюсь. Хоть и злится на меня,
А быть может, все ж удастся упросить, пусть плащ вернет.

(Уходит к Эротии.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Менехм II, Мессенион.
Менехм II

Что? С тех пор как приказал я приходить сюда за мной,
Мы с тобой встречались, дерзкий? Как ты лжешь!

Мессенион

Да только что
Я прогнал тебя схвативших четырех рабов. Вот здесь
Это было. Ты на помощь призывал еще весь мир.
Я примчался, я избил их, я освободил тебя!
И меня, за то в награду, ты на волю отпустил.
Я собрался за поклажей и за кошельком, а ты
Забежал вперед, навстречу, чтоб все это отрицать.

Менехм II

Я пустил тебя на волю?

Мессенион

Да, пустил.

Менехм II

Как бы не так!
Лучше сам рабом я стану, а тебя не отпущу.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Менехм I, Мессенион, Менехм II.
Менехм I
(выходя из дома Эротии)

А хоть бы вы и жизнью клялись, ото все же будет ложь,
Не уносил от вас сегодня я ни змейки, ни плаща!

Мессенион

Благие боги! Что я вижу!

Менехм II

Что ты видишь?

Мессенион

Образ твой!

Менехм II

Что за вздор?

Мессенион

Изображенье здесь точнейшее твое.

Менехм II

А и впрямь похож, насколько я знаком с самим собой.

Менехм I
(Мессениону)

Здравствуй, юноша, кто б ни был ты, что нынче спас меня.

Мессенион

Погоди-ка, будь любезным, как зовут тебя, скажи.

Менехм I

Что ж, отвечу на вопрос твой; ты ответа заслужил.
Я зовусь Менехмом.

Менехм II

Вот как? Я зовусь так, а не ты.

Менехм I

В Сиракузах Сицилийских я родился.

Менехм II

Там же я.

Менехм I

Что я слышу?

Менехм II

Слышишь правду.

Мессенион
(после долгого сравнения, обоих)

Я узнал! Вот чей я раб.
Я-то думал, что вот этот, а не тот мой господин.
За того тебя я принял, потому и так пристал.
Если вздор наговорил я, так уж ты меня прости.

Менехм II

Ты, я вижу, обезумел. Или вовсе ты забыл,
Что с тобой сошли на берег нынче мы.

Мессенион

Ты прав, ты прав!
Я твой раб, ты — мой хозяин.
Здравствуй же! А ты — прощай.
Вот кого зову Менехмом.

Менехм I

Ну, а я себя.

Менехм II

Постой, Что за вздор? Ты стал Менехмом?

Менехм I

Да, и Мосхом я рожден.

Менехм II

Как? Моим отцом рожден ты?

Менехм I

Собственным, а не твоим.
А в твоем я не нуждаюсь и не стану отнимать.

Мессенион

Вот нежданная надежда! Помогите, боги, мне!
Если я не ошибаюсь, это братья-близнецы:
И отец один и тот же, и отечество одно.
Кликну моего в сторонку. Эй, Менехм!

Оба Менехма

Что?

Мессенион

Сразу двух
Не хочу. На корабле-то был со мною кто?

Менехм I

Не я.

Менехм II

Я.

Мессенион

Тебя-то мне и надо. Подойди.

Менехм II

Что скажешь мне?

Мессенион

Этот человек, наверно, иль мошенник, иль твой брат,
Потому что больше сходства меж людьми я не видал
И, поверь мне, быть не может и меж каплями воды,
Так вы схожи! А к тому же родина, отец его,
Все одно с тобою. Надо расспросить бы нам его.

Менехм II

Вот спасибо! Это правда, очень дельный был совет.
Умоляю, постарайся, докажи, что он мой брат.
И тебе я дам свободу.

Мессенион

Да, надеюсь я.

Менехм II

И я!

Мессенион

Эй, голубчик, говоришь ты, что Менехм тебя зовут?

Менехм I

Да, зовут.

Мессенион

Зовут Менехмом и его. Родился ты
В Сиракузах Сицилийских?
Там же был и он рожден. Говоришь, что
Мосх — отец твой? Тот же у него отец.
Потрудитесь же вы оба для меня и для себя.

Менехм I

Ты достоин, чтоб исполнил я желание твое.
Словно я тобою куплен, так готов тебе служить.

Мессонион

Я надеюсь, что нашел я здесь двух братьев-близнецов,
Матерью одной рожденных и отцом и в день один.

Менехм I

Чудеса! Когда б все это ты и доказать сумел!

Мессенион

И сумею. На вопросы отвечайте же теперь.

Менехм I

Буду отвечать охотно. Ни о чем не умолчу.

Мессенион

Звать тебя Менехмом?

Менехм I

Правда.

Мессенион

Так же и тебя зовут?

Менехм II

Да.

Мессенион

И Мосх тебе отцом был?

Менехм I

Да, он самый.

Менехм II

Так и мне.

Мессенион

Ты из Сиракуз?

Менехм I

Конечно!

Мессенион

Ты оттуда ж?

Менехм II

Разве нет?

Мессенион

Совпадает все покуда.
Постарайтесь же еще.
Расскажи, как долго помнишь ты на родине себя?

Менехм I

Помню, для торговли ездил мой отец со мной в Тарент.
Там в толпе я затерялся и не мог его найти.

Менехм II

О Юпитер, помоги мне!

Мессенион

Что кричишь ты? Замолчи!
А когда ты потерялся, скольких лет был ты тогда?

Менехм I

Лет семи я был: впервые зубы я тогда терял.
И с тех пор отца не видел.

Мессенион

Ну, а много у отца
Было сыновей?

Менехм I

Насколько помню, двое было нас.

Мессенион

Кто ж из вас был старте?

Менехм I

Оба были в возрасте одном.

Мессенион

Как же так?

Менехм I

А с ним мы были близнецы.

Менехм II

О, я спасен!

Мессенион

Умолкаю, если будешь прерывать.

Менехм II

Молчу, молчу.

Мессенион

Ну, а звали вас обоих одинаково?

Менехм I

Отнюдь. Звался я Менехмом, тот же был по имени Сосикл.

Менехм II

Верно все! Нет, дольше ждать я не могу.
Дай обниму! Здравствуй, брат, родной мой, здравствуй.
Я ведь тот Сосикл и есть!

Менехм I

Почему ж потом Менехмом ты был назван, расскажи.

Менехм II

А когда дошло известье, что отец погиб с тобой,
То наш дед меня придумал именем, твоим назвать.

Менехм I

Я уже готов поверить, но скажи еще…

Менехм II

Ну что?

Менехм I

Мне ответь, как мать мы звали?

Менехм II

Тевксимархой.

Менехм I

Верно все.
Здравствуй же, мой брат нежданный!
Сколько лет прошло с тех пор!

Менехм II

И тебе привет, желанный!
Сколько странствий и трудов
В поисках перетерпел я!
Как я рад, тебя найдя!

Мессенион

Потому-то и гетера верно назвала тебя.
К завтраку небось хотела не тебя звать, а его.

Менехм I

Правда! Я сегодня завтрак приготовить здесь велел
Скрытно от жены: украл я у нее сегодня плащ
И гетере дал…

Менехм II

Украл ты плащ? Не этот ли?

Менехм I

Ну да! Как же он тебе достался?

Менехм II

А гетера мне дала,
Говоря, что мой подарок это; там на славу я
И поел, и выпил с нею, и унес браслет и плащ.

Менехм I

Что ж, я рад, что получил ты это все из-за меня.

Ведь она, тебя позвавши, думала, что это я.

Мессенион
Что же, ты меня отпустишь на свободу, наконец?
Менехм I

Брат мой, просьба справедлива.
Сделай это для меня.

Менехм II

Ладно.

Менехм I

С волей поздравляю я, Мессенион, тебя.

Мессенион

Пожелай уж лучше с волей не расстаться мне вовек.

Менехм II

Брат мой, все случилось это по желанью. Так теперь
Мы ж на родину вернемся оба.

Менехм I

Я готов, мой брат.
И устрою распродажу для всего, что есть. Пока ж
В дом войдем.

Менехм II

Прекрасно.

Мессенион

Стойте, есть к вам просьба у меня.

Менехм I

Что такое?

Мессенион

Я глашатай буду.

Менехм I

Ладно.

Мессенион

И сейчас
Объявлю о распродаже.

Менехм I

И назначь дней через шесть.

Мессенион
(в публику)

Распродажа у Менехма будет утром в день седьмой!
Продается дом, и утварь, и земля, и слуги — всё
Продается, что угодно, за наличную деньгу.
Продается и супруга… только б покупатель был.
Ну, а много с распродажи вряд ли выручит
Менехм! А теперь прошу похлопать нам погромче, зрители!

ПУБЛИЙ ТЕРЕНЦИЙ АФР

Прозвище «Афр» указывает на африканское происхождение Теренция (род. ок. 185 г. до н. э.). Поэт был рабом у сенатора Теренция Лукана и вместе с вольной получил по обычаю родовое имя своего хозяина. На двадцать пятом году жизни Теренций покинул Рим и умер где-то в Греции.

До нас дошли все шесть комедий, которые Теренций успел написать за свою короткую жизнь. Известны и даты их постановок. Поэт дебютировал в 166 г. до н. э. комедией «Девушка с Андроса». Последняя комедия, «Свекровь» (ее перевел на русский язык — не полностью и прозой — А. Н. Островский), была поставлена в 160 г. до н. э.

По поводу включенной в наш сборник комедии «Девушка с Андроса» составленная Светонием (II в, н. э.) биография Теренция рассказывает, что прежде, чем купить у Теренция эту пьесу, устроители игр — эдилы направили его за отзывом к известному поэту Цецилию Стацию. Теренций застал Стация за обедом и был из-за своей плохой одежды принят довольно нелюбезно. Лишь услыхав начало комедии, Стаций пригласил Теренция занять место за столом и разделить с ним обед.

ДЕВУШКА С АНДРОСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Симон, старик.
Памфил, его сын,
Хремет, старик.
Харин, молодой человек.
Гликерия, возлюбленная Памфила.
Сосия, вольноотпущенник Симона.
Дав, Дромон — рабы Симона.
Биррия, раб Харина.

Мисида, рабыня Гликерии.
Лесбия, повивальная бабка.
Критон, старик с Андроса.[272]
Действие происходит в Афинах, на улице, между домами Симона и Гликерии.

ПРОЛОГ

Почувствовавши к творчеству влечение,
Поэт одну задачу положил себе,
Чтоб нравились его созданья публике;
Но видит, что совсем выходит иначе:
Он тратит на прологи все старание
Не с тем, чтоб содержанье пьес рассказывать,
Но с тем, чтобы на злобные ругательства
Врагу, поэту старому, давать ответ.
Что ставится в порок ему, послушайте!
Сочинены Менандром две комедии,
«Андроска» и «Перинфянка»; одну из них
Узнаете — и обе знать вы будете:
Они не так уж содержаньем разнятся,
Но сильно различаются в них стиль и речь.
Поэт готов сознаться: из «Перинфянки»
В «Андроску» перенес он подходящее,
Воспользовался как своим. Вот этим-то
Его и попрекают, возражая так:
Нельзя из двух одну сплавлять комедию.
Не слишком ли мудрят, до полной глупости?
Виня его, винят так Плавта, Невия
И Энния, которых этот наш поэт
Считает образцами и скорей готов
Им подражать с их вольною небрежностью.
Пусть лучше успокоятся, оставят брань,
Не то узнают, в чем порок их собственный.
Послушайте спокойно, с благосклонностью,
Решите, можно ль вам и впредь надеяться,
Что наш поэт создаст еще комедии,
Которые бы стоили того, чтоб их
Смотреть скорее, нежели со сцены гнать.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Симон, Сосия.
Симон
(рабам, несущим провизию)

Несите это в дом, ступайте! Сосия,
На пару слов.

272 ***Андрос*** *— остров к югу от Эвбеи, самый северный из Кикладских островов.*

Сосия

Считай, что ты сказал уж их.
Сготовить, что ль, как следует?

Симон

Не то!

Сосия

Но что ж? Что больше я своим искусством сделаю?

Симон

Мне нужно не твое искусство в этот раз,
А то, что постоянно я в тебе видал:
Молчанье, верность.

Сосия

Жду распоряжения.

Симон

С тех пор как я купил тебя, сам знаешь, ты
Жил с детства в рабстве справедливом, в милости.
Из рабства на свободу я пустил тебя
За то, что, как свободный, ты служил всегда.
Наградой величайшей я воздал тебе.

Сосия

Я помню.

Симон

Не жалею, что так делал.

Сосия

Рад,
Что по тебе все делал я и делаю;
Спасибо, что я этим угодил тебе.
Одно мне тяжело: напоминание
Твое — как бы упрек в неблагодарности.
Скажи короче: что тебе угодно?

Симон

Да,

Скажу. И вот что первое: не думай ты,
Что свадьба эта будет настоящая.

Сосия

Зачем же притворяться?

Симон

Все узнаешь ты:
Жизнь сына, да и все мои намеренья
И что с тебя я в этом деле требую.
Лишь вышел он из отрочества, Сосия,
Свободно жить возможность получил вполне.
Как было знать его характер ранее?
Наставник, возраст, робость не давали.

Сосия

Так.

Симон

Обычные у юношей влечения
И склонности к чему-либо: держать коней,
Собак ли для охоты, к философии
Пристрастие — из этого он ни к чему
Особо не тянулся, а умеренно
Всего держался, мне на радость.

Сосия

Правильно! Ни в чем излишка — в жизни дело первое.

Симон

Так жил он. Всех легко переносил, терпел;
С кем вместе был, тем отдавался полностью,
Ко вкусам их приспособлялся, никому
Наперекор, ни перед кем другим никак
Не выделялся. Легче так всего найдем
Друзей и имя доброе без зависти.

Сосия

Умно построил жизнь: ведь в наши дни друзей
Уступчивость родит, а правда — ненависть.

Симон

Назад три года женщина какая-то
С Андроса к нам в соседство переехала,

Гонимая нуждой и равнодушием
Родни, во цвете юности, красивая.

Сосия

Андриянка, боюсь я, не добро сулит!

Симон

Сперва она вела тут жизнь стыдливую,
Суровую и скромную; тканьем себе
И пряжею искала пропитания;
Но после появилися влюбленные
С посулами и платою, один, другой.
Все люди склонны к наслажденью от труда
Спуститься: принимает предложения,
А там уже берется и за промысел.
Любовники (случайно, как то водится)
И сына тоже завлекли с собою к ней.
Ну, думаю, наверное, попал! готов!
За их рабами стал следить: идут сюда ль,
Отсюда ль утром. Спрашиваю: «Малый! эй!
С Хрисидой кто сегодня был?» Андриянку
Так звали.

Сосия

Понимаю.

Симон

Скажут: «Клиний, Федр
Иль Никарет». Троих она любовников
Имела. «Ну, а что Памфил?» — «Дал в складчину,
Обедал». Я и радуюсь. И завтра вновь
О том же. До Памфила, узнавал всегда,
Тут дело не касалось. И надежным я
Считал его, большим примером скромности.
Когда с людьми такими поведется кто
И все же дух его не поколеблется,
Не пошатнется, можно быть уверенным,
Что он уж сам направить в силах жизнь свою.
И мне приятно было, и другие все
В один хвалили голос, поздравления
Несли мне, что мой сын таков характером.
Что говорить! Под действием молвы такой
Хремет ко мне приходит добровольно, с тем
Чтоб за него единственную выдать дочь
С большим приданым. Порешили; по рукам;
И на сегодня свадьбы день назначили.

Сосия

А что мешает свадьбе, в самом деле, быть?

Симон

Узнаешь. День-другой спустя соседка вдруг
Хрисида умирает.

Сосия

Осчастливил ты
Меня! Хрисиды этой опасался я!

Симон

Тут сыну часто доводилось быть среди
Хрисидиных любовников. Заботился
И он о погребении, грустил подчас,
Не раз и плакал. Это все мне нравилось.
И думал я: привязанность ничтожную
Так близко принял к сердцу! Что бы сделал он,
Когда б любил? Какой окажет мне почет,
Отцу? Вот признак сердца человечного
И кроткого характера! Так думал я.
К чему слова! Иду на погребение
Ради него, беды и не предчувствуя.

Сосия

Гм… Что такое?

Симон

Вот что. Вынос. Мы идем.
Тем временем я между женщин, бывших там,
Одну вдруг вижу девушку наружности…

Сосия

Приятной, вероятно?

Симон

И лицом она
Уж так скромна, уж так прелестна! Лучше нет!
И плачет, вижу, более других она,
И всех других красивей, благороднее.
Иду я к провожатым. «Это кто?» — спросил,
А мне они в ответ: «Сестра Хрисидина».
Так душу и пронзило. Э, так вот оно
Откуда эти слезы, эта жалость вся!

Сосия
Боюсь, чем кончишь…
Симон

Между тем процессия
Идет, мы с ней. К гробнице приближаемся,
И тело на огонь кладут. Плач. Вдруг сестра
К огню неосторожно приближается
И с явною опасностью. Тут вне себя
Памфил любовь показывает скрытую
И ловко утаенную. Он к ней бежит,
Охватывает девушку. «Гликерия! Что делаешь?
На гибель ты зачем идешь?» Тогда она (видна любовь привычная!)
К нему в слезах откинулась — любовно так!

Сосия

Что ты!

Симон

Чуть сдерживая гнев, домой иду.
Бранить его — причины нет.
Ответит он: «Что сделал я?
И в чем, отец, вина моя?
В огонь хотела броситься: я не дал ей,
Я спас». Ответ приличный.

Сосия

Это правильно:
Бранить того, кто жизнь спасает! Что же с тем
Ты станешь делать, кто наносит вред и зло?

Симон

Хремет ко мне наутро, громко сетует.
Узнал он о поступке возмутительном:
«Памфил в связи с той самой чужеземкою!»
Упорно возражаю. На своем стоит.
В конце концов пошло тут на разлад у нас.
Дочь выдать не согласен он.

Сосия

Что ж, сына ты…

Симон

Бранить его и этой недостаточно
Причины.

Сосия

Почему, скажи, пожалуйста?

Симон

«Отец! Ты сам же делу указал конец!
Чужою волей скоро мне придется жить.
Оставь меня покамест жить по-моему».

Сосия

За что ж еще осталося бранить его?

Симон

Откажется жениться (так как он влюблен) —
Вот первый грех, достойный наказания.
Теперь я и стараюсь — ложной свадьбою
Найти к тому предлог: пускай откажется!
Тут Дав еще, разбойник; если что-нибудь
Задумал, так пускай теперь же делает,
Покуда не стряслося никакой беды.
Руками и ногами, знаю, всячески
Старается не столько сыну угодить,
Как мне напортить.

Сосия

Вот еще! Зачем?

Симон

Зачем?
Ум злой и злое сердце… Чуть узнаю что…
К чему слова? Лишь вышло бы, чего хочу,
Чтоб за Памфилом остановки не было.
Хремета остается упросить, и все
Устроится, надеюсь. Твой же долг теперь
Умело делать вид, что свадьба слажена.
Пугни и Дава, за сынком присматривай,
Что делает, какие планы строит с ним.

Сосия

Готов.

Симон

Теперь домой иди, а следом я.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Симон, Дав.

Симон

Сомненья нет, жениться не желает сын.
Заметил я, как сильно испугался Дав,
Когда узнал про свадьбу. А! Да вот и он!

Дав

Да, диво, если так пройдет.
И кротости господской я
Всегда боялся, чем она
Окончится: узнал, что замуж за него не выдадут —
Слова не сказал об этом нам и не рассердился.

Симон

А теперь скажу, и вряд ли даром то пройдет тебе.

Дав

Хотел, чтоб зазевались мы, поддавшись ложной радости,
В надежде, что оставлен страх, и тут врасплох застигнуть нас!
И мне не будет времени обдумать, как расстроить брак.
Хитро!

Симон

Что говорит, наглец!

Дав

Хозяин! Вот не видел я!

Симон

Дав!

Дав

Вот те раз!

Симон

Сюда!

Дав

Чего ему?

Симон

Ты что?

Дав

О чем ты?

Симон

Я?
Есть слух, мой сын влюблен?

Дав

Охоч народ до сплетен этаких!

Симон

Ты слышишь или нет?

Дав

Ну да.

Симон

Но это мне расследовать
Сейчас — так значило б отцом несправедливым сделаться.
Что раньше делал он, меня ничуть то не касается.
Года его на то влекли, я дал ему потешиться;
Но с этим днем другая жизнь, другие нравы связаны,
Поэтому я требую — прошу, если угодно, Дав,
Чтоб вновь на правильный он путь вернулся.
Речь к чему веду:
Для всех влюбленных тягостна женитьба.

Дав

Да, так говорят.

Симон

А если кто на это взял наставника бесчестного,
Тот до дурного доведет и вовсе дух свой немощный.

Дав

Не понимаю я.

Симон

Гм… нет?

Дав

Нет. Только Дав я, не Эдип.[273]

Симон

Желаешь, остальное я прямей скажу?

Дав

Само собой.

Симон

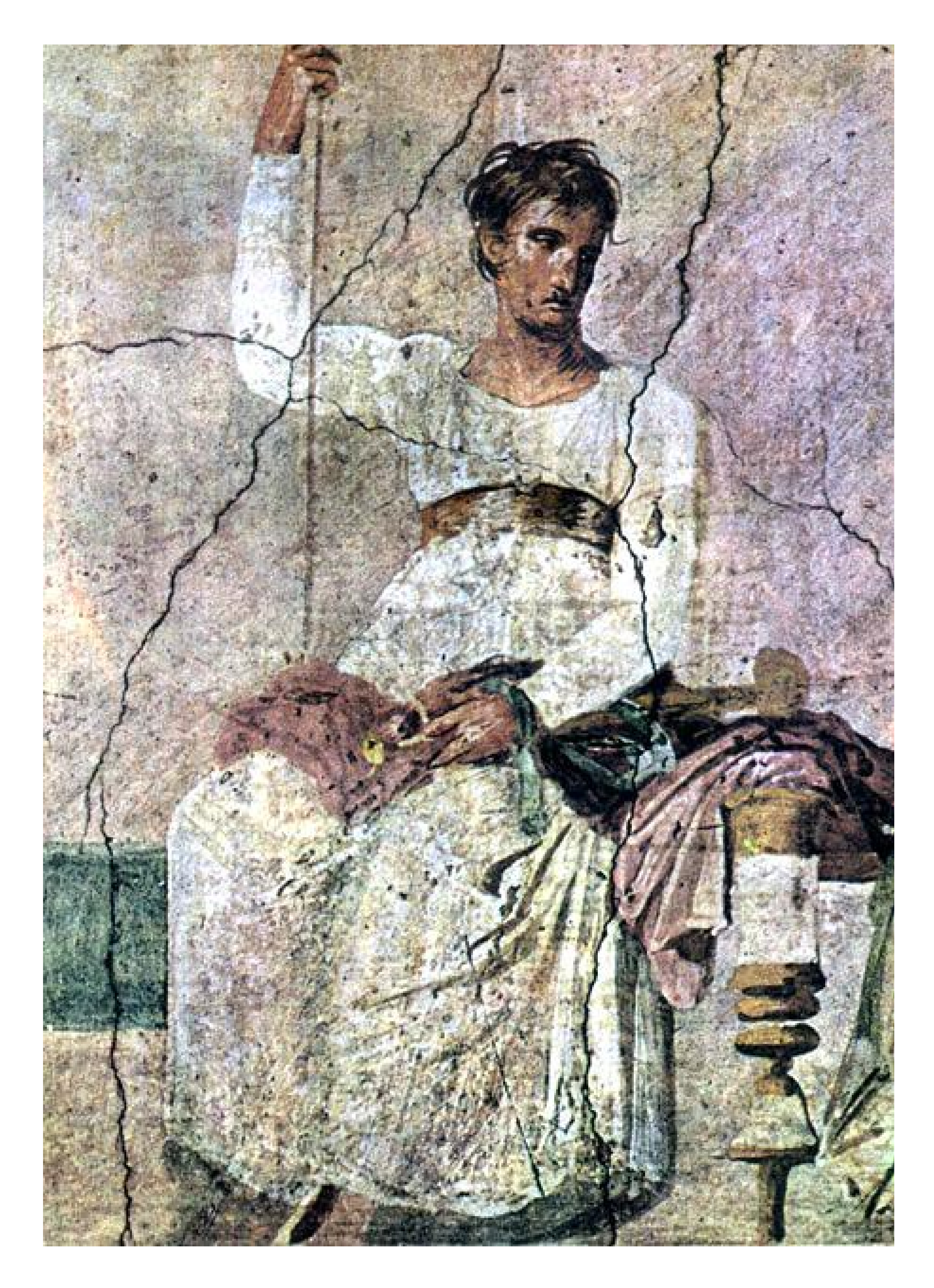
Коли узнаю, что ты с этой свадьбою
Пытаешься мутить, ее расстраивать,
На деле хочешь показать, как ты хитер, —
Велю тебя я выдрать, Дав, до смерти сдам на мельницу
Да с тем, что, если отпущу, сам буду за тебя молоть,
Что, понял? Или нет еще?

Дав

О, превосходно понял я,
Теперь понятно ты сказал, без всякого подхода все.

---

273 ***…Дав я, не Эдип…*** *— Имеется в виду способность Эдипа отгадывать загадки.*

Актер в роли царя. Деталь фрески из Геркуланума. I век до н. э. Неаполь. Национальный музей

Симон

В чем хочешь надувай меня, а в этом не позволю я.

Дав

Полегче бы чуть-чуть, молю.

Симон

Смеешься? Нет, не проведешь!
Вот мой тебе указ.
Умней веди себя! Поберегись!
Не вздумай после говорить, что не был мной предупрежден.

(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Дав.
Дав

Ну, Дав, уж больше места нет беспечности и лености!
Насколько понял я сейчас, старик решил со свадьбою.
Чуть зазевался — и вконец пропал хозяин или я!
Что выбрать? помогать ли мне Памфилу? старца ль слушаться?
Оставить — так за жизнь его страшусь, помочь — угроз боюсь.
Надуть его трудненько: он узнал уж про любовь его,
Мной недоволен и следит, чтоб не схитрил со свадьбой я.
Узнает — я пропал, а то захочет и предлог найдет —
Не прав я или прав — скорей швырнуть меня на мельницу.
А к этому еще беда: та самая
Андриянка (Памфилу будь жена ль она,
Любовница ль) беременна! Вишь, смелости
Набрались! Лить послушай их! Затея вся
Под стать для исступленных, не влюбленных, нет!
Дитя свое они решили вырастить
И вот какую басню тут придумали:
Гражданка, — мол, андриянка, из Аттики:
Жил-был когда-то здесь один старик купец;
У острова Андроса у него корабль
Разбился. Умирает он; малютка же
Была, сиротка, выброшена на берег,
Отец Хрисиды взял ее. Вот сказки-то!
По-моему, так это небывальщина,
А им пришлась по вкусу эта выдумка.
Но вот Мисида от нее выходит. Я
Пойду на площадь, разыщу Памфила там,
А то отец врасплох бы не застал его.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Мисида.
Мисида

Слышала! давно слыхала! Звать велишь ты Лесбию,
Да ведь вздорная же это женщина и пьяная.
Роды первые доверить вовсе невозможно ей.
Все ж таки ее? Гляди, назойливость старушечья!
Та с ней вместе выпивает! Боги, дайте ей родить
Счастливо, а та ошибки на других пусть делает.
А вот Памфил. Но что же с ним, боюсь, такое?
Вне себя! Беды ли не несет еще какой его смущение?

СЦЕНА ПЯТАЯ

Памфил, Мисида.
Памфил

Так делать человечно ли?
Неужто в этом долг отца?

Мисида

Что с ним?

Памфил

О боги, это что же, как не оскорбление?
Сегодня брак назначил мой! А мне не надо было знать
Вперед об этом? Не было нужды мне сообщить про то?

Мисида

Несчастная! Что слышу я?

Памфил

А каков Хремет? Сначала выдать отказался дочь,
После ж передумал, видя, что не передумал я!
Как меня упорно хочет разлучить с Гликерией!
Случись что — я вконец пропал!
Кто еще так горемычен? Кто, как я, безрадостен?
Клянусь богами и людьми!
Избежать родства с Хреметом мне удастся ль как-нибудь?
Был с презреньем я отвергнут. Дело было кончено.
Вдруг отверженца обратно требуют. Зачем же он?
Да не для чего другого — так подозреваю я,
Что какого-то урода воспитали: некому
Сплавить — обращаются ко мне!

Мисида

Ох, я несчастная!
Как от этих слов мне страшно до смерти становится!

Памфил

А что же об отце сказать?
Такое дело так вести небрежно! Мимоходом лишь
Мне сказал: «Твоя сегодня свадьба, ты ступай домой
Приготовиться». Как будто: «Ты ступай повеситься».
Я оцепенел весь! Мог ли хоть бы слово вымолвить?
Привести хотя б какую лживую, нечестную,

Глупую бы отговорку? Нет! я онемел совсем!
Спросит кто: «А знал бы раньше, что б ты сделал?» Сделал бы
Что-нибудь, чтоб так не делать! А теперь вот как мне быть?
Так опутали заботы! Душу рвут на части мне!
Любовь и сожаленье к ней, волненье из-за свадьбы той
И стыд перед отцом: он до сих пор с такою легкостью
Давал мне делать, что хочу! Беда! Ему ль противиться?
Как быть? Не знаю!

Мисида

Чем-то — ох! — «не знаю» это кончится?
Однако надо бы теперь ему с ней побеседовать,
А то, пожалуй, мне о ней поговорить с ним. Ведь когда
В смятенье дух, от пустяка туда-сюда он мечется!

Памфил

Кто это говорит? Привет тебе, Мисида.

Мисида

Мой привет
Тебе, Памфил.

Памфил

Что, как она?

Мисида

Что спрашивать тут? Мучится
От боли, да и тем еще бедняжка озабочена,
Что нынче брак назначен.
Вот и страшно ей, что ты ее
Покинешь.

Памфил

Гм… Могу ли это сделать я?
Не допущу бедняжку быть обманутой
Из-за меня. Она мне душу и всю жизнь
Доверила, я ею дорожил в душе,
Как дорожат женой своей любимою.
В порядочных она и честных правилах.
Воспитана. Позволю ль, чтоб от бедности
Она переменила поведение? Нет! Нет!

Мисида

Да будь в тебе все дело, страха нет,
Сумеешь ли ты справиться с насилием?

Вот в чем вопрос.

Памфил

Да так ли малодушен я,
Бесчеловечен и неблагодарен, дик,
Что даже ни привычка, ни любовь, ни стыд
Мне не помогут верность сохранить?

Мисида

Одно
Я знаю: заслужила то она вполне,
Чтоб помнил ты о ней.

Памфил

Мисида! Помнить мне? Ведь до сих пор еще запечатлелися
Во мне слова Хрисиды о Гликерии. Уж перед самой смертью позвала меня,
Иду. Вас удалила. Мы одни. Она «Памфил! — сказала, — видишь красоту ее
И юность? Для тебя не тайна, ей они
Опасны: с ними сохранить трудненько ей
Стыдливость и при этом в нищету не власть.
Молю и заклинаю всей душой твоей
И честностью: ее ты, одинокую,
Не брось! Не покидай ее, прошу тебя!
Как брата, полюбила я тебя. Она
Тебя ценила выше всех людей всегда,
Во всем была всегда тебе покорною:
Так будь же ей отец, защитник, муж и друг.
Тебе вверяю наше все имущество».
Соединяет руки нам, и тотчас же
Настала смерть. Я принял — и что принял я.
То сохраню.

Мисида

Надеюсь.

Памфил

Но ты от нее зачем же
Уходишь?

Мисида

Бабку звать.

Памфил

Тогда скорей. Да вот что, слышишь:
Ни слова ей о свадьбе. Да еще к болезни…

Мисида

Слышу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Харин, Биррия, Памфил.
Харин

Правда ль это? За Памфила выдают ее сегодня?

Биррия

Да.

Харин

Ты как узнал?

Биррия

От Дава я слыхал на форуме.

Харин

Беда моя! Несчастие! Насколько до сих пор мой дух
Меж страхом и надеждою был напряжен, настолько же
Он от заботы изнемог, когда надежду отняли!

Биррия

Раз, однако, невозможно быть тому, чего желаешь,
Так желай того, что может быть.

Харин

Мне, кроме Филумены,
Ничего не надо.

Биррия

Лучше б из души изгнать старался
Эту страсть, чем понапрасну словом разжигать ее.

Харин

Здоровые легко больным даем советы умные,
А на моем бы месте ты иначе думал.

Биррия

Ну, пускай! Как хочешь делай.

Харин

Вот Памфил, я вижу. Все испробую
Я, прежде чем погибнуть.

Биррия

Что такое замышляет он?

Харин

Просить, его, молить его я стану самого сейчас,
Всю расскажу свою любовь ему. Добьюсь, я думаю,
Чтоб свадьбу отложил свою на несколько хотя бы дней.
Надеюсь, выйдет что-нибудь.

Биррия

Не выйдет ничего.

Харин

Что, как
Тебе сдается?
Подойти к нему?

Биррия

А почему бы нет?
Коль не добьемся ничего, так пусть хотя подумает,
Что уж в тебе готов жене любовник, если женится.

Харин

Пошел ты от меня, нахал, с подобным подозрением!

Памфил

Харин! Привет мой!

Харин

Будь здоров и ты, Памфил. Я к тебе.
Подай совет мне, помощь и спасение.

Памфил

Ни советов нет в запасе у меня, ни помощи.
Но в чем дело?

Харин

Ты сегодня женишься?

Памфил

Да, говорят.

Харин

Если так, меня в последний раз ты видишь.

Памфил

Что?

Харин

Увы! Я боюсь сказать. Скажи ты,
Биррия, пожалуйста.

Биррия

Я скажу.

Памфил

В чем дело?

Биррия

Любит он твою невесту.

Памфил

Так
Равный вкус у нас.
А вот что мне скажи, чего-нибудь
Не было ли посерьезней с нею у тебя,
Харин?

Харин

Нет, конечно.

Памфил

А хотел бы я!

Харин

Теперь молю тебя
Дружбой и любовью, чтоб, во-первых, не женился ты.

Памфил

Постараюсь.

Харин

Ну, а если этого никак нельзя
И тебе по сердцу этот брак…

Памфил

По сердцу?

Харин

То хоть чуть
Отложи, уехать дай мне, не видать.

Памфил
Послушай-ка.
Полагаю я, не должен благородный человек
Требовать признательности, раз не заслужил ее.
Этот брак мне ненавистен больше, чем тебе он мил.

Харин

Возвратил ты жизнь мне снова!

Памфил

Ты теперь иль Биррия
Думайте, изобретайте, добивайтесь всячески,
Чтоб тебе жениться, я же меры все приму, чтоб мне
Не жениться.

Харин

И прекрасно!

Памфил

Дава кстати вижу я,
На его совет могу я положиться.

Харин
(Биррии)

Ты же мне
Ничего путем не скажешь, разве только то, чего
Не к чему и знать. Уйдешь ты?

Биррия

С полным удовольствием.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дав, Харин, Памфил.
Дав

Весть благую, о благие боги, я несу! Но где
Мне найти Памфила, чтобы страх его рассеять весь
И веселием наполнить душу?

Харин

Рад чему-то он!

Памфил

Но напрасно. Не узнал он о моей беде еще.

Дав

Если уж про свадьбу слышал, то сейчас, наверное…

Харин

Слышишь?

Дав

По городу ищет он меня, растерянный…
Где ж его найти, однако, и куда направиться?

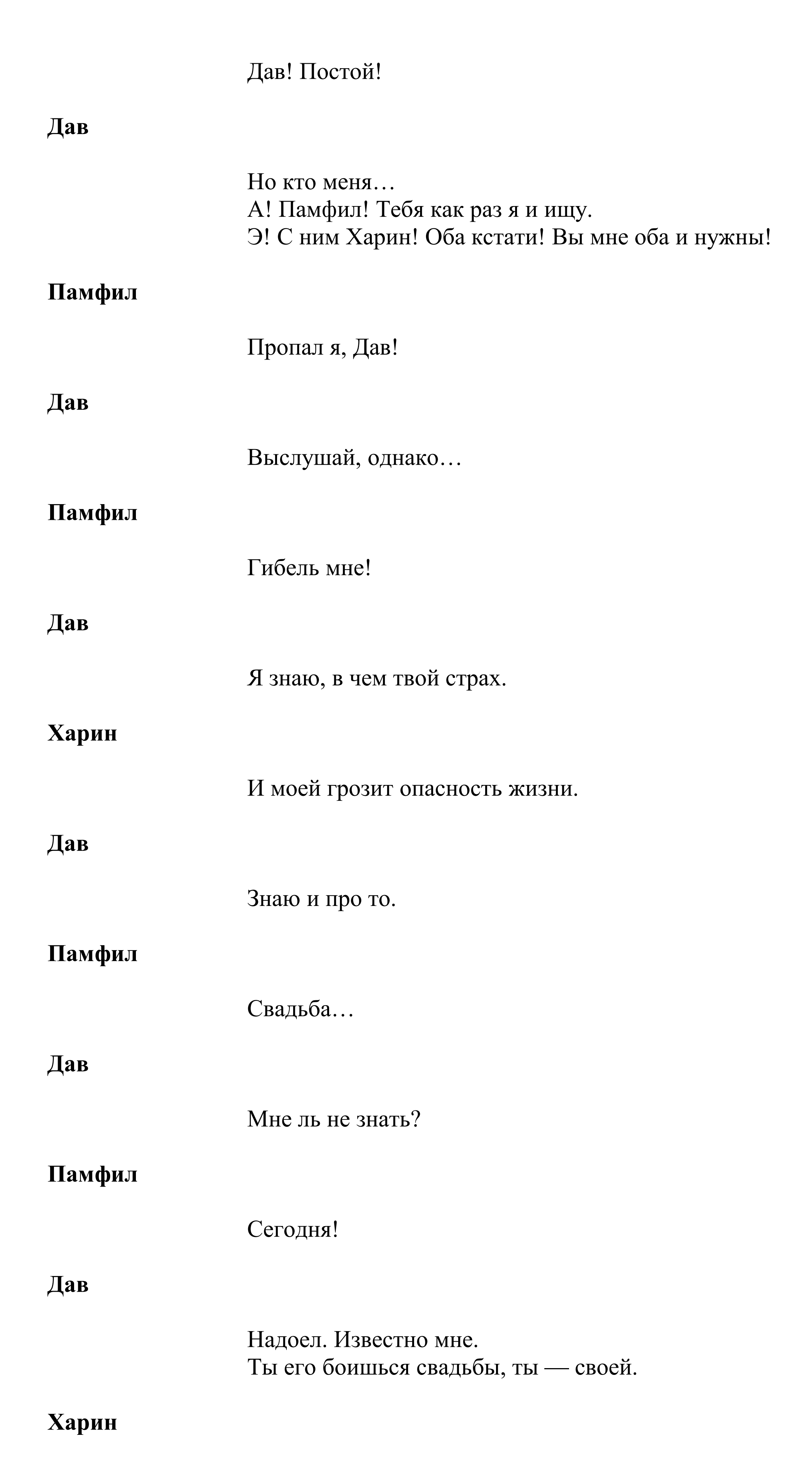
Харин

Позови его.

Дав

А! Знаю!

Памфил

Дав! Постой!

Дав

Но кто меня…
А! Памфил! Тебя как раз я и ищу.
Э! С ним Харин! Оба кстати! Вы мне оба и нужны!

Памфил

Пропал я, Дав!

Дав

Выслушай, однако…

Памфил

Гибель мне!

Дав

Я знаю, в чем твой страх.

Харин

И моей грозит опасность жизни.

Дав

Знаю и про то.

Памфил

Свадьба…

Дав

Мне ль не знать?

Памфил

Сегодня!

Дав

Надоел. Известно мне.
Ты его боишься свадьбы, ты — своей.

Харин

Все так и есть.

Памфил

Это правда.

Дав

Правда то, что вовсе нет опасности,
Уж поверь ты мне!

Памфил

От страха поскорей избавь меня.
Ах, молю!

Дав

Вот, избавляю. Дочь не выдает

Хремет

За тебя.

Памфил

Откуда знаешь?

Дав

Знаю я. Поймал вот тут
Твой отец меня недавно: женит он тебя, сказал,
Нынче. К этому — другое многое, о чем сейчас
Говорить совсем не к месту.
Тотчас же к тебе спешу
Я на форум, чтоб об этом рассказать. Тебя я там
Не нашел. Взбираюсь кверху. Огляделся.
Нет нигде. Биррия случайно вижу там, раба Харинова.
Я к нему. И он не видел. Мне досадно. Как тут быть?
Я назад. И подозренье у меня возникло. Гм…
Провианту маловато. Сам невесел.
Свадьба вдруг… Тут неладно.

Памфил

Ты к чему же?

Дав

Тотчас же к Хремету я
Прихожу. У двери пусто.
Я тому и радуюсь.

Харин

Превосходно!

Памфил

Дальше.

Дав

Стал я. Вижу: ни туда никто,
Ни оттуда не выходит.
Женщин в доме нет совсем.
Ни убранства нет, ни шуму.
Подошел я, глянул внутрь…

Памфил

Ясно. Важный знак!

Дав

На свадьбу это все похоже ли?

Памфил

Нет, не думаю.

Дав

Что думать! Не вникаешь. Дело въявь.
Да, идя обратно, встретил от Хремета малого,
Зелени на грош и мелких рыбок старику он нес
На обед.

Харин

Твоим стараньем я спасен!

Дав

И вовсе нет!

Харин

Как так? Дочь не выдает он за него.

Дав

Как ты смешон!
За него не выдает он, — значит, за тебя отдаст?

Обойди друзей Хремета, попроси.

Харин

Умно! Пойду,
Хоть надеждой и не раз уж был обманут.
Ну, прощай!

(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Дав, Памфил.
Памфил

Так чего ж отец желает?
Что он притворяется?

Дав

Вот чего. Послушай. Если б он, не разглядев сперва,
Как относишься ты к свадьбе, рассердиться вздумал бы,
Что Хремет не хочет выдать дочь, то показался бы
Сам себе несправедливым — и по справедливости.
Но откажешься жениться — свалит на тебя вину,
Будет шум.

Памфил

Снесу что хочешь.

Дав

Нелегко: ведь он отец.
И к тому же одинока женщина. Немедленно
Повод он найдет удобный из Афин убрать ее.

Памфил

Выбросит?

Дав

И скоро!

Памфил

Что же делать мне тогда?

Дав

Скажи,

Что согласен.

Памфил

Гм…

Дав

Ну что же?

Памфил

Как? Чтоб это я сказал?

Дав

А почему б и нет?

Памфил

Я так не сделаю.

Дав

Не спорь.

Памфил

Не убеждай.

Дав

Смотри, что выйдет-то.

Памфил

С ней разлучат, сюда вот заключат.

(Указывает на дом Хремета.)
Дав

Да нет!
Конечно, будет вот что: скажет твой отец:
«Женись сегодня». Ты ответишь: «Я готов».
За что ему бранить тебя? Без риска ты
Ему сейчас расстроишь планы верные.
Ведь дочери не выдаст за тебя Хремет,
Сомненья нет. Что делал, то и делай ты,
Чтоб своего не изменил решенья он.
Отцу ответь: «Желаю», — чтоб при всем своем желании
Не вправе был сердиться на тебя.
А что надеешься: «Легко, мол, оттолкну невест своим я

поведением,
Никто не выдаст дочери», — так бедную найдет скорей,
Чем дать тебе испортиться. А если дашь понять ему,
Что к этому относишься спокойно, усыпишь тогда
Его вниманье, без забот другим займется делом он,
А тут, глядишь, тем временем и выйдет что хорошее.

Памфил

Ты думаешь?

Дав

Какое тут сомнение?

Памфил

Смотри, куда
Заводишь ты меня.

Дав

Да будь спокоен.

Памфил

Хорошо, скажу.
Вот только не дознался бы он про ребенка как-нибудь.
Я обещал признать его.

Дав

Какая смелость!

Памфил

Как залог
Она просила сделать так, что я ее не брошу.

Дав

Пусть! Но вот отец.
Смотри, чтоб он печальным не застал тебя!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Симон, Дав, Памфил.
Симон

Взгляну, что затевают и что делают.

Дав
(к Памфилу)

В твоем отказе он не сомневается,
В уединенье где-то подготовился;
Надеется, нашел слова, которыми
Разнос тебе устроить. Головы смотри
Уж не теряй.

Памфил

Когда бы это мог я, Дав!

Дав

Поверь, Памфил, тебе я говорю: отец
С тобою и словечком не обмолвится,
Как только ты заявишь о согласии.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Биррия, Симон, Дав, Памфил.
Биррия

Следить мне за Памфилом господин велел,
Дела все бросив, чтобы знать, что он решит
О свадьбе. Потому я и хожу за ним.
Да вот он вместе с Давом. Подберусь-ка к ним.

Симон

Тут оба, вижу я.

Дав

Смотри!

Симон

Памфил!

Дав

К нему
Оборотись как будто бы нечаянно.

Памфил

А! Ты, отец!

Дав

Отлично.

Симон

Как уж я сказал,
Хочу, чтоб ты сегодня взял жену себе.

Биррия

Боюсь, что с нами будет!
Что ответит он!

Памфил

За мной задержки никакой ни в этом нет,
Ни в чем другом.

Биррия

Смотри ты!

Дав

Прикусил язык.

Биррия

Что он сказал?

Симон

Вот это так и следует,
Раз получаю то, что мог бы требовать.

Дав

Не прав ли я?

Биррия

Насколько слышу, тут совсем
Со свадьбою для господина кончено.

Симон

Иди домой. Как будешь нужен, будь готов.

Памфил

Иду.

Биррия

Неужто верить никому нельзя? Верна, верна народная пословица:
Себе добра всяк больше хочет, чем другим.
Видал ее: красива, помню, девушка.
Тем справедливей я к Памфилу: сам обнять
Ее желает ночью, не другому дать.
Пойду сказать, чтоб он мне злом за зло воздал.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дав, Симон.

Дав

Уверен он теперь, что обмануть его
Задумал я и потому остался здесь.

Симон

Что скажет Дав?

Дав

Да ничего.

Симон

Как ничего? Вот странно!

Дав

Ровно ничего.

Симон

А я-то ждал!

Дав
(про себя)

Расчет не видел: это и мутит его.

Симон

Сказать мне правду можешь?

Дав

Дело легкое.

Симон

Не тягостен ли этот брак хоть чем-нибудь
Ему?

Дав

А! Ты про близость с чужеземкою?
Нисколько, или разве в крайнем случае
Расстройство это на два, на три дня всего
Каких-нибудь. Сам знаешь. А потом пройдет.
Он сам обдумал дело обстоятельно.

Симон

Хвалю.

Дав

Покуда возраст позволял ему,
Любил он, правда, тайно, в опасении,
Не вышло бы из этого бесславия,
Как людям полагается порядочным.
Теперь жена нужна: к жене он тянется.

Симон

Печальным он немного показался мне.

Дав

Не та причина вовсе: на тебя сердит.

Симон

За что?

Дав

Пустое!

Симон

Что там?

Дав

Вздор.

Симон

Ну, говори ж!

Дав

Сказал: ты на расходы скуп.

Симон

Кто? Я?

Дав

Да, ты
Купил закусок драхм едва ли на десять.
Похоже ли на свадьбу сына? Как познать
На пир к себе кого-нибудь из сверстников?
И то, сказать но правде, чересчур ты скуп.
Не похвалю.

Симон

Молчи ты!

Дав

А, задел-таки!

(Уходит.)
Симон

Устрою все как нужно. В чем же дело тут?
Чего пройдоха этот добивается?
Уж если что тут кроется неладное,
Конечно, он и делу голова всему!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мисида, Лесбия, Симон, Дав, Гликерия (за сценой).
Мисида

Так вот дела у нас какие, Лесбия!
Навряд мужчин найдешь ты верных женщине…

Симон

Служанка от андриянки.

Дав

Ты что?

Симон

Она!

Мисида

А наш Памфил…

Симон

Что это говорит она?

Мисида

Сдержал он слово.

Симон

Вот что!

Дав

Ах ты, чтоб ему
Оглохнуть или этой онеметь совсем!

Мисида

Дитя он воспринять велел!

Симон

Юпитер! О, Что слышу?
Если правда, значит, кончено!

Лесбия

Да, юноша хороший!

Мисида

Превосходнейший! Пойдем же без задержки к ней.

Лесбия

Я за тобой. Уходят.

Дав

Ну чем теперь беду поправить?

Симон

Это что ж?
Какой безумец! От чужой? Узнал я все!
Насилу угадал, глупец!

Дав
(про себя)

Что угадал?

Симон

Уловка вот уж первая! Притворными
Хремета отпугнуть решили родами!

Гликерия
(за сценой)

Юнона! Помоги мне! О, спаси меня!

Симон

Так скоро? Вот забавно! Чуть услышала,
Что я у двери тут стою, спешит! Ну, Дав,
Неладно сроки рассчитал в игре ты!

Дав

Я?

Симон

Беспамятны ль актеры?

Дав

Не пойму тебя.

Симон

Вот так-то напади он неожиданно
Да свадьба настоящая была б у нас,
Какую б разыграл со мной игру! Теперь
Не то! Он сам в беде, а я у пристани!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Лесбия, Симон, Дав.
Лесбия

Покамест, как вижу, идет все прекрасно,
Все добрые признаки. Вот что сначала:
Ее искупайте, а после — питье ей,
Какого и сколько велела я, дайте.
Я скоро возвращусь.
Клянусь, сынок Памфила — мальчик славненький.
Молю богов, пусть выживет. Да нрава благородного
И сам: отец: прекраснейшей он не обидел девушки…

(Уходит.)
Симон

Кто и не знает хоть тебя, и тот совсем уверится,
Что все тобой подстроено.

Дав

Но что такое?

Симон

Да в лицо
Не говорила прямо там, что надобно родильнице,
А чуть лишь вышла, с улицы кричит тому, кто там внутри!
Так презираешь ты меня? Я подходящий человек,
Кого тебе обманывать так явно? Поумней бы хоть!
Хоть вид бы показали, что боитесь, что узнаю я!

Дав
(про себя)

Обманывает сам себя, теперь уж дело ясное.

Симон

А я-то говорил тебе! А я предупреждал тебя!
И страха никакого нет! На деле что ты выгадал?
Про эти роды я тебе поверю, что ль?

Дав
(про себя)

Теперь я понимаю, в чем ошибся он.
И знаю, что мне делать.

Симон

Ну, чего молчишь?

Дав

Чему тут верить?

Точно наперед тебе не сказано,
Что так оно и будет?

Симон
Мне? Кто говорил?
Дав
Да сам-то ты
Не понял разве этого притворства?
Симон
Издевается!
Дав

Все ясно было сказано!
Откуда ж у тебя взялось
Такие подозрение?

Симон

Откуда? Хорошо я знал
Тебя!

Дав

Выходит, будто по моей указке сделано!

Симон

Уверен в том.

Дав

Меня еще не знаешь ты достаточно!

Симон

Я?

Дав

Стоит мне лишь рот раскрыть, как ты сейчас же думаешь:
Обман!

Симон

Напрасно!

Дав

Стало быть, нельзя и пикнуть больше мне!

Симон

Одно я знаю: никаких тут родов нет.

Дав

Конечно, нет.
А все-таки сюда под дверь подкинут скоро мальчика.
Да, господин, вперед скажу, чтоб знал ты и впоследствии
Не говорил, что сделано все по указке Давовой.
Мнение такое вовсе обо мне оставь, прошу.

Симон

Ты откуда знаешь?

Дав

Слышал и уверен, сходится
Много для предположений этих. Дело первое!
За беременную стала выдавать себя она
От Памфила. Оказалось: ложь.
Потом, увидевши,
Что готовят свадьбу, тотчас послала служанку — звать
Повитуху к ней, а кстати принести и мальчика.
Не увидишь, мол, ребенка — свадьба не расстроится!

Симон

Вот что! Как же, зная, ты
Не раскрыл Памфилу тотчас всей затеи?

Дав

Кто ж его,
Как не я, пытался с нею разлучить? Мы знаем все,
Как в нее влюблен он страстно. Но теперь желает он,
Чтоб его женили. Мне ты предоставь в конце концов
Это дело, сам покуда свадьбу ту устраивай
Так, как начал, и, надеюсь, боги тут помогут нам.

Симон

В дом иди да жди меня там и готовь все нужное.
Дав уходит.
Не очень-то склонил меня поверить, нет!
Возможно, впрочем, что и правда это все;
Да пустяки. Гораздо для меня важней,
Что сын пообещал мне. Повидать теперь
Хремета! Упрошу за сына выдать дочь.
И если от него добьюсь я этого,
Когда ж, как не сегодня, свадьбу праздновать?
А если сын исполнить обещание
Не пожелает, вправе и заставить я,

Сомненья для меня тут никакого нет.
А! Кстати вот навстречу мне и сам Хремет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Симон, Хремет.
Симон

Привет!

Хремет

А! Я тебя ищу.

Симон

И я тебя. Вот кстати-то!

Хремет

Мне повстречался кое-кто, и говорят, что от тебя
Слыхали, будто женится на дочери моей твой сын.
Они ли, ты ль с ума сошел?

Симон

Два слова, и у знаешь все,
Чего желаешь и чего мне от тебя хотелось бы.

Хремет

Ну, говори, я слушаю.

Симон

Хремет! Молю богами, дружбой нашею,
Что с детства началась и крепла с возрастом,
Молю тебя твоей единой дочерью,
Моим единым сыном (только ты его
Снасти сегодня можешь) — подсоби теперь
Мне в этом деле, чтобы, как задумали,
Так и сыграли свадьбу мы.

Хремет

И не проси!
Как будто в этом деле можно просьбою
Добиться от меня хотя чего-нибудь!
Ты думаешь, другим я, что ли, сделался
С тех пор, как предлагал тебе за сына дочь?
Коли обоим польза в этой свадьбе есть,

То приглашай невесту. Ну, а ежели
Вреда обоим больше здесь, чем выгоды,
Подумай же об общем интересе ты,
Представь себе, что дочь — твоя, а я — отец Памфилу…

Симон

Это верно, но ведь я, Хремет,
Как раз о том и думаю. Не стал бы я
Просить, да побуждает дело самое.

Хремет

А почему?

Симон

Меж сыном и Гликерией
Разлад пошел.

Хремет

Так. Слушаю.

Симон

Надеюсь я. Большой.
Дойдет, пожалуй, до разрыва.

Хремет

Вздор!

Симон

Да нет же, так!

Хремет

А знаешь, что скажу тебе?
Разлад в любви — любви возобновление.

Симон

Предупредим же их, покуда время есть,
Покуда страсть задержана обидами;
Покамест слезы хитрые, преступные
Больной души не возвратили к жалости,
Его мы женим. Да, Хремет, надеюсь я,
Привычкой, благородным браком связанный,
Легко из этой бездны зла он вынырнет.

Хремет

Тебе сдается так, но я не думаю,
Чтоб вынырнул. А вместе с тем любовницу
Нельзя же постоянно при жене держать,
И я-то уж никак не потерплю того.

Симон

Как это знать, покуда не попробовал?

Хремет

Опасно, знаешь, пробовать на дочери.

Симон

Сведется неудобство, в худшем случае,
К разрыву (от чего нас да избавит бог!),
Но если он исправится, ты сам смотри,
Что выгоды! Спас другу сына — первое,
А во-вторых, получишь зятя верного
Себе и мужа дочери.

Хремет

Ну, если так
Уверен ты, что польза есть от этого,
Тогда твоей мешать не стану выгоде.

Симон

Всегда я высоко тебя ценил, Хремет,
И по заслугам!

Хремет

Да…

Симон

А что?

Хремет

Откуда же узнал ты
Про их раздор?

Симон

Сам Дав сказал, их близкий соучастник.
Он свадьбу эту всячески советовал ускорить.

Ты думаешь, неужто б он стал делать так, когда бы
Уверен не был, что и сын того же сам желает?
Да вот услышишь сам сейчас. Эй, вызовите Дава!
А, кстати сам он из дому.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дав, Симон, Хремет.

Дав

А я к тебе.

Симон

Что надо?

Дав

Что ж до сих пор невесты нет? Уж вечереет.

Симон

Слышишь?
А я боялся, Дав, что ты так сделаешь, как делают
Рабы обычно: проведешь меня хитро из-за того,
Что сын влюблен.

Дав

Кто? Я тебя?

Симон

Я думал так. И вот, боясь,
Скрыл кое-что от вас, — теперь скажу.

Дав

А что?

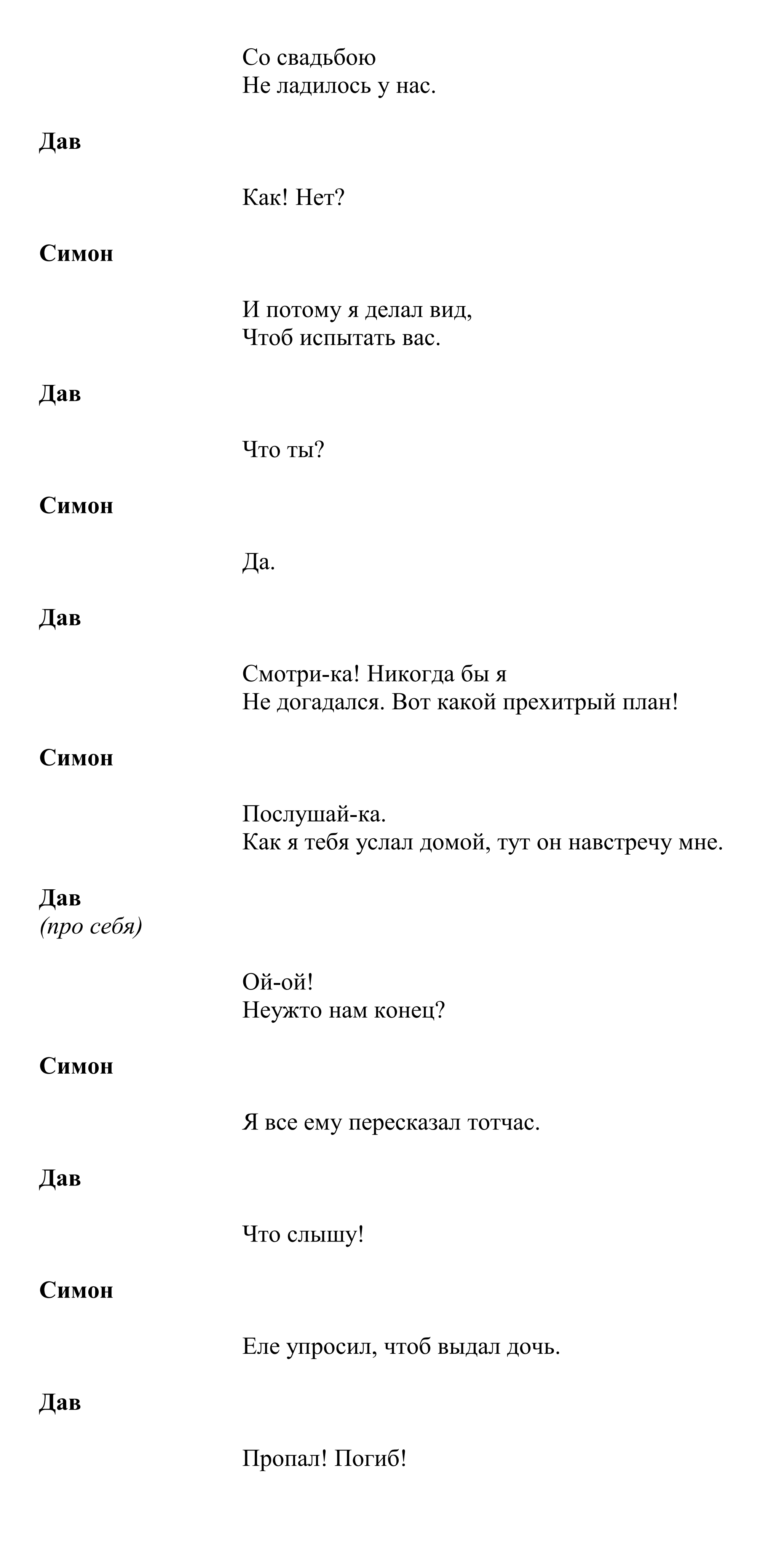
Симон

Теперь тебе
Почти что верю.

Дав

Наконец, узнал меня!

Симон

Со свадьбою
Не ладилось у нас.

Дав

Как! Нет?

Симон

И потому я делал вид,
Чтоб испытать вас.

Дав

Что ты?

Симон

Да.

Дав

Смотри-ка! Никогда бы я
Не догадался. Вот какой прехитрый план!

Симон

Послушай-ка.
Как я тебя услал домой, тут он навстречу мне.

Дав
(про себя)

Ой-ой!
Неужто нам конец?

Симон

Я все ему пересказал тотчас.

Дав

Что слышу!

Симон

Еле упросил, чтоб выдал дочь.

Дав

Пропал! Погиб!

Симон

Ты что сказал?

Дав

Да говорю, прекрасно сделал.

Симон

И за ним
Теперь задержки нет.

Хремет

Ну, я домой; скажу готовить все,
Потом дам знать.

Симон

А я к тебе с такою просьбой, Дав: ты мне.
Один устроил этот брак…

Дав

Да, я один.

Симон

Так сына мне
И впредь старайся исправлять.

Дав

Да, да, и добросовестно.

Симон

Пока он раздражен, легко ты можешь.

Дав

Да, спокоен будь

Симон

А где он сам сейчас, скажи?

Дав

Конечно, дома. Где ж еще?

Симон

Пойду к нему и то же, что тебе, скажу.

(Уходит.)
Дав

Вконец пропал!
Не миновать теперь попасть прямым путем на мельницу!
Мольбам нет места! Сам я все запутал! Господина сам
Надул! До свадьбы сам довел я младшего хозяина!
Моей виной сегодня брак нежданно и негаданно
Назначен вопреки его желанию! Вот и схитрил!
А если б я спокоен был, беды бы вовсе не было.
А вот и он! Ну, я погиб!
Увидать бы под ногами бездну, да и броситься!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Памфил, Дав.
Памфил

Где он, негодяй, предатель?

Дав

Мой конец!

Памфил

И то сознаться,
По заслугам мне все это, бестолковому лентяю,
За то, что я судьбу свою вручил рабу пустейшему!
Теперь плачусь за глупость я.
Ну, да и он поплатится!

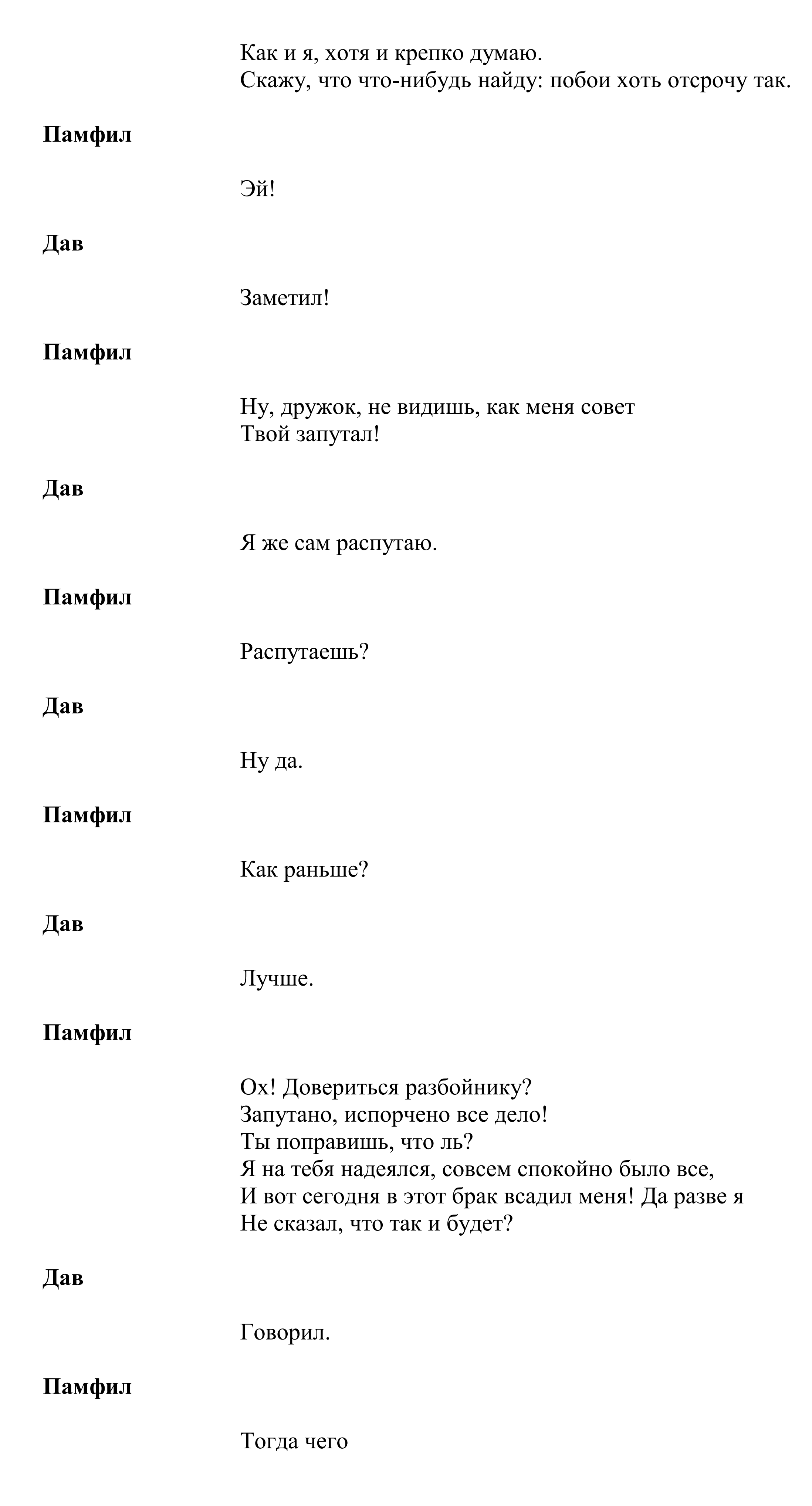
Дав

Коли сегодня от беды, уйду, то буду цел всегда.

Памфил

Что я теперь скажу отцу?
Едва лишь дал согласие,
Как откажусь?
Откуда взять мне смелости?
Что делать мне
С собой, не знаю.

Дав

Как и я, хотя и крепко думаю.
Скажу, что что-нибудь найду: побои хоть отсрочу так.

Памфил

Эй!

Дав

Заметил!

Памфил

Ну, дружок, не видишь, как меня совет
Твой запутал!

Дав

Я же сам распутаю.

Памфил

Распутаешь?

Дав

Ну да.

Памфил

Как раньше?

Дав

Лучше.

Памфил

Ох! Довериться разбойнику?
Запутано, испорчено все дело!
Ты поправишь, что ль?
Я на тебя надеялся, совсем спокойно было все,
И вот сегодня в этот брак всадил меня! Да разве я
Не сказал, что так и будет?

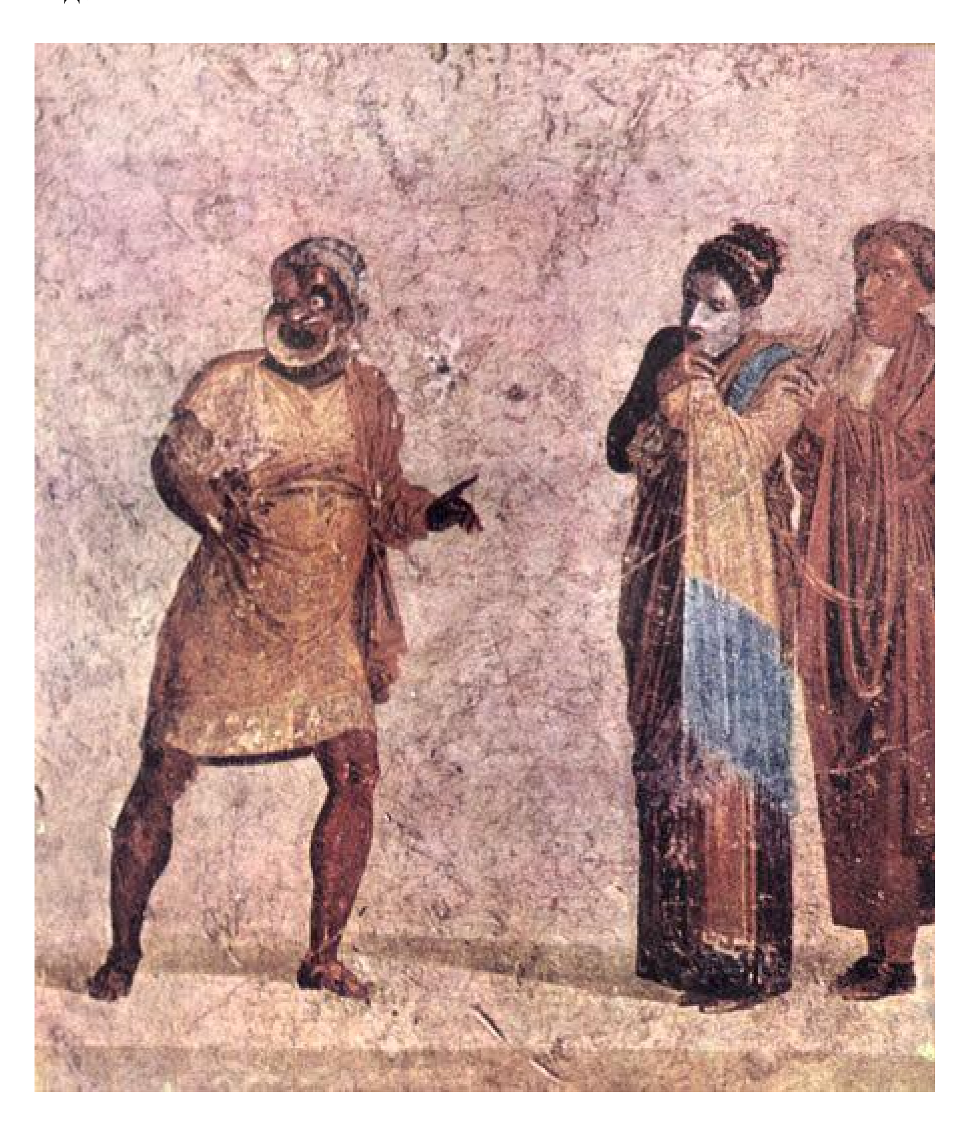
Дав

Говорил.

Памфил

Тогда чего

Ждешь ты?

Сцена из комедии. Мозаика из Помпеи. II век до н. э. Неаполь. Национальный музей

Дав

Казни, и жестокой.
Только дай прийти в себя
Хоть немного, выдумаю что-нибудь.

Памфил

Беда моя!
Некогда совсем мне взяться за тебя, как хочется!
Впору о себе подумать, а не то что мстить тебе!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Харин, Памфил, Дав.

Харин

Это возможно ли? Это ли мыслимо?
Уродиться с таким сердцем злым! Друг в беде,
Он же рад на его муке злой получить
Выгоду! Это ли хороню? Хуже нет,
Чем такой род людей, что в себе стыд найдет
Лишь на то, чтоб не дать вам отказ напрямик!
А придет срок свершить, что он вам обещал,
По нужде должен он тут с себя маску снять!
Хоть ему боязно, все-таки даст отказ
И начнет разводить речь свою без стыда!
«Кто ты? Кто такой мне? И с какой же стати
Мою тебе отдать? Эх ты!
Да ближе всех я сам себе!»
А спросишь: где верность? Стыда никакого,
Где надо, а там, где не надо, стыдятся!
Как же быть? К нему пойти мне и обиду высказать?
Разругать его? Но скажут: а чего добьешься ты?
Да много: досажу ему и душу отведу свою.

Памфил

Коль боги не воззрят на нас,
Харин, невольно и себя
Сгубил я и тебя!

Харин

Невольно? Так ли? Наконец, нашел
Предлог? Сдержал же слово ты!

Памфил

Как, наконец?

Харин

Ты все еще
Этими речами хочешь провести меня?

Памфил

Да что?

Харин

Чуть сказал: «Люблю!» — как тотчас по сердцу пришлась тебе?
О душе твоей, к несчастью, по своей судил душе!

Памфил

Ты ошибся.

Харин

Мало было этой полной радости?
Ложной ты еще надеждой поманил влюбленного! Так бери!

Памфил

Мне брать? Не знаешь, сколько бед стряслось со мной,
В какие неприятности завлек меня советами
Злодей мой!

Харин

Что дивиться; он с тебя, как видно, брал пример.

Памфил

Ты не сказал бы так, когда б узнал меня, любовь мою!

Харин

Да знаю я! Ты только что с отцом своим поссорился,
За это на тебя сейчас сердит он и никак не мог
Тебя сегодня вынудить на ней жениться.

Памфил

Вовсе, нет.
Моих несчастий ты еще не знаешь всех.
Мне этот брак совсем не предстоял. Никто
Не собирался выдать за меня ее.

Харин

Я знаю: понужден ты доброй волею.

Памфил

Постой! Совсем не знаешь!

Харин

Знаю я одно,
Что женишься на ней ты.

Памфил

Вот докука-то!
Ну, слушай. То и дело он настаивал:

«Скажи отцу, что женишься». Советовал,
Просил, пока не настоял в конце концов.

Харин

Кто он-то?

Памфил

Дав.

Харин

Зачем?

Памфил

Не знаю. Разве что
Богов я прогневил, его послушавшись.

Харин

Так было, Дав?

Дав

Так было.

Харин

Ах мерзавец ты!
Пускай за это боги разразят тебя!
Подумай сам: ведь если бы всем недругам
Его опутать браком захотелося —
Какой другой совет они бы подали?

Дав

Ошибся, но не сдался я.

Памфил

Ну да! Еще б!

Дав

Не вышло — здесь — пойдем другой дорогою.
Одно вот разве: если так ты думаешь,
Что раз удачи не было сначала нам,
Так и беды не превратить в спасение.

Памфил

Нет, порю я, что если постараешься,
Две свадьбы мне устроишь из одной как раз.

Дав

Памфил! Как раб твой, для тебя обязан я
Руками, и ногами, день и ночь, всегда
Работать, подвергать себя опасности,
Тебе бы лишь на пользу. Твой же долг меня
Простить, коль вопреки желаньям выйдет что.
Успеха нет в делах моих? Однако я
Стараюсь добросовестно. Найди же сам,
Что лучше, а меня оставь.

Памфил

Пусть так! Верни
Ты в положенье прежнее меня сейчас.

Дав

И сделаю.

Памфил

Но скоро!

Дав

Стой! Дверь скрипнула соседская.

Памфил

Тебе-то что?

Дав

Ищу!

Памфил

Теперь лишь только?

Дав

Уж найду, подам.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Мисида, Памфил, Харин, Дав.

Мисида
(говорит в дом, Гликерии)

Найду, где б ни был! Приведу сейчас тебе Памфила,
Но только ты, голубушка, оставь терзаться этак.

Памфил

Мисида!

Мисида

Это кто? Памфил! Ты кстати мне.

Памфил

В чем дело?

Мисида

Просить велела, чтобы к ней пришел ты, если любишь.
Тебя желает видеть.

Памфил

Ах, пропал! Мученье снова!
Ведь вот по милости твоей какая нам тревога!
Затем-то и зовет меня: услышала про свадьбу.

Харин

А будь спокоен Дав, и вы могли бы быть спокойны.

Дав

Дразни еще! Безумствует он сам еще, что ль, мало?

Мисида

Конечно, так: от этого бедняжка и тоскует.

Памфил

Клянусь богами, я ее вовеки не покину,
Хотя бы люди стали все на свете мне врагами.
Ее желал, добился я, характером сошлись мы.
Долой всех тех, кто между нас раздор посеять хочет!
Лишь смерть отнимет у меня ее.

Харин

Я оживаю!

Памфил

Такой ответ мой: он верней ответа Аполлона!
Удастся убедить отца, что свадьба та не мною
Расстроена — отлично; нет — поверить я заставлю
Его (нетрудно это мне), что я ее расстроил.

(Харину.)

Ну, видишь? Понял ты меня?

Харин

Ты, как и я, несчастен.

Дав

А план я все-таки ищу.

Харин

Вот молодец!

Памфил

Я знаю,
К чему ты клонишь.

Дав

Нет, теперь наверное устрою.

Памфил

Пора.

Дав

Нашел!

Харин

Что?

Дав

Не тебе — ему, не заблуждайся.

Харин

С меня и этого вполне довольно.

Памфил

Что за план твой?

Дав

Боюсь, что мне не хватит дня для дела: так откуда ж
Мне для рассказа время взять? Идите-ка вы оба,
Вы мне сейчас мешаете.

Памфил

Пойду ее проведать.

(Уходит.)
Дав
(Харину)

А ты что? Ты куда идешь?

Харин

Сказать ли правду?

Дав

Можешь.

(Про себя.)

Начнет теперь рассказывать!

Харин

Со мною что же будет?

Дав

Бесстыдник! Мало, что ль, тебе, что я денек прибавлю
К отсрочке свадьбы?

Харин
Все ж…
Дав

Ну что?

Харин

Мою б еще устроить.

Дав

Смешно!

Харин

А если сможешь…
Ты ко мне зайди…

Дав

К чему там? Нет, незачем.

Харин

А все-таки!

Дав

Ну, все-таки, пожалуй.

Харин

Я буду дома.

(Уходит.)
Дав
(Мисиде)

Подожди меня, сейчас я выйду.

Мисида

Зачем?

Дав

Так нужно.

Мисида
Ты скорей…
Дав

Сказал, сейчас тут буду.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Мисида, Дав.
Мисида

О боги! Что на свете прочно? Видела

В Памфиле госпоже моей великое
Я счастье, друг ли, муж ли он, любовник ли —
Во всем опора, а через него теперь
Страданий сколько принимает, бедная!
Пожалуй что, тут больше зла, чем там добра.
Но вот и Дав. Мой милый! Это что же: тут?
Куда несешь ребенка?

Дав

Мне нужна теперь
Твоя, Мисида, хитрость и пронырливость.

Мисида

Но что же ты задумал?

Дав

Вот, бери скорей,
Клади у нашей двери.

Мисида

Что ты! На землю?

Дав

На жертвеннике миртовых ветвей возьми
И подстели.

Мисида

А сам ты? Почему не сам?

Дав

Да потому, что если будет надобность
Пред господином клятву дать, что клал не я,
Так сделать это с чистым сердцем.

Мисида

Ясно все. Вишь, совесть вдруг явилась у него! Давай.

Дав

Ну, двигайся живее, чтоб успеть понять,
Что дальше буду делать. О, Юпитер!

Мисида

Что?

Дав

Отец невесты! Вдруг явился! Бросить мне
Придется первый план, на них направленный.

Мисида

О чем ты? Не пойму никак.

Дав

Отсюда вот
Войду нарочно, справа. Ты ж к моим словам
Приспособляйся, должный мне ответ давай.

Мисида

Что ты затеял, не могу никак понять,
Но если нужно вам мое содействие,
Тебе оно виднее, я останусь тут,
Чтоб не было задержки делу вашему.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Хремет, Мисида, Дав.
Хремет

Устроил я, что нужно, к свадьбе дочери,
Иду, чтоб жениха позвали… Это что? Ребенок!
Ты, что ль, положила, женщина?

Мисида
(ища Дава)

Но где же он?

Хремет

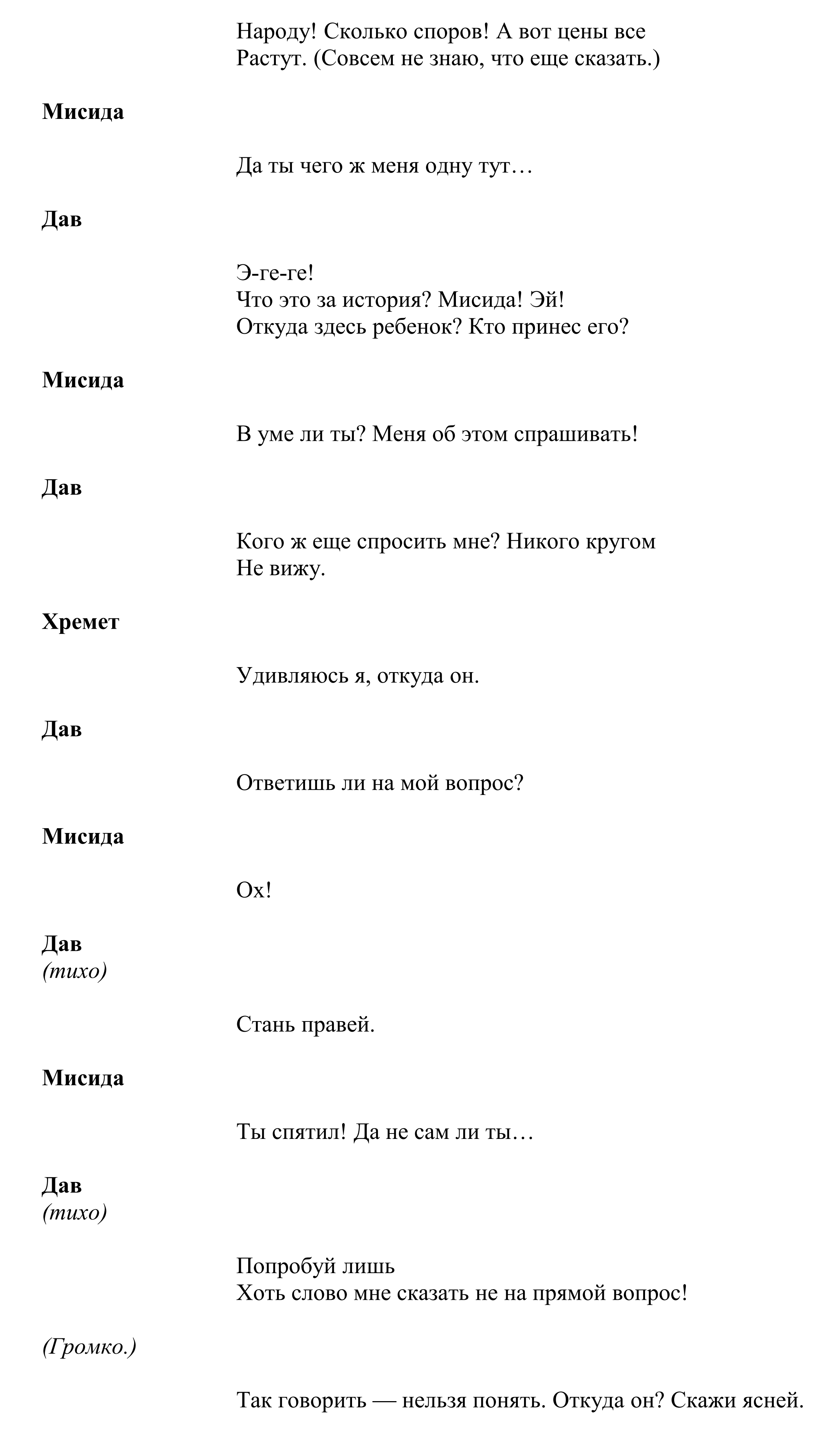
Не отвечаешь?

Мисида

Нет нигде. О, горе мне, несчастной!
Бросил он меня!
Ушел, молодчик!

Дав

Боги! Что на площади

Народу! Сколько споров! А вот цены все
Растут. (Совсем не знаю, что еще сказать.)

Мисида

Да ты чего ж меня одну тут…

Дав

Э-ге-ге!
Что это за история? Мисида! Эй!
Откуда здесь ребенок? Кто принес его?

Мисида

В уме ли ты? Меня об этом спрашивать!

Дав

Кого ж еще спросить мне? Никого кругом
Не вижу.

Хремет

Удивляюсь я, откуда он.

Дав

Ответишь ли на мой вопрос?

Мисида

Ох!

Дав
(тихо)

Стань правей.

Мисида

Ты спятил! Да не сам ли ты…

Дав
(тихо)

Попробуй лишь
Хоть слово мне сказать не на прямой вопрос!

(Громко.)

Так говорить — нельзя понять. Откуда он? Скажи ясней.

Мисида

От нас.

Дав

Ха-ха! Что странного,
Что женщина бесстыдно поступает так!

Хремет

Андриянки служанка, как я думаю.

Дав

Для вас мы, значит, люди подходящие,
Над кем смеяться вам?

Хремет

Пришел я вовремя!

Дав

Ну, живо! Прочь ребенка от дверей бери!

(Тихо.)

Да стой же ты! Ни шагу с места этого!

Мисида

А, провались ты! Как пугаешь, бедную!

Дав

Тебе я говорю иль нет?

Мисида

Чего тебе?

Дав

Да ты ж еще и спрашивать?
Скажи-ка мне,
Чьего ребенка ты сюда подбросила?

Мисида

Уж будто ты не знаешь?

Дав

То, что знаю я,
Оставь. На то, что спрашиваю, дай ответ.

Мисида

Ребенок ваш…

Дав

Кто наш?

Мисида

Памфилов…

Хремет

Вот так так!

Дав

Что? Как? Памфилов?

Мисида

Разве нет?

Хремет
(про себя)

Да, правильно
От брака уклонялся я от этого!

Дав

Какое преступление!

Мисида

Чего кричишь?

Дав

Его, что ли, несли вчера к вам вечером?

Мисида

Какой нахал!

Дав

Да, да, вернее верного:
С узлом под платьем сам видал я Кантару.

Мисида

Благодарю богов за то, что, к счастию,
Свидетельницы родам есть свободные.

Дав

Но человек, из-за которого она
Пошла на это дело, неизвестен ей,
Увидит, мол, Хремет под дверью мальчика
И дочери не выдаст? Уверяю вас,
Что выдаст тем охотней.

Хремет
(про себя)

Уверяю вас,
Что этого не сделает.

Дав

Ну, а теперь,
Чтоб знала ты, скажу тебе одно: бери
Ребенка, а не то швырну на улицу,
Да и тебя туда ж отправлю в грязь лицом.

Мисида

Ты, братец, пьян.

Дав

А за одной проделкою
Другая: слышу, шепчутся:
«Афинская
Она гражданка».

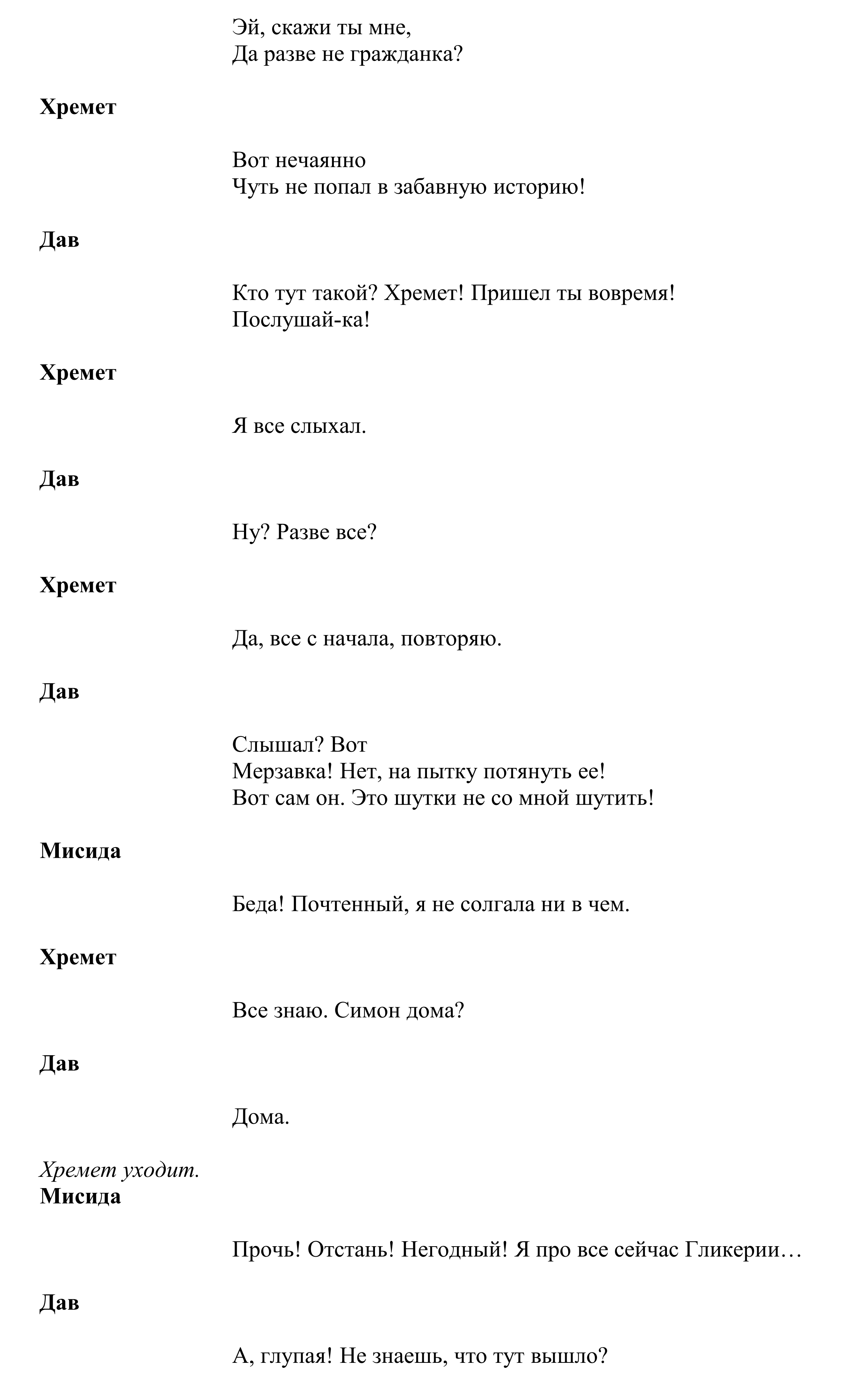
Хремет

Так!

Дав

«Законы вынудят
Его на ней жениться».

Мисида

Эй, скажи ты мне,
Да разве не гражданка?

Хремет

Вот нечаянно
Чуть не попал в забавную историю!

Дав

Кто тут такой? Хремет! Пришел ты вовремя!
Послушай-ка!

Хремет

Я все слыхал.

Дав

Ну? Разве все?

Хремет

Да, все с начала, повторяю.

Дав

Слышал? Вот
Мерзавка! Нет, на пытку потянуть ее!
Вот сам он. Это шутки не со мной шутить!

Мисида

Беда! Почтенный, я не солгала ни в чем.

Хремет

Все знаю. Симон дома?

Дав

Дома.

Хремет уходит.

Мисида

Прочь! Отстань! Негодный! Я про все сейчас Гликерии…

Дав

А, глупая! Не знаешь, что тут вышло?

Мисида

Нет,
Как знать мне!

Дав

Это тесть. Не мог я иначе
Дать знать ему все то, что было нужно нам.

Мисида

Так ты бы наперед сказал.

Дав

Ты думаешь,
Что маленькая разница — быть искренним,
Естественным иль говорить по выучке?

СЦЕНА ПЯТАЯ

Критон, Мисида, Дав.
Критон

Хрисида (предпочла она бесчестное
Богатство на чужбине честной бедности
На родине). А после смерти мне теперь
Отходит по закону все имущество.
Кого б спросить? А, вижу! Мой привет!

Мисида

Гляди!
Кого я вижу? Ты, Критон, Хрисиды брат
Двоюродный! Он самый!

Критон
Здравствуй!
Мисида

Будь здоров!

Критон

Хрисида-то…

Мисида

Сгубила злополучных нас!

Критон

Ну что вы? Как? Все ладно?

Мисида

Мы-то? Кое-как. Как можется, когда нельзя, как хочется.

Критон

Гликерия нашли ли здесь родителей?

Мисида

Увы!

Критон

Неужто до сих пор не найдены?
Не в добрый час, как видно, я пожаловал!
Когда бы знал, ноги бы не нанес сюда.
Сестрой она Хрисидиной считалася,
Владеет, всем имуществом. Насколько мне,
Приезжему, здесь тяжбы заводить легко,
И выгодно, с чужих примеров знаю я.
Да вместе с тем, пожалуй, у нее уже
Какой-нибудь приятель и заступали есть.
Почти уже подростком ведь она от нас
Уехала. Легко прослыть пройдохою
И нищим, за наследством что гоняется!
И сам бы я ограбить не хотел ее.

Мисида

Желанный гость! Критон!
Да все такой же ты,
Как знали мы и раньше!

Критон

К ней веди меня,
Я прибыл повидать ее.

Мисида

С готовностью.

Дав

Пойду-ка я за ними. Нет желания
Со стариком мне в это время встретиться.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Хремет, Симон.
Хремет

Вдоволь доказал я, вдоволь дружбу всю мою к тебе,
Вдоволь для тебя рискнул я; перестань просить меня.
Счастье дочери любимой чуть не проиграл ведь я,
Угодить тебе стараясь.

Симон

Нет, теперь особенно
Я прошу и умоляю, чтобы и на деле ты
Доказал мне то, что было на словах обещано.

Хремет

Рвение тебя доводит до несправедливости.
Добиваясь цели, вовсе не соразмеряешь ты
То, о чем же ты просишь, с мерою услуг моих.
Если б ты об этом думал, то не предъявлял бы уж
Мне таких несправедливых притязаний.

Симон

Да каких?

Хремет

Что тут за вопрос! Да ты же сам уговорил меня
Дочь свою за человека выдать очень юного,
Полного другой любви, ко браку и не склонного,
Выдать, стало быть, в неверный брак, на несогласия,
Чтоб ее страданьем, мукой сына твоего лечить.
Упросил. Пока возможно, шел тебе навстречу я.
Но теперь уж невозможно: ты превозмогай теперь,
Говорят, она гражданка здешняя; родился сын.
Так оставь же нас в покое.

Симон

Но молю богами я!
Не склоняйся же им верить! Это им на выгоду,
Чтобы он как можно ниже опустился. Ими все
Ради брака выдумано было и подстроено:
Эту цель у них отнять — и сразу дело кончено.

Хремет

Нет! Я видел, как служанку Дав бранил…

Симон

Да знаю я.
Искренне. Они не знали, что я тут поблизости.

Симон

Верю. Наперед сказал мне Дав, что так и сделают.
Я хотел, да почему-то позабыл сказать тебе.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дав, Хремет, Симон, Дромон.
Дав
(говорит, обернувшись к дому)

Говорю я дам, бодрее будьте.

Хремет

Вот и Дав тебе.

Симон

Он откуда?

Дав

Под защитой гостя и моей…

Симон

Чего? Это что еще за штука?

Дав

Человек отличный он
И приехал очень кстати.

Симон

Негодяй! Кого он там
Хвалит?

Дав

Спасено все дело!

Симон

С ним заговорю-ка я.

Дав
(про себя)

Господин! Как быть?

Симон

Приятель, здравствуй!

Дав

Симон! А, Хремет! Дома все уже готово.

Симон
(с иронией)

Славно позаботился!

Дав

Хочешь, приглашай.

Симон

Прекрасно. Лишь за этим стало все.
А теперь ответь: тебе тут что за дело?

Дав

Мне?

Симон

Ну да.

Дав

Мне?

Симон

Тебе.

Дав

Вошел туда я только что…

Симон

Как будто я
Спрашивал: давно ли там ты?

Дав

С сыном вместе…

Симон

Что?

Памфил

Там? Вот мука! Эй, не сам ли, негодяй, сказал ты мне,
Будто нелады меж ними?

Дав

Да.

Симон

Так для чего ж он там?

Хремет
(насмешливо)

С нею ссорится, конечно.

Дав

Нет, Хремет, совсем не то.
Возмутительное дело расскажу сейчас тебе.
Прибыл к ним старик какой-то, наглый и пронырливый,
С виду ж человек почтенный и суровой честности,
И слова его внушают полное доверие.

Симон

Что ты нам подносить?

Дав

Только то, что от него слыхал.

Симон

Именно?

Дав

Он достоверно знает, что Гликерия —
Здешняя афинская гражданка.

Симон

Эй, Дромон! Дромом!

Дав

В чем дело?

Симон

Эй, Дромон!

Дав

Постой!

Симон

Еще лишь слово и… Дромон!

Дав

Послушай же…

Дромон
(Симону)

Что надобно?

Симон

Хватай его и в дом тащи.

Дромон

Кого же?

Симон

Дава.

Дав

Но за что?

Симон

Хочу так. Повторяю же,
Хватай его!

Дав

Что сделал я?

Симон

Хватай!

Дав

Да если только я
В чем-нибудь солгал, убей хоть!

Симон

Ничего не слушаю!
Подбодрить тебя сумею!

Дав

Хоть и правда все?

Симон

А пусть!
Эй, руки, ноги закрути! Да слышишь, стереги его!
Постой же! Если буду жив, так покажу
Тебе я, как обманывать хозяина,
Ему ж — отца.

Хремет

Чего ты так свирепствуешь?

Симон

Вот какова сыновняя любовь! Хремет!
Ко мне неужто не имеешь жалости?
Такую муку принимать: приходится
Из-за такого сына! Эй, сюда, Памфил!
Иди, Памфил! Иль вовсе потерял ты стыд?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Памфил, Симон, Хремет.
Памфил

Кто звал меня? Пропал! Отец!

Симон

Что? Ах, ты… ах…

Хремет

Постой, скажи, в чем дело, лучше, чем бранить.

Симон

Как будто слишком что-нибудь обидное
Ему сказать возможно! По твоим слонам
Гликерия — гражданка?

Памфил

Говорят, что так.

Симон

Ах, говорят! Вот наглость непомерная!
О том, что говорит он, разве думает?
И раз не тяготится тем, что сделано?
И краски на лице не показалося!
Таким быть бесхарактерным! К великому
Позору, с ней связался, нарушая тем
Закон, обычай граждан и отцовское
Желание!

Памфил

О, я, несчастный!

Симон

Только лишь
Теперь ты, наконец, Памфил, почувствовал?
Давным-давно, когда решил ты страсть свою
Во что бы то ни стало утолить, тогда,
В тот самый день, ты заслужил поистине
Название несчастного! Да что же я?
Из-за чего терзать себя и мучиться?
Что старость волновать его безумием?
И мне к чему казниться за его грехи?
Пусть ей владеет, с ней живет, со мною же
Пускай простится! На здоровье!

Памфил

Мой отец!

Симон

Отец? Как будто нужен он, отец, тебе!
Жену, детей и дом ты без отца нашел!
И подставных людей привел, чтоб им назвать
Ее гражданкой здешнею. По-твоему
Пускай оно и будет.

Памфил

Разреши, отец. Два слова.

Симон

Что ты можешь мне сказать?

Хремет

А все ж
Послушай, Симон.

Симон

Слушать? Что мне слушать-то?

Хремет

Пусть скажет он, в конце концов.

Симон

Пожалуй! Пусть!

Памфил

Я вполне готов признаться в том, что я люблю ее.
Если это преступленье, признаюсь и в этом я.
Налагай любую жертву. Воле отдаюсь твоей.
Хочешь ли, чтоб я женился? Бросил бы ее? Снесу,
Как сумею. Об одном лишь я прошу. Не думай ты,
Что старик подослан этот мной. Дай оправдаться мне,
К вам сюда его представить лично.

Симон

К нам?

Памфил

Позволь, отец!

Хремет

Просьба справедлива эта. Разреши.

Памфил

Позволь, Симон.
Пускай!
И на все согласен, лишь бы мне не знать того, Хремет,
Что он надо мной смеется.

Хремет

Для отца достаточно
За великую провинность искупленья легкого…

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Критон, Хремет, Симон, Памфил.
Критон
(говорит к дому)

Перестань просить. Имею три соображения,
Чтобы сделать так: во-первых, твой тут интерес, затем,
Интересы правды, дальше — счастие Гликерии.

Хремет

Критон с Андроса! Правда, он!

Критон

Привет тебе, Хремет!

Хремет

Как ты вдруг в Афинах?

Критон

Вышло так. А то не Симон ли?

Хремет

Он.

Критон

Меня ты ищешь, Симон?

Симон

Ты ли утверждать готов,
Что Гликерия — гражданка здешняя?

Критон

А ты — что нет?

Симон

Так затем ты и приехал к нам?

Критон

Зачем?

Симон

Что за вопрос!
И рассчитываешь это делать безнаказанно?
Юношей неискушенных, хорошо воспитанных,
Ты ли это здесь обманом думаешь опутывать,
Соблазняя, обещая, завлекать?

Критон

В уме ли ты?

Симон

Закреплять намерен браком их любовь к распутницам?

Памфил

Вот беда! Боюсь я очень, гость наш устоит ли тут?

Хремет

Ты его совсем не знаешь,
Симон, и не думай так! Это человек хороший!

Симон

Человек хороший?
Он?
До чего все кстати вышло: прибыл к самой свадьбе вдруг,
До сих пор и не бывал тут! Как не доверять ему!

Памфил

Страх перед отцом мешает, а не то об этом я
Мог бы дать совет хороший.

Симон

Плут!
Гм…

Хремет
(Критону)

Он таков у нас,
Ты не обращай вниманья!

Критон

Дело то его, каков,
Мне же если будет дальше говорить, что хочется,
Так услышит от меня он то, что не захочется.
Я, вишь, путаю, верчу тут. Или ты беду спою
Вынести не в состоянье с полным хладнокровием?
Правду или ложь сказал я, это распознать легко.
После кораблекрушения некий житель Аттики
К нам был выброшен на остров Андрос, вместе с ним она
Маленькою девочкой. Тут обратился он в нужде
К первому — к отцу Хрисиды.

Симон

Начал сказку!

Хремет

Ну, оставь!

Критон

Что он все перебивает?

Хремет

Продолжай.

Критон

А мне тот был
Родственник, кем был он принят. От него-то слышал я,
Что из Аттики он родом. Там у нас и умер он.

Хремет

Как по имени?

Критон

Так сразу имя?

Памфил

Ой, беда моя!

Критон

Да, думается, Фания. А это уж наверное —
Он уроженцем называл всегда себя рамнунтовским.[274]

Хремет

Юпитер!

Критон

Да и многие другие это слышали
На Андросе.

Хремет

О, если бы исполнилась надежда! Что
Он, как ее там — дочерью своею звал?

Критон

Нет.

Хремет

Чьею же?

Критон

Дочь брата, говорил.

Хремет

Моя! Наверное!

Критон

Твоя?

Симон

Твоя?

Памфил

---

274 ***…он уроженцем называл всегда себя рамнунтовским.*** *— Рамнунт — область в Аттике.*

Насторожи свой слух, Памфил!

Симон

Ты почему так думаешь?

Хремет

Тот Фания мне брат был.

Симон

Знаю, знал его и лично я.

Хремет

Отсюда от войны бежал он, в Азию отправился
За мною следом, девочку ж боялся он оставить тут.
С тех пор я слышу в первый раз о том, что с ним случилося.

Памфил

Едва собой владею; возбужден надеждой, радостью,
И страхом я, и счастием нежданным, удивительным!

Симон

Я очень рад, что дочь, свою нашел ты.

Хремет

Верю.

Памфил

Ах, отец!

Хремет

Одна мешает мелочь мне досадная.

Памфил

Противно мне
Твое копанье: только бы сучок найти.

Критон

Какая же?

Хремет

Не то ведь имя!

Критон

Девочку иначе звали.

Хремет

Как, Критон?
Ты помнишь?

Критон

Силюсь вспомнить!

Памфил

Как стерпеть? Его беспамятность
Моей мешает радости! А между тем я сам себе
На помощь тут прийти могу! Нет сил терпеть! Хремет,
Она звалася Пасибулою.

Хремет

Она!

Критон

Она.

Памфил

Раз тысячу
Слыхал я от нее самой.

Симон

Мы все так рады этому:
Уверен, что ты веришь.

Хремет

Верю, да!

Памфил

А дальше как, отец?

Симон

Коль так все вышло, я готов склониться к примирению.

Памфил

Отец мой милый! А насчет жены (уж раз я взял ее)
Хремет не вносит перемен тут никаких?

Хремет

В порядке все. Вот только, как отец.

Памфил

Да он согласен.

Симон

Разумеется.

Хремет

Приданого я десять дам талантов.

Памфил

Принимаю я.

Хремет

Ну, к дочери спешу. Прошу со мной, Критон.
Она меня
Не знает.

Симон

Да велел бы ты сюда перенести ее.

Памфил

Вот это верно. Даву я велю сейчас.

Симон

Не может он.

Памфил

А почему?

Симон

Да у него свои дела есть, поважней.

Памфил

Дела? Какие?

Симон

Связан он.

Памфил

Совсем нехорошо, отец!

Симон

Нет, и велел как следует.

Памфил

Вели освободить, прошу.

Симон

Ну что ж!

Памфил

И поскорей!

Симон

Иду.

Памфил

Прекрасный мой, счастливый день!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Харин, Памфил.
Харин

Взгляну-ка. Что с Памфилом. А! Да вот и он!

Памфил

Быть может, кто
Верит, что не верю я тому, что совершилося?
Мне ж теперь хотелось бы, чтоб это было правдою!
Жизнь богов по той причине я считаю вечною,
Что их вечны наслажденья. Вот и мне бессмертие
Выпало, коль не проникнет в радость огорчение.
Но кого бы повстречать мне, чтобы рассказать про все?

Харин

Что же значит эта радость?

Памфил

Дава вижу! Никого
Нет другого мне желанней! Знаю я наверное:
Он один одной со мной обрадуется радости!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дав, Памфил, Харин.
Дав

Где Памфил тут?

Памфил

Дав.

Дав

Кто это?

Памфил

Я.

Дав

Памфил!

Памфил

Не знаешь ты,
Что со мной случилось?

Дав

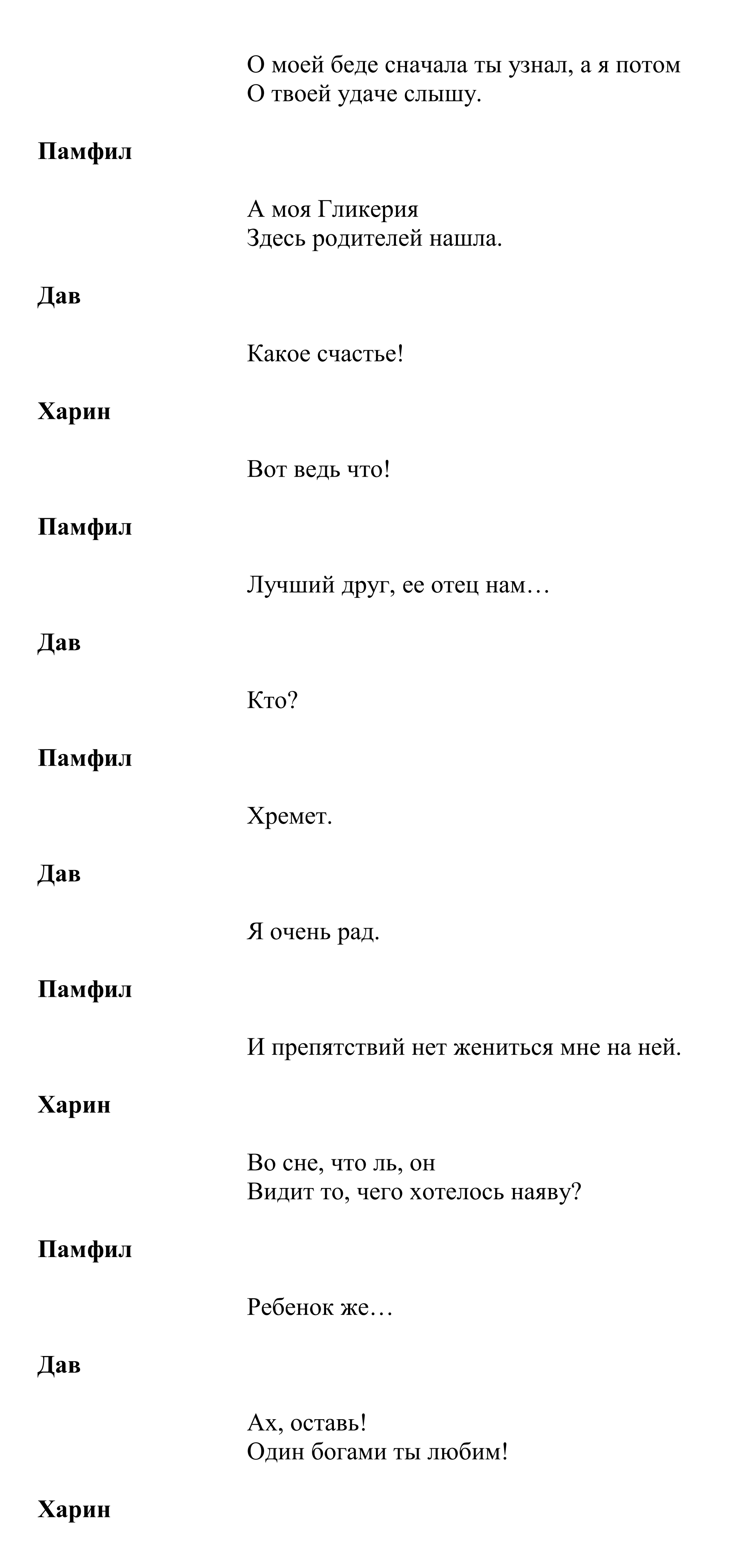
Нет, но знаю, что со мной!

Памфил

И я
Тоже знаю.

Дав

Так все вышло, как с людьми случается.

О моей беде сначала ты узнал, а я потом
О твоей удаче слышу.

Памфил

А моя Гликерия
Здесь родителей нашла.

Дав

Какое счастье!

Харин

Вот ведь что!

Памфил

Лучший друг, ее отец нам…

Дав

Кто?

Памфил

Хремет.

Дав

Я очень рад.

Памфил

И препятствий нет жениться мне на ней.

Харин

Во сне, что ль, он
Видит то, чего хотелось наяву?

Памфил

Ребенок же…

Дав

Ах, оставь!
Один богами ты любим!

Харин

Ох! Я спасен,
Если только это правда!
Обращусь к нему.

Памфил

Но кто ж…
А, Харин!
Пришел ты кстати!

Харин

Поздравляю!

Памфил

Слышал ты?

Харин

Всё… Однако ж в этом счастье и меня не позабудь.
Твой теперь Хремет: исполнит все, чего захочешь ты.

Памфил

Помню. Только слишком долго ждать, покуда выйдет он.
В дом сюда за мною следуй. Тут он, у Гликерии…
Дав, ступай домой, скорей вели перевести ее.
Что стоишь? Что ждешь?

Дав

Иду я. Вы не ждите, что сюда
Выйдут. В доме будет сговор.
Да и остальные все
Точно так же меж собою в доме сладят…
Хлопайте!

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА

Местом рождения Сенеки (конец I в. до н. э.- 65 г. н. э.) был город Кордуба в Испании (нынешняя Кордова). Сын известного ритора, Сенека получил в Риме риторическое и философское образование. Участие в политических интригах подвергало его жизнь постоянной опасности. При Калигуле он чуть не оказался жертвой террора, при Клавдии, избежав смертного приговора, был сослан на остров Корсику, откуда вернулся лишь через восемь лет, чтобы стать воспитателем Нерона, который в первые годы своего правления возвысил и озолотил Сенеку, а затем подверг опале и в конце концов обрек на самоубийство.

Кроме трагедий, общая характеристика которых дана во вступительной статье, и

сатиры на смерть императора Клавдия, Опека оставил большое количество морально-философских сочинений (три послания, озаглавленных «Утешения», трактаты «О гневе», «О краткости жизни», «О стойкости мудреца» и др., двадцать книг «Писем к Луцилию»), а также труд по естествознанию — «Вопросы природы».

ОКТАВИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Октавия.
Кормилица Октавии.
Сенека.
Нерон.
Префект.
Агриппина.
Поппея.
Кормилица Поппеи.
2 хора римских граждан.
Действие происходит в Риме, в 62 г. н. э.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Октавия.
Октавия

Аврора[275] зажглась и ночных светил
Прогнала хоровод. Восходит
Титан в огнистых кудрях,
Вселенной вернув сиянье дня.
Отягченная бременем бед, начинай
Повторять привычных жалоб чреду,
Побеждая стон морских альцион,
Побеждая крик Пандионовых[276] птиц, —
Ведь судьба твоя тяжелей, чем у них.
О мать, по которой я плачу всегда,[277]
Ты, причина моих мучений злых,
Услышь удрученной дочери стон,
Если может внять нам бесплотная тень.
О, если б Клото[278] своей дряхлой рукой
Жизни моей перерезала нить
До того, как пришлось мне увидеть, скорбя,
Раны твои и лицо в крови.
О, день, только боль приносящий мне,
Ты душе с тех пор
Ненавистен больше, чем ночь и мрак.

---

275 ***Аврора*** *— богиня утренней зари, Эос у греков. Титан — здесь: Солнце. Титанами называли не только детей Урана и Геи, но и потомков этих детей. Бог Солнца Гелий считался сыном Гипериона.*

276 ***Пандионовых птиц…*** *— Дочь афинского царя Пандиона Прокна была превращена в ласточку, а другая его дочь, Филомела, в соловья.*

277 ***О мать, по которой я плачу всегда…*** *— Мать Октавии Мессалина была убита императором Клавдием, отцом Октавии, за супружескую измену.*

278 ***Клото*** *— одна из богинь судьбы, которые у греков назывались мойрами, а у римлян — парками.*

Я сносила мачехи злобной гнет,[279]
И вражду ее, и суровый взгляд.
Эриния мрачная, это она
Мой стигийский[280] брачный факел несла,
Погубила тебя, мой бедный отец,[281]
Кому лишь недавно подвластен был
Беспредельный мир,
От кого бежала британцев рать,[282] —
Неведомых прежде нашим вождям
Свободных племен.
А теперь ты почил: сгубило тебя
Коварство жены,
И в рабство твой дом, и дети твои
У тирана в плену.

Кормилица

Тот, кто, впервые в лживый наш вступив дворец,
Сверканьем благ непрочных восхищается,
Увидит вскоре, что судьба сокрытая
Сгубила дом, могущественный некогда, —
Род Клавдия, чьей власти был покорен мир,
Для чьих судов свободный Океан седой,
Смирившись против воли, легкий путь открыл.
Да, он, британцев покоритель первый, он,
Кто слал челны без счета в море дальнее,
Кто среди волн и средь народов варварских
Был невредим, — погиб от рук жены своей,
Убитой вскоре сыном. Юный брат почил,[283]
Погублен ядом; а сестра горюет здесь
И скрыть не в силах скорби, хоть грозит ей гнев
Жестокого супруга ненавистного;
Она его чуждается — но равная
Горит и в нем к жене постылой ненависть.
Напрасно я своей пытаюсь верностью
Ей боль души утишить: горе жгучее
Сильней моих советов; благородный пыл
Ей полнит сердце, в бедах силу черпая.
Мой страх — увы! — провидел злодеяние
В грядущем… Да не сбудется, молю богов!

Октавия

О, доля моя! Злосчастней меня
Никого не найти.

---

279 ***Я сносила мачехи злобный гнет…*** *— Умертвив Мессалину, Клавдий женился на своей племяннице Агриппине, а ее сына от другого брака, Нерона, женил на своей дочери Октавии.*

280 ***Стигийский*** *— «погребальный», «похоронный». Стикс — река в царстве мертвых.*

281 ***…мой бедный отец…*** *— Клавдий был отравлен Агриппиной.*

282 ***…от кого бежала британцев рать…*** *— При Клавдии в 45 г. н. э. римляне утвердились в южной части Британии.*

283 ***Юный брат почил, погублен, ядом…*** *— Брата Октавии Британика Нерон отравил, видя в родном сыне Клавдия своего соперника.*

Я могу повторить,
Электра, твой плач:[284]
Но было тебе оплакать дано
Родителя смерть,
И убийцам его отомстил твой брат,
Которого верность твоя спасла,
Укрыв от врагов.
А мне по загубленным злой судьбой
Родителям страх не велит горевать,
Над убитым братом рыдать не дает;
На него лишь могла надеяться я,
Он один мне на миг утешеньем был.
Только я, горемыка, осталась жива —
Великого имени жалкая тень.

Кормилица

Питомицы стон долетел ко мне:
Тоскует она; так надо спешить
Мне, старухе медлительной, в спальню к ней.

Октавия

Кормилица! Слезы с тобой разделю,
Со свидетелем верным скорби моей.

Кормилица

Наступит ли день, что тебе принесет
Избавленье от бед?

Октавия

Наступит; в тот день я к Стиксу сойду.

Кормилица

Да не скоро сбудется слово твое!

Октавия

Не твоя мольба, а злая судьба
Правит жизнью моей.

Кормилица

Удрученной пошлет благосклонный бог
Перемену к лучшему; ты сама
Смиреньем и кротостью мужа смягчи.

---

284 ***Я могу повторить, Электра, твой плач…*** *— О мифической героине Электре см. во вступительной статье.*

Октавия

Легче смягчить свирепых львов
Или тигров лесных,
Чем тирана сердце. Всем, кто рожден
От славной крови, — он лютый враг,
Презирает он людей и богов;
Злодеяньем ему преступная мать
Добыла счастье, с которым он
Совладать не в силах. Пусть он, стыдясь,
Что в подарок от матери получил
Над империей власть, в благодарность смерть
Несчастной послал за этот дар[285] —
Но ужасную славу во веки веков
И над гробом женщина та сохранит.

Кормилица

Замолчи! Не давай безрассудным речам
Из смятенного сердца свободно течь.

Октавия

Нет, сколько б ни терпела я, одна лишь смерть
Моим страданьям может положить конец.
Убита мать, злодейски умерщвлен отец,
Погублен брат — лавиной беды сыплются.
Живу в тоске, супругу ненавистная,
Служанке повинуясь[286] — и не мил мне день;
Трепещет сердце — но боюсь не смерти я,
А преступленья: если бы судьбы моей
Злодейство не коснулось — умерла бы я
Охотно, потому что хуже смерти мне
Встречать тирана взгляд спесивый, яростный,
Со страхом целовать врага, которому
Нет сил повиноваться с той поры, как брат
Погублен, а престолом завладел его
Братоубийца, гордый благоденствием.
Как часто брат приходит тенью грустною
Ко мне, когда глаза, от слез усталые,
Смежит мне сон и тело обретет покой.
То, факелы схватив руками слабыми,
Глаза убийце выжечь он пытается,
То в спальный мой покой вбегает в ужасе,
А враг за ним; прильнув ко мне, трепещет брат, —
И нас обоих меч пронзает гибельный.
Холодный ужас прогоняет сон с очей,
И снова страх и горе возвращаются.
Прибавь еще соперницу, похищенным

---

285 ***…в благодарность смерть несчастной послал…*** *— Мать Нерона Агриппина была убита по его приказу.*

286 ***…служанке повинуясь…*** *— Имеется в виду любовница Нерона, гречанка-вольноотпущенница Акте.*

У нас величьем гордую: в угоду ей
Отправил мать на корабле чудовищном,
А после при крушении спасенную
Зарезал сын, что бездны был безжалостней.
Так есть ли мне надежда на спасение?
Чертог мои брачный перейдет к сопернице,
Что за разврат в награду громко требует
Жены законной, ненавистной голову.
Приди из мрака к дочери взывающей,
Отец, на помощь! Иль разверзни пропастью
Покров земли, чтоб тотчас взял Аид меня!

Кормилица

Напрасно тень отца зовешь, несчастная,
Напрасно: после смерти до потомков нет
Ему и дела, если мог при жизни он
Родному сыну предпочесть чужую кровь,
Коль мог возжечь он брачный факел пагубный —
Дочь брата взять на ложе нечестивое.
Отсюда потянулась преступлений цепь:
Убийства, козни, жажда крови, спор за власть.
В день свадьбы тестя в жертву принесен был зять,[287]
Чтоб, в брак вступив с тобою, не возвысился.
Злодейство! Отдан был в подарок женщине
Силан, и, кровью окропив отеческих
Пенатов, пал, безвинно оклеветанный.
Увы мне! Враг в порабощенный дом вступил:
Преступный по природе, зятем цезаря
И сыном стал он, — происками мачехи,
Которая насильно, запугав тебя,
Обрядом брачным пагубным связала вас.
Удача ей свирепости прибавила:
Дерзнула посягнуть на власть священную
Над миром. Кто опишет козни льстивые,
Преступные надежды, ковы женщины,[288]
Дорогою злодейств к престолу рвущейся?
Тогда святое Благочестье в ужасе
Покинуло дворец, и поселилась в нем
Жестокая Эриния; священные
Пенаты[289] осквернила адским факелом
Закон природы и стыда поправшая.
Жена подносит мужу яд, потом сама
От рук сыновних гибнет; вскоре ты почил,
Несчастный мальчик, по котором слезы льем;
Британик наш, опорой дома Августа,
Светилом мира был ты — ныне ты лишь тень
И горстка праха. Мачеха жестокая

---

287 ***В день свадьбы тестя в жертву принесен был зять…*** *— В день свадьбы Клавдия и Агриппины был убит жених Октавии Силен.*

288 ***…ковы женщины, дорогою злодейств к престолу рвущейся?*** *— Речь идет об Агриппине.*

289 ***Пенаты*** *— боги дома и хранители семьи.*

Сама рыдала над костром твоим, когда
Объяло пламя тело и красу твою
Божественную легкий поглотил огонь.

Октавия

Пусть и меня погубит, иль убью его.

Кормилица

На это сил природа не дала тебе.

Октавия

Так даст их гнев, беда, и скорбь, и боль дадут.

Кормилица

Смиреньем мужа побеждай свирепого.

Октавия

Чтоб он мне брата воскресил убитого?

Кормилица

Чтобы в живых остаться и потомками
Род воскресить отцовский угасающий.

Октавия

Род цезарей других потомков ждет теперь,
Меня же брата рок влечет несчастного.

Кормилица

Так пусть любовь народа дух поддержит твой.

Октавия

В ней утешенье, но не избавление.

Кормилица

Народ — большая сила.

Октавия

Но сильней тиран.

Кормилица

Жену он чтит…

Октавия

Но больше чтит наложницу.

Кормилица

Всем ненавистна…

Октавия

Но зато любима им.

Кормилица

Но ведь она покуда не жена ему.

Октавия

Не бойся: будет и женой и матерью.

Кормилица

Неистов юношеский лишь вначале пыл,
Но гаснет быстро, словно пламя легкое;
Непостоянна и любовь постыдная —
Прочна любовь лишь к женам целомудренным.
Та, что на брак твой посягнула первая,
Рабыня, завладевшая хозяином,[290]
Боится…

Октавия

Не меня — другой соперницы.

Кормилица

Униженная, робкая, она теперь
Святилище возводит, выдав весь свой страх.
Крылатый бог,[291] обманщик легкомысленный,
Ее покинет. Пусть она прекрасна, пусть
Могуществом гордится: краток счастья срок.
Такую же боль приходилось терпеть
И царице богов,
Когда в разных обличьях на землю сходил
Родитель богов, повелитель небес.
То сверкал белизной лебединых крыл,[292]

290 ***…рабыня, завладевшая хозяином…*** *— Акте.*

291 ***Крылатый бог*** *— Купидон, бог любви.*

292 ***То сверкал белизной лебединых крыл…*** *— намек на мифы о Леде, с которой Юпитер сошелся, приняв облик лебедя, о Европе, которую он похитил из Сидона, превратившись в быка, и о Данае, к которой он проник к виде золотого дождя.*

То в Сидон приходил круторогим быком,
То струился дождем золотым из туч.
С небосвода светят Леды сыны,[293]
Восседает на отчем Олимпе Вакх,[294]
Взял в жены Гебу бог Геркулес,
И не страшен ему Юноны[295] гнев;
Но мудро она подавила боль.
Победила мужа смиреньем своим,
И знает она, что теперь не уйдет
Громовержец с эфирного ложа ее,
Не пленится красою смертной жены,
Не покинет опять высокий чертог. И ты,
Юнона земная, ты
Сестра и супруга Августа, боль
Укроти свою.

Октавия

Скорей соединятся звезды с волнами,
Огонь с водой и с небом — Тартар сумрачный,
С росистой тьмой ночною — благодатный свет,
Чем с нечестивым нравом мужа злобного
Смирится дух мой; брата не забыла я!
О, если бы на голову проклятую
Тирана царь богов обрушил молнию,
Которой часто землю потрясает он,
Пугая нам сердца грозовым пламенем
И знаменьями новыми. Мы видели
Комету, гривой огненной блиставшую,[296]
Там, где Воот[297] повозкой правит медленной,
Где вечной ночи холод и где блещет Ковш.
Все осквернил тиран своим дыханием
Вплоть до эфира; и сулят созвездия
Беду народам, всем, подвластным деспоту.
Не столь ужасен был Тифон, которого
Юпитеру на горе родила Земля.
Теперь и смертным и богам чума грозит:
Богов из храмов дерзко изгоняет враг,[298]
А граждан — из отчизны. Брата он убил —
И видит свет! Кровь пролил материнскую —
И жизнь его не прервалась зловредная!
Отец-всевышний! Для чего напрасно ты
Рукой непобедимой мечешь молнии —
И до сих пор не поразил преступника?
О, если б за злодейства поплатился он,

---

293 ***С небосвода светит Леды сыны…*** *— Кастор и Поллукс, по мифу превращенные после смерти в созвездие Близнецов.*

294 ***…восседает на отчем Олимпе Вакх…*** *— Вакх, как и упоминаемый ниже Геркулес, — сын Юпитера (Зевса) от смертной. Вакх — сын Семелы, Геркулес — Алкмены.*

295 ***Юнона*** *— жена Юпитера.*

296 ***Мы видели комету…*** *— В 60 г. н. э. над Римом действительно появилась комета.*

297 ***Воот*** *— созвездие Волопаса. Древние представляли себе его возничим «повозки» — Большой Медведицы.*

298 ***Богов из храмов дерзко изгоняет враг…*** *— намек на отмену обожествления Клавдия.*

Нерон поддельный, выродок Домиция,[299]
Тот, кто ярмом позорным угнетает мир,
Пороками пятная имя Августа!

Кормилица

Да, я согласна: недостоин он тебя,
Но року не противься, и с судьбой смирись,
И гнев твой ярый укроти, питомица;
Быть может, существует бог карающий,
И день для нас еще наступит радостный.

Октавия

Уж с давних пор всевышних тяжкий гнев навис
Над нашим домом; и Венера первая
Терзала мать мою любовным бешенством:
Замужняя в безбожный брак вступила вновь,
Забыв о нас, о муже и о совести.
С распущенными волосами, грозная
Эриния, вся змеями увитая,
Явилась мстительницей к ложу адскому
И кровью погасила факел дерзостный,
Подвигнув дух разгневанного цезаря
На страшное убийство. Так погибла ты,
О мать моя! Меня на горе вечное
Ты обрекла и к теням увлекла вослед
И сына, и супруга, жалкий род предав.

Кормилица

Дочерний плач не начинай ты сызнова
И не тревожь, стеная, маны[300] матери,
Наказанной за тяжкое безумие.

На орхестру входит хор римских граждан .
Хор

Что за молва долетела к нам?
О, если б могли мы не верить ей,
Так много раз морочившей нас,
О, если бы в цезарев брачный чертог
Супруга новая не вошла
И осталась хозяйкой Клавдия дочь,
Чтоб родить потомков — мира залог,
Чтобы, войны забыв, ликовала земля
И Рима честь не померкла вовек.
Достался брата брачный покой
Юноне в удел, —
Почему же Август супругу-сестру

---

299 ***…выродок Домиция…*** *— Отцом Нерона был первый муж Агриппины Домиций Энобарб.*
300 ***Маны*** *— духи умерших.*

Заставляет покинуть отчий дворец?
Чем поможет теперь благочестье ей,
Целомудренный стыд, и чистая жизнь,
И родитель-бог?
И мы, едва лишь погиб наш вождь,[301]
Позабыли его, и мучительный страх
Убедил нас предать его детей.
Настоящая доблесть прежде жила
У римлян в сердцах, и в жилах у них
Струилась воистину Марса[302] кровь:
Из наших стен изгнали они
Надменных царей;
Не остались без мести и маны твои,
О дева, кого рукою своей[303]
Убил отец, чтоб не быть ей рабой,
Чтоб награды победной стяжать не могла
Нечистая страсть. И тотчас война началась тогда,
Когда от своей погибла руки
Та, кого обесчестил лютый тиран,
Лукреция дочь.[304]
Поплатилась и ты за злодейство твое
Жена Тарквиния, Туллия дочь,[305]
Что дерзнула отца убитого труп
Колесом нечестивой повозки попрать
И несчастное тело его не дала
Возложить на костер.
Преступленье сыновнее видел и наш
Безрадостный век: коварно послал
Нерон на пагубном корабле[306]
В Тирренское море родную мать.
По приказу покинуть безбурный причал
Мореходы спешат,
Весла режут с плеском соленую гладь,
Вылетает в открытое море корабль,
Но в назначенный миг все швы разошлись,
И открылась щель, дав проход воде.

---

301 ***…едва лишь погиб наш вождь…*** *— Клавдий.*

302 ***Марс*** *— бог войны.*

303 ***…о дева, кого рукою своей…*** *— Виргиния, дочь плебея Луция Виргиния, была в V в. до н. э. убита своим отцом, который спас честь дочери ценой ее жизни.*

304 ***…Лукреция дочь.*** *— Обесчещенная царским сыном дочь сенатора Лукреция, жена патриция Тарквиния Коллатина, покончила с собой (VI в. до н. э.).*

305 ***…жена Тарквиния, Туллия дочь…*** *— В 534 г. до н. э. дочь царя Сервия Туллия убедила мужа захватить власть, убив ее отца. Туллия убили на улице, и его дочь, торопясь домой, приказала своему вознице переехать его труп.*

306 ***…коварно послал Нерон на пагубном корабле…*** *— Приводим рассказ римского историка Светония о расправе Нерона с Агриппиной: «Он выдумал распадающийся корабль, чтобы погубить ее крушением или обвалом каюты… он самым нежным письмом пригласил ее в Байи… задержал ее здесь на пиру, а триерархам отдал приказ повредить ее либурнскую галеру будто бы при нечаянном столкновении, и когда она собралась обратно в Бавлы, он дал ей вместо поврежденного свой искусно построенный корабль, проводил ее ласково и на прощание даже поцеловал ее в грудь. Остаток ночи он провел без сна, с великим трепетом ожидая исхода предприятия. А когда он узнал, что все вышло иначе, что она ускользнула вплавь, и когда соотпущенник Луций Агерн радостно принес весть, что она жива и невредима, он, не в силах ничего придумать, велел незаметно подбросить Агерну кинжал, потом схватить его и связать, как подосланного убийцу, а мать умертвить, как будто она, уличенная в преступлении, сама наложила на себя руки».*

Тут пронзительный крик поднялся до звезд,
И женский горький раздался плач.
Пред очами у всех витала смерть,
Для себя лишь спасенья каждый искал:
Одни, сорвав обшивку с кормы,
Плывут, нагие, к доскам прильнув,
Другие стремятся к берегу вплавь, —
И многих топит безжалостный рок.
Разрывает одежды Августа свои,
Волосы рвет,
Потоки ей заливают лицо.
Глядит: уж нет надежды спастись.
И в беде неминуемой гневно кричит:
«Такова, мой сын, награда твоя
За все, что я тебе принесла?
Да, я заслужила эту ладью
Тем, что тебя родила на свет,
Что Цезаря имя и власть тебе,
Обезумев, дала!
Поднимись из вод Ахеронта,[307] мой муж,
Насладись жестокой казнью моей:
Ведь в убийстве твоем виновна я,
По моей вине и сын твой погиб.
По заслугам сойду я к тени твоей,
Погребенья лишусь,
В свирепой пучине скроюсь навек».
Не успела сказать, как вал налетел,
Захлестнул ей уста,
И бросил в море, и вынес вновь.
Повинуясь страху, руками бьет
Она по воде, выбиваясь из сил.
Но верность живет в молчаливых сердцах,
И смерти страх не прогонит ее:
Моряки к обессилевшей госпоже,
Опасность презрев, на помощь спешат,
Кричат ободряющие слова;
Хоть руками едва шевелила она,
Подхватили ее…
Что пользы в том, что спаслась ты из волн,
Обреченная пасть от сыновней руки?
Едва ли поверят в грядущих веках,
Что такое злодейство он мог совершить.
Горюет и злобствует сын, что мать
Из моря спаслась,
Повторить замышляет неслыханный грех,
Всей душой стремится мать извести,
В нетерпенье торопит убийства час,
И слуга, покорно исполнив приказ,
Грудь госпоже рассек мечом.
Подневольный убийца просьбу одну
От нее услыхал:

---

307 ***Ахеронт*** *— река в подземном царстве.*

Чтоб в утробу ей вонзил он клинок.
«Рази сюда, — сказала она, —
Здесь выношен был чудовищный зверь».
И эти слова
С последним стоном ее слились,
И скорбный дух
Отлетел, из кровавых вырвавшись ран.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сенека.

Сенека

Фортуна всемогущая! Зачем ты мне,
Довольному своим уделом, лживою
Улыбкой улыбнулась, вознесла меня?
Чтоб страх узнал, я? Чтобы с высоты упал?
Уж лучше жить мне на скалистой Корсике,[308]
Как прежде, вдалеке от глаз завистливых,
Где сам себе принадлежал мой вольный дух.
Всегда досуг имел я для излюбленных
Занятий. Наблюдать мне было радостно
Красу небес: природа-мать, искусница,
Великие творения создавшая,
Не создала величественней зрелища.
Я наблюдал, как в небе Солнце движется,
И Феба в окруженье звезд блуждающих,
Как в обращенье неба ночь сменяет день,
Как беспределен свод эфира блещущий.
Коль он стареет — к хаосу слепому вновь
Вернется мир; последний день придет тогда
И небо, рухнув, погребет весь род людской,
Забывший благочестье, — чтобы вновь земля
Родить могла бы племя совершенное,
Как в юности, когда Сатурн царил, над ней.[309]
Святая Верность с девой Справедливостью,
Посланницы небес, богини сильные,
В тот век одни народом кротко правили,
Войны не знавшим, не слыхавшим грозных труб,
Не ведавшим оружья, городов своих
Стеной не обводившим: был повсюду путь
Открыт, и люди сообща владели всем.
По доброй воле лоно плодоносное
Земля им отверзала — мать счастливая,
Детей благочестивых опекавшая.
Сменил их род, лишенный прежней кротости.
А третье поколенье, хоть не знало зла,

---

308 ***Уж лучше жить мне на скалистой Корсике…*** *— см. биографические сведения о Сенеке перед примечаниями к «Октавии»*

309 ***…когда Сатурн царил над ней.*** *— Век Сатурна (Крона) отождествлялся с легендарным «золотым веком».*

Хитро искусства новые придумало:
Зверей проворных по лесам преследовать
Отважилось оно, и рыб медлительных
Тяжелой сетью из реки вытаскивать,
И птиц в ловушки дудочкой заманивать,
И подчинять быков ярму, и грудь земли,
Нетронутой дотоле, ранить лемехом, —
И уязвленная земля плоды свои
В священном лоне глубже скрыла. Новый век,
Всех прежних хуже, в недра материнские
Проник, железо отыскал тяжелое
И золото и в руки взял копье и меч.
Меж царств границы пролегли, и новые
Воздвиглись города, и люди алчные
Пошли к чужим жилищам за добычею,
И кров родной мечом им защищать пришлось.
С земли бежала, видя нравы гнусные
И смертных руки, кровью обагренные,
Астрея-дева,[310] звезд краса бессмертная.
Воинственность росла и жажда золота,
И, вкрадчивая язва, самый злой недуг,
Весь мир земной объяла — к наслажденьям страсть;
Ее питают наши заблуждения.
В пороках, накопившихся за долгий срок,
Мы тонем, и жестокий век нас всех гнетет,
Когда злодейство и нечестье царствуют
И одержимы все постыдной похотью,
И к наслажденьям страсть рукою алчною
Гребет богатства, чтоб пустить их по ветру.
Но вот нетвердым шагом, с видом сумрачным
Идет Нерон. Страшусь узнать, с чем он пришел.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Входит Нерон в сопровождении префекта.

Нерон

Распорядись: пусть тотчас Плавта голову[311]
И Суллы мне доставят. Исполняй приказ.

Префект

Иду немедля в лагерь. Все исполню я.

(Уходит.)

Сенека

Нельзя на казнь бездумно осуждать друзей!

---

310 ***Астрея-дева*** *— богиня Справедливости.*

311 ***…Плавта голову и Суллы мне доставят.*** *— Плавт и Сулла — придворные Нерона, казненные им.*

Нерон

Не зная страха, справедливым быть легко.

Сенека

Но есть от страха средство: милосердие.

Нерон

Уничтожать врагов — вот доблесть цезаря.

Сенека

Отца отчизны доблесть — граждан всех беречь.

Нерон

Мальчишек старики пусть учат кротости.

Сенека

Нет, надлежит смирять им пылких юношей.

Нерон

В мои года в советах не нуждаюсь я.

Сенека

Пусть все дела твои не прогневят богов!

Нерон

Богов бояться глупо: я их сам творю.

Сенека

Чем больше можешь, тем сильнее бойся их.

Нерон

Я все могу: Фортуна все позволит мне.

Сенека

Она обманет: милостям ее не верь.

Нерон

Лишь червь не знает, что ему дозволено.

Сенека

Достойней делать то, что подобает нам.

Нерон

Толпа лежачих топчет.

Сенека

Ненавистных лишь!

Нерон

Хранит нас меч.

Сенека

Надежней — верность подданных.

Нерон

Пусть все боятся цезаря.

Сенека

Пусть любят все.

Нерон

Нельзя, чтоб не боялись…

Сенека

Страх гнетет людей.

Нерон

Хочу повиновенья!

Сенека

Справедливым будь!

Нерон

Мое решенье…

Сенека

С общего согласья лишь
Действительно.

Нерон

А меч на что?

Сенека

Избавь нас бог!

Нерон

Так что ж, терпеть и дальше покушения,
Не мстить, стяжать презренье, пасть от рук убийц?
Ни Плавт, ни Сулла ссылкою не сломлены;
Их ненависть упорная пособников
Злодейству ищет, чтобы умертвить меня,
А в городе по-прежнему к изгнанникам
Сильна любовь, и в ней-то все надежды их.
Они мне подозрительны — так пусть умрут!
И к теням пусть уйдет жена постылая
За братом вслед. Пусть все, что вознеслось, падет.

Сенека

Прекрасно между славных самым славным быть,
Щадить отчизну, миловать униженных,
Не распаляться гневом, избегать резни,
Дать мир земле и веку своему покой.
Вот в небо верный путь, вот доблесть высшая.
Отец отчизны, Август,[312] первый тем путем
Достигнул звезд и богом, всюду чтимым, стал,
Хоть через все превратности войны его
Гнала судьба и по земле и по морю,
Пока не одолел он всех врагов отца.
Тебе же покорилась без борьбы судьба,
Легко вручив тебе бразды правления,
Моря и земли воле подчинив твоей.
Благоговейное согласье общее
Убило зависть; и сенат и всадники —
Все за тебя; моленью плебса вняв, отцы
Признали миротворцем и судьей тебя
Над всей землей; священный титул дан тебе
Отца отчизны; чтобы ты хранил его,
Желает Рим; тебе он вверил граждан всех.

Нерон

То дар богов, что Рим мне в рабство отдался
С сенатом вместе, что смиренно римляне
Из страха, против воли, в ноги пали мне.
Щадить опасных цезарю и родине

---

312 ***Отец отчизны, Август…*** *— первый римский император Октавиан Август.*

И знатных родом граждан? Вот безумие,
Когда довольно слова мне, чтоб все, кого
Подозреваю, сгинули. Брут поднял меч,[313]
Чтоб своего зарезать благодетеля.
В бою непобедимый покоритель стран,
Вождь, в почестях с Юпитером сравнявшийся,
Сам Цезарь пал злодеев-граждан жертвою.
О, сколько Рим, терзаемый раздорами,
Тогда своей увидел крови пролитой!
Благочестивый Август, добродетелью
Стяжавший небо, граждан благороднейших
Немало истребил, занесши в списки их,
Хоть от родных пенатов разбрелись они
По всей земле, оружья трех мужей страшась.[314]
На рострах[315] были выставлены головы
Убитых, и оплакать их не смел сенат,
Не смел стенать на оскверненном форуме,
Где кровь из шей текла по каплям черная.
Но тем кровопролитие не кончилось:
Зверей и хищных птиц Филиппы мрачные
Кормили долго; в море Сицилийское
Шел римский флот на гибель флоту римскому.[316]
Мир трепетал, увидев силы двух вождей;
Но вот один, разгромленный в сражении,[317]
Стремится к Нилу, чтобы там конец найти,
И снова кровью полководца римского
Земля Египта напилась нечистая,
Две тени скрыв.[318] Тут долго бушевавшая
Гражданская война погребена была.
Усталый победитель спрятал свой клинок,
От крови ржавый. Страх опорой власти стал.
Мечи и верность войск хранили цезаря,
А благочестье сына богом сделало
Его по смерти, храмы даровав ему.
Ждут звезды и меня, коль все враждебное
Я сам успею истребить безжалостно
И дому дать опору, народив детей.

Сенека

Божественным потомством дом наполнит твой
Дочь бога, украшенье рода Клавдиев,
Юнона, ложе с братом разделившая.

---

313 ***Брут поднял меч…*** *— Марк Юний Брут, один из главных участников заговора против Юлия Цезаря.*

314 ***…оружья трех мужей страшась*** *— так называемых триумвиров: Октавиана, Марка Антония и Эмилия Лепида.*

315 ***Ростры*** *— брусья, прикреплявшиеся к носовой части военных кораблей. Здесь речь идет о рострах, вывешенных в качестве трофеев на римском форуме.*

316 ***…шел римский флот на гибель флоту римскому.*** *— Имеется в виду флот Октавиана и флот сторонников Помпея.*

317 ***…но вот один, разгромленный в сражении…*** *— Имеется в виду Марк Антоний.*

318 ***…две тени скрыв.*** *— Раньше Антония, покончившего с собой в Египте, там погиб предательски убитый Помпей.*

Нерон

Нет, я не верю дочери развратницы,
К тому ж и чужд я был всегда Октавии.

Сенека

Но разве можно верить иль не верить ей?
Она юна, стыдливость в ней сильней любви.

Нерон

Я так же понапрасну долго думал сам,
Хоть ненависть ко мне сквозила явная
В угрюмом взгляде, нраве неприветливом.
Мне отомстить велит обида жгучая.
Супругу я нашел, меня достойную
Красой и родом: отступить пред ней должны
Все три богини, что на Иде спорили.

Сенека

Пусть будет мужу верность дорога в жене
И нрав стыдливый; неподвластны времени
И вечны те лишь блага, что живут в душе,
А красоту уносит каждый день у нас.

Нерон

В одной соединила все достоинства
Судьба — и мне решила подарить ее.

Сенека

Любовь твоя да сгинет — чтоб ты не был слеп.

Нерон

Любовь? Пред ней бессилен громовержец сам,
Моря и царства Дита[319] — все подвластно ей,
Тиран небес, на землю шлет богов она.

Сенека

Безжалостным крылатым богом сделало
Любовь людское заблужденье, дав ему
Палящий факел, лук и стрелы меткие,
Решив, что сын Венеры и Вулкана он.
Но нет, любовь есть сила, жаром вкрадчивым
Вползающая в душу. Юность — мать ее,

---

319 ***Дит*** — *Плутон, бог подземного царства.*

Досуг, дары Фортуны, роскошь — пища ей;
Когда ее лелеять перестанешь ты,
Она, слабея, угасает в краткий срок.

Нерон

А я сужу иначе: без нее ни жизнь,
Ни наслажденье невозможны. Гибели
Не знает род людской, благодеянием
Любви творя потомство. Учит кротости
Зверей она. Так пусть же этот бог несет
Мой брачный факел и отдаст Поппею мне.

Сенека

Нет, свадьбы этой римлян скорбь не выдержит,
Святое не допустит благочестие.

Нерон

Что ж, сделать не могу я то, что можно всем?

Сенека

Все от людей великих ждут великих дел.

Нерон

Я испытать хочу: довольно ль сил моих,
Чтоб в душах черни дерзкую приязнь сломить.

Сенека

Тебе пристало воли граждан слушаться.

Нерон

Плох тот властитель, над которым властна чернь.

Сенека

Ты не уступишь — вправе возроптать народ.

Нерон

Мольбами не добившись, вправе силой брать?

Сенека

«Нет» молвить трудно…

Нерон

Цезаря принудить — грех.

Сенека

Сам откажись.

Нерон

И побежденным будешь слыть.

Сенека

Что нам молва!

Нерон

Но многие ославлены.

Сенека

Кто выше всех, ей страшен.

Нерон

Все ж язвит его!

Сенека

С молвой ты сладишь. Лишь бы дух смягчили твои
Заслуги тестя, юность, чистый нрав жены.

Нерон

Оставь! Не докучай мне! Наконец, дозволь
Мне делать то, что порицает Сенека!
И так исполнить просьбы римлян медлю я,
Хоть понесла во чреве от меня залог
Возлюбленная. Что ж обряд наш свадебный
Назначить медлю я на дни ближайшие?

(Уходит.)
Сенека удаляется и другую сторону).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

На пустой сцене появляется призрак Агриппины.
Призрак Агриппины

Сквозь твердь земную вышла я из Тартара,
Стигийский факел сжав рукой кровавою:
Пусть сына свадьбу озарит преступную

С Поппеей — я же, мстительница скорбная,
Мой факел в погребальный превращу костер.
И среди теней то убийство мерзкое
Я не забыла: маны неотмщенные
Покоя не нашли. За все, что сделала
Для сына я, — мне был корабль наградою,
И за престол — крушенья ночь и горький стон.
Хотела я оплакать гибель спутников
И сына грех — но не дали мне времени
Для слез: удвоил грех свой злодеяньем сын.
Мечом убита, я сквозь раны гнусные
Среди родных пенатов испустила дух,
Из моря спасшись. В сердце сына ненависть
Не угасила кровь моя: тиран теперь
Желает имя матери и все мои
Заслуги навсегда предать забвению:
Он разрушает надписи и статуи
По всей земле, которую — на горе мне —
Под власть убийце отдала любовь моя.
Супруг умерший тень мою преследует,
У глаз моих преступных машет факелом,
Грозит, корит судьбой своей и требует,
Чтобы убийца сына выдан был ему.
Оставь! Он твой: дай лишь отсрочку краткую.
Эриния тирану уготовила
Конец достойный: бич, и бегство жалкое,
И казнь, перед которой птица Тития,[320]
Тантала жажда, труд Сизифа горестный
И даже Иксиона[321] колесо — ничто.
Пускай он возведет дворец из мрамора[322]
Под золотою кровлей, пусть порог хранят
Когорты, пусть пришлет весь мир ограбленный
Ему богатства, руку пусть кровавую
Парфяне лобызают и несут дары, —
Настанет день, когда с душой преступною
Расстанется и горло под удар врага
Подставит он — разбитый, нищий, брошенный.
Увы, к чему был труд мой и мольбы мои?
Куда тебя безумье приведет твое
И рок, мой сын? Перед такими бедами
Стихает гнев тобой убитой матери!
О, если б, раньше, чем рожден ты мною был,
Мне чрево растерзали звери дикие:
И ты бы умер, неразлучный с матерью,
Бесчувственный, злодейством не запятнанный,
И в царстве мертвых никогда тревог не знал,
И славных предков, и отца увидел бы,

---

320 ***Титий*** *— мифический герой. За то, что он оскорбил богиню Лето, Титий был не только убит богами, но и наказан в подземном царстве: там два коршуна терзали его печень.*

321 ***Иксион*** *— мифический герой. Он воспылал любовью к богине Гере, и за это его приковали к вечно вращающемуся огненному колесу.*

322 ***…дворец из мрамора…*** *— намек на так называемый «Золотой дом», дворец, постройкой которого был в это время занят Нерон.*

Которых обрекли мы на позор и скорбь, —
И ты и я, что родила таким тебя!
Так скройся в Тартар, мать, жена и мачеха.
Всем близким лишь погибель приносившая!

(Исчезает.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Октавия.

Октавия

Удержись от слез в этот праздничный день,
В день веселья, о Рим, чтоб твоя любовь
И преданность мне не зажгли в душе
Повелителя гнев, чтоб не стать для тебя
Мне источником бед. Не впервые сейчас
В больную грудь вонзают клинок:
Тяжелей удары сносила я.
Пусть погибну я — но избавит от мук
Меня этот день. Не придется мне мужа злобный взгляд
То и дело встречать
И входить в ненавистный брачный покой
К рабыне моей:
Сестрой — не женой буду Августу я.
Лишь бы казни отныне и гибели злой
Не бояться мне!
Но напрасны мечты! Иль забыла ты
В ослепленье минутном злодейства его?
Лишь до новой свадьбы тебя берегли,
Чтобы в жертву принесть на брачном пиру.
Для чего ж ты назад устремляешь взгляд,
На пенатов отчих смотришь в слезах?
Поспеши скорей от этих дверей,
Залитый кровью покинь дворец.

(Уходит.)

Хор

Вот и день взошел, о котором давно
Трубила молва, но не верили мы:
И я, брачных чертогов Клавдия дочь
Изгнал Нерон,
Торжествуя, Поппея вступила в них,
А нашу преданность страх подавил,
И терпит все трусливая скорбь.
О римский народ, где сила твоя,
Что ломала волю славных вождей.
Побеждавшей отчизне давала закон,
Лишь достойным мужам вручала власть,
Объявляла войну, заключала мир,
Усмиряла дикие племена

И держала в темнице пленных царей?
Повсюду стоят, оскорбляя наш взгляд,
Поппеи статуи, ярко блестя,
И с нею — Нерон. Повторенный в бронзе образ ее
Рукою безжалостной наземь сбрось,
С высокого ложа ее стащи,
Разрушь огнем и острым копьем
Жестокого цезаря гнусный дворец.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Входит Поппея, за ней ее кормилица.
Кормилица Поппеи

Зачем ты вышла из покоя брачного,
Питомица? Куда тайком направилась?
И почему испуг в глазах заплаканных?
День, о котором всех богов молили мы,
Нам воссиял: обрядом брачным связана
Ты с цезарем, плененным красотой твоей:
Тебе он — победительнице — отдан был.
Воссевши во дворце на ложе гордое.
Как ты была прекрасна! Поразила ты
Сенат своей красою, когда ладан жгла
И возливала чистое вино богам,
Закрыв лицо прозрачной тканью огненной,
А рядом, ни на шаг не отступая, шел
Меж граждан, счастья вам желавших радостно,
Походкой гордой цезарь, и лицо его
Сияло счастьем: так на ложе вел Целей[323]
Фетиду, что из пенных поднялась пучин,
И в радостном согласье небожители
И боги моря праздновали свадьбу их.
Но отчего искажено лицо твое?
Откуда слезы, бледность и внезапный страх?

Поппея

Минувшей ночи сновиденья мрачные
И взор и разум, няня, помутили мне:
Бреду без чувств… Как только день мой радостный
Ночным светилам, отдал твердь небесную,
В объятьях тесных моего Нерона я
Забылась сном; но ненадолго был мне дан
Покой отрадный. Вижу: толпы скорбные
Ко мне на свадьбу собрались; бьют в грудь себя
Матроны Рима, распустивши полосы,
И часто раздается страшный рев трубы,
И мать Нерона, кровью обагренная,
С угрозой потрясает дымным факелом,

323 ***Целей*** *— мифический герой, супруг морской богини Фетиды, отец Ахилла.*

Иду за него, страхом принуждаема, —
Вдруг разверзается земля у ног моих
Расселиной широкой; я лечу в нее
И с изумленьем вижу ложе брачное
Мое… В бессилье на него я падаю,
Гляжу: спешит мой бывший муж с толпой ко мне[324]
И сын… Криспин в объятья заключил меня
И ждет, чтоб я на поцелуй ответила, —
Но тут Нерон врывается трепещущий
И в горло меч ему вонзает с яростью
Холодный страх объял меня, прервав мой сон.
Сейчас еще я вся дрожу от ужаса,
И бьется сердце. Сделал страх немой меня, —
Лишь преданность твоя признанье вырвала,
О, горе! Чем грозят умерших маны мне?
К чему был: сон, в котором пролил кровь мой муж?

Кормилица

Все то, что бодрствующий дух волнует нам,
Во сне таинственное чувство дивное
К нам вновь приводит. Изумляться нечему,
Коль снился муж тебе и ложе брачное,
Когда спала в объятьях мужа нового.
Тебя страшит, что в день приснились радостный
Удары в грудь, распущенные волосы?
Оплакивали так развод Октавии
Среди пенатов брата, ларов отческих.[325]
Тот факел, что Августа пред тобой несла, —
Сулит он имя громкое, которое
Тебе завистники доставят. Прочный брак
Сулит обитель вечная подземная.
И пусть кому-то в горло цезарь меч вонзил.
Примета не к войне; оружье спрятано
В дни мира будет. Прогони свой страх, молю,
В чертог свой брачный возвращайся с радостью.

Поппея

Нет, я решила в храмы, к алтарям пойти,
Принесть бессмертным жертвы и молить у них,
Чтоб отвратили сна угрозы страшные,
Чтоб ужас отошел от нас к врагам моим.
Так вознеси и ты благочестивые
Мольбы богам, чтобы осталось все, как есть!

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

---

324 ***…спешит мой бывший муж… и сын…*** *— Первый муж Поппеи Руфий Криспин покончил с собой по приказу Нерона. Сына Криспина и Поппеи утопили по приказу Нерона.*

325 ***Лары*** *— добрые духи умерших, покровительствующие их осиротевшим домам.*

На орхестру вступает второй хор — сторонники Поппеи.

Второй хор

Если правду молва повествует о том,
Как Юпитер тайком предавался любви,
Как он к Леде льнул, прижимал ее грудь
К одетой пухом груди своей,
Как могучим быком на спине по волнам
Европу он мчал, добычу свою,
То и нынче звезды покинет он,
Объятий твоих, Поппея, ища,
Ради них позабудет и Леду он,
И Персея мать, что дивилась, когда
Заструился желтым золотом дождь.
Пусть Спартанки[326] красой будет Спарта горда,
Пусть гордится наградой фригийский пастух:[327]
Все же прелестью ты, Поппея, затмишь
Тиндариду, виновницу страшной войны,
Фригийское царство повергшей в прах.
Но кто сюда в смятенье бежит?
Что нам несет, задыхаясь, он?

Вбегает вестник.

Вестник

Пусть тотчас же ведут солдат начальники
От разъяренной черни защищать дворец.
С трудом когорты для охраны города
Дрожащие префекты за собой влекут.
Не уступая страху, гнев толпы растет.

Хор

Но что вселяет в души им безумие?

Вестник

Их собрала в ряды любовь к Октавии,
Все мчатся, негодуя на великий грех.

Хор

Чего ж они хотят? На что отважились?

Вестник

Хотят ей долю власти дать законную,
Вернуть ей ложе брата и дворец отца.

---

326 ***Спартанка*** *— Елена, дочь Тиндара (ниже она названа Тиндаридой), виновница Троянской войны.*

327 ***Фригийский пастух*** *— Парнас, который в награду за то, что присудил золотое яблоко Афродите, получил в жены Елену.*

Хор

Они Поппее клятвой брачной отданы!

Вестник

Вот потому и жжет любовь упрямая
Сердца и гневом безрассудным полнит их.
Везде, где статуи Поппеи высились,
Из бронзы золотистой иль из мрамора, —
Они лежат, руками черни сброшены,
Разрушены железом, и обломки их,
Растащенные на канатах, втоптаны
С позором в грязь. Народа крик делам под стать:
Мешает страх мне повторить слова его.
Хотят огнем спалить чертоги цезаря,
Коль гневу их жену не выдаст новую
И вновь супругой не введет Октавию
К пенатам отчим. Чтобы о волнениях
Народа знал Нерон, префект прислал меня.

Хор

Для чего затевать понапрасну воину? Необорна мощь
Кунидоновых стрел:
Наш огонь он огнем потушит своим, —
Тот, кто пламя молний нередко гасил,
Кто Юпитера в плен уводил с небес.
Оскорбите его — и придется платить
Вам кровью своей. Этот бог гневлив, он терпеть не привык
И не знает узды:
Это он повелел, чтобы грозный Ахилл
На лире бряцал,
Он данайцев сломил и Атрида сломил,
Приамово царство поверг он в прах,
Разрушал города. И сейчас душа страшится того,
Что готовит бога жестокая мощь.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Нерон

О, до чего мои войска медлительны,
Как сам я в гневе кроток, если факелы
Не погасил, преступно мне грозившие,
Я кровью граждан, если не текла она
По Риму, породившему мятежников.
А та, кого мне хочет навязать народ,
Та, что всегда была мне подозрительна,
Сестра-супруга, за обиду жизнью мне

Заплатит, гнев мой кровью угасив своей.
Но смерть за все, что было, — кара слабая,
Страшнее наказанья заслужила чернь:
Падут дома, моим объяты пламенем;[328]
Пожары покарают чернь зловредную,
Жестокий голод, нищета позорная.
Под нашей властью счастьем развратился плебс:
Неблагодарный, глух он к милосердию,
И мир, что даровал я, нестерпим ему,
И, одержимый беспокойной дерзостью,
Он к пропасти несется в ослеплении.
Под тяжким игом должно мне держать его,
Жестокостью смирять, чтоб не осмелился
Затеять смуту снова, чтобы глаз поднять
На лик священный цезаря жены не смел.
Лишь страх научит чернь повиновению.
Но вот подходит тот, кого за преданность
И верность сделал я префектом лагеря.

Входит префект.
Префект

Подавлен бунт народа. Лишь немногие
Убиты: — те, кто дерзко нам противился.

Нерон

И это все? Ты понял так вождя приказ!
Подавлен бунт! Вот все, чем отплачу я им?

Префект

Но главари истреблены безжалостно.

Нерон

Что ж, а толпа, которая осмелилась
С огнем напасть на мой дворец, и цезарю
Указывать, мне с ложа влечь жену мою,
Все осквернять рукой своей нечистою
И криком гнусным может безнаказанно?

Префект

Твоя обида казнь готовит гражданам?

Нерон

Такую казнь, чтоб век жила молва о ней!

---

328 ***…падут дома моим объяты пламенем…*** *— намек на римский пожар 64 г. н. э. Утверждали, что город поджег Нерон, который, любуясь пожаром, читал стихи о сожжении Трои.*

Префект

Твой гнев — не страх наш будет казням мерою.

Нерон

Пусть первой та, кем вызван гнев, поплатится.

Префект

Скажи нам, кто — и не видать пощады ей,

Нерон

Сестры проклятой голову я требую.

Префект

Я весь дрожу… Оцепенел от ужаса…

Нерон

Ослушаться готов ты?

Префект

Упрекаешь зря!

Нерон

Щадить врага?

Префект

Врагом считаешь женщину?

Нерон

Она злодейка!

Префект

Кто же уличил ее?

Нерон

Мятеж толпы.

Префект

Кто мог направить бешенство?

Нерон

Тот, кто их подстрекал!

Префект

Никто, я думаю.

Нерон

Нет, женщина: природа склонность к злу в нее
Вложила, научив коварству вредному.

Префект

Но не дала ей сил.

Нерон

Чтоб неприступною
Она не стала, чтобы силы слабые
Мог страх сломить иль кара. Уж давно она
Виновна; запоздал лишь с приговором я.
Оставь советы и мольбы и слушайся
Приказа: пусть на судне увезут ее
На берег дальний и покончат с нею там, —
Чтоб, наконец, покинул сердце вечный страх.

Расходятся.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

На орхестру вступает первый хор.
Хор

О, как много людей погубила ты,
Народа любовь!
Попутным ветром надув паруса,
Ты в открытое море выносить ладью
И слабеешь потом,
Покидая корабль на волю волн.
Обоих Гракхов оплакала мать:[329]
Чрезмерной любовью сгубила их чернь,
Средь которой они обрели почет
И знатностью рода, и блеском речей,
Благочестьем и верностью храбрых сердец,
И знаньем законов, и силой ума.
Такую же смерть, о Ливий,[330] тебе

---

329 ***Обоих Гракхов оплакала мать…*** *— Братья Тиберий и Гай Гракхи (II в. до н. э.), инициаторы аграрной реформы, погибли в борьбе с ее противниками — аристократами.*
330 ***Ливий*** *— Ливий Друз Младший, инициатор реформы суда (начало I в. до н. э.), убитый своими политическими врагами.*

Послала судьба:
Ни святость фасций тебя не спасла,
Ни стены дома. Примеры еще
Я бы вспомнил — да новая скорбь не дает:
Та, которой вернуть отцовский дворец
И ложе брата хотел народ,
На глазах у всех,
Рыдая, идет на гибель, на казнь.
Кто, довольствуясь хижиной низкой, живет
Незаметно и бедно — благо тому:
Лишь высоким домам ураганы страшны,
И часто Фортуна рушит их в прах.

Стражники вводят Октавию.

Октавия

Куда вы меня ведете? Куда
Мне царица велит в изгнанье уйти,
Если, тронута жалостью к бедам моим,
Подарить мне жизнь решила она?
Если ж смертью тираны хотят увенчать
Мой горький удел, почему б им не дать
Мне пасть на родной жестокой земле?
Больше нет для меня на спасенье надежд!
О, горе! Я вижу брата корабль,
На котором когда-то плыла его мать,
А теперь поплывет горемыка-сестра,
Из покоя брачного изгнана им.
Благочестье лишилось силы святой,
И богов больше нет:
Лишь Эриния мрачная в мире царит.
Кто достойно оплачет мою беду?
Где тот соловей, что стонам моим
Ответит песней? О, если бы мне
Соловьиные крылья дала судьба![331]
Сбросив тяжесть тоски, улетела бы я
На легких крылах от людской толпы,
От жестокой вражды, от кровавой резни,
Вдалеке от всех, средь пустынных рощ
На тонкой ветке пела бы я,
Разливая печально-звонкую трель.

Хор

Но родом людским управляет рок,
И не может никто избрать для себя
Надежный удел на веки веков.
Нас каждый день превратности ждут,
И каждое утро приносит страх.
Пусть примеры душу твою укрепят:
Их было немало в вашем роду.

---

331 ***О, если бы мне соловьиные крылья…*** *— намек на миф о Филомеле.*

Намного ль твоя тяжелей судьба?
Прежде всех тебя
Назову я, мать девяти детей,
Августа внучка, Агриппы дочь,[332]
Супруга цезаря! Имя твое
Сияло славой по всей земле.
Залоги мира чрево твое
Даровало не раз,
Но вскоре изгнанье узнала ты,
Бичи и цепи, утраты и скорбь,
И мучительно долгую, страшную смерть,
А ты, счастливая Друза жена,
Счастливая мать, — ты сама навлекла,
О Ливия,[333] казнь злодеяньем своим.
Повторила Юлия ту же судьбу:[334]
После долгих лет изгнанья она
Убита была — безо всякой вины.
И та, что тебя на свет родила,
Разве знала власти предел она?
Во дворце царила, потомством своим
И любовью мужа сильна и горда;
И она, покорясь слуге своему,
Убита была солдатским мечом.
А Нерона мать, что могла бы мечтать
О том, чтобы власть простереть до небес?
Пусть не смели грубые руки гребцов
Посягнуть на нее, —
Но долго ее терзали мечом,
И жертвой сына пала она.

Октавия

И меня теперь свирепый тиран
Посылает к теням и к манам во мрак,
Так зачем понапрасну мешкаю я?
Вы, кому Фортуна над нами власть
Вручила, — ведите меня на смерть!
Вас я, боги, зову… Нет, оставь мольбы:
Ненавистна богам, безумная, ты!
Я Тартар зову
И Эреба[335] богинь, что злодеям мстят,
И тебя, мой отец,
Что достоин был смерти и кары такой!
Вы свидетели: я не боюсь умереть.
Снаряжайте корабль и вверяйте ветрам
Паруса, чтобы кормчий направил его

---

332 ***…Августа внучка, Агриппы дочь…*** *— Юлия — внучка Октавиана Августа, жена полководца Германика, после смерти которого возглавила сенатскую оппозицию, за что была сослана императором Тиберием на остров Пандатрию, где и погибла.*

333 ***Ливия*** *— Ливия Ливилла (начало I в. н. э.) в сообщничестве со своим любовником Сеяном отравила своего мужа. За это мать Ливии казнила ее голодной смертью.*

334 ***Юлия*** *— внучка Августа, Юлия-младшая, известная своим распутством.*

335 ***Эреб*** *— подземное царство мрака.*

К берегам Пандатарии — дальней земли.

Хор

Ты, легчайший зефир, ты дыханьем своим
Ифигению,[336] скрытую облаком, нес,
Когда похищена тайно была
С алтаря жестокой девы она, —
И ее унеси от казни лихой
К святилищу Тривии,[337] я молю!
Милосердней Авлида, чем город наш,
Милосердней диких тавров страна:
Возливают там всевышним богам
Чужеземную кровь, —
Рим убийством тешится граждан.

Примечания

Греческие и латинские подлинники трагедий и комедий были изданы, как и другие тексты античных писателей, сохранившиеся благодаря рукописной традиции, в первые же десятилетия книгопечатания в Европе, то есть уже во второй половине XV века. Теренций, например, был впервые издан в 1470 году, Плавт — в 1472 году. С тех пор и до наших дней эти тексты множество раз переиздавались в разных странах мира — в XIX и XX веках обычно с небольшими изменениями, учитывавшими новейшие толкования так называемых темных мест филологами-классиками, и часто с приложением разночтений.

Уже в древнерусской переводной литературе отразилось знакомство с античной драмой. В хрониках Амартола и Малалы и в сборнике «Пчела» (XI–XII вв.) встречаются изречения из трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. Среди переводов Максима Грека, сделанных в начале XVI века, есть фрагмент из Менандра.

В XVIII веке в России появились переводы из Теренция. В 1757 году В. К. Тредьяковский издал свой перевод «Евнуха» под заголовком: «Евнух. Комедия в пять действий, с латынския Теренциевы от мерских самых срамословии очищенная стихами Василия Тредьяковского». В 1773–1774 годах в Санкт-Петербурге были изданы в трех томах «Комедии Публия Терентия Африканского, переведенные с латинского на российский язык с приобщением подлинника». В этом издании комедия «Девушка с Андроса», включенная и в наш сборник, дана в переводе Александра Хвостова и озаглавлена «Андриянка».

В первой половине XIX века русские переводы из античной драматической поэзии появлялись редко. Из произведений, представленных в нашем томе, в это время вышли на русском языке, в частности, «Облака» Аристофана (в 1821 г., в переводе И. Муравьева-Апостола), «Антигона» Софокла (в 1846 г., в переводе Аи. Григорьева; еще раньше, в 1801 г., отрывки из «Антигоны» были переведены П. Львовым, а в 1825 г. — Д. Мерзляковым), отрывки на «Прометея Прокованного» Эсхила (1850 г., перевод Каролины Павловой).

В основном античная драматургия была переведена на русский язык во второй половине XIX и в начале XX века. Многие произведения появлялись в разных переводах на протяжении небольшого отрезка времени и даже почти одновременно. Так, в 1890 году

---

336 ***Ифигения*** *— дочь Агамемнона, которую Артемида спасла в Авлиде от смерти на алтаре, унеся девушку на облаке в Тавриду.*

337 ***Тривия*** *— «Находящаяся на распутье», эпитет Дианы-Гекаты, храмы которой строились на скрещениях дорог.*

«Прометей Прикованный» Эсхила вышел в суворинской «Дешевой библиотеке» в переводе В. Алексеева, а в первом номере «Вестника Европы» за 1891 год — в переводе Д. Мережковского. С небольшим разрывом во времени выходили также переводы из Еврипида Д. Мережковского и И. Анненского. Именно в этот период и увидели свет первые русские переводы большинства пьес, включенных в наш сборник.

Подробный перечень произведений античной драматургии на русском языке можно найти в двух справочниках:

1. П. Прозоров, «Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, изданных в России с XVII столетия по 1892 год, с прибавлением за 1893, 1894 и 1895 годы», изд. Императорской Академии наук, СПб, 1898.

2. А. Воронков, «Древняя Греция и древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895–1959 годы)», Изд-во АН СССР, М. 1961.

Дореволюционные переводы античной драматургии представлены в томе работами поэта Иннокентия Анненского (1856–1909) и режиссера Сергея Радлова (1892–1958). Остальные переводы сделаны в советское время.

Кроме новых, выполненных в 1967–1968 годах, переводов из Эсхила и Сенеки, в этом томе собраны переводы уже ранее публиковавшиеся. Тексты последних даны по следующим изданиям:

1. Софокл, Трагедии, Гослитиздат, М. 1954.
2. Еврипид, Трагедии. В двух томах, «Художественная литература», М. 1969.
3. Аристофан, Комедии. В двух томах, Гослитиздат, М, 1954.
4. Менандр, Комедии. Герод. Мимиамбы, «Художественная литература», М. 1964.
5. Плавт, Избранные комедии, «Художественная литература», М. 1967.
6. Теренций, Комедии, Academia, 1934.